944.08
H 353

947
.08
H
353

БИБЛІОТЕКИ А. А. БУЛЫГИНА.

Литеръ А
Разрядъ IV
№ 47

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач———— Зак. 32

14

Ко 2

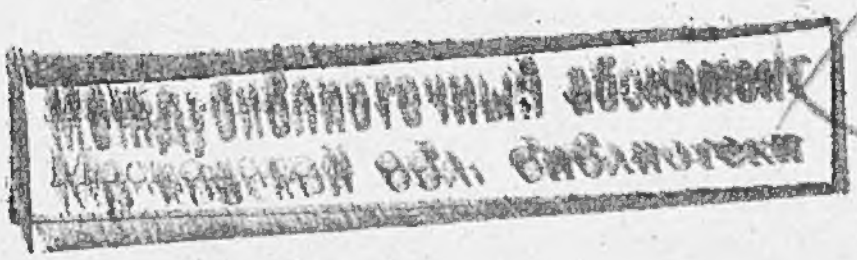
ЭК

НАЦІОНАЛИСТЫ

въ 3-ей Государственной Думѣ

3983
13

947.08
Н353



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каждая политическая партія для объясненія своихъ задачъ и способовъ проведенія ихъ въ жизнь издаетъ программу. Весьма часто въ программахъ, для привлеченія наибольшаго числа сторонниковъ, партіи помѣщаютъ самыя широкія обѣщанія. Обѣщать легко, но выполнить обѣщанія гораздо труднѣе.

Настоящій сборникъ имѣетъ своей цѣлью выяснить, какъ понимали націоналисты свою программу и какъ проводили ее въ жизнь, при обсужденіи различныхъ вопросовъ въ третьей Государственной Думѣ.

Не имѣя большинства въ Государственной Думѣ, націоналисты могли осуществлять свои предположенія лишь по стольку, по сколько имъ оказывали содѣйствіе ближайшія къ нимъ партіи. Работая, въ большинствѣ случаевъ, вмѣстѣ съ октябристами, націоналисты были заподозрѣны въ полномъ подчиненіи этой партіи.

Совѣтъ національной фракціи, для объясненія существующихъ между партіями отношеній, опубликовалъ въ газ. «Новое Время», отъ 21 марта 1910 г., слѣдующее заявленіе:

«Русская національная фракція, имѣя въ своихъ рядахъ девяносто членовъ Государственной Думы, т.-е. около одной пятой ея личнаго состава, не можетъ быть признана отвѣтственной за направленіе дѣлъ въ законодательномъ учрежденіи. Рѣшающее значеніе въ Государственной Думѣ имѣетъ только союзъ 17 октября, который, занимая центральное положеніе, можетъ вліять на то или другое направленіе вопроса, привлекая на свою сторону правое или лѣвое крыло народнаго представительства».

«Имѣя значительное сходство въ своихъ программахъ, русская національная фракція и союзъ 17 октября идутъ въ большинствѣ вопросовъ рука объ руку. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда предрѣшенное октябристами направленіе дѣла не соотвѣтствуетъ

программѣ націоналистовъ, послѣдніе имѣютъ своей задачей склонить октябристовъ къ иному разрѣшенію вопроса, а при неуспѣхѣ, не будучи связаны никакими постоянными соглашеніями съ своими сосѣдями, становятся на сторону ихъ противниковъ, подчеркивая ошибки октябристовъ».

«Во фракціи поднимался вопросъ, должны ли націоналисты и впредь поддерживать октябристовъ даже въ такомъ случаѣ, когда разрѣшеніе дѣла согласовано съ программой національной фракціи? Не лучше ли было бы разъ навсегда отказать своимъ сосѣдямъ въ поддержкѣ и, оставивъ ихъ въ изолированномъ положеніи, предоставить рѣшающее значеніе лѣвому крылу Государственной Думы съ цѣлью дискредитировать октябристовъ въ общественномъ мнѣніи? Иными словами это означало уничтожить всякую подуктивность работы 3-й Государственной Думы и содѣйствовать ея роспуску».

«Вопросъ этотъ до сего времени разрѣшался отрицательно, такъ какъ національная фракція имѣетъ своей главной задачей не внѣшнее торжество партіи, а постепенное осуществленіе идеаловъ данной программы на благо родины».

«Временныя пораженія фракціи до сихъ поръ не приносили существеннаго ущерба для русскаго національнаго дѣла. Частичныя уступки октябристовъ лѣвымъ своимъ теченіемъ не подрывали въ корнѣ продуктивную работу законодательнаго учрежденія. Наоборотъ, громадное большинство рѣшеній Государственной Думы составляютъ основу великой созидательной работы въ дѣлѣ обновленія русскаго государства, и русская національная фракція гордится тѣмъ, что не мало и ея трудовъ положено въ эту отвѣтственную работу».

«Но такое соотношеніе силъ въ Государственной Думѣ можетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока положительная работа Государственной Думы нарушается лишь незначительными уклоненіями отъ программы русской національной фракціи, легко исправимыми въ будущемъ. Если же лѣвое теченіе въ средѣ октябристовъ окажется преобладающимъ и это отразится на работѣ Государственной Думы, то вопросъ о поддержкѣ ихъ законодательной дѣятельности вообще будетъ немедленно подвергнутъ пересмотру».

Это заявленіе фракціи націоналистовъ и опредѣляло ихъ отношенія къ октябристамъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія можно усмотрѣть, какъ неоднократно націоналисты особыми заявленіями снимали съ себя отвѣтственность за неправильное, по ихъ мнѣнію, рѣшеніе Государственной Думы.

Сосѣдями націоналистовъ въ Государственной Думѣ, съ другой стороны, была фракція правыхъ. Въ религіозныхъ и національныхъ вопросахъ націоналисты неоднократно сходились съ правыми, но ихъ раздѣляла между собой разность взглядовъ на существо и задачи представительныхъ учрежденій.

Безусловно отрицательно націоналисты относились ко всѣмъ партіямъ, стоящимъ лѣвѣе октябристовъ.

Крайніе лѣвые, соціалисты и трудовики, и не скрывали, что Государственная Дума нужна имъ лишь, какъ трибуна, съ которой они возвѣщаютъ свои взгляды русскому, яко бы, народу. Они безусловно отрицали всякую производительную силу въ работѣ законодательныхъ учрежденій. По своей же крайней не культурности они и не могли бы оказать никакого содѣйствія въ созидательной работѣ Государственной Думы, если бы даже того пожелали.

Мусульманская группа, поляки и прогрессисты ничѣмъ не проявили своей самостоятельности за пять лѣтъ работы 3-й Государственной Думы и всецѣло шли на поводу у конституціонно-демократической партіи, переименованной въ партію народной свободы.

Была ли самостоятельна, наконецъ, и послѣдняя партія? Конечно, нѣтъ. Не скрывалъ этого и официозъ партіи газета «Рѣчь». Достаточно вспомнить, что еще въ 1907 г. (т.-е въ годъ выборовъ въ 3-ю Государственную Думу) въ № 6, отъ 7 января, газ. «Рѣчь», по вопросу объ отношеніи к.-д. къ другимъ партіямъ, откровенно заявила:

«Рѣчь, въ свое время совершенно точно указала условія соглашенія съ еврейской группой. По этому соглашенію группѣ предоставлено право отвода выборщиковъ и право возраженія противъ кандидатовъ въ Думу».

Такимъ образомъ никакой русской к.-д. партіи въ Государственной Думѣ нѣтъ. Состоятъ же тамъ представители еврейства, прошедшіе черезъ строгую цензуру союза еврейскаго равноправія.

Газета «Голосъ Москвы» въ текущемъ году напомнила газетѣ «Рѣчь» ея заявленія о подчиненіи еврейской группѣ и задала лукавый вопросъ: «Если равноправіе—такъ равноправіе. Почему же привилегіей отвода выборщиковъ и правомъ возраженія противъ кадетскихъ кандидатовъ пользуется одно еврейство, а другія національныя группы — поляки, нѣмцы, татары, бурята и т. д.—этихъ правъ лишены? Или у этихъ кошельки туже завязаны?»

Газ. «Рѣчь» (№ 48, 19 февраля 1912 г.) весьма цинично отвѣтила: «Никто не «лишалъ» никакія группы права входить въ предвыборныя соглашенія и *опредѣлять условія этихъ соглашеній».*

Такимъ образомъ, никакой инородческой группы к.-д. не отказываютъ въ правѣ цензуры своихъ кандидатовъ въ Государственную Думу, лишь бы подходили *условія соглашенія.*

Достаточно этихъ двухъ откровенныхъ заявленій, чтобы понять, какъ оцѣнивали к.-д. всѣ вопросы государственнаго значенія. Все, что съ еврейской точки зрѣнія почиталось вреднымъ,

все это встрѣчало безусловныхъ враговъ въ конституціонно-демократической партіи. Такая узкость взглядовъ и мѣшала к.-д. проводить свои общегосударственные идеалы, если таковые у нихъ имѣлись.

Вотъ почему самыми горячими противниками русскаго націонализма и выступали к.-д., полагая всѣ силы свои на борьбу съ вліяніемъ націоналистовъ въ Государственной Думѣ.

Эти краткія замѣчанія представляются необходимыми, чтобы понять всецѣло ту обстановку, въ которой пришлось работать націоналистамъ въ 3-й Государственной Думѣ.

Въ повременныхъ изданіяхъ націоналистовъ съ насмѣшкой называли «молчаливыми». Націоналисты не обижались этимъ прозвищемъ. Они не только сами выступали рѣдко на думскую трибуну, но, съ своей стороны, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы, по возможности, сокращать общія пренія, въ которыхъ участвовали представители другихъ партій. Центромъ обмѣна мнѣній, по ихъ убѣжденію, должны быть комиссіи, гдѣ и умѣстны самыя широкія и обстоятельныя обсужденія деталей дѣла. Думская же трибуна должна служить для выясненія лишь основныхъ, принципіальныхъ вопросовъ, для чего нѣтъ никакой надобности въ безконечныхъ рѣчахъ десятковъ ораторовъ.

Что дѣлали націоналисты въ комиссіяхъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: шесть націоналистовъ были предсѣдателями комиссій; девять—товарищами предсѣдателя; 7—секретарями и 4—товарищами секретаря. Членами комиссій націоналисты были: 1—въ 7 комиссіяхъ; 2—каждый въ 6 комиссіяхъ; 7—каждый въ 5 комиссіяхъ; 16—каждый въ 4 комиссіяхъ; 18—каждый въ 3 комиссіяхъ; 27—каждый въ 2 комиссіяхъ; остальные—членами одной комиссіи.

Работа націоналистовъ въ комиссіяхъ, конечно, не ограничивалась только участіемъ въ обсужденіи вопросовъ. Націоналисты представили въ общее собраніе Государственной Думы 365 докладовъ по различнымъ комиссіямъ, что и представляетъ внушительный вкладъ ихъ въ законодательную дѣятельность.

Всѣ вышеприведенныя цифры относятся къ началу пятой сессіи Государственной Думы, когда составлялся настоящій сборникъ, и такимъ образомъ въ немъ нѣтъ данныхъ о комиссіонной работѣ націоналистовъ за послѣднюю сессію Государственной Думы.

Единство и нераздѣльность Россійской Имперіи.

Основнымъ началомъ своей программы Всероссійскій Національный Союзъ ставитъ: *Единство и нераздѣльность Россійской Имперіи и огражденіе во всѣхъ ея частяхъ господства русской народности.*

Какъ понимали свое вѣрованіе націоналисты при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ въ Государственной Думѣ? Стояли ли они на позиціи оборонительной въ цѣляхъ охраненія русской государственности, или же стремились къ дѣйствіямъ наступательнымъ, желая путемъ насильственной руссификаціи вырвать съ корнемъ вѣковую исторію всѣхъ отдѣльныхъ націй, входящихъ въ составъ русскаго государства, стереть съ лица земли бытовыя особенности 109 народностей.

Эти вопросы были выяснены при обсужденіи отдѣльныхъ законопроектовъ. «Русскій народъ,—говорилъ Алексѣевъ по отношенію къ Польшѣ (I с., 2 ч., 2484 стр. [1]), никогда не позволитъ себѣ гасить духъ какой-нибудь національной идеи, какого-нибудь другого народа. Русскій народъ руководится принципомъ: живи и жить давай другимъ. Но русскій народъ, давая право каждому культурно опредѣляться, никогда, г.г., не позволитъ,

---

[1]) *Примѣчаніе.* Стенографическіе отчеты Государственной Думы, на которые здѣсь дѣлаются ссылки, издавались по сессіямъ; сессіи дѣлились на части. Цифры, отмѣченныя въ скобкахъ передъ выдержками изъ рѣчей ораторовъ, означаютъ: первая—наименованіе сессіи, вторая—части сессіи и послѣднія—страницы отчетовъ. Такимъ образомъ первая ссылка: (I с., 2 ч., 2484 стр.)—означаетъ: 1-я сессія, 2-я часть, 2484 страница.

чтобы съ нимъ говорили двумя языками—здѣсь (т.-е. въ Г. Думѣ) однимъ, а тамъ (т.-е. въ Польшѣ) другимъ... здѣсь самоопредѣленіе, а тамъ независимость».

Отвѣчая на рѣчи польскихъ представителей еп. Евлогій (I, 2, 2712) сказалъ: «Я, какъ патріотъ и націоналистъ, понимаю совершенно и даже, скажу, уважаю эту (т.-е. польскую) преданность національной идеѣ, это сильное движеніе національнаго чувства... Но бываютъ, г.г., такіе моменты или обстоятельства, когда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь, можетъ быть, несчастныхъ историческихъ условій здоровая національная идея извращается въ идею шовинистическую и когда, я скажу, здоровое также патріотическое національное чувство переходитъ какъ бы въ нѣкоторый психозъ. Тогда, конечно, трудно ожидать отъ носителей этой идеи, выразителей этого чувства спокойнаго и объективнаго отношенія и взгляда на окружающую дѣйствительность».

Выражая взгляды національной фракціи по поводу финляндскихъ запросовъ, Ветчининъ (I, 3, 395) заявилъ: «Фракція націоналистовъ отнюдь не хочетъ отнимать отъ Финляндіи тѣхъ правъ, которыми она пользуется согласно Основнымъ Законамъ; тѣмъ не менѣе она считаетъ нужнымъ разъ навсегда положить конецъ незаконнымъ стремленіямъ финляндцевъ къ расширенію правъ въ ущербъ интересамъ Имперіи». По тому же вопросу Ладомирскій сказалъ (I, 3, 624): «Совершенно не стремясь къ насильственной руссификаціи, мы все же не можемъ допустить государственной обособленности нашихъ окраинъ, чтобы наши окраины превратились въ союзныя того или другого типа государства».

Относясь, такимъ образомъ, безусловно отрицательно къ вырожденію націоналистическихъ идей, къ воплощенію ихъ въ шовинистическія стремленія, націоналисты однако никогда не становились на почву національнаго безразличія и съ самой суровой критикой относились къ дѣйствіямъ доморощенныхъ космополитовъ.

«Смѣхъ и шумъ», какъ значится въ стенограмѣ засѣданія Гос. Думы отъ 5 февраля 1909 г., т.-е. чувства глубокаго негодованія, вызвали слова лѣваго октябриста Каменскаго, говорившаго *по порученію фракціи* (II, 2, 1154): «Центръ съ большимъ вниманіемъ относится къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ національностей, *не исключая и русской* (смѣхъ, шумъ)».

Эта равнодушная сентенція была высказана по поводу кавказскаго запроса, при обсужденіи котораго, между прочимъ, выяснилось, что туземцы систематически истребляютъ русскихъ, что на 12.000 террористическихъ актовъ, совершенныхъ за 3 года революціи въ Имперіи, на Кавказѣ, по сообщенію въ Гос. Думѣ представителя Намѣстника, произошло такихъ пре-

ступленій 9.117, и главнымъ образомъ туземцами противъ русскихъ уроженцевъ.

Совершенно иначе отнеслись къ этому запросу націоналисты, такъ напр. Павловичъ (II, 2, 119—127), указывая на стремленіе кавказскихъ террористовъ возбудить панику среди лицъ русскаго происхожденія посягательствами на ихъ личность и имущество, спрашиваетъ: стояло ли кавказское начальство на надлежащей высотѣ, не оказалось ли оно негодной властью, которая во время террора бѣжитъ, теряетъ голову, или, что еще хуже, входитъ въ сдѣлку съ терроромъ. «Возьмемъ Пруссію,—говоритъ ораторъ, гдѣ существуютъ извѣстныя отношенія между нѣмцами и поляками, или Британскую Индію, гдѣ индусы ненавидятъ англичанъ. Представьте себѣ, напр., въ Познани, чтобы поляки стали убивать одного за другимъ членовъ какой-нибудь нѣмецкой патріотической организаціи, которыя тамъ существуютъ во множествѣ и дѣятельность которыхъ гораздо активнѣе, чѣмъ дѣятельность русскихъ патріотическихъ организацій. Смѣю васъ увѣрить, что въ Германіи это вызвало бы такой страшный взрывъ народнаго негодованія всѣхъ классовъ, всѣхъ политическихъ партій, начиная съ соціалъ-демократовъ (которые, къ слову сказать, совсѣмъ не похожи на нашихъ соціалъ-демократовъ),—такой страшный взрывъ народнаго негодованія, что власть, это допустившая, недѣли бы не осталась на мѣстѣ, сдала бы свои позиціи, не ожидая никакихъ указовъ, только подъ напоромъ народнаго негодованія. Или мыслимо ли, чтобы вице-король Индіи въ англійскомъ парламентѣ зарегистрировалъ сотни въ теченіе ряда лѣтъ убитыхъ англичанъ потому только, что ихъ политическія убѣжденія кореннымъ образомъ расходятся съ мнѣніемъ индусскихъ сепаратистовъ или соціалъ-революціонеровъ? Мыслимо ли, чтобы убивали японцевъ въ Кореѣ, какъ куропатокъ?» Далѣе ораторъ объясняетъ, что инертность кавказскаго начальства въ дѣлѣ защиты русскихъ государственныхъ интересовъ объясняется природными свойствами части русскаго людей: «Общество наше вообще и верхи его въ особенности потеряли чувство народной гордости, потеряли сознаніе своего національнаго достоинства. Наша политическая жизнь, вотъ уже скоро два вѣка, складывается такъ, что между высшимъ обществомъ и народомъ явилась глубокая, непроходимая пропасть, и эта отдѣлившаяся часть, не получая соковъ изъ народа, все болѣе теряетъ свой національный духъ. И благо, пусть бы это все являлось отличительнымъ признакомъ этого класса, но ужасъ въ томъ, что отличительный признакъ этого класса, *поставляющаго представителей власти*, перенесенъ въ ихъ дѣйствіяхъ на мѣста. Такимъ образомъ, получается, что тамъ, гдѣ происходятъ коллизіи между русскими

національными интересами и не русскими, тамъ всегда русскіе интересы оказываются побѣжденными, ибо они не находятъ себѣ защиты».

Говоря о русско-польскихъ отношеніяхъ, еп. Евлогій сказалъ (III, 2, 2948—2949): «Невольно мнѣ вспоминаются слова русскаго поэта: «широка натура русская»; а нашъ великій писатель Ѳ. М. Достоевскій эту широту доводилъ до всечеловѣчества. Но вотъ въ чемъ горе: наши эти широкіе русскіе люди, широкіе русскіе либералы, эти всечеловѣки, граждане не только Россіи, но и цѣлаго міра, въ своемъ широкомъ всеобъемлющемъ сердцѣ часто не оставляютъ даже скромнаго уголка для своего русскаго и родного. По этому случаю припоминается мнѣ разсказъ про одного такого либерала, который я слышалъ въ 1905 г., во время нашей смуты. Когда ему сказали о томъ, что Россія можетъ погибнуть отъ натиска инородцевъ, то онъ сказалъ: «что же пусть погибнетъ, но я буду гордъ сознаніемъ того, что она погибнетъ въ высокомъ подвигѣ самоотреченія». Самоотреченіе, конечно, въ личной жизни качество почтенное и высокое, но въ жизни государства оно является національнымъ самоубійствомъ. Вотъ и въ нашемъ, г.г., спорѣ наши либералы проявляютъ необыкновенное великодушіе къ чужимъ интересамъ; когда же заговоришь о своихъ кровныхъ интересахъ, то они проявляютъ тутъ удивительную близорукость. То, что вдали, они видятъ очень хорошо, то, что вблизи, что свое родное, русское, тутъ о нихъ можно сказать словами Писанія: они очи имѣютъ и не видятъ, уши имѣютъ и не слышатъ. О чужихъ дѣлахъ, когда говорятъ, напр., поляки о своихъ обидахъ, о своихъ непріятностяхъ, они быстро подхватываютъ эти рѣчи и трубятъ о нихъ на всѣхъ перекресткахъ, со всѣхъ трибунъ; а когда мы заговоримъ о несчастіяхъ русскаго народа, они говорятъ: все это преувеличено, это не доказано; тутъ они обуреваются духомъ сомнѣнія, недовѣрія».

По тому же вопросу Ладомирскій (II, 4, 2767—2768) заявилъ: «Оставляя, конечно, въ сторонѣ тѣ политическія партіи, которыя уже давно отдали себя служенію евреямъ и инородцамъ, лидеры которыхъ даже и ѣздятъ въ иноземныя государства съ спеціальной цѣлью распространять небылицы про Россію и обливать ее грязью, приходится признать, что даже извѣстная часть общества, на стойкость и твердость которой, казалось, можно бы расчитывать, что и эта часть общества, оказывается, тоже стала на этотъ же путь; тамъ мы также не видимъ ни проявленія національной гордости, ни проявленія національнаго чувства. Не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, въ одной очень распространенной вечерней газетѣ мнѣ пришлось прочесть мнѣніе одного виднаго общественнаго дѣятеля относительно какъ настоящаго законопроекта (о введеніи земства въ западномъ краѣ), такъ и законопроекта о выдѣленіи Холмщины. «Я лично думаю»,—говоритъ онъ,—

«что всѣ эти проекты являются брандерами, которые служатъ не для политическихъ цѣлей, пускаются опредѣленными кругами съ такою же цѣлью, какъ пускался вопросъ о штатахъ морского Генеральнаго Штаба». Г.г., 15 милліоновъ русскаго населенія Сѣверо и юго-Западнаго края не имѣютъ своихъ представителей въ Государственномъ Совѣтѣ, и, такимъ образомъ, лишены тѣхъ благъ, которыми пользуются всѣ инородцы: Но оказывается, что русскіе люди должны были молчать, такъ какъ, когда только они объ этомъ заговорили,—это оказывается «брандеры, пускаемые ради политиканства». Если бы Привислинскій край былъ представленъ въ Государственномъ Совѣтѣ одними русскими, представляю себѣ, какой вопль поднялъ бы этотъ общественный дѣятель со своими единомышленниками и поляками.

Русскимъ защищать свои нитересы оказывается строго воспрещено. Примѣръ мною приведенный—не единичный; къ сожалѣнію, мы наблюдаемъ въ послѣднее время въ этой части общества какое-то бездушное, безвольное слабосиліе, какую-то уступчивую трусливость передъ всякой наглостью, угодничество, скажу даже болѣе, приниженность передъ нашими врагами, которые стремятся насъ же, русскій народъ, низвести къ положенію подчиненной расы. Мы, наконецъ, наблюдаемъ, какъ эти русскіе люди, забывъ завѣты русской исторіи, сами, ради грошевой популярности, въ угоду и на радость евреямъ и инородцамъ продаютъ свою родину; продаютъ и то, чѣмъ всегда была сильна великая Русь—православную вѣру».

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ораторъ (III, 4, 872—873) говоритъ: «Наша интеллигенція почтительно снимаетъ шляпу передъ всѣмъ нерусскимъ и готова заискивать, заигрывать, расшаркиваться передъ всякимъ инородцемъ, какъ бы ни были наглы требованія послѣдняго, только потому, что онъ инородецъ, и наоборотъ—она будетъ чинить всякое препятствіе дѣлу, такъ только будетъ видно, что интересъ его есть русскій интересъ, что духъ его есть русскій духъ. Если вы думаете, г.г., что представителямъ этой интеллигенціи дѣйствительно дороги русскіе національные интересы, вы жестоко ошибаетесь: они готовы поступиться этими интересами, лишь бы сохранить лицо интеллигента, либерала-прогрессиста, ту маску, подъ которой очень часто скрывается и глубокое невѣжество и убогость мысли. Г. г., добродушіе и благожелательность, проявляемыя нами обыкновенно по отношенію къ инородцамъ, которые къ тому же отвѣчаютъ намъ на это худо скрываемымъ презрѣніемъ, качества, конечно, несомнѣнныя, но несомнѣнны они въ частной жизни, злоупотреблять же ими въ дѣлѣ государственномъ безразсудно. Мы, русскіе люди, особенно склонны къ такому базразсудству, и результаты таковы: *мы создали стремленіе къ національному обособленію*

даже у тѣхъ народовъ, которые никогда самостоятельной государственной жизнью не жили».

Такимъ образомъ, націоналисты совершенно ясно выразили свое отношеніе къ національному вопросу: съ одной стороны ими осуждаются извращенныя націоналистическія идеи,—шовинистическія стремленія, а съ другой стороны они относятся безусловно отрицательно и къ позиціи національнаго безразличія. Этими общими соображеніями націоналисты руководились и при обсужденіи въ Государственной Думѣ отдѣльныхъ вопросовъ законодательства и управленія по отношенію къ окраинамъ: Финляндіи, Польшѣ, Холмской Руси, Западному краю и Кавказу.

а) Финляндія.

Какимъ образомъ возникъ въ Государственной Думѣ вопросъ о Финляндіи? Было ли это шовинистическимъ стремленіемъ—уничтожить самобытность Великаго Княжества Финляндскаго, или же Государственная Дума стояла на оборонительной позиціи, оберегая интересы Имперіи отъ покушеній финляндскихъ сепаратистовъ? Исходнымъ моментомъ обсужденія финляндскихъ дѣлъ послужили два запроса Предсѣдателю Совѣта Министровъ, внесенные въ февралѣ 1908 г. октябристами: по поводу неисполненія финляндскими генералъ-губернаторомъ и министромъ-статсъ-секретаремъ требованія Высочайшаго указа 19 октября 1905 г. въ отношеніи порядка всеподданнѣйшихъ докладовъ, и націоналистами,—совмѣстно съ правыми:—по поводу мѣръ, принятыхъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ для побужденія финляндскаго генералъ-губернатора и мѣстныхъ властей къ огражденію государства отъ подготовлявшихся въ Финляндіи посягательствъ на государственный порядокъ и безопасность.

Въ запросѣ націоналистовъ и правыхъ указывается слѣдующій поводъ къ заявленію о незаконномѣрности властей: «Въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ были подготовлены многія преступленія, залившія Россію кровью за послѣднее время (убійство С.-Петербургскаго градоначальника фонъ-деръ Лауница, убійство начальника главнаго тюремнаго управленія Максимовскаго, ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, обнаруженное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ приготовленіе къ производству взрыва въ Государственномъ Совѣтѣ и др.); тамъ образовывались организаціи, ставившія себѣ цѣлью вооруженное возстаніе (красная гвардія, союзъ «Войма», организація по тайному провозу оружія и т. п.); въ Финляндіи же открыто находили убѣжище лица, виновныя въ террористическихъ дѣйствіяхъ и покушеніяхъ на

государственный строй Россіи (участники грабежа въ Фонарномъ переулкѣ, членъ Государственной Думы II-го созыва Озоль и членъ Государственной Думы I-го созыва Корнильевъ)».

«Все это творилось и творится, не вызывая противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей, которыя, однако, не могутъ не знать того, что вѣдомо всѣмъ. Естественно, поэтому, относиться съ довѣріемъ къ указаніямъ нѣкоторыхъ *финскихъ* газетъ, обвиняющихъ означенныя власти въ явномъ попустительствѣ преступленіямъ, направленнымъ противъ Россіи (Uusi Suometar, Uusi Aura, Michelin Suometar. и другіе за 1906 и 1907 г.г.)».

«Столь непормальное положеніе, являющееся угрозою безопасности государства и, въ частности, столицы Имперіи, могло установиться лишь на почвѣ послѣдовательно проводимой финляндскими юристами и значительною частью мѣстной печати и получившей въ Финляндіи широкое распространеніе теоріи о томъ, что существующія въ Великомъ Княжествѣ учрежденія созданы иключительно для обезпеченія потребностей края, что они въ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ независимы отъ центральнаго правительства и не обязаны сообразовываться съ требованіями общей государственной политики, ни обслуживать интересы Россіи вообще».

«Приведенный взглядъ представляется, однако, противорѣчащимъ прямому смыслу закона, ибо по силѣ основныхъ государственныхъ законовъ (ст. 8) Финляндія, хотя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства, тѣмъ не менѣе составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства».

Такимъ образомъ изъ текста запроса становится совершенно яснымъ, что перчатку вызова бросили финляндскіе политиканы, ослѣпленные безнаказанностью своихъ первыхъ преступленій, и Государственная Дума остановила ихъ путь по наклонной плоскости къ вооруженному столкновенію съ Россіей. Своевременно принятыя мѣры заставили опомниться финляндскихъ сепаратистовъ.

При обсужденіи указанныхъ запросовъ націоналисты высказывали соображенія, соотвѣтствующія ихъ спокойной, но твердой позиціи огражденія интересовъ русской государственности. Такъ напр. Ладомирскій (I, 3, 619—625) сказалъ: «Какъ это ни прискорбно, мы видимъ, что есть русскіе люди, которые считаютъ совершенно излишней заботу о сохраненіи завоеванной земли, какъ и вообще заботу о сохраненіи того, что создавалось и собиралось въ продолженіе многихъ столѣтій, которые съ преступнымъ равнодушіемъ, а нѣкоторые даже съ поощреніемъ относятся къ той работѣ финляндскихъ сепаратистовъ,—этихъ противниковъ идеи единой государственности между

Имперіей и Княжествомъ, конечная цѣль которой—достиженіе полной обособленности Финляндіи отъ Россіи».

Сдѣлавъ историческій обзоръ успѣховъ сепаратистовъ, ораторъ, въ отвѣтъ на защиту оппозиціи политики невмѣшательства, закончилъ свою рѣчь такъ: «Мы не сторонники той благодушно-добродушной политики уступокъ, которая въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что Россіи приходится вторично отвоевывать земли уже покоренныя; мы не отравлены ядомъ космополитизма; мы не можемъ признать допустимымъ, чтобы финляндцы шли по тому пути, по котрому ихъ ведутъ ихъ вожаки, не стѣсняющіеся заявлять, что Финляндія составляетъ государство съ широкой внутренней автономіей,—совершенно независимую отъ Имперіи законодательную и административную область, съ собственными учрежденіями для выполненія законодательныхъ функцій. Мы должны твердо сказать, чтобы былъ положенъ предѣлъ этому безнаказанному злоупотребленію терпѣніемъ могучей Имперіи и неслыханному глумленію надъ ея національнымъ достоинствомъ. Совершенно не стремясь къ насильственной руссификаціи, мы все же не можемъ допустить государственной обособленности нашихъ окраинъ... Мы не можемъ допустить, чтобы русскіе люди на нашихъ окраинахъ были неполноправны. Мы должны напомнить финляндцамъ, какъ вообще многимъ инородцамъ, что земля завоеванная, земля, изъ-за котрой проливалась русская кровь, есть русская земля».

Другой ораторъ Ветчининъ (I, 3, 388—395)у казалъ на цѣлый рядъ злоупотребленій министровъ-статсъ-секретарей Финляндіи, которые путемъ тайныхъ всеподданѣйшихъ докладовъ испрашивали Высочайшія повелѣнія, клонившіяся къ расширенію правъ Финляндіи въ ущербъ интересамъ Имперіи. Эти государственные люди не останавливались передъ прямымъ обманомъ Монарха и русскихъ министровъ, посягая на права Верховной Власти и Имперіи. Ораторъ въ качествѣ примѣровъ приводитъ: возвращеніе Финляндіи чисто русской области — Выборгской губерніи, запрещеніе русскимъ вступать въ финскія войска, присвоеніе 14 параграфамъ устава о воинской повинности характера основныхъ законовъ Финляндіи, утвержданіе уголовнаго уложенія для Финляндіи, въ силу коего, напр., снятіе пленовъ крѣпостей безъ разрѣшенія приравнивалось къ ловлѣ раковъ въ чужихъ водахъ и паказывалось одинаково штрафомъ въ 200 марокъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ, и т. п. Наконецъ, во время революціи, когда Россія, залитая кровью, переживала самыя мрачныя минуты, когда правительство, растерявшись, упустило бразды правленія изъ своихъ рукъ и передало почти своими руками мирныхъ жителей въ руки революціонеровъ,—въ это тяжелое время министръ-статсъ-секретарь Финляніди, пользуясь ужасными

событіями, поторопился испросить Высочайшія повелѣнія, давно желательныя финляндскимъ сепаратистамъ. «Кому же, какъ не намъ, народнымъ представителямъ, заканчиваетъ ораторъ, надлежитъ рѣшить, катиться ли намъ дальше внизъ на салазкахъ, управляемыхъ Лео Мехелиномъ, или же имѣть мужество сказать по-Кутузовски: «Теперь ни шагу далѣе». Кому же, какъ не намъ, предстоитъ ясно и опредѣленно заявить, что мы не допустимъ, чтобы наши окраины обратились въ союзныя того или другого типа государства; кому же, какъ не намъ надлежитъ озаботиться, чтобы наши окраины не смотрѣли, какъ волки въ лѣсъ, выражаясь словами Екатерины... Фракція ожидаетъ, что правительство внесетъ въ ближайшемъ будущемъ законопроектъ, въ которомъ будутъ урегулированы отношенія державныхъ правъ Имперіи къ мѣстнымъ интересамъ нераздѣльной съ нею Финляндіи».

Такъ опредѣлилъ ораторъ и одну изъ конечныхъ цѣлей запроса—устранить въ будущемъ возможность подобныхъ злоупотребленій, восполнивъ путемъ законодательства недостатки и неясности юридической конструкціи взаимныхъ отношеній Имперіи съ Финляндіей, что и должно было повлечь за собой въ будущемъ подчиненіе финляндскихъ интересовъ общеимперскимъ, съ прекращеніемъ разъ навсегда преступной дѣятельности финляндскихъ властей.

Это ожиданіе націоналистовъ получило осуществленіе. Правительство внесло законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Для обсужденія этого законопроекта была избрана особая комиссія, предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ націоналистъ Крупенскій и секретаремъ также націоналистъ Ладомирскій.

Комиссія, изслѣдовавъ всю исторію взаимныхъ отношеній Имперіи и Финляндіи, пришла къ заключенію, что притязанія финляндскихъ сепаратистовъ на право самостоятельнаго изданія законовъ общегосударственнаго значенія рѣшительно ни на чемъ не основаны; наоборотъ всѣ монархи издавали законы не только въ порядкѣ мѣстнаго законодательства, но и въ общеимперскомъ порядкѣ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, и эти законы признавались обязательными и для Финляндіи. Этотъ смѣшанный порядокъ и далъ возможность финляндскимъ сепаратистамъ отстаивать первенство мѣстныхъ интересовъ передъ общегосударственными. Съ измѣненіемъ законодательнаго строя Имперіи сохраненіе подобнаго смѣшаннаго порядка законодательства представляется недопустимымъ. Въ виду этихъ соображеній комиссія и признала правительственный законопроектъ вполнѣ пріемлемымъ, внеся въ него лишь небольшія измѣненія, не имѣющія принципіальнаго значенія. Такимъ образомъ было установлено два законода-

тельныхъ порядка для Финляндіи: общій, т. е. при участіи Государственнаго Совѣта и Думы, съ истребованіемъ лишь заключенія сейма,—по вопросамъ относящимся не къ однимъ только внутреннимъ дѣламъ Финляндіи, и особый—для внутреннихъ дѣлъ края. Къ предметамъ общаго законодательнаго порядка отнесены, кромѣ основныхъ законовъ и другихъ, изданныхъ ранѣе въ общемъ порядкѣ, также слѣдующіе вопросы: участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ, военныя повинности, права русскихъ гражданъ, употребленіе въ Финляндіи государственнаго языка, основныя начала управленія, права имперскихъ учрежденій, судебная часть, программы преподаванія, правила о собраніяхъ, союзахъ, обществахъ, печати, таможенная часть, охрана привилегій, право литературной и художественной собственности, денежная система, почтовыя учрежденія, воздухоплаваніе, пути сообщенія, мореплаваніе, лоцманская и маячная части и права иностранцевъ.

Все же, что касается однихъ только внутреннихъ дѣлъ края, все это осталось предметомъ особаго для Финляндіи законодательства. Такимъ образомъ, широкая область чисто хозяйственнаго самоуправленія осталась всецѣло въ рукахъ финляндцевъ.

Эти основныя положенія и отстаивались націоналистами въ Государственной Думѣ.

Вслѣдъ затѣмъ правительствомъ былъ внесенъ и другой законопроектъ о предоставленіи всѣхъ правъ финляндскихъ гражданъ въ Финляндіи и русскимъ уроженцамъ. Конечно, и этотъ проектъ встрѣтилъ полное сочувствіе націоналистовъ, такъ какъ, наконецъ, канула въ вѣчность вопіющая несправедливость—законы объ ограниченіи правъ господствующей націи въ подчиненной области. Однако, націоналисты понимали, что одно изданіе новаго закона не знаменуетъ собою полнаго переворота правового положенія русскихъ въ Финляндіи. Вся предшествующая дѣятельность финскихъ властей свидѣтельствуетъ о нежеланіи ихъ подчиниться новому порядку въ Финляндіи, а потому націоналисты не только поддерживали предположенія правительства объ установленіи особыхъ уголовныхъ каръ за несоблюденіе новаго закона и о подвѣдомственности такихъ дѣлъ не финляндскимъ судамъ, а русскимъ С.-Петербургскимъ судебнымъ установленіямъ, но содѣйствовали еще большему расширенію области примѣненія этого способа огражденія силы закона.

Изданіе этихъ законовъ, а также и о возложеніи на Финляндію платежа 15 милліоновъ рублей взамѣнъ отбыванія воинской повинности, вызвало въ краѣ броженіе, принявшее весьма рѣзкія формы. Націоналисты внесли по этому поводу запросъ.

Половцовъ объяснилъ слѣдующее (V—I, 624—629): «Мы, подписавшіе настоящій запросъ, просимъ признать его спѣшнымъ. Это наше желаніе опредѣляется тѣмъ, что тревожныя въ началѣ извѣстія о состояніи и настроеніи умовъ въ Финляндіи становятся съ каждымъ днемъ все тревожнѣе и тревожнѣе. Если вначалѣ финляндцы ограничивались тѣмъ, что наносили оскорбленія русскимъ священникамъ, русскимъ торговцамъ, дѣлали невозможной жизнь для финляндскихъ же гражданъ, сочувствующимъ русскимъ государственнымъ началамъ, то съ теченіемъ времени безнаказанность этихъ преступныхъ выступленій повлекла за собой все болѣе и болѣе повышенное настроеніе финляндскихъ шовинистовъ. Вы знаете, гг., что оскорбленіе русской святыни дошло до послѣднихъ предѣловъ въ Финляндіи. Такъ, въ газетѣ «Новое Время», № 12676, изложено слѣдующее кощунственное преступленіе финляндцевъ. Дѣло въ томъ, что около Валаамской обители расположены рыбныя ловли, принадлежащія этому монастырю. Финляндскіе рыбаки неоднократно нарушали права собственности монастыря и ловили рыбу въ мѣстахъ, для нихъ запрещенныхъ. Валаамская обитель долго терпѣла эти незаконныя дѣйствія, и въ концѣ концовъ виновные были привлечены къ отвѣтственности; тогда эти рыбаки отомстили Валаамской обители. Вотъ въ чемъ заключалась эта месть: въ послѣднихъ числахъ августа финны разгромили часовню на принадлежащемъ монастырю островѣ Сосновцѣ. Всѣ окна часовни были перебиты, стѣны часовни, служившія святотатцамъ, очевидно, мишенью, покрыты дробью, вся внутренность часовни разгромлена, всѣ находящіяся въ ней образа Богоматери, св. Сергія и св. Германа и другихъ изрѣзаны въ куски, на образѣ св. Сергія выколоты глаза, на образѣ св. Германа изрѣзано ножами лицо, а образъ Богоматери весь исцарапанъ и у находящагося у Нея на рукахъ Предвѣчнаго Младенца вырѣзано чрево. О случившемся отецъ игуменъ сообщилъ своевременно сердобольскому ленсману, который не замедлилъ увѣдомить, что въ настоящее время святотатцевъ разыскать невозможно. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ освѣдомительнымъ бюро, мы знаемъ, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ провѣрилъ эти извѣстія, и они оказались совершенно вѣрными.

Дальнѣйшія событія развернулись съ еще большей яркостью. Финскіе шовинисты, для которыхъ безнаказанно прошло нападеніе на беззащитныхъ русскихъ священниковъ и русскихъ торговцевъ, ободрились этой безнаказанностью, и дальнѣйшія ихъ дѣйствія уже сосредоточились на элементахъ болѣе сильныхъ. Въ своемъ запросѣ мы приводимъ свѣдѣнія изъ финляндской соціалъ-демократической газеты «Tyomies» № 108, въ которой описано слѣдующее событіе: «Командиромъ минпаго судна «Волга» подана властямъ жалоба по поводу избіенія на набережной Гельсингфорскаго порта толпой

13983

финновъ машиниста и матроса «Волги». Кто-то изъ напавшихъ ранилъ машиниста холоднымъ оружіемъ, спрятаннымъ въ палкѣ». Старофинская газета «Uusi Aura», № 124, пишетъ, что «комендантъ г. Гельсингфорса, въ виду часто повторяющихся инцидентовъ между публикой и выставленными у дворца генералъ-губернатора часовыми, вошелъ съ ходатайствомъ, чтобы тротуаръ былъ расширенъ на одинъ метръ и чтобы за часовыми была поставлена ограждающая ихъ рѣшетка вышиной въ одинъ метръ. Затѣмъ дальнѣйшія свѣдѣнія сообщаютъ, что эти отдѣльные случаи не являются единичными. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ оскорбительномъ отношеніи финляндцевъ къ русскимъ войскамъ.

Что же дѣлала русская власть для того, чтобы уничтожить подобныя преступныя дѣянія? Изъ старофинской газеты, только что приведенной, мы видимъ, что военная власть приняла, между прочимъ, слѣдующія мѣры: часовые генералъ-губернаторскаго дома окружаются рѣшеткой для огражденія ихъ отъ публики. Для меня, какъ не военнаго, а статскаго человѣка, подобное мѣропріятіе казалось нелѣпостью. Мнѣ думалось, что часовые для того и поставлены, чтобы что-нибудь или кого-нибудь охранять. Мнѣ думалось, что часовой—это вооруженный солдатъ, способный отразить нападеніе. Я хотѣлъ провѣрить мои соображенія по законамъ, я развернулъ уставъ гарнизонной службы и въ ст. 48 нашелъ слѣдующее указаніе: «часовой есть лицо неприкосновенное». Ст. 153 разрѣшаетъ часовому употреблять оружіе, между прочимъ, и для защиты самого себя.

И вотъ мнѣ казалось, что разъ существуетъ подобный законъ, то насмѣшкой надъ этими законами звучало бы распоряженіе объ охраненіи самого часового. Мнѣ думалось, что у часового есть оружіе для защиты не только самого себя, но и того пространства, или того лица, которое онъ обязанъ охранять; мнѣ казалось, что часовой, который не въ состояніи охранять не только назначенное для его охраны, но и самого себя, это не часовой, а кукла, недостойная носить мундиръ русскаго солдата. Мнѣ казалось, что подобное военное начальство, которое не разъясняетъ часовымъ ихъ обязанностей, подлежитъ само отвѣтственности. И вотъ мнѣ думается, что та рѣшетка, о которой говоритъ «Уузи-Аура», пригодилась бы, но только для другой цѣли: за эту рѣшетку слѣдуетъ посадить то начальство, которое такимъ образомъ обсуждаетъ права и обязанности часового.

Я справился съ русскими законами, какъ трактуютъ они преступленія, направленныя противъ часовыхъ. Въ Уложеніи о Наказаніяхъ въ ст. 286[1] я нахожу, что виновные въ оскорбленіи часовыхъ подвергаются, въ зависимости отъ сопровождающихъ обстоятельствъ, или заключенію въ тюрьмѣ отъ четырехъ мѣсяцевъ безъ лишенія правъ, или заключенію въ тюрьмѣ отъ

восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ съ лишеніемъ особыхъ правъ; что касается явнаго нападенія на часового, то виновные въ подобномъ тяжкомъ преступленіи караются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, г.г., вы видите, что по русскимъ законамъ преступленія, совершенныя финляндскими шовинистами, являются чрезвычайно тяжкими, но между тѣмъ эти тяжкія преступленія остаются безнаказными, преступленіе господствуетъ, и мы повторяемъ опять то, что мы говорили раньше: если въ государствѣ господствуетъ преступленіе, государство обязано эти преступленія уничтожить, иначе преступленія задушатъ государство.

Полная безнаказанность подобныхъ преступныхъ дѣяній повлекла за собой еще болѣе тяжкія преступленія финляндскихъ шовинистовъ. Цѣлый рядъ газетныхъ извѣстій свидѣтельствуетъ намъ уже объ активномъ выступленіи мѣстныхъ мятежниковъ. Особенно обострились отношенія эти и особенно усилились преступныя дѣянія, начиная съ сентября мѣсяца текущаго года. Такъ, въ № 12745 «Новаго Времени» сообщается объ обстрѣлѣ въ Выборгѣ часового, охраняющаго интендантскіе склады. Когда на отвѣтные выстрѣлы часового явился военный дозоръ, то онъ точно также былъ обстрѣленъ злоумышленниками; въ № 12747 помѣщено извѣстіе объ обстрѣлѣ казармъ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка; въ № 12762—сообщается объ обстрѣлѣ часовыхъ на укрѣпленіяхъ Сорваль-Саари и Лино-Саари, а также объ обстрѣлѣ команды 7-го финляндскаго полка, возвращавшейся со стрѣльбища.

Г.г., въ своемъ запросѣ мы указываемъ, что эти извѣстія до сихъ поръ не опровергнуты, несмотря на чрезвычайно тревожный ихъ характеръ. Мы полагаемъ, что подобная безнаказанность и въ дальнѣйшемъ можетъ повести къ чрезвычайно тяжелымъ послѣдствіямъ. Мы сами были уже свидѣтелями годовъ, предшествовавшихъ развитію революціоннаго движенія въ Финляндіи. Мы видѣли, какъ въ то время начальство не обращало вниманіе на тревожные признаки, наблюдавшіеся тогда. Г.г., еще болѣе тяжкій примѣръ даетъ намъ исторія въ прошломъ. Вспомните мятежи въ Польшѣ, вспомните, какъ тамъ этимъ мятежамъ предшествовали совершенно такія же событія, которыя мы въ настоящее время наблюдаемъ въ Финляндіи; тѣ же оскорбленія священниковъ, плевки, посылавшіеся имъ вслѣдъ и въ лицо, оскорбленія должностныхъ лицъ—все это для людей благоразумныхъ казалось тревожными признаками, но на нихъ не обращали вниманія. Эти тревожные признаки переродились въ болѣе тяжкія преступленія, точно также проявились случаи дерзостныхъ нападеній на отдѣльныя части русской арміи, но это не послужило достаточнымъ предупрежденіемъ. Вспомните,

гг., также, что вѣдь значительная часть польскаго общества была спокойна; они являлись зрителями,—спокойными, равнодушными зрителями борьбы между польскими мятежниками и русскимъ правительствомъ. И когда престижъ власти палъ, когда достоинство русскаго оружія было унижено, тогда и эти спокойные до того времени слои польскаго общества присоединились къ мятежнымъ бандамъ.

Точно то же самое мы наблюдаемъ въ Финляндіи въ настоящее время, и мы предупреждаемъ русское правительство, чтобы оно обратило вниманіе на эти тревожные признаки. Если въ настоящее время власть въ Финляндіи не снабжена достаточными полномочіями, то отъ военнаго министра зависитъ исходатайствовать расширеніе этихъ полномочій вплоть до введенія военнаго положенія. Гг., съ подобными мятежными проявленіями шутить нельзя. Если еще и въ настоящее время въ Финляндіи мы наблюдаемъ значительную часть спокойнаго населенія, то въ будущемъ мы этого не увидимъ, ибо финляндскіе мятежники не даютъ жить тѣмъ финляндцамъ, которые желаютъ остаться лояльными; волей-неволей, силой ихъ заставятъ втянуться въ это мятежное броженіе.

Г.г., непредусмотрительность власти можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ тяжкія преступленія. Мы призываемъ власть исполнить свой долгъ, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ. Финляндія завоевана силой русскаго оружія, это завоеваніе стоило колоссальныхъ жертвъ со стороны Россіи, было пролито море крови, край былъ опустошенъ, русская казна была истощена; и вотъ, когда шведо-русская война окончилась благополучно, когда Финляндія путемъ тяжкихъ жертвъ была завоевана, тогда одинъ изъ полководцевъ сказалъ: мы завоевали вамъ Финляндію, сохраните ее. Съ этими словами мы обращаемся и къ русскому правительству».

б) Польша.

Невѣроятныя по своей дерзости выступленія польскихъ представителей въ 1-й и 2-й Государственныхъ Думахъ не встрѣчали надлежащаго отпора со стороны русскихъ законодателей, истинныхъ представителей народа, какъ они себя величали. Дикія выходки поляковъ противъ русской государственности сопровождались шумнымъ одобреніемъ большинства, а нелѣпыя до очевидности клеветы на русскія власти съ радостью принимались на вѣру. Совершенно въ иномъ положеніи оказались польскіе представители въ 3-й Государственной Думѣ, гдѣ имъ пришлось встрѣтиться съ такими знатоками русско-польскихъ отношеній, какъ представитель отъ Холмской

Руси еп. Евлогій, отъ русскаго населенія г. Варшавы Алексѣевъ, отъ западныхъ губерній,—Балашевъ, Шульгинъ, Чихачевъ, Ладомирскій, Потоцкій, Гижицкій и др., или какъ спеціально посвятившій себя изученію этого вопроса графъ Бобринскій 2-й. Польскія легенды объ обидахъ, объ угнетеніяхъ, объ ужасахъ, о насильственной руссификаціи разлетались какъ дымъ на глазахъ 3-й Государственной Думы подъ давленіемъ обоснованныхъ фактически доводовъ націоналистовъ. И въ яркихъ краскахъ выступала истинная картина польскаго сепаратизма и безпощаднаго угнетенія русскаго «быдла», стоящаго въ экономической зависимости отъ польскаго пана.

Знаменательно то, что для опроверженія польскихъ измышленій націоналисты неоднократно пользовались свидѣтельствами самихъ же поляковъ. Этотъ пріемъ такъ раздражалъ послѣднихъ, что они печатно протестовали противъ такого способа борьбы, ссылаясь на недопустимость выносить на общественный судъ мнѣнія, высказываемыя ими только для своихъ и въ своей средѣ. Могъ ли бы дойти до такого нелѣпаго вывода кто-нибудь другой, кромѣ самовлюбленнаго поляка?

Какъ въ извѣстной части русской печати, такъ и въ средѣ русскаго общества господствуетъ убѣжденіе, что руководители польскаго общественнаго мнѣнія отказались не только отъ идеи о возстановленіи независимаго польскаго государства «отъ моря и до моря», но, якобы, въ свое понятіе объ автономіи они влагаютъ мысль не о государственной обособленности, а культурно-національномъ возрожденіи польской народности. При этомъ сторонники этого взгляда ссылаются, между прочимъ, и на рѣчи польскихъ депутатовъ въ 3-й Государственной Думѣ, проводящія, якобы, идеи примиренія.

Націоналисты держатся иного взгляда на вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ. Еп. Евлогій (I, 2, 2713—2714) говоритъ: «Великодушный русскій народъ, конечно, забылъ, можетъ быть и простилъ эти великія преступленія противъ Россіи со стороны Польши—возстанія 1831 и 1863 гг. Посмотримъ же, наступило ли примиреніе теперь? Самое послѣднее время сдѣлались ли они, эти руководители общественнымъ мнѣніемъ, искренними друзьями Россіи, протягиваютъ ли они Россіи братскую руку? Можетъ быть, конечно, есть, и я знаю, что есть отдѣльныя теченія въ польской печати, въ польскомъ общественномъ мнѣніи, дружественныя Россіи, но они, къ сожалѣнію, тонутъ совершенно въ общей массѣ тѣхъ шовинистическихъ выпадовъ, которыми наполнена польская печать. Поэтому даже самые гуманные, самые благожелательные русскіе администраторы, пріѣзжавшіе въ Царство Польское съ самыми добрыми намѣреніями, должны были потомъ совершенно мѣнять свою политику; и вообще подмѣчено такое явленіе: чѣмъ гуманнѣе

была русская власть, тѣмъ больше было претензій со стороны поляковъ и тѣмъ сильнѣе были наши разочарованія. Въ этомъ отношеніи я упомяну князя Имеретинскаго, имя котораго не разъ упоминалось съ этой трибуны. Онъ пріѣхалъ съ такимъ предубѣжденіемъ противъ насъ, русскихъ, съ предвзятою мыслью, что мы тамъ тѣснимъ, человѣконенавистничаемъ и т. д., онъ съ открытой душой пошелъ навстрѣчу всѣмъ желаніямъ польскаго общества и до такой степени, что его въ шутку въ русскихъ кругахъ называли даже «польскимъ крулемъ»,—и въ концѣ своего правленія онъ долженъ былъ рѣзко измѣнить направленіе своей политики. И вотъ, господа, это-то односторонпее, неправильное освѣщеніе политики, эта политика, скажу, одноглазая, однобокая, она, будучи неправильна и вредна, пока она въ слояхъ интеллигентныхъ, когда переходитъ въ народъ, она заражаетъ народъ духомъ фанатизма и нетерпимости. Дѣйствительно, трудолюбивый и добрый польскій народъ—онъ хорошій народъ, честный, и никогда не питалъ въ себѣ враждебныхъ чувствъ по отношенію къ русской власти и русскому народу; но вѣдь такими рѣчами, такою печатью можно, дѣйствительно, и этому доброму народу привить чувства фанатизма и ненависти; и не знаю, на кого падетъ отвѣтственность за то, если эти чувства охватятъ его сильнымъ пожаромъ и если они вызовутъ репрессіи русскаго правительства».

Что касается идеи примиренія, звучащей якобы въ рѣчахъ польскихъ депутатовъ, то такое мнѣніе едва ли обосновано. Такъ, бывшій предсѣдатель польскаго кола въ Государственной Думѣ Дмовскій, въ своей политической рѣчи по поводу бюджета Министерства Внутреннихъ дѣлъ, говоря о настроеніи въ Польшѣ, опредѣлилъ его такъ (I, 2, 2438): «Населеніе края представляетъ обособленный организмъ, особую націю, при томъ націю, которая въ продолженіе длиннаго періода стремилась отвоевать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ, пока не убѣдилась, что *при существующихъ условіяхъ* эта борьба ведетъ ее только къ разоренію». Тотъ же Дмовскій, по свидѣтельству Алексѣева, основанному на польскихъ источникахъ, неоспоренныхъ никѣмъ въ Государственной Думѣ, передъ своими избирателями говорилъ болѣе ясно (I, 1, 417—418): «Сокровенныя мечты польскихъ политиковъ измѣниться не могутъ». Обвиняя депутатовъ польскихъ краевъ, т. е. депутатовъ изъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, Дмовскій говорилъ: «Вы думаете, что автономія есть терминъ; нѣтъ, для насъ не терминъ, а основное, нормальное начало всей нашей политики... Польское коло ни въ коемъ случаѣ не отказалось, да и не можетъ никогда отказаться отъ автономіи... Автономія есть не больше, не меньше, какъ этапъ къ самостоятельности Польши». Наконецъ, тотъ же Дмовскій, какъ цитировалъ Алексѣевъ (I, 2, 2479—2480), выступая на страницахъ печати, указывалъ: «Полякъ,

какъ политическій терминъ, долженъ обозначать человѣка, который признаетъ своей традиціей независимость Польши и который соединяется съ другими въ стремленіи возобновить эту традицію путемъ объединенія народа и пріобрѣтенія политической независимости. Тотъ, который иначе думаетъ, думаетъ не по-польски».

Такъ разсуждалъ о русско-польскихъ отношеніяхъ Дмовскій. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что Дмовскій былъ предсѣдателемъ польскаго кола, а кромѣ того его мнѣнія не только не опровергались другими поляками, но нѣкоторые изъ нихъ выражались еще болѣе опредѣленно. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Алексѣева (I,2,480), другой членъ Государственной Думы Наконечный произнесъ рѣчь у гроба извѣстнаго польскаго шовиниста Поплавскаго, въ которой, между прочимъ, отъ имени польскихъ крестьянъ высказалъ слѣдующее: «Можетъ быть долго будемъ ждать, пока другой, какъ ты, встанетъ и снова насъ изъ деревни позоветъ на службу матери-отчизнѣ. Но вотъ что скажи духовнымъ твоимъ преемникамъ, что сердца мужицкія всегда одинаковы и всегда во имя Божіе пойдутъ, какъ идутъ въ костелъ, когда на нихъ колокола призывно зазвучатъ». Не менѣе опредѣленно говорили и печатные польскіе органы (Алексѣевъ, тамъ же), такъ, напримѣръ, «Всепольское Обозрѣніе»: «Наше общество должно знать, что его народная борьба—это борьба на жизнь и смерть, что въ ней нѣтъ помилованія, нѣтъ капитуляціи на выгодныхъ условіяхъ, что въ ней можно только побѣдить или погибнуть».

Итакъ, польскіе политиканы не отказывались отъ идеи не только польской автономіи, но и проповѣдывали необходимость возстановленія независимости польскаго государства. Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ, по ихъ мнѣнію, только отъ благопріятнаго момента, а при существующихъ условіяхъ борьба съ оружіемъ въ рукахъ, по свидѣтельству Дмовскаго, была бы только разорительна.

Но, если нельзя бороться оружіемъ физическимъ, то къ услугамъ политикановъ всегда готово другое оружіе—духовное. Это послѣднее и было использовано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вслѣдствіе великаго національнаго преступленія прежняго русскаго правительства, въ составъ Царства Польскаго была включена чисто русская, издревле православная область—Холмскій Край. Когда въ силу указа 17-го апрѣля 1905 года была объявлена широкая вѣротерпимость, поляки, какъ извѣстно, использовали этотъ указъ совершенно въ обратномъ его смыслу направленіи. До изданія указа переходъ изъ православія въ иныя исповѣданія былъ воспрещенъ, а потому польскіе ксендзы въ Холмской Руси поневолѣ должны были мириться съ православіемъ русскаго мѣстнаго крестьянства. Но лишь только указъ былъ

изданъ, противъ русскаго крестьянства былъ объявленъ самый жестокій походъ. Тяжкія картины страшныхъ угнетеній и мукъ несчастнаго холмскаго народа рисовалъ передъ Государственной Думой единственный представитель края еп. Евлогій. Польское духовенство, въ своей невѣроятной злобѣ противъ православія и русской народности, не ставило себѣ никакихъ границъ въ пропагандѣ католицизма, не признавло никакихъ нравственныхъ принциповъ въ религіозной борьбѣ.

Тычининъ (III,2,1949) приводитъ мнѣніе о польскомъ духовенствѣ совершенно незаинтересованнаго католическаго ученаго Аврелія Пальміэри, состоящаго библіотекаремъ папской библіотеки. Вотъ что говорилъ Пальміэри въ написанномъ въ 1908 году своемъ сочиненіи «Русская церковь, ея современное состояніе и ея доктринальная реформа»: «Польскій клиръ ненавидитъ еретическую и схизматическую Россію, какъ своего наслѣдственнаго врага, и не хочетъ съ нею даже знакомиться. Эта руссофобія обнаруживается различными путями: поляки преувеличиваютъ недостатки русскихъ, высмѣиваютъ ихъ самые почтенные обычая, ихъ иконы, ихъ обряды, ихъ литургическія книги; они стараются углубить какъ можно больше пропасть между схизматиками и католиками; они отрицаютъ дѣйствительность русскаго священства и таинствъ, совершаемыхъ послѣдними. Польскіе священники высокомѣрны и фанатичны. Съ ихъ точки зрѣнія, проповѣдь и исповѣдь на русскомъ языкѣ равноспильна отказу отъ католичества. Католическій священникъ, изучающій русскій языкъ, подозрѣвается въ схизмѣ. Польская интеллигенція пришла бы въ ужасъ, если бы такой священникъ сталъ говорить по-русски. Въ свою очередь, и русскіе относятся со старымъ недовѣріемъ къ полякамъ. Въ своей пропагандѣ польскій клиръ преслѣдуетъ болѣе политическія цѣли. Католичество для него—это только орудіе полонизма».

Эта ненависть польскаго духовенства къ русской народности объясняется, между прочимъ, и своеобразнымъ его воспитаніемъ, получаемымъ на средства русской казны. Тотъ же Тычининъ (III,2,2027—2031), указывая на Виленскую и Тельшевскую римско-католическія духовныя семинаріи, говоритъ: «Первое, что обращаетъ вниманіе въ организаціи этихъ семинарій, это то, что они носятъ несомнѣнно характеръ полонизованный: преподавателями тамъ поляки; тамъ преобладаетъ польскій языкъ; затѣмъ, самый строй ихъ походитъ болѣе на іезуитскій, на схоластическій, и тамъ именно питомцы воспитываются въ вѣроисповѣдной нетерпимости и прямо въ ненависти къ москалямъ, какъ они называютъ русскихъ. Вотъ почему, напримѣръ, въ извѣстномъ польскомъ возстаніи въ 1863 году мы встрѣчаемъ въ переднихъ рядахъ бойцовъ цѣлый рядъ воспитанниковъ семинарій и затѣмъ не менѣе 500,

какъ это установлено, ксендзовъ, т. е. духовныхъ лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Имѣя въ виду такой характеръ и направленіе дѣятельности римско-католическихъ семинарій, я и полагаю, что нужно принять мѣры къ ихъ реформѣ. Заслуживаетъ вниманія общая постановка въ римско-католическихъ семинаріяхъ учебнаго дѣла и воспитанія. Система воспитанія тамъ односторонняя, узко-національная, въ польскомъ направленіи и узко-религіозная, именно ультромонтанская. Судить о постановкѣ и о направленіи обученія, конечно, можно только по оффиціальнымъ учебникамъ. И вотъ два ихъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Вы увидите, чему по этимъ учебникамъ обучаются воспитанники римско-католическихъ семинарій. Вотъ учебникъ по нравственному богословію іезуита Гури: «Compendium Theologiae moralis» и учебникъ по каноническому праву еп. Айхнера, подъ названіемъ «Compendium juris ecclesiastici». Это оффиціальные учебники, и я долженъ сказать, что въ первомъ учебникѣ преподается вообще нравственность не общехристіанская, а іезуитская, которая допускаетъ разнаго рода оговорки, двусмысленности, послабленія. Я прочту вамъ, г.г., выдержки изъ этихъ учебниковъ въ свободномъ изложеніи. Напримѣръ: о клятвѣ говорится, что не клянется тотъ, который произноситъ клятву тономъ повѣствовательнымъ, не тономъ воззваній, что опредѣляется намѣреніемъ говорящаго, не клянется тотъ, который произноситъ клятву по требованію, съ умственной оговоркой. При клятвѣ рекомендуется сообразоваться съ условіями современной жизни и въ затруднительныхъ случаяхъ за разъясненіемъ недоразумѣній обращаться къ ксендзу, который по учебнику является высшимъ судьей и учителемъ нравственности. Учебникъ разрѣшаетъ не очень заботиться о возстановленіи честнаго имени оклеветаннаго человѣка, если не требуютъ этого обстоятельства, что предоставляется усмотрѣнію диффаматора. Въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ строжайше воспрещается всякое общеніе съ схизматиками. Тяжко грѣшатъ,—проповѣдуетъ Гури,—родители, которые посылаютъ дѣтей въ школы еретическія или нечестивыя, или отдаютъ для изученія человѣческихъ знаній учителю еретику или нечестивому. Учебникъ нравственности признаетъ обязательными всѣ законы римско-католической церкви, хотя бы они были не разрѣшены гражданской властью. Солдатамъ разрѣшается дезертировать съ поля сраженія и не сражаться, если война будетъ несправедливая. Всѣ эти правила морали не соотвѣтствуютъ интересамъ русскаго государства».

«Теперь обратимся къ каноникѣ, которая преподается въ римско-католическихъ семинаріяхъ. Нужно сказать, что по уставу преподаваніе каноническаго права въ семинаріяхъ не полагается, но тѣмъ не менѣе оно введено

епархіальною властью, а между тѣмъ это каноническое право заимствуетъ свое содержаніе изъ буллъ и постановленій римскихъ папъ и римско-католическихъ помѣстныхъ соборовъ, которые вовсе необязательны для русскаго государства. Чему же учитъ это каноническое право? А вотъ извольте слушать. По учебнику, который я цитировалъ (читаетъ): «Церковная власть въ церковныхъ вопросахъ вполнѣ независима отъ свѣтской власти;—она свободно можетъ распространять римско-католическую вѣру среди схизматиковъ и невѣрныхъ, назначать въ разныя государства своихъ епископовъ. Было бы величайшимъ святотатствомъ, если бы міряниnъ коснулся распорядка римско-католическаго богослуженія. Величайшимъ беззаконіемъ было бы также, если бы Государь претендовалъ на право надзора за дѣятельностью клира. Гражданское правительство не имѣетъ права уничтожать существующіе монастыри и вмѣшиваться въ назначенія священниковъ, равно и вмѣшиваться въ преподаваніе ксендзомъ закона Божія въ школахъ, въ церковный судъ. Свѣтская власть не имѣетъ никакого права распоряжаться имуществами церкви: секуляризація ихъ не только грабежъ, но и святотатство. Священники обязываются не допускать своихъ пасомыхъ вступать въ бракъ съ не-католиками, а съ вступающихъ въ смѣшанный бракъ обязаны брать подписку, что они постараются объ обращеніи въ католичество своихъ супругъ или супруговъ не-католиковъ. На римско-католическомъ кладбищѣ не должно быть мѣста иновѣрцу. Приносить безкровную жертву за не-католиковъ нельзя, даже и за умершаго Государя, ибо это значило бы молиться о его душѣ».

Эта странная постановка подготовленія римско-католическихъ духовныхъ лицъ, по мнѣнію оратора, не должна имѣть мѣста въ будущемъ, а потому онъ и предложилъ Государственной Думѣ принять слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Обращая вниманіе правительства на ненормальную постановку и направленіе учебно-воспитательнаго дѣла въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ и на отсутствіе правильнаго государственнаго надзора за ними, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Эта формула большинствомъ голосовъ лѣвыхъ октябристовъ и оппозиціи была отклонена.

Между тѣмъ развѣ не на русской государственной власти лежитъ обязанность надзора надъ учебными заведеніями, содержащимися на средства русской казны? Кромѣ того вѣдь польское духовенство получаетъ и содержаніе отъ казны, и содержаніе весьма значительное, что вмѣстѣ съ доходами польскаго клира обезпечиваетъ его гораздо выше, чѣмъ русское духовенство. По этому поводу еп. Евлогій (I,2,2716) высказалъ слѣдующее: «Я не пойду

по слѣдамъ депутата Царства Польскаго, который не такъ еще давно отказался вотировать за содержаніе православнаго духовенства въ Холмской епархіи. Напротивъ, я дамъ свой голосъ за всю ту сумму, которая предназначена правительствомъ для содержанія католическаго духовенства Царства Польскаго, но я скажу одно, что матеріальное обезпеченіе польскаго католическаго духовенства представляется нашему бѣдному многосемейному русскому духовенству недосягаемой мечтой, далекой еще отъ осуществленія».

Тотъ же ораторъ (III,2,2951), указывая на общее благодушное отношеніе русскаго правительства къ католической церкви, сослался на непререкаемый для католиковъ авторитетъ главы западной церкви: «Въ 1894 г. папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ польскимъ епископамъ признаетъ положеніе католичества въ Россіи совершенно удовлетворительнымъ и совѣтуетъ имъ дорожить этимъ положеніемъ и не вмѣшиваться въ политику».

Этому совѣту своего верховнаго главы польское католичество не послѣдовало. Кромѣ упорной борьбы противъ русской государственности и русской народности, ксендзы считали для себя враждебнымъ все, что противорѣчило идеямъ полонизаціи. Достаточно было литовцамъ сдѣлать попытки къ возрожденію своихъ національныхъ идей, какъ польскій клиръ рѣшительно противосталъ этому справедливому желанію и боролся съ своей литовской паствой непозволительными средствами, чѣмъ и вызвалъ жалобы литовцевъ, направленныя управляющему римско-католической епархіей, въ которыхъ указывалось, что католическое духовенство ведетъ «неподобающую духовному сану политическую грязную агитацію» (Тычининъ, III,2,1950).

Еще въ болѣе рѣзкой формѣ католическое духовенство повело борьбу противъ новой секты маріавитовъ, отказавшихся отъ политическихъ пріемовъ польскихъ ксендзовъ. Тотъ же Тычининъ (III,2, 1951—1953) приводитъ выдержки изъ журнала «Mariavita». «Когда маріавиты ясно выразили свои отношенія къ іерархіи католической, считая ее элементомъ, дѣлающимъ невозможнымъ нравственное возрожденіе, все польское духовенство, съ епископами во главѣ, поднялось потушить новое движеніе. Они сначала употребили противъ насъ, какъ оружіе, всякаго рода клевету съ церковныхъ каѳедръ, въ исповѣдальняхъ и печати. Но эти средства, однако, не имѣли желательныхъ результатовъ; народъ тѣмъ сильнѣе оставался при насъ. Тогда епископы рѣшили объѣзжать епархіи, предполагая подѣйствовать блескомъ на народныя массы. И вотъ, въ епархіяхъ Плоцкой, Люблинской и Варшавской начались епископскія визитаціи, при которыхъ спеціально избранные проповѣдники обличали наше разъединеніе съ епископами и грозили вѣчнымъ осужденіемъ каждому, кто пересталъ быть въ единеніи съ епи-

скопомъ. Чуть ли не самыя характерныя визитаціи были въ епископіи Варшавской. Тутъ апостольскую дѣятельность взялъ на себя епископъ-суфраганъ Рушкевичъ, отправившійся съ этой цѣлью въ приходы деканата Бржезинскаго, Петроковской губ., какъ въ «очаги ереси». По пути онъ нѣсколько остановился въ приходѣ Дмосинъ. Тутъ мѣстный настоятель приготовилъ для епископа свиту, составленную изъ всадниковъ и нѣсколькихъ сотъ прихожанъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ножами, палицами и колами съ воткнутыми на одномъ концѣ желѣзными остріями. Кромѣ того, дмосинскій настоятель собралъ окрестныхъ жителей, которые должны были сопутствовать епископу, «несущему лозу мира и любви къ заблудшимъ». Окруженный такой толпой и бандой вооруженныхъ, епископъ Рушкевичъ двинулся далѣе въ путь и 23 февраля 1906 г. прибылъ въ Несулково. Прихожане Несулкова, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ, всѣ приняли маріавитизмъ. Они не вышли епископу навстрѣчу и даже заперлись въ своихъ домахъ, боясь нападенія со стороны вооруженной свиты. Во всей деревнѣ не было видно никого, словно она вымерла. Епископъ со своими проповѣдниками вошелъ въ костелъ, гдѣ было лишь нѣсколько человѣкъ, совершилъ богослуженіе и отправился въ приходъ Добржинскій, тоже почти сплошь маріавитскій. Тогда вооруженные католики напали на деревню Новостаны, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и бросились на поиски въ сельскихъ жилищахъ. Они особенно обыскали и разграбили домъ Франца Лучака, ища его брата Людовика, горячаго сторонника маріавитизма. Обыскавъ его, они пошли далѣе, пригрозивъ жителямъ Новостанъ поджогомъ и смертью, если они не вернутся въ католицизмъ. Между тѣмъ, епископъ со своей вооруженной свитой пріѣхалъ въ дер. Добрую и подошелъ къ костелу. Маріавиты тутъ заперли ворота и двери кладбища, гдѣ находился костелъ, собрались въ костелѣ и забарикадировали извнутри двери, а сами предались молитвѣ, надѣясь этимъ путемъ избѣгнуть встрѣчи съ епископомъ. Но случилось иное. Ксендзы, окружавшіе епископа, приказали тѣмъ изъ свиты, которые были вооружены палками съ желѣзными остріями, выломать ворота, что и было сдѣлано. Тогда епископъ съ вооруженной бандой вошелъ на кладбище и приблизился къ костелу. Затѣмъ ксендзъ Заганчикъ, деканъ Бржезинскій, приказалъ свитѣ епископа выломать двери костела, а другіе ксендзы совѣтовали взобраться въ костелъ черезъ окно: съ этой цѣлью было приказано выбить стекла. Все такъ и было сдѣлано: двери сломаны, всѣ окна выбили. И затѣмъ торжественно вошелъ въ храмъ епископъ Рушкевичъ, окруженный бандою, вооруженною револьверами и желѣзными прутами. Ксендзы, бывшіе съ нимъ, занялись «удаленіемъ ереси изъ дома Божьяго». Начали поэтому бить и выгонять маріавитовъ изъ костела. При этомъ одинъ изъ ксендзовъ крикнулъ: «бить до крови;

когда будетъ кровь, то костелъ запечатаютъ». Началось избіеніе парода: «Правовѣрные» ксендзы, смѣшавшись со свитой епископа, били народъ по лицу и головѣ. Ксендзъ Заганчикъ желѣзнымъ крестомъ ударилъ и ранилъ до крови Яна Бандровича, ремесленника изъ сосѣдняго мчк. Стрыкова. Ксендзъ Альфонсъ Трепковскій, настоятель изъ Бенткова, приказалъ бить женщинъ-маріавитокъ, послалъ на хоры нѣсколькихъ «защитниковъ вѣры» испортить органы и бить скрывавшихся тамъ женщинъ. Одну изъ нихъ, Маріанну Серадзскую, избили палками и сбросили внизъ съ хоръ въ костелъ. Это творилось до тѣхъ поръ, пока не выгнали изъ костела большинство маріавитовъ. Затѣмъ они учинили еще цѣлое кощунство».

Вышеуказанная дѣятельность польской шляхты, упорная борьба за полонизацію, проводимая польскимъ духовенствомъ, рисуютъ весьма печальную картину отношенія поляковъ къ Россіи. Казалось бы, потеряна всякая надежда на успокоеніе Польши, на органическое сліяніе двухъ славянскихъ народностей. Націоналисты, однако, не держатся такого пессимистическаго взгляда на будущее. Вѣдь, кромѣ шляхты и духовенства, есть еще польскій народъ. Правда, представитель и польскаго крестьянства въ Государственной Думѣ Наконечный, какъ было выше приведено, далъ обѣщаніе поддержать даже какъ будто бунтъ въ Польшѣ, когда позовутъ на службу матери-отчизнѣ. Но подобное заявленіе нельзя считать выраженіемъ чувствъ всего польскаго крестьянства, потому что, съ одной стороны, исторія показала, какъ неохотно шли крестьяне въ ряды польскихъ повстанцевъ во времена мятежей, а съ другой стороны, самъ Наконечный, происходя дѣйствительно изъ крестьянъ, ни по роду своей прежней дѣятельности, ни по своей жизни,—не имѣетъ никакого отношенія къ крестьянству. Хотя Наконечный и носитъ весьма демонстративно національный костюмъ польскаго крестьянина, тѣмъ не менѣе въ Государственной Думѣ господствуетъ общее мнѣніе, что это только маскарадъ, бьющій на эффектъ.

Еп. Евлогій, по пастырской своей дѣятельности, близко знакомый съ настроеніемъ польскихъ круговъ, держится совершенно иного взгляда на простой польскій народъ. Возражая на рѣчь польскаго депутата Жуковскаго, еп. Евлогій (III, 2,2958—2960) говоритъ: «Смѣю увѣрить и его (т.-е. Жуковскаго), и всѣхъ почтенныхъ польскихъ депутатовъ, и Государственную Думу, что у меня нѣтъ никакого основанія питать какія-нибудь враждебныя чувства по отношенію къ честному, доброму трудолюбивому польскому народу; напротивъ, его добрыя качества, его благочестіе, его богобоязненность внушали мнѣ всегда истинную симпатію. Я думаю, что и польскій народъ не смотритъ на меня, какъ на своего врага. И у меня есть документальныя данныя, изъ которыхъ видно, что онъ относится ко мнѣ съ полнымъ

довѣріемъ; много разъ польскіе крестьяне приходили ко мнѣ со своими нуждами, съ просьбами походатайствовать, похлопотать о нихъ въ разныхъ учрежденіяхъ. Вотъ еще недавно я получилъ, совсѣмъ на дняхъ, какъ бы къ этому случаю, очень любопытный документъ—прошеніе польскихъ крестьянъ, который я позволю себѣ огласить (Голосъ слѣва: не надо; голосъ справа: просимъ). Прихожане одного католическаго прихода Люблинской губерніи... (Голосъ слѣва: кончайте). Я скоро кончу... пишутъ мнѣ (читаетъ): «Усиленно просимъ прощенія, что безпокоимъ ваше преосвященство своимъ прошеніемъ, но крайность заставляетъ насъ искать всякихъ путей, лишь бы только найти справедливость. Между тѣмъ, мы увѣрены, что у вашего преосвященства мы найдемъ эту справедливость. Мы, бѣдные польскіе посельяне, страшно страдаемъ, благодаря тому, что наши ксендзы въ настоящее время слишкомъ своевольны и притѣсняютъ насъ, какъ имъ вздумается, и если продолжится это долго, то мы, бѣдняки, не въ состояніи даже будемъ платить податей, потому что уже и теперь они ухитряются послѣднюю скотину вывести изъ сарая. Вотъ что у насъ въ Б. приходѣ творится уже въ теченіе четырехъ лѣтъ,—съ того времени, какъ къ намъ былъ назначенъ ксендзъ Н. Онъ вначалѣ составилъ реестръ моргового владѣнія каждаго хозяина и приказалъ, чтобы ему давали одну десятину, которую «москаль» уничтожилъ, какъ говорилъ онъ съ церковнаго амвона. Затѣмъ онъ назначилъ пеню по 30 коп. съ морга; установивъ церковно-католическій налогъ, сталъ записывать прихожанъ, которые должны были платить по 50 коп. съ каждаго въ отдѣльности. На всѣ эти притѣсненія и отбиранія у насъ послѣдней копѣйки мы обращались съ жалобой къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ результатѣ чего было слѣдствіе. Но такъ какъ мы опасаемся, ибо ни намъ, ни свидѣтелямъ не позволено было подписываться, хотя все, что было писано въ жалобѣ, каждое слово послѣдней было подтверждено свидѣтелями,—въ виду всего этого мы просимъ ваше преосвященство вникнуть въ это дѣло и посодѣйствовать торжеству правды; мы, крестьяне польской земли, желаемъ, чтобы могущество Россіи росло и чтобы Господь помогъ ей во всѣхъ ея предначертаніяхъ. Вѣдь только наши ксендзы жаждутъ упадка ея могущества, ибо имъ самимъ хочется господства... Итакъ, просимъ милостиваго вниманія къ нашей жалобѣ и просьбѣ, а мы будемъ благодарны за это вашему преосвященству». Вотъ это письмо я только что получилъ, и депутата Жуковскаго и его единомышленниковъ я просилъ бы задуматься надъ этимъ документомъ. Можетъ быть, они ищутъ враговъ польскаго народа не тамъ, гдѣ это имъ кажется. И я вамъ скажу, г.г., пусть хранитъ меня Господь отъ ненависти къ кому бы то ни было и, въ частности, къ польскому народу, но противъ вождей этого народа, которые заражаютъ его шовинизмомъ, прививa-

ютъ ему чувства человѣконенавистничества, которые натравливаютъ его на все русское, православное, противъ этихъ вредныхъ руководителей польскаго народа, которые являются врагами нашей родины и нашего народа, я считаю долгомъ вести борьбу, хотя бы они укрывались подъ сводами католическихъ костеловъ. И при томъ борьба моя, г.г., борьба не наступательная, а только оборонительная, направленная лишь въ защиту и охраненіе моей многострадальной паствы, которая до сихъ поръ терзается и расхищщается волками-хищниками. И напрасно депутатъ Жуковскій видитъ оскорбленіе и обиду своего національнаго сознанія въ томъ, что есть проявленіе естественнаго и законнаго чувства самосохраненія и самообороны».

О несогласіи міровоззрѣній польскаго народа вообще съ стремленіями его шляхты и духовенства свидѣтельствовали неоднократно и другіе члены Государственной Думы. Вотъ почему націоналисты, отрицательно относясь къ идеямъ о политической автономіи Царства Польскаго, тѣмъ не менѣе не считали возможнымъ тормозить успѣхи хозяйственной и культурной самодѣятельности польскаго народа, а потому вполнѣ присоединялись къ мысли о желательности введенія самоуправленія въ краѣ. Такъ, напримѣръ, гр. Бобринскій 2-й (I, 2,2506—2707) говорилъ: «Неоднократно мы во второй Государственной Думѣ, часто даже и въ этой Думѣ говорили членамъ польскаго коло: «Господа, мы сознаемъ трудное положеніе, въ которомъ находится Царство Польское, надо что-нибудь найти, мы увѣрены, что много тамъ совершается злоупотребленій. Давайте изыскивать средства, чтобы помочь, давайте попробуемъ примѣнить въ Царствѣ Польскомъ мѣстное самоуправленіе, которое несомнѣнно у насъ въ Россіи много дѣлаетъ для искорененія злоупотребленій бюрократіи... И что же мы всегда слышимъ? «Не надо намъ самоуправленія, намъ только надо автономію, мы помиримся только на автономіи». И говорили это намъ, когда отлично знали, что мы никогда на автономіи помириться не можемъ. И говорили намъ: «либо автономія, либо ничего. Польша можетъ ждать». Такъ, если Польша можетъ ждать, господа, если вы не хотите идти намъ навстрѣчу, если вы предпочитаете идти, чтобы выразиться парламентски, въ кильватерѣ кадетской партіи, то пеняйте на себя и не бросайте тутъ правительству и намъ упрековъ въ томъ, что все то, что дѣлается въ Царствѣ Польскомъ, это есть результатъ давленія и желанія русскихъ во что бы то ни стало согнуть въ баранiй рогъ Польшу и лишить польскій народъ національнаго самоопредѣленія. И пусть знаютъ въ Царствѣ Польскомъ, что если вы считаете, что Польша можетъ ждать, мы говоримъ: Россія ждать не можетъ и вопреки намъ ждите автономіи сколько хотите, но вопреки вамъ намъ придется взять быка за рога, намъ придется хотя бы однимъ изучить, въ чемъ тутъ бѣда, въ чемъ корень зла, и

намъ надо будетъ найти какія-нибудь средства для исцѣленія этой болѣзни, и если наши средства будутъ плохи, такъ какъ мы не будемъ имѣть вашего содѣйствія, то ужъ не вините насъ, а мы сдѣлаемъ то, что наша совѣсть и нашъ умъ намъ говорятъ».

По этимъ соображеніямъ, когда правительство внесло представленіе въ Государственную Думу о введеніи городского самоуправленія въ краѣ, національности вполнѣ поддерживали это мѣропріятіе, какъ безусловно полезное для польскихъ интересовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, національности никогда не забывали о необходимости соблюденія интересовъ какъ русской народности, такъ и русской государственности. Вотъ почему, содѣйствуя предоставленію Польшѣ хозяйственнаго самоуправленія, національности требовали предварительнаго выдѣленія изъ предѣловъ Ц. Польскаго исконно русскаго и православнаго края—Холмщины, съ образованіемъ изъ нея особой русской губерніи, безъ подчиненія ея Варшавскому генералъ-губернаторству. Національности въ этомъ отношеніи вполнѣ понимали, что польское самоуправленіе не преминетъ использовать свои полномочія въ цѣляхъ окончательной полонизаціи остатковъ русской народности.

Точно также національности предусматривали и другія опасности, а именно: истекающія изъ предоставленія полякамъ всѣхъ правъ русскихъ подданныхъ. А потому, когда въ Государственной Думѣ заходила рѣчь объ отмѣнѣ ограниченій для поляковъ при поступленіи на государственную службу въ Польшѣ, національности высказывались безусловно отрицательно по отношенію къ такимъ предположеніямъ. Для нихъ было несомнѣннымъ, что введеніе самоуправленія въ Ц. Польскомъ возможно лишь при строгомъ надзорѣ правительственныхъ органовъ за дѣятельностью земскихъ и городскихъ учрежденій. Если же и правительственныя учрежденія попадутъ въ руки поляковъ, очевидно, что вопросъ объ автономіи перейдетъ изъ области мечтаній въ область факта, чему и даны были повторныя доказательства предшествующей исторіей края. Вотъ почему, когда польскій депутатъ Дымша предложилъ Государственной Думѣ принять формулу перехода, выражающую пожеланіе объ отмѣнѣ ограниченій для поляковъ при поступленіи въ Ц. Польскомъ на службу по судебному вѣдомству,—Алексѣевъ (II,2,2954—2955) сказалъ: «Гг., вникните въ эту формулу, переведите слова и идеи на реальную почву, и передъ вами не замедлитъ выясниться со всей жизненной правдой реальный результатъ. Въ случаѣ принятія даннаго пожеланія польскаго коло, не пройдетъ и самаго незначительнаго промежутка времени, какъ суды въ Царствѣ Польскомъ изъ общеимперскихъ государственныхъ безусловно обратятся въ польскіе суды по своему составу. Между тѣмъ, чины

судебнаго вѣдомства польскаго происхожденія занимаютъ должности въ центральной Россіи, и польская молодежь, конечно, не откажется отъ своихъ мѣстъ, не откажется отъ того, чтобы занимать должности и въ русскихъ судахъ центральной Россіи. И такимъ образомъ, въ результатѣ Министерство очутилось бы въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ очутилось теперь, напримѣръ, Министерство Путей Сообщенія, и будетъ наблюдаться пропорціональное отношеніе, но обратно-пропорціональное общей численности польской и русской народности, и весь русскій народъ попадетъ въ услуженіе и подъ ярмо польской національности, польской интеллигенціи. Слѣдовательно гг., вы видите, что въ данномъ случаѣ дѣло не идетъ о нарушеніи справедливости по отношенію къ польской народности, справедливость не нарушена. Въ случаѣ принятія формулы дѣло шло бы о нарушеніи справедливости, но съ польской стороны; дѣло шло бы объ особо привилегированномъ положеніи лицъ польскаго происхожденія въ Россійской Имперіи, и такимъ образомъ была бы нарушена самая элементарная справедливость, самый принципъ равенства національностей. И я поэтому, гг., отъ имени моихъ политическихъ единомышленниковъ высказываюсь противъ данной формулы перехода и просилъ бы Государственную Думу вотировать противъ нея».

Формула Дымши была отвергнута Государственной Думой.

Польскій публицистъ Жванъ утверждаетъ, что около 2 мил. поляковъ служатъ въ Центральной Россіи. Какія же цѣли и какія задачи преслѣдуютъ эти слуги отечества? По этому поводу Тычининъ (I, 1,505) привелъ небезинтересныя данныя, основанныя на польскихъ же источникахъ: «Въ газетѣ «Курьеръ Поранній» приводятся слѣдующія слова депутата Дмовскаго: «наше польское движеніе имѣетъ своимъ основаніемъ историческую рознь Польши съ Россіей, а наша конечная цѣль—оттолкнуть Россію отъ себя». Какими же способами поляки пользуются въ своей политикѣ, чтобы достигнуть результатовъ, т. е. отдѣленія Польши отъ Россіи? А вотъ это разъяснятъ намъ польская газета, тотъ же самый «Курьеръ Поранній», но изъ рѣчи другого оратора: «цѣлые милліоны должностей и служебныхъ положеній по всей Россіи въ польскихъ рукахъ. *Съ этихъ постовъ мы ослабили Россію*».

Коротко и ясно.

в) Холмская Русь.

Колоссальныхъ трудовъ стоило національстамъ проведеніе законопроекта о выдѣленіи Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго. Всѣ мѣры обструкціи были использованы поляками для систематической борьбы съ за-

конопроектомъ. Наконецъ, по счастію, беззастѣнчивость польскихъ пріемовъ воздѣйствовала даже на добродушныхъ октябристовъ; они вышли изъ терпѣнія и законъ былъ проведенъ.

Докладчикомъ по законопроекту былъ націоналистъ Чихачевъ, которому и пришлось вынести на своихъ плечахъ огромную работу по отысканію и приведенію въ порядокъ невѣроятно громоздкаго матеріала. Его докладъ представляетъ собою громадный томъ въ 426 стр. Краткое извлеченіе изъ его доклада, представленное имъ въ засѣданіи общаго собранія, съ большой ясностью характеризуетъ какъ исторію, такъ и современное положеніе этого края, а потому оно и приводится полностью.

Чихачевъ объяснилъ слѣдующее (V, 1, 2591—2608): Комиссія по направленію законодательныхъ предположеній представляетъ на ваше благоусмотрѣніе докладъ свой по правительственному проекту о выдѣленіи изъ состава Царства Польскаго восточныхъ мѣстностей Люблинской и Сѣдлецкой губ. Эти восточныя мѣстности Люблинской и Сѣдлецкой губ. на обычномъ языкѣ называются Холмщиной и Подляшьемъ. Прежде всего приходится отвѣтить на вопросъ, что же такое эта Холмщина и Подляшье, которыя выдѣляются въ особую Холмскую губ. Я не буду, конечно, входить въ детали этого вопроса и совѣтую интересующимся обратиться къ докладчику комиссіи по направленію законодательныхъ предположеній; я коснусь лишь общихъ положеній и конечныхъ выводовъ. Если мы обратимся къ прошлому этого края, то мы усмотримъ прежде всего, что во время еще Владиміра Святого этотъ край уже принадлежалъ къ русскимъ владѣніямъ. Послѣ блестящей эпохи Даніила Галицкаго, въ XIV столѣтіи начинаются войны изъ-за такъ называемаго галицкаго наслѣдства, и мы видимъ, что въ 1377 г. часть интересующаго насъ края, именно Холмскій и Белзскій удѣлы отходятъ къ Польшѣ. Холмщина отдѣляется отъ Подляшья, судьбы ихъ дѣлаются разныя, Владимірская, Луцкая, Берестейская обл. отходятъ къ Литвѣ, и окончательно Холмщина теряетъ свою политическую независимость въ 1462 г. Въ 1569 г. въ силу Люблинской уніи между Литвой и Польшей вмѣстѣ съ Волынью и Кіевомъ Подляшье передается во владѣніе Польши; такимъ образомъ, въ 1569 г. уже обѣ эти части отходятъ къ короннымъ польскимъ владѣніямъ. Каковы были административныя границы въ то время? Эти административныя границы сохранились въ неприкосновенности до эпохи раздѣловъ бывшей Рѣчи Посполитой. Южная часть интересующаго насъ края, такъ называемая Холмщина, составляла русское воеводство—такъ оно официально называлось. Русское воеводство состояло изъ трехъ земель: Львовской, Галицкой и Холмской, при чемъ Холмская земля переходила на ту сторону Буга, на теперешній

Волынскій берегъ, и тутъ мы видимъ, что въ Холмскомъ повѣтѣ по ту сторону Буга были два округа—Ратненскій и Люблинскій. Такимъ образомъ вы изволите видѣть, что въ это время Бугъ не составлялъ какой-нибудь границы, а протекалъ посреди Холмской земли. Затѣмъ небольшая часть интересующаго насъ края, приблизительно теперешній Константиновскій уѣздъ, по крайней мѣрѣ сѣверная его часть, входила въ составъ Подляшья. Обратите вниманіе, г.г., на самое названіе «Подляшье», оно очень характерно; это та земля, которая находится «подъ ляхами», не доходя до ляховъ. Такимъ образомъ, это значитъ не-коренная польская земля. Наконецъ, остальная часть интересующаго насъ края, приблизительно теперешніе Бѣльскій и Влодавскій уѣзды, вовсе не входила въ составъ коронныхъ земель польскихъ, а принадлежала великому княжеству Литовскому, именно, онѣ входили въ составъ Берестейскаго воеводства. Рѣшающее значеніе на судьбу этого края имѣла религіозная Берестейская унія. Унія послужила лишь переходной стадіей отъ православія къ католичеству. Такимъ образомъ, цѣль, которую преслѣдовали иниціаторы уніи, удалось болѣе или менѣе удовлетворительно провести въ теченіе ближайшихъ столѣтій. Унія была проведена путемъ насилій. Королевская власть въ Рѣчи Посполитой встала въ защиту уніи, и эта унія проводилась принудительно, при чемъ оставшіеся вѣрными православной церкви признаны были королевскими эдиктами внѣ закона. Существенное значеніе на судьбу этого края имѣло присоединеніе Кіева къ московскому государству. Такимъ образомъ, порвана была связь съ важнѣйшимъ культурнымъ центромъ юга и Холмскій край оказался изолированнымъ отъ Кіева. Перехожу къ раздѣламъ. Въ 1772 г. произошелъ первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой. Мы видимъ, что часть Холмскаго края переходитъ къ Австріи, именно южная часть нынѣшней Люблинской губ. вмѣстѣ съ г.г. Люблиномъ, Замостьемъ, Грубешовымъ и Щебрешиномъ. Второй раздѣлъ не коснулся этого края. По третьему раздѣлу часть Холмской земли, находящейся по сю сторону Буга, именно округа, о которыхъ я говорилъ, Любомльскій и Ратненскій, эти два округа присоединяются къ Россіи, остальная же часть Холмскаго края переходитъ къ Австріи. Такимъ образомъ, впервые возникаетъ въ 1795 г. граница Бугъ. Далѣе мы знаемъ, что Наполеонъ I-й образуетъ особое великое герцогство Варшавское, къ которому послѣ пораженія австрійцевъ при Ваграмѣ по Шенбрунскому мирному договору въ 1799 г. присоединяется и интересующій насъ край—воеводства Сандомирское, Люблинское и Подляшеское. Наступаетъ эпоха войнъ Россіи съ Наполеономъ. Наши войска завоевали Польшу,—такъ говорилъ императоръ Николай I—Польша была дана Россіи по праву завоеванія; русскія войска заняли Польшу и заняли Холмскій край. Въ силу особыхъ

соглашеній съ Пруссіей и Австріей, это завоеваніе Польши было оформлено и Польша была присоединена къ Россіи. Вѣнскій конгрессъ окончательно оформилъ это соглашеніе, послѣдовавшее между Россіей и Австріей, съ одной стороны, и Россіей и Пруссіей, съ другой стороны. Холмщина и Подляшье включены были императоромъ Александромъ I въ составъ Царства Польскаго, и тѣмъ самымъ онѣ не были пріобщены къ русской государственной жизни, онѣ составляли особое политическое цѣлое. Подобное рѣшеніе можетъ быть объясняемо лишь полнымъ игнорированіемъ въ ту эпоху національныхъ вопросовъ, полнымъ непониманіемъ и незнакомствомъ съ исторіей. Какъ вы знаете, императоръ Александръ I задавался бо́льшимъ, онъ мечталъ о присоединеніи къ Царству Польскому и другихъ русскихъ коренныхъ областей и лишь историку Карамзину удалось убѣдить императора не предпринимать этого рискованнаго шага.

Чего польскія власти не могли добиться во времена Рѣчи Посполитой, оказалось въ значительной степени достигнутымъ во времена русскаго владычества. Первое десятилѣтіе минувшаго столѣтія было наиболѣе печальнымъ для Холмскаго края. Мы видимъ, что интеллигентные слои уніатскаго населенія постепенно таютъ и переходятъ въ польскій лагерь; человѣкъ сколько нибудь матеріально обезпеченный, сколько нибудь развитой умственно дѣлается католикомъ, дѣлается полякомъ, онъ уже чуждъ своему народу; но именно въ то время, когда судьба русскаго дѣла въ Холмскомъ краѣ казалась особенно плачевной, именно въ это время мы начинаемъ замѣчать признаки сильнаго народнаго движенія; оно выразилось въ адресѣ, поданномъ въ 1862 г. группой русскаго уніатскаго духовенства намѣстнику великому князю Константину Николаевичу; этотъ адресъ, если къ нему обратиться,—онъ въ моемъ докладѣ приведенъ полностью—представляетъ собою цѣлый планъ, систематическій планъ реформы въ Холмскомъ краѣ въ цѣляхъ сохраненія его русскаго облика и предупрежденія ополяченія. И вотъ эта программа сдѣлалась программой двухъ видныхъ дѣятелей этого края—я имѣю въ виду князя В. А. Черкасскаго, который состоялъ въ должности главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, и послѣдняго уніатскаго епископа—Михаила Куземскаго. Благодаря дѣятельности этихъ двухъ лицъ, къ сожалѣнію, весьма кратковременной и разновременной,—сначала пришлось дѣйствовать князю Черкасскому, а нѣсколько годовъ позже еп. Куземскому,—мы видимъ, что устраивается цѣлая сѣть, довольно, по тѣмъ временамъ, густая сѣть учебныхъ заведеній, среднихъ и низшихъ, уничтожается право патроната. Я долженъ пояснить, что такое право патроната: это было право помѣщиковъ давать свое согласіе на назначеніе священника въ католическій или уніатскій приходъ; при этомъ на

этихъ же помѣщиковъ возлагалась обязанность ремонтировать и сохранять въ должномъ видѣ храмъ. И вотъ мы видимъ, что особая комиссія, назначенная княземъ Черкасскимъ, обнаружила, что изъ 344 церквей—208 были въ обветшаломъ или разрушенномъ видѣ. Оба эти дѣятеля, и князь Черкасскій и еп. Куземскій, были убѣжденными противниками какихъ либо полицейскихъ мѣропріятій, они были противниками насильственнаго измѣненія обрядовъ. Они придавали наибольшее значеніе оживленію народной силы, которая таилась въ этомъ краѣ, и вотъ мы видимъ, что дѣятельность ихъ была весьма успѣшна. Къ сожалѣнію, взяли верхъ другія вліянія, преимущественно вліяніе Петербурга. Оба эти дѣятеля, не оцѣненные современниками, были удалены. Наступили другія времена. Правительство шло по пути возсоединенія уніатовъ съ православной церковью, при чемъ въ отношеніи значительной части этого края это возсоединеніе было совершено искусственно. Насколько въ Прибужьѣ населеніе само шло навстрѣчу желаніямъ православной церкви и высказывало совершенно открыто и искренно свое желаніе присоединиться къ православной церкви, настолько въ нѣкоторыхъ другихъ районахъ, гдѣ унія болѣе уже приблизилась къ католичеству, мы, напротивъ, встрѣчаемъ убѣжденное сопротивленіе и боязнь этого соединенія. Тѣмъ не менѣе въ 1875 г. совершается это возсоединеніе и мы видимъ, что въ ближайшіе же годы образуется извѣстная категорія лицъ, прозванныхъ калакутами, которые оказались непринадлежащими ни къ какому вѣроисповѣданію. Эти лица не признали себя возсоединенными съ православіемъ. Съ другой стороны, католиками они не были, они желали быть уніатами, уніатское же исповѣданіе было упразднено. Независимо отъ этихъ калакутовъ, которые не скрывали своего убѣжденія, которые не ходили въ православную церковь, была извѣстная категорія колеблющихся, которые формально какъ будто присоединились къ православію, въ дѣйствительности же старались свести свои обязательства къ церкви къ возможному minimum'у. Полицейскія же мѣры, къ сожалѣнію, играли первенствующую роль въ этомъ отношеніи къ этимъ калакутамъ и къ этимъ колеблющимся. Съ другой стороны, католическое духовенство съ полной энергіей старалось пріобщить этихъ бывшихъ уніатовъ къ католической церкви, и когда наступаетъ 1905 г., памятный многимъ изъ теперешнихъ дѣятелей, мы видимъ очень любопытную картину. Правительство не приняло никакихъ мѣръ для того, чтобы дать возможность этимъ лицамъ быть уніатами, не будучи католиками. Съ другой стороны, мы видимъ, что люблинскій римско-католическій епископъ, циркуляромъ за № 141 отъ 10-го мая 1905 г., признаетъ бывшихъ русскихъ уніатовъ латино-католиками. Такимъ образомъ, они оказались присоединенными къ римско-католической церкви, къ каковой ихъ

предки и они сами никогда не принадлежали. Если мы вспомнимъ, какъ произошли эти событія въ 1905—1906 г.г., то мы увидимъ совершенно различную картину въ Прибужьѣ и въ остальной части этого края—Подляшьѣ. Въ Прибужьѣ лишь единицы присоединились къ католической церкви; это были тѣ отдѣльные калакуты, которые фактически не принадлежали къ православію. Въ Подляшьѣ картина была совершенно другая. Мы здѣсь видимъ стихійное присоединеніе къ католичеству: цѣлыя деревни въ теченіе нѣсколькихъ дней порывали свою связь съ православіемъ. Эти стихійныя явленія имѣли очень сложныя причины. Большую роль сыграли здѣсь причины экономическаго характера: зависимость безземельной части населенія и малоземельной отъ помѣщичьихъ экономій и отъ имѣющихся тамъ ординацій графовъ Замойскихъ, занимающихъ четыре уѣзда. На почвѣ этой экономической зависимости и существованія въ этомъ краѣ двухъ календарей мы и усматриваемъ этотъ массовый переходъ въ католичество. Можетъ быть, этотъ фактъ существованія двухъ календарей и его вліяніе требуютъ нѣкотораго поясненія. Представьте себѣ такую картину, что въ томъ или другомъ фольваркѣ, въ той или другой экономіи, рабочіе соблюдаютъ два календаря: католики одинъ и православные другой. Вполнѣ естественно, что не приходится даже, можетъ быть, винить администрацію той экономіи, которая постарается имѣть рабочихъ, соблюдающихъ только одинъ календарь. Вотъ на почвѣ этого стремленія сократить праздники мы и видимъ, что большею частью ставятся условія соблюденія одного календаря, конечно, календаря западнаго. Независимо этого, такое стихійное явленіе объясняется прямымъ насиліемъ, которое встрѣчалось во многихъ мѣстностяхъ. Казалось, что этотъ край забытъ совершенно центральными петербургскими властями, и создалось такое впечатлѣніе, что всѣ тѣ, кто не хотятъ признавать себя поляками, должны уйти вонъ изъ этого края; такъ прямо и говорили: «не желающій быть католикомъ пусть идетъ до Москвы». И вотъ, на почвѣ этого насилія съ одной стороны, прямо физическаго насилія, и экономической зависиомсти съ другой стороны, и совершался этотъ грандіозный переходъ въ католичество. Мы видимъ, что въ теченіе какихъ либо двухъ лѣтъ переходитъ въ католичество по официальнымъ свѣдѣніямъ не менѣе 168.000, а въ дѣйствительности, вѣроятно, около 180.000 человѣкъ. Признаніе, что дѣйствительно въ это время происходило нѣчто стихійное, мы усматриваемъ и у нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Вамъ, кажется, г.г., разсылалась брошюра писателя Реймонда; тамъ приводятся слова одного изъ лицъ, о которомъ говорится въ этой книгѣ, которое выражается такъ: «какъ настало полячество». Фраза эта вполнѣ характерна; предполагали, что наступило какъ бы польское царство, что наступила совершенно другая эпоха, не имѣющая

ничего общаго съ прошлой. Затѣмъ въ другой брошюрѣ, Кучинскаго, которая также, если не ошибаюсь, вамъ разсылалась, довольно откровенно говорится, что помѣщики этого края предпочитаютъ принимать на службу поляковъ и католиковъ. Правда, тамъ приводятся и причины: говорятъ, что православные и русскіе въ послѣднее время принадлежатъ большею частью къ союзу русскаго народа, почему они являются элементомъ нежелательнымъ и безпокойнымъ; но самый фактъ, что помѣщики предпочитаютъ таковыхъ не принимать, этотъ фактъ констатируется этимъ писателемъ Кучинскимъ. На этомъ я заканчиваю мой краткій историческій очеркъ; далѣе я перейду къ этнографическому составу населенія этого края и къ мотивамъ выдѣленія.

Мы знаемъ, г.г., что въ предѣлахъ Холмскаго края имѣется населеніе православное и населеніе католическое. Численность православнаго населенія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: правительственный проектъ опредѣляетъ его въ 304.000 душъ, затѣмъ, по свѣдѣніямъ польскаго публициста Барцѣнскаго—294.000, по свѣдѣніямъ Закржѣвскаго, тоже польскаго публициста,—277.000, по свѣдѣніямъ проф. Франца, согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ настоятелями православныхъ приходовъ,—280.000. Такимъ образомъ получается нѣкоторое разнообразіе въ этихъ цифровыхъ данныхъ. Между прочимъ, я долженъ указать, что авторы особаго мнѣнія, поданнаго въ комиссію, указываютъ на то,что будто бы по правительственному проекту численность православнаго населенія составляетъ, по меньшей мѣрѣ, болѣе 50% общаго количества населенія. Я долженъ засвидѣтельствовать, что въ правительственномъ законопроектѣ ничего подобнаго не говорится; напротивъ, тамъ указывается, что православнаго населенія имѣется 304.000, а католическаго 310.000. Теперь, чѣмъ же объясняется такого рода разнообразіе въ цифровыхъ данныхъ и какое значеніе слѣдуетъ придавать этому разнообразію? Дѣло вотъ въ чемъ. Вы изволите помнить, что въ 1905—1906 г.г. перешло изъ православія, или изъ уніатства, что-ли, въ католичество около 180.000 человѣкъ. Число колеблющихся и упорствующихъ такъ или иначе въ прежнее время опредѣлялось благочинными и священниками. И вотъ оказывается, что тѣхъ и другихъ, по ихъ исчисленіямъ, было около 80.000 душъ на всемъ протяженіи этого края. Какимъ же образомъ могло перейти 180.000? Изъ этихъ 180.000 душъ 100.000 перешли «по недоразумѣнію». «По недоразумѣнію»—это не мои слова, это слова писателя Сватковскаго, который именно говоритъ, что часть этого населенія перешла изъ православія въ католичество по недоразумѣнію, въ силу ряда стихійныхъ обстоятельствъ, на которыхъ я уже останавливался. Этотъ элементъ, перешедшій по недоразумѣнію, по выраженію публициста Сватков-

скаго, элементъ въ высшей степени неустойчивый въ вѣроисповѣдномъ отношеніи; къ какой именно категоріи ихъ причислить—къ православнымъ или католикамъ—представляется въ высшей степени затруднительнымъ. И въ настоящее время, если мы обратимся къ католическому и православному духовенству съ просьбой дать намъ точныя свѣдѣнія о томъ, кто считается православнымъ и кто католикомъ, сколько тѣхъ и другихъ, то мы встрѣтимъ огромное затрудненіе. При самомъ добросвѣстномъ отношеніи къ дѣлу ни православное духовенство, ни католическое не сумѣютъ дать сколько нибудь точныхъ данныхъ. Такъ обстоитъ формальная сторона; они не сумѣли намъ дать точныхъ справокъ о томъ, сколько числится православныхъ, сколько числится католиковъ. А если мы обратимся къ существу вопроса, то, г.г., какое же имѣетъ практическое значеніе эта статистика душъ? Развѣ душа можетъ поддаваться статистическому учету? Комиссія сразу стала на эту точку зрѣнія и признала, что подобнаго рода статистику, во-первыхъ, получить пельзя, а если бы даже можно было получить, то она никакаго практическаго значенія не имѣла бы. Между тѣмъ, здѣсь приходится останавлиться на совершенно другомъ вопросѣ, здѣсь приходится имѣть въ виду этнографическій составъ населенія, а этнографическій составъ населенія въ данномъ краѣ, какъ и на всемъ протяженіи Западной Россіи, не совпадаетъ съ признакомъ религіознымъ. Авторы особаго мнѣнія указываютъ, что, будто бы, убѣдившись въ невозможности пользоваться религіозной статистикой, докладчикъ и члены комиссіи стали на другую позицію, т. е. обратились къ признаку этнографическому,—ничего подобнаго не было. Если вы обратитесь къ журналу холмской подкомиссіи, то вы изволите усмотрѣть, что чуть ли не въ первомъ или во-второмъ засѣданіи вашъ покорнѣйшій слуга указалъ на невозможность пользоваться въ этомъ краѣ статистикой вѣроисповѣдной, а необходимо обратиться къ признакамъ этнографическимъ. Стремленіе, направленное къ тому, чтобы отождествить понятіе католикъ и полякъ, съ одной стороны, и русскій и православный, съ другой, это стремленіе общее для всего западно-русскаго края. Несомнѣнно, однимъ фактомъ перехода изъ православія въ католичество русская народность никоимъ образомъ утрачиваться не можетъ; утрата національнаго облика можетъ быть дѣломъ только нѣсколькихъ поколѣній, благодаря взаимодѣйствію цѣлаго ряда факторовъ, именно въ первую очередь польскаго костела, затѣмъ польскихъ помѣщичьихъ усадебъ въ данномъ краѣ и, наконецъ, польскихъ тайныхъ школъ. Только при взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ факторовъ на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ можно достигнуть опредѣленныхъ результатовъ въ смыслѣ ополяченія. Говорить о томъ, что тѣ конвертиты, которые приняли католичество въ 1905 и 1906 г.г., тѣмъ самымъ стали и поляками,

очевидно, серьезно невозможно: такимъ образомъ намъ приходится выдвигать на первую очередь вопросъ объ этнографіи.

Каково же населеніе этого края въ этнографическомъ отношеніи? Академикъ Соболевскій указываетъ, что населеніе этого края принадлежитъ къ малорусскому племени, при чемъ есть двѣ разновидности—полѣщуки и степняки. Извѣстный этнографъ Житецкій приходитъ также къ тому, что населеніе тамъ безусловно малорусское, при чемъ говоритъ на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ, а именно, на волынско-галицкомъ, сѣверно-малорусскомъ, подляшско-малорусскомъ и, наконецъ, на польско-малорусскомъ. Я подчеркиваю значеніе этого послѣдняго нарѣчія, а именно, польско-малорусскаго. Районъ, гдѣ встрѣчается польско-малорусскій говоръ, весьма ограниченъ и находится преимущественно внѣ предѣловъ интересующаго насъ края, напр., въ Сѣдлецкомъ уѣз., который не предполагается присоединить къ Холмской губ. Депутатъ Дымша и другія лица, подавшіе особое мнѣніе, указываютъ, что вся Холмщина есть районъ переходнаго говора отъ польскаго къ русскому или отъ русскаго къ польскому. Въ дѣйствительности это не такъ. Переходный говоръ отъ польскаго къ русскому является лишь въ отдѣльныхъ небольшихъ районахъ этого края, въ частности, напр., въ Сѣдлецкомъ уѣз., который находится внѣ предѣловъ интересующаго насъ края, а также, можетъ быть, въ отдѣльныхъ селеніяхъ западной части этого края. Если мы обратимся къ даннымъ переписи 1907 г., то мы получимъ очень интересный матеріалъ, который намъ сразу выяснитъ картину этнографическаго состава населенія этого края. И вотъ мы видимъ, что при описномъ матеріалѣ 1897 г. имѣлась особенная графа: разговорный языкъ. Если мы сдѣлаемъ подсчеты по одиннадцати уѣздамъ этихъ двухъ губерній, то усмотримъ, что въ то время православныхъ вмѣстѣ съ католиками, говорившихъ по-русски, было 368.000 душъ. Если мы примемъ въ соображеніе ростъ населенія со времени 1897 г. по нынѣшнее время, то нужно притти къ заключенію, что въ настоящее время численность русскаго населенія, говорящаго на малорусскомъ нарѣчіи, равняется не менѣе, какъ 450.000 душъ. При численности въ 450.000 душъ русская народность является преобладающей въ Холмскомъ краѣ. Я подчеркиваю этотъ выводъ.

Теперь, г.г., резюмируя то, что здѣсь было сказано объ исторіи этого края и объ его этнографіи, приходится придти къ заключенію, что Холмщина вмѣстѣ съ Галиціей составляютъ одно цѣлое со всей Западной Россіей. Въ прошломъ судьба ихъ была одна и этнографическій составъ населенія какъ Холмщины и Галиціи, съ одной стороны, такъ Юго-Западнаго края и лѣвобережной Украины, съ другой стороны, одинаковы.

Перехожу къ мотивамъ выдѣленія. Эти мотивы выдѣленія были очень ярко обрисованы тѣмъ же выдающимся русскимъ дѣятелемъ, о которомъ мнѣ уже пришлось говорить, княземъ В. А. Черкасскимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Въ журналѣ комитета по устройству губерній Царства Польскаго 1865 г. мы находимъ слѣдующія слова князя Черкасскаго: «нѣтъ сомнѣнія, что образованіе такой особой Холмской губ. имѣло бы важное значеніе и представляло бы рѣшительный шагъ впередъ къ возстановленію полуподавленной въ этомъ краѣ русской народности, каковое возстановленіе даже при всѣхъ усиліяхъ правительства трудно будетъ допустить, доколѣ вся мѣстная администрація будетъ привлекать къ польскимъ центрамъ, каковы Люблинъ и Сѣдлецъ». Вотъ эта же мысль князя Черкасскаго лежитъ въ основѣ того проекта образованіи особой Холмской губ., который въ настоящее время мы разсматриваемъ. Г.г., если мы обратимся къ административному распредѣленію границъ въ этомъ краѣ, что же мы увидимъ? Мы увидимъ, что два или три уѣзда въ этомъ краѣ составляютъ однородную компактную русскую массу, остальные уѣзды имѣютъ границы, не совпадающія съ признаками этнографическими. Очевидно, въ этомъ краѣ не можетъ быть рѣзкой межи, по правую сторону которой была бы одна національность, а по лѣвую—другая. Очевидно есть переходная ступень, но эти границы уѣздовъ ничуть не соотвѣтствуютъ этнографическимъ признакамъ. Мы видимъ, что въ уѣздахъ, гдѣ имѣется преобладаніе русскаго населенія, имѣется нѣкоторая примѣсь и польскаго населенія. Къ уѣздамъ, гдѣ имѣется польское большинство, въ родѣ Радинскаго и Любартовскаго уѣз., къ этимъ уѣздамъ примѣшана небольшая часть русскаго населенія—одна, двѣ, три русскихъ гмины. Такимъ образомъ, въ этомъ краѣ обезпечить сколько нибудь русскіе интересы при подобномъ распредѣленіи границъ уѣздовъ невозможно. Затѣмъ, обратимся къ губерніямъ. Имѣются двѣ губерніи—Люблинская и Сѣдлецкая; эти губерніи имѣютъ свои губернскіе центры внѣ интересующагося насъ края—въ Люблинѣ и Сѣдлецѣ, въ польской части Люблинской и Сѣдлецкой губ. Такимъ образомъ, мы видимъ раздробленную уѣздную администрацію, двѣ губернскія администраціи. Наконецъ, мы видимъ эти двѣ губернскія администраціи, подчиненныя варшавскому генералъ-губернатору, живущему въ Варшавѣ, внѣ интересующаго насъ края, совершенно въ другой обстановкѣ и въ совершенно другой атмосферѣ, въ главномъ городѣ однороднаго польскаго края. То, что мы предполагаемъ, и есть то перекраиваніе территоріи, о которомъ говорятъ представители меньшинства, представившіе особое мнѣніе, а также и членъ Государственной Думы Шингаревъ, который третьяго дня сказалъ, что мы имѣемъ въ виду только передвиженіе линій. И вотъ, какъ вы видите, эта перекройка терри-

торіи, это передвиженіе линій въ дѣйствительности, можетъ быть, не является тѣмъ абсурдомъ, какимъ это можетъ казаться при первомъ впечатлѣніи, при обывательскомъ взглядѣ на это дѣло. Образуя особую Холмскую губ., намъ приходится въ то же время, такъ сказать, выдѣлить ее изъ состава Царства Польскаго. Образованная нами Холмская губ. представляетъ довольно однообразное русское этнографическое цѣлое. Очевидно, оставить ее въ предѣлахъ Царства Польскаго было бы нецѣлесообразно. Это было бы извѣстной полумѣрой, на которой остановиться, очевидно, нераціонально. Весьма цѣлесообразно Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ образованіе Холмской губ. связать съ введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ земскаго и городского самоуправленія. Покойный министръ врутреннихъ дѣлъ 15-го октября 1909 г. въ Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства выразился такимъ образомъ: если въ Западномъ краѣ министерство стремилось создать земство по окраскѣ русское, то въ въ городахъ губерній Царства Польскаго мы ожидаемъ увидѣть самоуправленіе польское, подчиненное лишь русской государственной идеѣ. Это указаніе покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ совершенно вѣрно: какъ бы мы ни старались ограничить польскій, положимъ, языкъ въ дѣлопроизводствѣ, при преніяхъ въ будущемъ городскомъ самоуправленіи, очевидно, жизненныя условія будутъ таковы, что это самоуправленіе будетъ всегда по духу, характеру, по направленію польское. Съ этимъ фактомъ приходится считаться, съ этимъ фактомъ приходится мириться. Вы знаете, что одна изъ фракцій Государственной Думы, именно фракція союза 17-го октября, въ прошломъ году представила особое законодательное предположеніе о введеніи земства въ губерніяхъ Царства Польскаго, и правительство выразило свое согласіе на разработку этого вопроса и, вѣроятно, нашимъ преемникамъ, будущимъ членамъ четвертой Государственной Думы, придется разрѣшить этотъ главнѣйшій вопросъ введенія земскаго самоуправленія въ губерніяхъ Царства Польскаго. При наличности этихъ условій введенія городского и земскаго самоуправленія въ губерніяхъ Царства Польскаго, введенія самоуправленія, которое, по указанію правительственныхъ же лицъ, будетъ несомнѣнно польское, очевидно, неминуемо выдѣленіе Холмщины изъ состава этого края. Введеніе польскаго самоуправленія при теперешнемъ положеніи, при теперешнемъ распредѣленіи границъ будетъ равносильно весьма рѣшительному шагу по пути ополяченія восточныхъ мѣстностей Люблинской и Сѣдлецкой губ. Большинство Государственной Думы, ставя одновременно на повѣстку эти два вопроса—о введеніи городового положенія, съ одной стороны, и о выдѣленіи Холмщины изъ состава Царства Польскаго, съ другой,—стало, очевидно, на ту же точку зрѣнія, усмотрѣвъ внутреннюю органическую связь между этими двумя законопроек-

тами. Г.г., я не склоненъ придавать чрезмѣрнаго значенія идеямъ, извѣстнымъ отвлеченнымъ принципамъ, но, несомнѣнно, тутъ приходится нѣкоторое значеніе придать и идейному значенію этого выдѣленія. Я уже вамъ указывалъ, что 1905 и 1906 г.г. ознаменовались въ Холмщинѣ движеніемъ, направленнымъ къ признанію этого края Польшей. И вотъ, г.г., выдѣленіе этого края изъ предѣловъ Царства Польскаго не можетъ не имѣть глубокаго нравственнаго значенія для населенія этого края. Комиссія по направленію законодательныхъ предположеній пришла къ заключенію, что выдѣленіе Холмскаго края представляется необходимымъ какъ въ интересахъ коренного русскаго населенія этого края, въ цѣляхъ предупрежденія его ополяченія, такъ и въ интересахъ Царства Польскаго, въ виду необходимости введенія въ немъ земскаго и городского самоуправленія, а также и другихъ реформъ. Можно разсчитывать, что въ докладѣ будутъ опасенія, что земская и городская реформа отзовутся въ высшей степени печально на судьбѣ русскаго Холмскаго края, до этого времени можно полагать, что введеніе земскаго и городского самоуправленія встрѣтитъ много противниковъ. Единственный способъ облегчить введеніе земскаго и городскаго самоуправленія—это выдѣлить русскую часть Царства Польскаго изъ его предѣловъ.

Обращаюся, г.г., къ частностямъ законопроекта. Комиссія, прежде всего, усомнилась въ необходимости подчиненія будущей Холмской губ. кіевскому генералъ-губернатору. Комиссія руководилась общимъ соображеніями, общимъ взглядомъ на значеніе генералъ-губернаторской власти и власти кіевскаго генералъ-губернатора въ частности; признавая дальнѣйшее сохраненіе кіевскаго генералъ-губернаторства нежелательнымъ, комиссія признавала нецѣлесообразнымъ подчиненіе Холмской губ. этому учрежденію, устарѣвшему и уже не соотвѣтствующему требованіямъ настоящаго момента. Съ другой стороны, имѣются и спеціальныя, чисто мѣстныя причины, по которымъ не представляется возможнымъ подчинить Холмскую губ., представляющую собою самодовлѣющее цѣлое, кіевскому генералъ-губернатору. Подобно тому, какъ въ настоящее время большимъ тормазомъ мѣстной жизни является то обстоятельство, что совершенно искусственно Холмщина пристегнута къ варшавскому генералъ-губернаторству, къ польскому центру въ Варшавѣ, настолько же было бы неразумно, неосторожно, съ другой стороны, присоединить Холмщину къ кіевскому генералъ-губернаторству и подчинить кіевскому генералъ-губернатору, который привыкъ къ другимъ условіямъ дѣятельности и который съ трудомъ ознакомится съ особенностями этого Холмскаго края.

Комиссія вошла самостоятельно въ обсужденіе вопроса,—каково должно быть направленіе границъ будущей губерніи. Подробно останавливаться теперь, въ порядкѣ общихъ преній, на этомъ вопросѣ я считаю неудобнымъ. Комиссія руководилась преимущественно признаками этнографическими и признала возможнымъ включить въ предѣлы губерній цѣлый рядъ пунктовъ, имѣющихъ большое историческое значеніе для этого края. Я имѣю преимущественно въ виду г. Щебрешинъ и Радонницкій монастырь.

Что касается особыхъ узаконеній, дѣйствующихъ въ этомъ краѣ, административнаго строя и т. п., то комиссія признала необходимымъ придерживаться, елико возможно, существующаго statusquo и вводить лишь тѣ измѣненія, которыя являются необходимыми и которыя органически связаны съ вводимыми реформами. Въ этомъ отношеніи она признала возможнымъ идти даже нѣсколько дальше правительства. Правительство предполагало ввести ограничительные законы въ отношеніи землевладѣнія польскаго и еврейскаго въ губерніяхъ Западнаго края. Совершенно не разсматривая этотъ вопросъ со стороны принципіальной, исходя изъ соображеній исключительно практической цѣлесообразности, комиссія признала совершенно излишнимъ примѣненіе этихъ ограничительныхъ законовъ въ Холмскомъ краѣ, въ виду очень простого соображенія—почти что полнаго отсутствія такого рода русскаго землевладѣнія частнаго, которое могло бы перейти въ польскія руки; вы знаете, что законъ ограничительный, въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился, именно, законъ 1-го мая 1905 г. говоритъ о недопустимости перехода русскаго частнаго владѣнія въ польскія руки, между тѣмъ въ этомъ краѣ такого рода русскаго частнаго землевладѣнія почти не имѣется. Въ свое время я, конечно, иллюстрирую это соотвѣтствующими статистическими данными.

Комиссія по направленію законодательныхъ предположеній все время смотрѣла на это выдѣленіе не какъ на опредѣленную самодовлѣющую цѣль, она имѣла въ виду, что эта реформа можетъ лишь облегчить цѣлый рядъ другихъ реформъ положительнаго характера, что она создастъ благопріятную обстановку проведенія этихъ реформъ, что она создастъ извѣстную форму, опредѣленное же содержаніе придется влить впослѣдствіи. И вотъ, изъ этихъ соображеній, предлагая на ваше благоусмотрѣніе законопроектъ министра внутреннихъ дѣлъ, комиссія въ то же время предлагаетъ опредѣленную формулу, въ которой она выражаетъ свое отношеніе къ этой реформѣ. Комиссія говоритъ: «Признавая, что образованіе Холмской губ. должно быть разсматриваемо лишь какъ первый шагъ въ ряду цѣлой системы мѣропріятій культурнаго и экономическаго характера, въ основу коихъ должно быть положено сознаніе о принадлежности большинства населенія Холмскаго края къ русской народности, и считая необходимымъ: 1) введеніе въ кратчайшій

срокъ, по возможности въ трехлѣтній, всеобщаго начальнаго обученія, открытіе возможно густой сѣти высшихъ начальныхъ и среднихъ училищъ, распространеніе внѣшкольнаго образованія путемъ устройства библіотекъ и читаленъ, распространеніе ремесленныхъ, техническихъ и сельскохозяйственныхъ знаній; 2) скорѣйшее представленіе разсмотрѣнію законодательныхъ учрежденій законопроекта объ обязательной замѣнѣ сервитутовъ; 3) учрежденіе землеустроительныхъ комиссій и возможно широкое развитіе дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка въ цѣляхъ удовлетворенія нужды въ землѣ безземельнаго и малоземельнаго населенія; 4) распространеніе дѣятельности частныхъ земельныхъ банковъ внутреннихъ губерній Имперіи на Холмскую губ.; 5) введеніе городского и земскаго самоуправленія при непремѣнномъ условіи огражденія интересовъ русскаго населенія; 6) обсужденіе правительствомъ вопроса о возможности присоединенія при административномъ переустройствѣ губерній Западнаго края къ Холмской губ. Ковельскаго и Владиміро-Волынскаго уѣз., Волынской губ., Брестскаго уѣз., Гродненской губ., съ возстановленіемъ древнерусскаго его наименованія Берестейскаго; 7) содѣйствіе со стороны правительства, по соглашенію съ римской куріей, постепенному введенію дополнительнаго богослуженія и проповѣдей на русскомъ языкѣ и его парѣчіяхъ въ костелахъ римско-католическихъ приходовъ съ русскимъ населеніемъ,—Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Такова та формула, которая предлагается комиссіей по направленію законодательныхъ предположеній. Очевидно, мотивировка, подробное разъясненіе этого будетъ дѣломъ послѣдующаго. Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ, г. г. Я по возможности избѣгалъ полемическаго тона при изложеніи моего доклада. Съ тѣмъ особымъ мнѣніемъ, которое подано нѣкоторыми членами комиссіи, я буду считаться нѣсколько впослѣдствіи, когда тѣ аргументы, которые приведены членомъ Государственной Думы Дымшей и другими членами Государственной Думы въ своемъ особомъ мнѣніи, будутъ подробно развиты и будутъ вамъ болѣе понятны. Тогда я позволю себѣ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ соображеній, но я, тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ привести одно указаніе члена Государственной Думы Дымши, сдѣланное въ его сочиненіи, которое любезно было имъ разослано членамъ Государственной Думы. Указаніе члена Государственной Думы Дымши слѣдующее: «пока власть государства твердой рукой оберегалась бюрократіей, такіе, съ государственной точки зрѣнія, безцѣльные и вредные проекты отклонялись всякій разъ», а вотъ конечный выводъ, который дѣлаетъ членъ Государственной Думы Дымша: «за все должно на себя принять отвѣтственность народное представительство». Г.г., почтенные дѣятели бывшаго бюрократическаго строя,

отошедшаго въ вѣчность, оставили намъ въ области польско-русскихъ отношеній тяжелое наслѣдство, наслѣдство, въ особенности тяжелое въ области разрѣшенія Холмскаго вопроса; они вѣрили, къ сожалѣнію, въ спасительность полумѣръ, они не склонны были смотрѣть на Холмскій вопросъ, какъ на вопросъ общенаціональнаго, общегосударственнаго значенія, какъ на вопросъ извѣстнаго внутрипадѣльнаго размежеванія русскихъ и поляковъ въ предѣлахъ единой Россійской имперіи. Къ сожалѣнію, многимъ изъ нихъ чужда была идея послѣдовательной и систематической національной политики; слишкомъ были сильны иныя закулисныя вліянія, часто антирусскаго характера, слишкомъ сильно было вліяніе канцеляріи, всевозможныхъ совѣтниковъ высшихъ и низшихъ ранговъ, и лишь представительныя учрежденія могутъ служить залогомъ послѣдовательной и систематической національной политики на нашей окраинѣ, и въ частности Холмской Руси. Я не сомнѣваюсь, что народное представительство пожелаетъ взять на себя отвѣтственность за эту въ высшей степени важную мѣру. Комиссія по направленію законодательныхъ предположеній ходатайствуетъ предъ Государственной Думой о томъ, чтобы проектъ правительства о выдѣленіи изъ состава Царства Польскаго Холмской русской земли былъ принятъ».

Дальнѣшія объясненія по законопроекту были представлены еп. Евлогіемъ, гр. Бобринскимъ и Алексѣевымъ.

Еп. Евлогій заявилъ слѣдующее (V, 1, 2650—2666 и V, 1, 2675—2692): Выступая въ настоящій разъ предъ вами, я не буду пускаться ни въ историческія древности, ни въ этнографическія изысканія, потому что отчасти этого уже коснулся въ своей рѣчи министръ внутреннихъ дѣлъ и болѣе подробно онѣ разобраны въ этомъ докладѣ, который по своему характеру представляетъ собой цѣлую ученую монографію о Холмщинѣ; не буду даже входить въ подробную полемику съ предшествующимъ ораторомъ и по статистикѣ и другимъ предметамъ. Въ настоящій разъ, я какъ холмскій депутатъ, чувствую на себѣ повелительный долгъ изложить и мотивировать основную принципіальную мысль настоящаго законопроекта. Я только скажу относительно статистики, что, конечно, она далека отъ совершенства, но вѣдь по требованію членовъ оппозиціи въ нашей комиссіи и, прежде всего, по требованію членовъ польскаго коло, она три раза перерабатывалась, три раза провѣрялась, что же дѣлать, если у насъ нѣтъ болѣе совершенной статистики, и пришлось ограничиться той, которая есть? Во всякомъ случаѣ, заявлять, что она составлена какъ-то тенденціозно по моему, нѣтъ основаній. Но вотъ заявленіе, которое я не могу оставить безъ вниманія, приступая къ настоящей своей рѣчи предъ вами. Членъ Государственной Думы Дымша позволилъ себѣ сказать, что настоящій

законопроектъ противорѣчитъ указаніямъ Его Императорскаго Величества. Г.г., здѣсь не принято вводить священную Особу Государя Императора въ наши пренія, но разъ членъ Государственной Думы Дымша имѣлъ смѣлость сдѣлать такое заявленіе, позвольте же мнѣ сказать, что оно совершенно въ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ 1896 г., когда Варшавскій генералъ-губернаторъ гр. Шуваловъ въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ писалъ, что по его распоряженію уже вырабатывается проектъ выдѣленія изъ Привислинскаго края особой Холмской губ., то на этомъ всеподданѣйшемъ докладѣ Его Императорскому Величеству угодно было начертать: «Вполнѣ одобряю». Въ другой разъ, въ 1901 г., на всеподданнѣйшемъ докладѣ Люблинскаго губернатора Тхоржевскаго о необходимости выдѣленія той же губерніи, также начертаны были золотыя слова Государя Императора: «Весьма сочувствую этой мысли». Наконецъ, въ 1907 г. Государю Императору благоугодно было повелѣть внести настоящій законопроектъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій. Какую же послѣ этого надо имѣть смѣлость, чтобы сдѣлать заявленіе, что настоящій законопроектъ противорѣчитъ указаніямъ Его Императорскаго Величества.

Еще одно, по моему, довольно характерное и существенное замѣчаніе по поводу заявленія депутата Дымши: онъ говоритъ, что настоящій законопроектъ противорѣчитъ Высочайшему манифесту 17 октября, а въ частности тому всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Совѣта Министровъ отъ 17 октября, на которомъ Государю Императору благоугодно было начертать: «принять къ руководству», гдѣ говорится, между прочимъ, объ уравненіи предъ закономъ всѣхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Вы видите, г.г., какія заявленія дѣлаются сегодня. Если бы это заявленіе было сдѣлано представителемъ партіи народной свободы, я бы это совершенно понялъ, но вы помните, что вчера еще отъ имени польскаго коло депутатомъ Ярошскимъ было заявлено, что евреямъ равноправія въ области городского самоуправленія отнюдь давать не слѣдуетъ, съ точки зрѣнія польскаго коло. Вотъ польская логика: когда касается ихъ—предоставьте имъ полноту правъ, но когда касается это другихъ, то они повторяютъ древнее свое изреченіе: «не позволямъ». Когда касается другихъ, они не прочь согнуть въ бараній рогъ не только еврея, но и русскаго мужика.

И вотъ, г.г., позвольте мнѣ теперь перейти къ главной мысли настоящаго законопроекта о необходимости выдѣленія Холмской Руси изъ чуждой ей Польши и необходимости тѣснѣйшаго органическаго соединенія ея съ коренной родной Россіей. Почему и зачѣмъ необходимо это выдѣленіе, какая его цѣль? На этотъ вопросъ отвѣчу вамъ прямо и коротко: это необходимо

для спасенія погибающей тамъ русской народности. На территоріи того края, который называется Холмской Русью, замѣчается удивительное, въ высшей степени прискорбное для русскаго сердца явленіе: постепенное исчезновеніе русской народности и превращеніе ея въ народность польскую, или, иначе, постепенное ея ополяченіе. Исторія свидѣтельствуетъ, что этотъ искони русскій край, древнее наслѣдіе русскихъ князей Владиміра Святого и Даніила, на протяженіи вѣковъ, совершенно потерялъ, измѣнилъ свою національную физіономію; тамъ, гдѣ прежде красовались православныя церкви, теперь гордо высятся величественные римско-католическіе костелы; тамъ, гдѣ била ключомъ русская жизнь, тамъ теперь русскія могилы; гдѣ раздавалась русская рѣчь, тамъ теперь говорятъ по-польски, и многіе несомнѣнные потомки русскихъ отцовъ, съ русскими фамиліями, теперь забыли о своемъ русскомъ происхожденіи и спокойно отвѣчаютъ, что они поляки и живутъ въ Польшѣ. И что особенно замѣчательно и что особенно прискорбно, это то, что этотъ процессъ денаціонализаціи русскаго населенія въ Холмской Руси является не только фактомъ историческимъ, фактомъ прошедшимъ, не только фактомъ тѣхъ временъ, когда Холмская Русь со всей остальной Западной Россіей находилась подъ владычествомъ польскимъ, но продолжался и тогда, когда Холмская Русь перешла подъ русское владычество. И XIX столѣтіе является наиболѣе печальной, наиболѣе гибельной эпохой въ исторіи нашей многострадальной несчастной Холмщины, а 1905 г. и катастрофа, которая тогда разразилась надъ русскимъ населеніемъ, является какъ бы завершеніемъ той исторической трагедіи, которая совершается въ этомъ несчастномъ краѣ. Процессъ этой денаціонализаціи, г.г., не остановился и теперь. Онъ продолжается и дальше и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока русское государство своими законодательными мѣропріятіями не положитъ ему конецъ. И теперь сравнительно небольшой уже остатокъ русскаго населенія Холмщины, однако простирающійся почти до полумилліона, равняющійся 470,000, обращаетъ къ коренной родной Россіи свои молящіе взоры и проситъ у нея спасенія отъ грозящей окончательной гибели. Я спрашиваю васъ, г.г. народные представители, можетъ ли Россія отвернуться отъ этой мольбы, можетъ ли оттолкнуть эти протянутые къ ней за помощью руки своихъ обездоленныхъ сыновъ? Имѣетъ ли право русское государство, себя уважающее, допустить, чтобы въ его предѣлахъ и подъ его властью исчезла, пропадала цѣлая народность, и при томъ народность русская, та народность, трудами и потомъ которой создано было величіе и мощь русскаго государства? Мнѣ кажется, г.г., что государство русское не можетъ хладнокровно и равнодушно пройти мимо этого печальнаго и, да позволено мнѣ будетъ сказать, позорнаго явленія русской жизни; во имя достоинства

своего оно не можетъ помириться съ этимъ явленіемъ, оно должно подать руку помощи, оказать защиту этому несчастному холмскому народу и предохранить его отъ дальнѣйшаго ополяченія.

Но, г.г., какъ это сдѣлать? Для того, чтобы излечить какую-либо болѣзнь, надо правильно поставить ея діагнозъ, надо узнать причины этой болѣзни. Корень того злого недуга, который грозитъ смертью холмскому русскому народу, уходитъ въ глубь исторіи. Тяжела была по-истинѣ эта исторія многострадальнаго холмскаго народа, народа-страстотерпца, слезами и кровью написаны ея скрижали; болѣе четырехъ вѣковъ лежало на немъ ярмо католической Польши. Изъ глубины вѣковъ встаютъ мрачныя тѣни польскихъ патеровъ и іезуитовъ, страшныхъ фанатиковъ, гонителей православнаго русскаго народа, встаютъ мрачные образы польскихъ королей, учениковъ іезуитскихъ, которые во имя ягеллонской идеи огнемъ и мечомъ распространяли католичество, не останавливаясь ни передъ какими жестокостями; еще ближе, еще свѣжѣе въ памяти народной образы польскихъ пановъ-рабовладѣльцевъ съ ихъ батогами, употребляя которыя, какъ вообще въ своемъ сознаніи, они не различали крестьянъ отъ быдла или скотины. Такъ какъ національная крѣпость народа покоилась на его древней отеческой, старожитной православной вѣрѣ, то вся ярость враговъ была направлена, главнымъ образомъ, въ эту сторону, къ тому, чтобы вырывать изъ души народной эту православную вѣру, и на это сводились главныя стремленія этихъ гонителей русскаго народа. И вотъ вспоминается, какъ православныя церкви или передаются католикамъ, или совершенно разоряются и разрушаются, какъ опѣ въ оффиціальныхъ грамотахъ, въ документахъ называются еврейскими синагогами и передаются въ аренду евреямъ. Вспоминается эта злосчастная унія, заведенная хитростью и насиліемъ, которой окончательно хотѣли наклонить русскій народъ въ польскій костелъ. Вспоминается тяжелая, упорная борьба русскаго народа за свои родныя святыни, вспоминаются знаменитыя историческія слова волынскаго депутата Лаврентія Древинскаго въ Варшавскомъ сеймѣ, дающія яркую картину жизни православнаго русскаго народа подъ властью польской. Вотъ что онъ говоритъ: «Церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, монастыри заброшены, въ монастыряхъ скотъ запираютъ, священники разогнаны; дѣти безъ крещенія съ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда, какъ падаль, уносятъ; народъ безъ благословенія брака въ непотребствѣ живетъ, безъ исповѣди, безъ пріобщенія Св. Таинъ умираетъ». На мрачномъ фонѣ этой тяжелой, грустной картины встаютъ свѣтлые образы мучениковъ за вѣру православную, какъ напр., св. Аѳанасій Брестскій, братья Павловскіе въ Холмѣ, мѣщане Ты-

шовецкіе, Лаврентій Костусевичъ, Пащенюки (отецъ и сынъ), которые были сожжены въ 1640 г. Лукьяникъ, Краско, Грыць, которые были обезглавлены; въ Грубешовѣ Люблинскомъ трибуналомъ мѣщанинъ Охримъ былъ присужденъ къ сожженію на кострѣ, Грезета—къ обезглавленію и 20 чел. къ тюрьмѣ за то, что пригласили на православное богослуженіе въ 1638 г. православнаго іеромонаха. Въ Красноставѣ извѣстный гонитель православія, уніатскій епископъ Меѳодій Терлецкій, отнялъ у православныхъ Троицкую церковь и добился у Люблинскаго трибунала того, что изъ 20 чел. одни были обезглавлены, другихъ сѣкли розгами у позорнаго столба, инымъ отсѣкали руки и конфисковали имущество. Такъ, г.г., страдалъ и терпѣлъ русскій народъ не въ одной только Холмщинѣ, а вмѣстѣ съ нимъ страдалъ и терпѣлъ весь народъ во всей Западной Руси; и не преувеличиваютъ, когда говорятъ, что это ярмо польское было даже тяжелѣе ига татарскаго, ибо татары, поработившіе русскій народъ, по крайней мѣрѣ оставили самое дорогое и самое святое достояніе неприкосновеннымъ, именно вѣру православную, а поляки посягнули на это святое святыхъ народа, изломали, исковеркали душу народную въ тискахъ своихъ и произвели то, что проф. Филевичъ удачно называетъ «вылущиваніемъ духа». Завершеніемъ всей этой польской политики по отношенію къ русскому населенію былъ знаменитый проектъ, внесенный въ 1717 г. въ Варшавскій сеймъ, объ упичтоженіи русской народности, чудовищный по своей жестокости проектъ. Вотъ здѣсь прямо говорится и рекомендуется истребить русскую народность въ польскомъ государствѣ и свободныя мѣста заселить поляками. «Тогда—говорится въ проектѣ—будетъ достигнуто единство и крѣпость государства, тогда святая католическая вѣра возсіяетъ и процвѣтетъ. Это дай намъ Боже. Аминь».

Къ счастью, Западная Русь не долго оставалась подъ этимъ тяжелымъ ярмомъ. Когда пала Польша, то западно-русскій народъ, послѣ столькихъ вѣковъ насильственнаго отчужденія отъ своей родной Россіи, снова вернулся къ своей матери-родинѣ и быстро пошелъ по пути своего религіознаго и національнаго возрожденія; быстро сбросилъ съ себя, какъ изношенную ветхую одежду, эту унію и окрѣпъ настолько въ своемъ русскомъ самосознаніи, что теперь развѣ только какіе-нибудь мечтатели, фанатики, могутъ считать западно-русскій край краемъ польскимъ, «забраннымъ» краемъ. Но, г.г., не такова была участь несчастной Холмской Руси. Она, по какому-то злому року, по какому-то странному историческому недоразумѣнію, осталась подъ властью Польши, даже и тогда, когда пало польское государство и когда оно было раздѣлено между тремя другими государствами, когда императору Александру I угодно было возстановить въ значительной долѣ

самостоятельность Царства Польскаго. И Холмская Русь попала въ составъ Царства Польскаго, и вотъ тогда, именно съ 1815 г., Западный Бугъ дѣлается тѣмъ средоточіемъ, которое отдѣляетъ русскій народъ Холмщины и Подляшья отъ его родныхъ братьевъ, какъ коренной Россіи съ востока, такъ и съ запада отъ Галиціи; и Русское Забужье, совершенно оторванное отъ своихъ родныхъ береговъ, совершенно изолированное и насильственно, неестественно втиснутое въ Царство Польское, постепенно превращается въ польское Прибужье. Потерявъ Западный край, поляки всѣ силы своей энергіи направили именно на Холмщину, она была совершенно теперь предоставлена въ ихъ руки, и полонизація ея пошла быстрыми шагами. Въ уніатскихъ храмахъ все богослуженіе передѣлывается на польскій ладъ, совершается по польскимъ служебникамъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе идетъ также на польскомъ языкѣ, да и не только духовныя семинаріи, а и всѣ школы дѣлаются польскими. Вотъ ст. 28 указа 1862 г.— это, стало быть, времена г. Велепольскаго—гласитъ такъ: «элементарныя училища какъ одноклассныя, такъ и двухклассныя, нѣмецкія и грекоуніатскія во всемъ сравниваются съ училищами католическими, всѣ предметы въ нихъ преподаются на польскомъ языкѣ, кромѣ Закона Божія». Чтобы не быть голословнымъ, позвольте мнѣ сослаться на заявленіе того уніатскаго іерарха, который имѣетъ моральный авторитетъ и въ глазахъ представителей польскаго кола,—по крайней мѣрѣ депутатъ Дымша въ своей книгѣ отзывается о немъ съ большимъ сочувствіемъ и почтеніемъ. Я сошлюсь на посланіе еп. Михаила Куземскаго. Вотъ что онъ говоритъ: «Соединенными силами латинскаго духовенства и шляхты русскій обрядъ отчасти истребленъ и замѣненъ латинскимъ, при чемъ русское населеніе превращалось въ польское, отчасти же исковерканъ до такой степени, что трудно отличить русскую церковь отъ латинскаго костела и греческіе обряды отъ латинскихъ. Греческимъ обрядамъ и русской церкви грозитъ опасность быть отодвинутыми за р. Бугъ, а русское населеніе совершенно исчезнетъ въ Царствѣ Польскомъ, подобно тому, какъ прежде была вытѣснена Русь постоянными наступленіями шляхты и латинскаго духовенства», и дальше замѣчаетъ, что несомнѣнно, что «цѣль этого совокупнаго миссіонерства была больше политическая, чѣмъ религіозная. Изъ-за религіозныхъ видовъ не надо было совращать латино-уніатовъ, принадлежавшихъ къ одной римской церкви. Тутъ дѣло шло о народѣ».

Вотъ показатель того, въ какомъ положеніи находилась въ 60-хъ годахъ паша Холмская Русь; Польша безпредѣльно царила вездѣ и всюду; дошло дѣло до того, что во время мятежа 1863 г. русскіе уніаты обагрили свои руки братской кровью русскихъ же солдатъ. Такъ, напримѣръ, въ Посадѣ

Кодиѣ, Сѣдлецкой губ., они участвовали въ избіеніи спавшихъ солдатъ. Въ Волдавѣ русскіе мѣщане восторженно принимали банды повстанцевъ, въ Вогинѣ и Лосицахъ они были жандармами-вѣшателями, въ Соколовѣ укрывали вождя повстанцевъ ксендза Бжоску, и т. д. Самъ глава русско-уніатской церкви еп. Номинатъ Камінскій благословилъ повстанцевъ своимъ архіерейскимъ благословеніемъ и посылалъ въ банду мятежниковъ своихъ сыновей, пользовался денежными средствами Холмскаго каѳедральнаго собора на цѣли это повстанія. Можно судить поэтому, въ какомъ ужасномъ несчастномъ положеніи находилась въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія Холмская Русь. Справедливо выразился о ней одинъ писатель, что она представляла тогда изъ себя поле, усѣянное мертвыми русскими костями, на которыхъ кое-гдѣ можно было видѣть остатки живого тѣла. Православная русская Холмщина тогда совершенно умирала, русская народность постепенно таяла и исчезала, и вотъ какъ это таяніе представляется въ цифрахъ: въ 1820 г. прошлаго столѣтія русскихъ уніатовъ было 400.000; въ 1837 г.—только 300.000; въ 1861 г.—240.000; въ 1866 г.—только 227.375. Слѣдовательно, за 45 лѣтъ убавилось русскаго населенія почти вдвое, а оно должно было почти вдвое прибавиться. Слѣдовательно, за это время приблизительно потеряно около 600.000 русскаго населенія. Замѣтьте, г.г., что это было раньше еще возсоединенія, когда еще и мысли не было о возсоединеніи. Слѣдовательно, это угасаніе русской народности нельзя связывать съ тѣми ошибками русскаго правительства, о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ членъ Государственной Думы Дымша.

Но мятежъ 1863 г. открылъ глаза русскому правительству. Въ Холмщинѣ загорается заря возрожденія и на ея горизонтѣ появляются незабвенные въ исторіи Холмщины дѣятели въ лицѣ кн. Черкасскаго и Милютина. Намѣчаются ихъ мудрыми руками различныя широкія реформы: церковь уніатская освобождается отъ польскаго вліянія, заводятся русскія школы, проводится земельная реформа, освобожденіе крестьянъ, которое привязываетъ сердце польскаго крестьянскаго населенія къ Царю-Освободителю. Но, разумѣется, поляки не могли уступить безъ боя Холмщину, которая какъ будто бы стала ускользать изъ ихъ рукъ. Латино-польская пропаганда изъ Кракова и Львова направляетъ всѣ свои силы, чтобы удержать въ своихъ рукахъ эту Холмщину. Начинается страшная борьба за нее, борьба не на жизнь, а на смерть.

Борьба эта съ неослабѣвающей энергіей продолжается и въ настоящее время. И я, къ своей скорби и къ своему стыду, долженъ признать, что борьба эта была для насъ далеко не побѣдоносной. Правда, нельзя сказать, чтобы мы, русскіе, въ этой борьбѣ были совершенно побѣждены: все же до

300.000 православнаго русскаго населенія мы сумѣли удержать въ лонѣ православной церкви. Но несомнѣнно, что неумѣлая, безсистемная политика наша, какъ церковная, такъ и государственная, наши грубыя ошибки привели насъ къ катастрофѣ 1905 г., когда мы потеряли 170.000 русскаго народа. Борьба эта, г.г., ведется и въ настоящее время, и она не можетъ окончиться, не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ пока не будетъ рѣшенъ коренной и основной вопросъ о томъ, какой быть Холмщинѣ—русской или польской, вернуться ли ей въ то жалкое состояніе, въ которомъ она находилась въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, умереть ли насильственной смертью, быть ли ей задушенной польскимъ засильемъ, или крѣпнуть и развиваться на самобытныхъ русскихъ началахъ. Я удостовѣряю, что пока Холмщина будетъ составлять нераздѣльную часть Царства Польскаго, пока поляки будутъ смотрѣть на нее, какъ выражается гр. Тышкевичъ, какъ на свое неотъемлемое историческое и національное достояніе, пока русскій народъ будетъ мучительно созпавать свою прикованность къ Польшѣ, намъ не поднять русской Холмщины, не воскресить ея самобытности. Процессъ ея полонизаціи будетъ продолжаться дальше и дальше—до тѣхъ поръ, пока тамъ ничего русскаго не останется, т.-е. до самой ея смерти.

Васъ, г.г., могутъ удивить мои слова, какимъ образомъ какое-то реально несуществующее Царство Польское можетъ спорить и вести борьбу съ великой Россіей изъ-за Холмщины; что можетъ сдѣлать Царство Польское, безсильное и слабое, почти несуществующее? Да, г.г., для насъ съ вами и вообще для русскаго государства этотъ терминъ «Царство Польское» является не чѣмъ инымъ, какъ архаизмомъ, не имѣющимъ реальнаго значенія. Мы отлично понимаемъ, что на всемъ пространствѣ нашего великаго государства, отъ Калиша до Владивостока, никакого Царства Польскаго нѣтъ, а есть одно лишь царство русское, но не такъ объ этомъ думаютъ г.г. поляки. особенно ихъ политическіе дѣятели. При разсмотрѣніи холмскаго законопроекта въ комиссіи мы слышали заявленіе польскихъ депутатовъ о томъ, что Царство Польское есть обособленная цѣльная единица въ русскомъ государствѣ, и что это юридическій терминъ, опирающійся даже на акты международнаго права. Точно такъ же и сейчасъ передъ вами очень горячо депутатъ Дымша говорилъ о ненарушимыхъ границахъ Царства Польскаго; бывшій депутатъ Дмовскій точно такъ же называетъ Царство Польское особымъ обособленнымъ организмомъ русскаго государства. Вообще мысль о самостоятельной Польшѣ или, по крайней мѣрѣ, о Польшѣ автономной глубоко лежитъ въ сознаніи польскихъ дѣятелей, и я думаю, что никогда и ничѣмъ ее нельзя искоренить.

Еще недавно, въ годы нашей революціи въ 1905—1906 г.г. какъ будто были близки къ осуществленію ихъ мечты, и ихъ мысли объ автономной Польшѣ находили себѣ живое сочувствіе даже въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Мечты о возстановленіи Польши, Польши самостоятельной, неуклонно и постоянно вколачиваются въ сознаніе мѣстнаго населенія; что «Польска еще не сгинела», что Польша существуетъ и должна существовать, эти лозунги время отъ времени проносятся по всему нашему краю и особенно, конечно, мучительно отдаются въ русской Холмщинѣ. Если эти ловко пускаемые лозунги, съ одной стороны, поднимаютъ фанатизмъ и національстическія стремленія польскаго народа, то можно себѣ представить, какое же тяжелое, гнетущее впечатлѣніе они производятъ на нашихъ бѣдныхъ, забитыхъ холмскихъ русскихъ крестьянъ. Польша будетъ, имъ говорятъ, будетъ она не только въ Варшавѣ или Радомѣ, но, говорятъ, она будетъ и въ Холмѣ и въ Подляшьѣ, потому что она составляетъ неразрывную часть Царства Польскаго. А народъ нашъ знаетъ, что значитъ будетъ Царство Польское; онъ отлично знаетъ, что не будетъ тогда мѣста ни русской православной вѣрѣ, ни русскому языку, да и ему прямо говорятъ, чтобы онъ сталъ полякомъ, ибо для русскаго языка, для русскаго народа не будетъ мѣста въ возстановленномъ Царствѣ Польскомъ, а иные прибавляютъ и болѣе радикальныя увѣренія въ томъ, что русскихъ погонятъ за Бугъ до Москвы, а то и прямо говорятъ, что русскихъ перерѣжутъ. И вотъ, въ этомъ вѣковомъ кошмарѣ надвигающейся Польши столько вѣковъ живетъ уже нашъ народъ, и это гнететъ и давитъ его національное сознаніе; его сердце русское влечетъ его въ православную церковь, но мысль о томъ, что, можетъ быть, придетъ Польша и погонитъ его насильно въ костелъ, заставляетъ заглянуть и въ католическій храмъ; онъ посѣщаетъ русскую школу, но мысль о возстановленіи Польши заставляетъ его иногда идти и въ тайную польскую школу.

Одинъ изъ нашихъ священниковъ разсказывалъ мнѣ въ этомъ отношеніи очень характерный, замѣчательный фактъ. Недавно, уже въ послѣдніе годы, когда послѣ возсоединенія уніатовъ прошло уже 35 лѣтъ, ему пришлось случайно зайти на чердакъ своего православнаго русскаго храма вмѣстѣ со старостой. Староста совершенно крѣпкій православный русскій человѣкъ, который забылъ уже старую эту унію, и весь приходъ совершенно православный и твердый; и вотъ, священникъ вмѣстѣ со старостой, осматривая старыя вещи на чердакѣ, нашли тамъ, между прочимъ, сложенныя нѣкоторыя принадлежности латинско-уніатскаго богослуженія; когда священникъ спросилъ этого старосту, зачѣмъ онъ хранитъ эти остатки, то тотъ ему отвѣчаетъ: а можетъ быть, батюшка, Польша опять вернется и опѣ

опять попадобятся. Вотъ подъ какимъ сознаніемъ живетъ вѣчно нашъ холмско-русскій крестьянинъ. Я бы хотѣлъ, г.г., чтобы вы поняли эту ужасную психологію нашего мѣстнаго русскаго крестьянина, это постоянное его душевное раздвоеніе. Разсѣйте, г.г., въ немъ этотъ кошмаръ, давящій его и парализующій всѣ усилія для его національнаго возрожденія, размежуйте его съ поляками, разрубите эти вѣковыя цѣпи, вѣковые кандалы, которые приковываютъ его къ Польшѣ. Пусть поляки мечтаютъ себѣ о чемъ угодно—объ автономной самостоятельной Польшѣ, но пусть эти мечты не касаются и идутъ мимо нашего русскаго холмскаго православнаго крестьянина, пусть онѣ не гнетутъ и не насилуютъ его души. Дайте твердую увѣренность, что его судьба, его будущее связано не съ Польшей, а съ великой Россіей, и въ этомъ единеніи онъ почерпнетъ силы для своего всесторонняго и свободнаго культурнаго и національнаго возрожденія. Свяжите его жизнь тѣсной органической связью съ общерусской жизнью, введите ее въ общее русское русло, и онъ сразу окрѣпнетъ въ своемъ національномъ сознаніи, да, можетъ быть, и поляки, когда потеряютъ всякую надежду на то, что Холмщина составляетъ ихъ неразрывную часть, можетъ быть, и поляки найдутъ въ себѣ силы, чтобы отъ нея отказаться, къ тому, чтобы ее не ассимилировать себѣ, и направятъ свою внутреннюю работу и свои усилія на этнографическую Польшу.

Но, г.г., можетъ быть вы думаете, что я въ данномъ случаѣ преувеличиваю значеніе Царства Польскаго, какъ главнаго фактора ополяченія. Но примите во вниманіе прежде всего темноту и бѣдность нашего крестьянина, его вѣковую зависимость отъ Польши, и вамъ станетъ ясна его психологія, да и горькая современная дѣйствительность часто подтверждаетъ ему, что Польша для него вовсе не фикція, вовсе не фантазія, вовсе не звукъ пустой, а сила, и подчасъ грозная и страшная сила. Вспомните недавніе 1905—1906 г.г., когда поляки во всю ширь развернули свои знамена съ бѣлыми орлами и, подъ предводительствомъ своего Люблинскаго епископа, прошли всю Холмщину и Подляшье. Когда растерявшаяся наша русская власть попряталась по щелямъ, а русскій народъ былъ брошенъ и предоставленъ на произволъ судьбы, и когда Холмщина огласилась воплями и стонами народа отъ того страшнаго террора и засилья, которые распространились по всей Холмщинѣ. Развѣ тогда не было реально существующей Польши въ нашемъ краѣ, развѣ не были тогда поляки въ этой Холмщинѣ торжествующими побѣдителями, развѣ они не чувствовали себя тогда хозяевами положенія? А бѣдный русскій народъ развѣ не чувствовалъ себя въ положеніи какихъ-то несчастныхъ затравленныхъ зайцевъ, въ положеніи какихъ-то безправныхъ плотовъ? Да что говорить о 1905 г.; даже и въ обы-

кновенное, болѣе мирное время всегда у насъ чувствуется, съ одной стороны, сплошная, крѣпко организованная польская сила экономическая и интеллигентная, предъ которой гнется и никнетъ наше русское безсиліе, наша крестьянская темнота и бѣдность. А теперь, вотъ, надвигается еще польское самоуправленіе городское, которое уже разсматривается въ Государственной Думѣ, а вслѣдъ за нимъ, можетъ быть, послѣдуетъ и земское самоуправленіе. Это самоуправленіе передастъ окончательно всѣ нити жизни въ польскія руки, и тогда, конечно, еще болѣе русскій народъ окажется въ положеніи полнаго безправія. Министръ внутреннихъ дѣлъ соединяетъ этотъ законопроектъ именно съ проектомъ введенія польскаго самоуправленія, и я думаю въ данномъ случаѣ, что онъ поступаетъ совершенно справедливо.

Въ подтвержденіе моей главной мысли о необходимости выдѣленія Холмщины изъ состава Царства Польскаго, позвольте мнѣ сослаться на того государственнаго дѣятеля, авторитетъ котораго во всякомъ случаѣ является для Холмщины очень высокимъ и непререкаемымъ. Я разумѣю уже упомянутаго мною замѣчательнаго государственнаго дѣятеля кн. Черкасскаго, замѣчательнаго дѣятеля эпохи великихъ реформъ Александра II, извѣстнаго, конечно, всей Россіи, а въ Холмщинѣ его имя записано на скрижаляхъ жизни золотыми буквами. Онъ положилъ первое прочное основаніе для возрожденія Холмщины и, проводя свои благодѣтельныя для Холмщины реформы, онъ первый понялъ, какое важное и существенное значеніе имѣетъ въ дѣлѣ возрожденія русской Холмщины именно объединеніе всего русскаго холмскаго населенія въ одну губернію, съ присоединеніемъ ея къ коренной Россіи. Выдержка изъ журнала того комитета, который подъ его предсѣдательствомъ дѣлилъ Царство Польское на губерніи, уже была прочитана здѣсь докладчикомъ, я повторять ее не буду, но сущность ея сводится къ тому, что эта мѣра, какъ онъ говоритъ, имѣла бы важное значеніе и представила бы рѣшительный шагъ къ возстановленію въ этомъ краѣ полуподавленной русской народности, какового возстановленія, даже при всѣхъ усиліяхъ правительства, трудно достигнуть, доколѣ вся мѣстная администрація будетъ привлекать народъ къ польской церкви. Такъ ясно и такъ вѣрно стоялъ въ сознаніи этого замѣчательнаго дѣятеля вопросъ о необходимости образованія Холмской губерніи, и остается только сожалѣть о томъ, что послѣдующіе дѣятели не имѣли ни того государственнаго разума, ни рѣшимости воли для того, чтобы послѣдовать завѣтамъ кн. Черкасскаго.

Впрочемъ я долженъ сказать, что нашъ проектъ имѣетъ за собою защитниковъ и друзей и въ лицѣ нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей мѣстнаго края.

Такъ я долженъ упомянуть, прежде всего, варшавскаго генералъ-губернатора гр. Шувалова, на котораго уже здѣсь ссылались и по указаніямъ котораго разрабатывался настоящій законопроектъ. Онъ эту мѣру считалъ весьма важной для рѣшенія запутаннаго уніатскаго вопроса, ибо ею достигалось, какъ онъ говорилъ, объединеніе русскаго населенія, расчлененнаго нынѣ между двумя губерніями, и отвлеченіе его отъ Люблина и Сѣдлеца, этихъ излюбленныхъ очаговъ польской и іезуитской пропаганды. Такого же взгляда держался на этотъ вопросъ помощникъ варшавскаго генералъ-губернатора гофмейстеръ Петровъ и кн. А. Д. Оболенскій, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта;—послѣдній входилъ въ подробное разсмотрѣніе мѣръ, направленныхъ къ огражденію русско-холмскаго населенія отъ окончательнаго ополяченія, и онъ приходитъ къ такому заключенію, что въ ряду этихъ мѣръ учрежденіе Холмской губерніи, играетъ весьма важную роль, поскольку это имѣетъ своей задачей административное объединеніе всего мѣстнаго населенія уніатскаго, т.-е. русскаго племени, относительно охраненія котораго отъ ополяченія еще не потеряна надежда.

Но, г.г., всегда были и теперь къ, сожалѣнію, есть многочисленные сильные враги настоящаго законопроекта. Въ ряду этихъ противниковъ наши оппоненты обыкновенно указываютъ знаменитаго варшавскаго генералъ-губернатора фельдмаршала Гурко. Конечно, это дѣйствительно противникъ сильный и авторитетный, но напрасно, я думаю, наши оппоненты считаютъ его своимъ единомышленникомъ. Если Гурко и возражалъ противъ настоящаго законопроекта, то совершенно по другимъ мотивамъ, не тѣмъ, по которымъ возражаютъ въ настоящее время противники этого законопроекта. Во-первыхъ, надо сказать, что онъ не былъ принципіальнымъ противникомъ законопроекта; напротивъ, по его порученію, въ его генералъ-губернаторство—это надо замѣтить—разрабатывался именно вопросъ объ объединеніи русской Холмщины въ одну губернію, и онъ указываетъ даже и тѣ мотивы, которыми онъ руководился въ данномъ случаѣ, и то значеніе, какое имѣла бы эта мѣра. Я позволю себѣ прочесть, какъ онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Онъ признавалъ необходимымъ выдѣленіе русскаго Забужья въ особую административную единицу «въ цѣляхъ: 1) полученія возможности управлять всѣмъ этимъ исторически русскимъ краемъ на такихъ основаніяхъ, на которыхъ управляются юго-западный и сѣверо-западный край, принимать въ немъ всѣ тѣ мѣры, которыя осуществляются для укрѣпленія русскаго элемента въ территоріяхъ, однородныхъ съ нимъ по національно-политическимъ условіямъ; 2) дѣйствительнаго объединенія всѣхъ принимаемыхъ по уніатскому вопросу мѣропріятій на самомъ мѣстѣ, тогда какъ при раздѣленіи русскаго возсоединеннаго населенія въ двухъ губерніяхъ они мо-

гутъ быть объединяемы только въ управленіи варшавскаго генералъ-губернатора; 3) облегченія задачъ губернскихъ властей, которыя могутъ руководствоваться одной и тою же инструкціей на всей территоріи губерніи; 4) огражденія русскаго элемента отъ давленія польской массы и доставленія ему фактическаго большинства; 5) отвлеченія русскаго забужанина отъ польскихъ фанатическо-католическихъ центровъ Люблина и Сѣдлеца, привлеченія его къ древле-русскому и православному Холму, при нѣкоторыхъ административныхъ затрудненіяхъ для посѣщенія упомянутыхъ польскихъ центровъ и для переселенія изъ русскаго Забужья въ польскія мѣстности; 6) болѣе частаго общенія значительной части упорствующаго и полякующаго Подляшья съ болѣе православной и болѣе русской Холмщиной... 8) глубокаго нравственнаго впечатлѣнія, которое несомнѣнно произвела бы эта мѣра на населеніе русскаго Забужья, какъ русское, такъ и польское, такъ какъ въ образованіи въ этой мѣстности особой, русской по большинству населенія, губерніи оно несомнѣнно увидѣло бы рѣшительный шагъ къ разобщенію Забужской исторической Руси съ исторической Польшей и поняло бы всю неосновательность поддерживаемой разными агитаторами надежды на поворотъ правительственной политики. Изъ этого видно, можно ли дѣйствительно считать варшавскаго генералъ-губернатора Гурко принципіальнымъ противникомъ настоящаго законопроекта. Правда, онъ былъ противникомъ выдѣленія Холмщины изъ Царства Польскаго, но не былъ противникомъ образованія самостоятельной Холмской губ. И очень интересно остановиться на тѣхъ аргументахъ, на которыхъ основывалъ Гурко свое отрицательное отношеніе къ вопросу о выдѣленіи изъ Царства Польскаго нашей Холмщины и Подляшья. Особенно интересны его воззрѣнія, потому что всѣ послѣдующіе дѣятели только повторяли большею частью его аргументы, не прибавляя почти ничего новаго. Этотъ вліятельный генералъ-губернаторъ признавалъ невозможнымъ отсѣченіе русской Холмщины отъ Царства Польскаго по соображеніямъ какъ военно-стратегическимъ, такъ и административнымъ. Онъ говорилъ, что въ настоящее время варшавскій генералъ-губернаторъ, совмѣщая въ своемъ лицѣ полноту власти какъ военной, такъ и административной на всемъ протяженіи Привислинскаго края, можетъ безпрепятственно осуществлять задачи по оборонѣ края; съ выдѣленіемъ же Холмщины изъ Царства Польскаго и съ подчиненіемъ ее другому гражданскому управленію онъ лишенъ былъ бы возможности руководить военнымъ дѣломъ на этой территоріи; но Гурко упускалъ изъ виду, что и въ настоящее время границы гражданскаго и военнаго управленія варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа совершенно не совпадаютъ. Такъ, напримѣръ,

большая крѣпость Брестъ, а также и Бѣлостокъ въ военномъ отношеніи принадлежатъ варшавскому округу, а въ гражданскомъ отношеніи принадлежатъ Гродненской губ. Затѣмъ Ковель, Владиміръ-Волынскій въ военномъ отношеніи—варшавскому округу, въ гражданскомъ отношеніи—Волынской губ., Сувалкская губ., наоборотъ, въ гражданскомъ отношеніи подчинена Варшавской губ., а въ военномъ отношеніи—Виленской губ. Съ точки зрѣнія административной отдѣленіе Холмщины, по мнѣнію Гурко, очень затруднило бы задачу политическаго надзора за населеніемъ этихъ мѣстностей, среди котораго такъ называемые упорствующіе составляютъ элементъ неспокойный и неблагонадежный. При административномъ отдѣленіи Холмскаго края отъ варшавскаго генералъ-губернаторства трудно было бы слѣдить за всѣми нитями и развѣтвленіями латино-польской пропаганды, исходящей главнымъ образомъ изъ Варшавы и изъ-за границы, тѣмъ болѣе, что на мѣстѣ не будетъ власти болѣе сильной, чѣмъ губернаторская, облеченной бо́льшими полномочіями для успѣшнаго и рѣшительнаго подавленія этой пропаганды.

Но, г.г., если и прежде этотъ политическій надзоръ и эти полицейскія мѣры среди русской пропаганды въ Холмщинѣ не имѣли успѣха и давали плачевный результатъ, то теперь, при новыхъ условіяхъ политической жизни, эти соображенія, конечно, теряютъ всякое значеніе.

Чтобы понять, г.г., отрицательное отношеніе генерала Гурко къ вопросу о выдѣленіи Холмщины изъ состава Царства Польскаго, нужно имѣть въ виду, что онъ задавался цѣлью строгаго проведенія русскихъ началъ не только въ Холмщинѣ, но и въ Варшавѣ; онъ хотѣлъ сдѣлать не только Холмщину, но и Варшаву русской, и потому опасался, что отсѣченіе русской Холмщины до нѣкоторой степени поколебало бы у него почву въ послѣдовательномъ и настойчивомъ проведеніи политики, такъ называемой, русификаціи. Но, г.г., если бы онъ дожилъ до нашихъ дней, его постигло бы горькое разочарованіе. Варшаву мы не обрусили и, думается, что никогда не обрусимъ, а добрую половину Холмщины допустили ополячить. У насъ тамъ, на нашей западной окраинѣ, нынѣ впору намъ отстоять свое коренное историческое русское достояніе, а чужого намъ не надо.

Депутатъ Дымша въ своей рѣчи называлъ противниками нашего законопроекта варшавскихъ генералъ-губернаторовъ кн. Имеретинскаго, генерала Гурко и нынѣшняго генералъ-губернатора Скалона. Это правда, всѣ означенные генералъ-губернаторы, мало знакомые съ положеніемъ холмскаго вопроса, не знающіе Холмщины и всѣхъ условій ея жизни и писавшіе свои отзывы, надо сказать горькую правду, подъ диктовку своего всесильнаго чиновника Ячевскаго, дѣйствительно относились несочувственно къ

вопросу о выдѣленіи Холмской Руси. Но вотъ что замѣчательно: многіе видные и умные чиновники до тѣхъ поръ, пока служили въ Варшавѣ, были противъ выдѣленія, но когда они потомъ попадали на службу въ предѣлы Люблинской и Сѣдлецкой губ., когда они окунались въ нашу холмскую жизнь, они дѣлались горячими сторонниками нашего законопроекта. Какъ на примѣръ, я могу указать на нынѣшняго Люблинскаго губернатора, камергера Мѣнкина. Упомянутые генералъ-губернаторы въ своихъ отрицательныхъ отзывахъ о выдѣленіи Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго не говорятъ ничего новаго; они приводятъ лишь одинъ, впрочемъ весьма существенный, новый аргументъ сравнительно съ тѣмъ, что говорилось раньше фельдмаршаломъ Гурко; именно они говорятъ, что административное выдѣленіе Холмщины явится мѣрой и дорого стоящей и нецѣлесообразной, что гораздо важнѣе широкое развитіе культурнаго воздѣйствія на мѣстное русское населеніе путемъ расширенія сѣти народныхъ школъ, поднятія миссіонерскаго уровня духовенства, поддержанія старыхъ и созданія новыхъ обителей съ просвѣтительными задачами и проч. Эти самыя мысли повторилъ потомъ 26-го марта 1902 года въ особомъ совѣщаніи по холмскому вопросу бывшій тогда министръ финансовъ, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта гр. Витте.

Мы, конечно, очень признательны этимъ печальникамъ и радѣтелямъ культурнаго возрожденія нашей Холмщины. Но когда намъ эти культурныя мѣры предлагаютъ взамѣнъ нашей главной нужды, именно, отдѣленія Холмщины и присоединенія ея къ коренной Россіи, то намъ, обитателямъ Холмщины, въ этихъ словахъ слышится или незнаніе дѣла, или скрытое лукавство, или даже злая иронія. Русская школа, русскій просвѣтительный монастырь, конечно, все это очень хорошо, и дай Богъ всего этого побольше. Но почему же все это исключаетъ необходимость тѣснѣйшаго сліянія русской Холмщины съ коренной Россіей? Скажу болѣе, развѣ это не требуетъ тѣснѣйшаго объединенія и органическаго сліянія Холмщины со всей великой Россіей? Вѣдь вся культура, г.г., имѣетъ строго опредѣляющіе ее національные признаки, и культура польская не похожа на культуру русскую. Поэтому русская культура въ Холмскомъ краѣ для своего укрѣпленія и для своего процвѣтанія должна имѣть соотвѣтствующую обстановку и соотвѣтствующую атмосферу. Всякое культурное насажденіе будетъ прочно, когда оно будетъ посажено въ соотвѣтственно подготовленную почву, гдѣ оно пуститъ свои глубокія корни. Поэтому и русскій монастырь и русская школа только тогда могутъ плодотворно работать, когда вокругъ нихъ будетъ соотвѣтственная благопріятная обстановка.

Не потому ли всѣ культурныя начинанія нашей Холмщины такъ плохо прививаются, что они садятся въ неподготовленную, холодную, враждебную и засоренную польскимъ бурьяномъ почву. Очистите эту почву отъ этихъ польскихъ терній, и тогда всѣ эти культурныя учрежденія станутъ процвѣтать и приносить обильные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли увлечь нашего крестьянина культурною русскою работою, когда въ его сознаніи гвоздемъ сидитъ мысль, что онъ находится въ Польшѣ, что онъ неразрывными узами прикованъ къ этой Польшѣ, долженъ быть съ нею связанъ? Пословица говоритъ: «съ волками жить—по-волчьи выть»; другая пословица:— «на чьемъ возу сижу—тому и пѣсню пою». Пересадите нашего русскаго холмскаго крестьянина на русскій возъ, и онъ запоетъ тогда русскія пѣсни. Судите сами, г.г., какъ можно съ усердіемъ и увлеченіемъ работать, когда не знаешь, что будетъ завтра, когда не увѣренъ, что завтра придетъ какая-нибудь польская автономія, польское самоуправленіе, налетитъ польскій шквалъ и смететъ всю эту культурную работу, всѣ эти попытки, направленныя къ возрожденію народной жизни, и все перевернетъ вверхъ дномъ? У насъ, г.г., нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; у насъ нѣтъ почвы подъ ногами; почва постоянно колеблется и ускользаетъ изъ-подъ нашихъ ногъ, и поэтому естественно пропадаетъ энергія и опускаются руки къ культурной работѣ. Укрѣпите, г.г., эту почву, сдѣлайте Холмщину русской, а не польской, и тогда на этомъ фундаментѣ мы будемъ возводить стройное зданіе русской культуры въ этомъ обездоленномъ, забытомъ и убогомъ уголкѣ русской земли.

Вѣдь Холмщина, г.г., эта несчастная Холмщина лишена даже стройнаго, систематическаго, органическаго законодательства. Проходитъ, напримѣръ, какой-нибудь хорошій, благодѣтельный русскій законъ, ну, положимъ, законъ о землеустройствѣ, и онъ не распространяется на Холмщину, потому что на пути его распространенія стоитъ этотъ терминъ: Царство Польское. Съ другой стороны, проходитъ хорошій законъ для Царства Польскаго; опять для Холмщины, какъ русскаго уголка, дѣлаются разныя исключенія, можетъ быть, иногда даже необходимыя, разныя изъятія, и вотъ все время жизнь Холмщины строится на основаніи этихъ исключеній, изъятій, особыхъ распоряженій, административныхъ циркуляровъ. Возможно ли, г.г., на этихъ непрочныхъ и случайныхъ, такъ сказать, основахъ строить какую-нибудь культурную работу? Возможно ли культурное стройное развитіе русской холмской народной жизни?

Есть, г.г., еще одно и весьма важное возраженіе противъ нашего законопроекта, пытающееся опереться на идею славянскаго единенія. Есть люди среди нашей русской интеллигенціи, которые къ этому единенію идутъ

съ завязанными, закрытыми глазами, которые, ради этого дѣйствительно большого и хорошаго дѣла, готовы расточить и предать наше русское коренное, историческое достояніе, готовы забыть свое національное, русское достоинство. Вотъ такіе-то русскіе друзья поляковъ обыкновенно говорятъ намъ: зачѣмъ вы поднимаете холмскій вопросъ, который разстраиваетъ русско-польскія отношенія, сѣетъ вражду между братскими народами? Нужно стремиться къ единенію и къ миру съ братьями-поляками, а вы обостряете вражду и ненависть. Эти рѣчи мы слышали и здѣсь въ Государственной Думѣ и на мѣстѣ, гдѣ глашатаемъ и проводникомъ этого взгляда былъ генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій, который возставалъ противъ холмскаго законопроекта, между прочимъ, потому, что эта мѣра, говоритъ онъ, произвела бы удручающее впечатлѣніе на умы мѣстнаго польскаго населенія и вызвала бы озлобленіе въ душѣ даже благомыслящаго поляка. Вотъ, г.г., какъ нѣкоторые русскіе администраторы, а вслѣдъ за ними и извѣстная часть русскаго общества заботятся о настроеніяхъ польскихъ, вотъ какъ они боятся вызвать всякое раздраженіе или удручающее впечатлѣніе у поляковъ, а до того дѣйствительно удручающаго положенія, въ которомъ цѣлые вѣка и теперь находится по милости поляковъ нашъ холмскій русскій народъ, о томъ, что народъ тамъ пропадаетъ, объ этомъ какъ будто совсѣмъ имъ дѣла нѣтъ. Правду сказать, эти призывы къ миру и единенію для насъ звучатъ иногда глубокой фальшью; представьте себѣ, что если бы въ квартиру этихъ г.г. примирителей ворвались воры и стали грабить ихъ и убивать, а я бы сказалъ ограбляемымъ и убиваемымъ: не раздражайте грабителей, не защищайтесь, не возбуждайте ихъ страстей, старайтесь примириться съ ними. Что бы они мнѣ отвѣтили на этотъ добрый совѣтъ? Такъ же точно и въ нашемъ холмскомъ вопросѣ призывы къ миру, братскому единенію должны быть обращены къ сильнѣйшей сторонѣ, прежде всего къ г.г. полякамъ, а не къ нашимъ бѣднымъ холмскимъ крестьянамъ.

И почему холмскій законопроектъ вызываетъ у поляковъ такую ожесточенную злобу и ненависть,—какое зло мы причиняемъ, на какія права посягаемъ? Русское населеніе Холмщины просто хочетъ отмежеваться отъ поляковъ, хочетъ зажить свободной жизнью въ единеніи со всѣмъ великимъ русскимъ народомъ, нисколько не стѣсняя поляковъ и предоставляя имъ жить, какъ угодно, лишь бы не во вредъ русской государственности. По моему, это такъ естественно, такъ справедливо, что и сами г.г. поляки должны были бы отнестись къ нашему проекту доброжелательно. Почему же они такъ ожесточенно нападаютъ на насъ, почему же они такъ настойчиво сопротивляются этому законопроекту? Потому, говорятъ, что это четвертый раздѣлъ Польши, что тутъ нарушаются границы Царства Польскаго,

нарушается Вѣнскій трактатъ 1815 года. Въ этомъ смыслѣ, съ легкаго почина депутата Наконечнаго, была развита сильная агитація не только въ Россіи, но даже и за границей, какъ говорилъ объ этомъ вчера министръ внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, г.г. поляки въ данномъ случаѣ хотятъ прибѣгать къ тѣмъ же недостойнымъ средствамъ, къ какимъ недавно еще прибѣгали финляндскіе сепаратисты. Зачѣмъ, спрашивается, теперь это обращеніе къ иностраннымъ державамъ, къ иностраннымъ политическимъ кругамъ, зачѣмъ эти угрозы чуть ли не международными осложненіями въ холмскомъ вопросѣ? Можетъ быть они думаютъ запугать русское правительство, запугать и наши законодательныя учрежденія. Но, я думаю, единственно достойный отвѣтъ на всѣ эти мѣры—это полное игнорированіе, совершенное презрѣніе къ такимъ недостойнымъ пріемамъ веденія борьбы. Я не думаю, чтобы сами поляки придавали серьезное значеніе этому Вѣнскому трактату 1815 года, тѣмъ болѣе, что этотъ трактатъ очерчиваетъ границу западную, границу, отдѣляющую насъ отъ сосѣднихъ державъ—Австріи и Германіи, а не касается восточной границы. Вѣдь этотъ трактатъ уже разорванъ мятежами польскими 1831—1863 г.г. Еще недавно одинъ видный польскій историкъ Аскенази выразился, что значеніе этого трактата число нулевое, и, думается, что вовсе не изъ-за этой разорванной грамоты въ настоящее время поляки на насъ мечутъ громы и молніи, а потому, что они отлично понимаютъ, что съ отдѣленіемъ отъ Царства Польскаго Холмская Русь совершенно ускользнетъ изъ-подъ ихъ рукъ, изъ-подъ ихъ вліянія и быстро пойдетъ по пути своего національнаго возрожденія, станетъ дѣйствительно русскою, а не польскою. Въ этомъ вся суть, весь гвоздь настоящаго вопроса, вся острота нашего безконечнаго спора съ поляками.

Какой должна быть Холмщина? Польской или русской? Вотъ нашъ главный, коренной нашъ вопросъ, и развѣ въ этомъ вопросѣ возможенъ какой-либо компромиссъ, какая-либо уступка, какое-либо примиреніе? Конечно нѣтъ. И напрасно морочатъ головы тѣ господа, которые говорятъ о какомъ-то мирѣ, который какъ будто бы царитъ въ Холмщинѣ между русскимъ и польскимъ населеніемъ, который есть не только теперь, но который былъ даже въ 1905 году. Нужно ли мнѣ, г.г., возобновлять предъ вами всю ту картину ужасовъ террора и насилій, которые царили у насъ во всей Холмской землѣ; нужно ли возобновлять тѣ стоны, тѣ вопли, которые неслись отъ одного края до другого, о чемъ я уже вамъ достаточно говорилъ? Г.г. поляки, особенно членъ Государственный Думы Дымша, увѣряетъ васъ, что все это неправильно, что всѣ эти заявленія голословны, что все дѣло въ какой-то преступной нашей агитаціи. Эта же мысль выражена и въ томъ особомъ мнѣніи, которое приложено къ настоящему законопроекту. Въ этомъ

отношеніи г.г. поляки идутъ очень далеко и допускаютъ даже прямо инсинуаціи по моему адресу и по адресу ввѣреннаго мнѣ духовенства. Вотъ, напримѣръ, на страницѣ 15 говорится, будто бы нѣкоторыми священниками Красноставскаго уѣзда былъ данъ крестьянамъ совѣтъ нарушать существующіе законы и дѣлать выпасы во вредъ помѣщикамъ. Когда же мѣстный судья и крестьянскій комиссаръ стали за это карать преступныхъ, то священники послали телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ о защитѣ русскаго населенія, и епархіальному епископу, т. е. мнѣ, это было извѣстно. Я вчера съ мѣста, а сегодня съ этой трибуны открыто и твердо заявляю, что все это неправда, что никогда не только священники Красноставскаго уѣзда, но и никакіе наши священники не позволили бы себѣ подговаривать, подстрекать народъ къ тому, чтобы они нарушили законъ. Я заявляю, что этого факта не было, а было дѣйствительно обращеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, но совершенно по другому поводу. Членъ Думы Дымша, очевидно, слышалъ звонъ, но не знаетъ, съ какой колокольни. Во-первыхъ, это было не въ Красноставскомъ уѣздѣ, а въ Бѣлгорайскомъ, въ томъ уѣздѣ, большая часть котораго занята, какъ извѣстно, землями ординаціи гр. Замойскаго. Тамъ, дѣйствительно, въ эти годы 1905—1906, ординація Замойскаго всѣми правдами и неправдами исхлопотала себѣ разрѣшеніе для сведенія и продажи огромной площади лѣса. Эксплоатацію этого лѣса взяла на себя заграничная еврейская компанія Франке и стала, вопреки закону, тамъ производить хищническую рубку, расхищеніе этого лѣса, а на этомъ лѣсѣ лежатъ крестьянскіе сервитуты. Крестьяне съ ужасомъ видѣли, что лѣсъ истребляется и что они фактически лишаются своихъ сервитутныхъ правъ на постройку и починку своихъ жилищъ; поднялась въ народѣ тревога, волненіе. Къ кому крестьянамъ обратиться? Конечно, естественно было обратиться къ чинамъ администраціи, къ начальнику уѣзда и къ комиссару, но, г.г., нечего грѣха таить, что не всегда можно нашимъ крестьянамъ обратиться къ нимъ, не всегда они являются истинными защитниками нашего русскаго безпомощнаго крестьянина; среди нихъ у насъ, по крайней мѣрѣ, являются иногда такіе типы, которыхъ нашъ народъ очень выразительно и очень многозначительно называетъ папскими. И вотъ, не надѣясь получить защиту тамъ, они обратились къ своимъ пастырямъ, къ своимъ священникамъ со своей нуждой, прося у нихъ защиты, и священники приняли къ сердцу эту народную нужду, ту скорбь народную, и послали, дѣйствительно, телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, прося защитить законные интересы крестьянъ. Я думаю, что въ данномъ случаѣ священники исполнили только свой пастырскій долгъ, и напрасно въ данномъ случаѣ на нихъ инсинуируютъ вотъ эти господа (указывая налѣво).

Въ отношеніи инсинуаціи, когда дѣло касается меня, то по моему адресу не скупятся члены Думы, представители польскаго коло. Вотъ, напримѣръ, тутъ же въ этомъ особомъ мнѣніи, на стр. 13, какъ опорочивается комиссія, опорочивается мое заявленіе въ Государственной Думѣ отъ 3-го мая въ 1910 году, когда я говорилъ, что въ имѣніи Красничинъ, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губ., на второй день праздника Рождества Христова въ экономіи помѣщика православные батраки выгнаны были на работы, и что православные крестьяне послѣ обѣдни пошли просить управляющаго этого помѣщика, чтобы онъ ихъ отпустилъ съ работъ ради этого великаго праздника, и что управляющій усмотрѣлъ здѣсь аграрные безпорядки, и по этому поводу были вызваны войска, которыя никакихъ безпорядковъ не нашли. Этому моему мнѣнію противопоставлялъ членъ Государственной Думы Дымша и въ комиссіи, и занесъ сюда, въ это особое мнѣніе, оффиціальное отношеніе начальника Красноставскаго уѣзда, гдѣ дѣйствительно говорится о какихъ-то аграрныхъ безпорядкахъ въ имѣніи Красничинъ, выразившихся въ массовомъ, подъ предсѣдательствомъ учителя, движеніи и самовольномъ уничтоженіи лѣса, въ угрозахъ разгромомъ имѣнія и т. д., что по этому поводу были вызваны войска и т. д. Къ счастью, г.г., я былъ самъ въ этомъ селѣ; я бесѣдовалъ съ крестьянами и имѣю теперь письменный документъ, письменное заявленіе отъ этихъ крестьянъ, какъ происходило это дѣло. Никакихъ аграрныхъ безпорядковъ не было, а въ дѣйствительности было именно такъ, какъ я передавалъ 3-го мая 1910 года въ Государственной Думѣ, и тутъ выясняются нѣкоторыя подробности, очень, пожалуй, неблагопріятныя для того административнаго лица, которое производило это разслѣдованіе. Но послѣ бесѣды съ этими крестьянами, послѣ ихъ заявленія, я больше вѣрю этимъ почтеннымъ старикамъ, мѣстнымъ крестьянамъ, нежели заявленію этого помощника начальника уѣзда, и думаю, что правда была на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ этого, хотя бы облеченнаго оффиціальной властью, лица. Судите сами, г.г., если бы дѣйствительно были крупные безпорядки, если бы было дѣйствительно самовольное уничтоженіе лѣса и проч., то развѣ этихъ учителей пощадили бы, развѣ ихъ не наказали бы весьма сильно, развѣ ихъ не постигло бы весьма сильное уголовное наказаніе? Однако ихъ черезъ день, черезъ два отпустили, и я утверждаю, никакого суда, никакого уголовнаго наказанія они не понесли. Итакъ, я снова повторяю, что то, что я сказалъ на основаніи донесенія мнѣ съ мѣста, была правда, а донесеніе начальника уѣзда страдало нѣкоторыми неточностями, чтобы не сказать больше.

Вотъ, г.г., въ какомъ положеніи приходится дѣйствительно жить нашему русскому крестьянину. Даже мѣстная администрація, не желая выносить,

какъ говорятъ, сора изъ избы, слѣдуя излюбленному правилу, что все обстоитъ благополучно, всѣ заявленія и вопли оттуда сюда въ Петербургъ стараются замазать, затушевать, сказать, что одно не доказано, другое—преувеличено. Но вотъ другое болѣе авторитетное свидѣтельство, будто бы въ 1905—1906 г.г. были миръ, тишь и гладь и Божья благодать въ Холмской Руси. Намъ вчера членъ Государственной Думы Дымша приводилъ отрывокъ изъ посланія римско-католическаго Люблинскаго еп. Ячевскаго, который такъ характеризуетъ настоящую жизнь въ это время,—вы помните это заявленіе, я прочту изъ него только нѣсколько строкъ: «Я посѣтилъ нѣсколько уѣздовъ, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстныхъ, населенныхъ римскими католиками и бывшими греко-уніатами; при этомъ удостовѣрился о взаимныхъ между разными слоями общества отношеніяхъ и, благодаря Бога, вездѣ находилъ спокойствіе, мирное занятіе своимъ трудомъ, а если гдѣ слышалъ объ уклоненіяхъ отъ сего, то это были мелкія недоразумѣнія, почти неизбѣжныя при близкомъ сосѣдствѣ; о злобѣ и ненависти жителей одной страны, исповѣдывающихъ различную религію, мнѣ не довелось слышать. Дошли ко мнѣ свѣдѣнія, что православными подпиленъ былъ крестъ, сооруженный католиками, въ другомъ мѣстѣ они желали присвоить себѣ часовню, католикамъ принадлежащую; случилось также, что сестрой милосердія православной не былъ допущенъ римско-католическій священникъ для послѣдняго напутствованія умирающей старушки по ея желанію. Но это были исключительные случаи, утопающіе въ морѣ мира и братскаго единенія, какое я вездѣ встрѣчалъ». Итакъ, г.г., какая идиллія: вездѣ миръ, тишина, спокойствіе; тишь да гладь, да Божья благодать, и только православные иногда нарушаютъ этотъ миръ, а со стороны католиковъ... они кротки, какъ агнцы. Вотъ, г.г., все противъ насъ: и увѣренія польского коло, и заявленія нѣкоторыхъ представителей администраціи, и заявленія высшаго духовнаго лица, пастыря католической церкви,—все противъ нашего безгласнаго, забитаго холмскаго русскаго крестьянина, его голосъ не слышенъ. Но за него Господь, за него святая правда жизни и неподкупная и неподкрашенная дѣйствительность. Позвольте вамъ, г.г., огласить нѣкоторые факты изъ этой истинной дѣйствительности, факты неоспоримые, потому что въ моихъ рукахъ имѣется документъ о томъ, какія дѣла на вѣроисповѣдной подкладкѣ проводились въ Люблинскомъ окружномъ судѣ въ 1905—1906 г.г. и какія поношенія и оскорбленія записаны въ лѣтописяхъ этого суда по отношенію къ святой православной вѣрѣ и церкви. Вотъ, г.г., эти дѣла такъ чудовищны, такъ ужасны, эти оскорбленія и поношенія такъ страшны, такъ грязно циничны, что не только я, какъ священникъ, но даже, я думаю, никто съ этой трибуны не въ состояніи былъ бы ихъ произнести.

Я выберу изъ нихъ наиболѣе мягкія оскорбленія, но и изъ нихъ вы увидите, какой миръ царствовалъ тогда въ 1905—1906 г.г. въ предѣлахъ Холмской Руси. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ одного дѣла. Православная вѣра характеризуется такъ: «Православная вѣра блудная, купленная за деньги, ничего не стоитъ, хуже всѣхъ вѣръ и упадетъ, какъ падаетъ листъ съ дерева». Это дѣло по архиву № 29753. «Православная вѣра хуже жидовской. Священникъ православный ходитъ въ церкви за заборомъ—т. е. это иконостасъ разумѣется—и молится, чтобы Богъ покаралъ православныхъ». Это № 29636. Дальше: «Православная вѣра отъ дьявола, который обмоталъ ее веревками и отдѣлилъ отъ католической вѣры». Дѣло по архиву № 30998. (Голосъ слѣва: въ какомъ это архивѣ?)—Люблинскаго окружнаго суда. «Православная вѣра наипогапѣйшая, хуже ея нѣтъ, вѣра купленная». № 31042. «Не иди въ церковь православную, ваша вѣра отъ чорта, а перейди (т. е. въ католичество), а то ты не имѣешь вѣры, и если останешься православнымъ, то будешь ни заяцъ, ни собака». Дѣло по архиву № 31026. Мнѣ тяжело дальше продолжать чтеніе этихъ ужасныхъ оскорбленій и попоненій православной вѣры. Вотъ еще, напримѣръ, фактъ: «29-го апрѣля 1907 г. въ с. Наброжѣ, Томашовскаго уѣзда, католикъ Горбань, проѣзжая недалеко отъ крестнаго хода, ожидавшаго пріѣзда еп. Евлогія, для освященія вновь построенной церкви, умышленно направилъ на крестный ходъ своихъ лошадей съ повозкой и такимъ способомъ опрокинулъ на землю православную хоругвь вмѣстѣ съ везущимъ ее крестьяниномъ. Виноватый приговоренъ окружнымъ судомъ съ соотвѣтствующему наказанію». Дѣло по архиву № 33287. Рядъ насилій, причиненныхъ католиками православному населенію, далъ послѣднему основаніе называть католиковъ «катовиками», т. е. мучителями, отъ глагола «катовать», е. т. мучить. Вотъ, г.г., сопоставьте эти факты съ тѣмъ заявленіемъ, которое дѣлаетъ римско-католическій Люблинскій епископъ, и вы поймете всю глубину этой неправды, вы поймете всю глубину іезуитскаго лицемѣрія, которымъ проникнутъ этотъ документъ. И такими, г.г., глумленіями, такими издѣвательствами, такими оскорбленіями наполнена была вся жизнь; они висѣли въ воздухѣ, ими была пропитана вся атмосфера жизни въ Холмской Руси въ 1905 до 1906 г.г. Нужны ли вамъ еще доказательства? У меня они есть, и при случаѣ я еще вамъ оглашу, если будутъ возражать противъ этого наши оппоненты, представители польскаго коло.

Правда, г.г., теперь въ послѣдніе годы въ Холмщинѣ уже нѣтъ тѣхъ ужасовъ, меньше уже слышатся тѣ стоны, которые раздавались и оглашали нашу несчастную Холмщину въ 1905—1906 г.г. и отъ которыхъ сердце обливалось кровью; теперь стало нѣсколько тише, но, г.г., прости те мнѣ грубое

выраженіе: когда удавъ проглотитъ большую добычу, то онъ тоже лежитъ спокойно, пока въ его желудкѣ совершается процессъ пищеваренія. Представители польской справы завладѣли 170.000 нашего православнаго русскаго народа, и теперь, естественно, ихъ мысль занята внутренней работой, работой ассимилированія этой захваченной добычи, постепеннаго претворенія ихъ въ настоящихъ поляковъ. Естественно, занятые и увлеченные этой работой, они не дѣлаютъ новыхъ нападеній, до поры до времени оставляютъ Холмскую Русь спокойной. Даже болѣе, я скажу,—мнѣ, какъ мѣстному жителю, извѣстно, что въ послѣднее время даны даже лозунги о томъ, чтобы было все тихо и спокойно. Пока холмскій законопроектъ находится на разсмотрѣніи законодательныхъ учрежденій, пока къ нему привлечено вниманіе русскаго общества, конечно, полякамъ невыгодно наступать, дѣлать нападенія и наступленія на русское населеніе. Напротивъ, теперь они даютъ по всей линіи приказы о томъ, чтобы все было тихо, потому что это укрѣпляетъ позицію противниковъ законопроекта. Къ чему выдѣленіе, зачѣмъ поднимать улегшіяся страсти, когда все тихо и спокойно? Но, г.г., мнѣ кажется, что эти завѣренія совершенно неискренни, это просто такой стратегическій, лучше сказать, тонкій и іезуитскій пріемъ, на который поддаются наши добродушные русскіе либералы, въ родѣ Н. Н. Львова.

Но и теперь, г.г., сквозь эту наружную красивую оболочку мира, и теперь иногда въ самое послѣднее время прорывается истинная, неподкрашенная, неподкупная дѣйствительность, которая ясно показываетъ, что мира у насъ въ Холмщинѣ нѣтъ и не можетъ быть при настоящихъ условіяхъ. Вотъ, г.г., впечатлѣнія мои прошлаго лѣта. Въ этомъ году, прошлымъ лѣтомъ, я посѣтилъ с. Кане, Холмскаго уѣзда, и увидалъ тамъ такую картину: православные жители Кане поставили недалеко отъ своего селенія на лугу крестъ, повѣсили Распятіе и икону Божіей Матери. И вотъ, въ католическій праздникъ Вознесенія фанатики-католики въ трехъ мѣстахъ перепилили этотъ крестъ и разбросали его по лугу. Я наблюдалъ картину этого фанатическаго католическаго изувѣрства. По моему предложенію, эти части снова были спаяны и крестъ снова поставленъ, изрубленный, разсѣченный, спаянный желѣзными спайками, какъ памятникъ этого изувѣрства (Голосъ слѣва: а виновные привлечены къ отвѣтственности?). Да, привлечены къ отвѣтственности. Вотъ другой фактъ. Въ г. Томашовѣ, опять въ это же лѣто, на православномъ кладбищѣ въ одну ночь были осквернены 30 могилъ, повержены въ прахъ 30 памятниковъ на православныхъ могилахъ; даже мертвыхъ не пощадили, даже мертвые почему-то имъ мѣшали. Это фактъ,—одинъ изъ виновныхъ привлеченъ къ отвѣтственности и посаженъ въ тюрьму, а двое другихъ бѣжали за границу. Такое же осквернепіе недавно произо-

шло въ г. Замостьѣ. Вотъ я недавно еще получилъ заявленіе отъ мѣстнаго священника, что прихожане Николаевской церкви, присяжный счетчикъ Замостскаго казначейства Данінлъ Неровня, жена его Анна Неровня и мать послѣдней, жительница мчк. Майданы, Анна Пекузинская заявили, что они, зайдя на мѣстное православное кладбищѣ, совмѣстно съ католическимъ, гдѣ была похоронена 22-го сентября сего года дочь Михаила и Анны Пекузинскихъ Наталія 17 лѣтъ, увидѣли, что ихъ могила, которая была оправлена дерномъ, совершенно разрыта, сравнена такъ, что не видно слѣда, и все это сдѣлалъ кладбищенскій сторожъ Мартинъ Зубъ 45 лѣтъ изъ вражды и ненависти къ православію; когда производилъ дознаніе старшій исправникъ Тарасюкъ, то они заявили, что онъ поносилъ православную вѣру и обряды, называлъ священника бородатымъ кацапомъ и говорилъ, что пусть онъ не приходитъ на наше католическое кладбище и не воняетъ здѣсь. Вотъ другой, г.г., протоколъ, тоже въ Замостьѣ: одна семья въ 1905 году, уступая насиліямъ и угрозамъ, крестьянинъ Михаилъ Щутка съ женой и дочерью Наталіей, которой теперь 8 лѣтъ, принуждены были принять католичество, при чемъ соблюдена была только одна формальность, т. е. перешедшіе были записаны въ костельную книгу, а въ душѣ они оставались православными и продолжали тайкомъ посѣщать православный храмъ; когда теперь настроеніе нѣсколько успокоилось, они открыто возвратились въ православную церковь, и я самъ ихъ возсоединилъ, когда былъ въ августѣ этого года въ Замостьѣ. Послѣ этого католики стали страшно преслѣдовать не только самого Михаила Щутку съ его женой, но и брата его Мартына, около года назадъ возвратившагося изъ военной службы. Около трехъ недѣль тому назадъ вся дер. Калиновица-Казенная собралась на улицѣ, направилась къ хатѣ Михаила и, крича: «Господи, помилуй», издѣвались разными ругательствами надъ православной вѣрой; затѣмъ толпа стала бросать въ хату камни и кирпичи и разбивать стекла. Тогда Михаилъ Щутка былъ съ жалобой у священника, а затѣмъ у Замостскаго уѣзднаго начальника, который поручилъ произвести дознаніе начальнику земской стражи, но дѣло дошло до того, что 4-го ноября въ 11 часовъ ночи крестьяне дер. Калиновица-Казенная, Иванъ Войцѣхъ и Антонъ Ющаки, Иванъ Рейманъ и многіе другіе, которыхъ въ темнотѣ нельзя было узнать, подступили къ хатѣ Щутки, выломали ворота и стали ломиться въ двери хаты. Михаилъ и Мартынъ Щутки стали къ дверяхъ и преградили собою дорогу, чтобы хотя защитить маленькихъ дѣтей. Тогда же Войцѣхъ и Антонъ Ющаки, палками и кирпичами сильно избили братьевъ Щутковъ и только когда послѣдніе начали кричать и разбудили сосѣдей, они ихъ оставили,—а когда били, то все время кричали: «выгонимъ русиновъ, кацаповъ, у насъ польская де-

ревня, намъ русиновъ не надо, мы поляки» и угрожали убить братьевъ Щутковъ. Вотъ факты, вотъ каковы явленія самаго недавняго прошлаго; еще одинъ только фактъ позвольте вамъ привести. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1910 года священникъ дер. Шкопы, Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., Іосифъ Криницкій, возвращаясь на подводѣ изъ г. Соколовъ въ с. Шкопы, миновавъ Рѣпковскую гмину, встрѣтилъ подводу, на которой ѣхалъ, какъ выяснилось изъ донесенія, житель дер. Нововесь, Соколовскаго уѣзда, Иванъ Феликсовъ Верницкій, возвращавшійся въ гминный фольваркъ, который нанесъ кнутомъ ударъ по лицу священника Іосифа Криницкаго. Священникъ, добрый и кроткій от. Іосифъ Криницкій, не захотѣлъ возбуждать уголовнаго преслѣдованія противъ этого обидчика и оскорбителя; несмотря на то, что и начальникъ уѣзда и Сѣдлецкій губернаторъ предлагали ему возбудить противъ него уголовное преслѣдованіе, онъ не захотѣлъ этого. Итакъ, вотъ факты самые свѣжіе, самаго ближайшаго прошлаго, лучше сказать, настоящаго: священника бьютъ кнутомъ по лицу, православное кладбище разгромляется, православные кресты распиливаютъ и разбрасываютъ по лугу; православнымъ жителямъ житья не даютъ въ деревнѣ, и послѣ этого говорятъ, что у насъ все обстоитъ благополучно, вездѣ миръ и тишина. Я говорю, что если теперь, когда полякамъ такъ невыгодно проявлять такое насиліе, нападать на русскихъ, если теперь, когда они стараются усыпить русское общество своими заявленіями о мирѣ и спокойствіи въ Холмской Руси, возможны такія явленія, можно себѣ представить, что будетъ, когда пройдетъ этотъ моментъ, и если, помилуй Богъ, настоящій законопроектъ не пройдетъ въ Государственной Думѣ, провалится, и Холмщина по прежнему останется въ польскихъ рукахъ.—О, тогда они сугубо вознаградятъ себя за это временное и вынужденное спокойствіе, тогда еще разъ наша Холмщина огласится стонами и воплями, но, увы, этихъ стоновъ и воплей уже никто не услышитъ, они замрутъ и заглохнутъ въ глуши нашихъ холмскихъ и подляшскихъ деревень. Страшно, г.г., даже объ этомъ и подумать.

Итакъ, г.г., не обольщайтесь, не поддавайтесь этимъ заявленіямъ о мнимо мирномъ положеніи нашей Холмщины: эти заявленія происходятъ или отъ незнанія дѣла, неосвѣдомленности, или дѣлаются съ явно лукавой тенденціей. Всякій правдивый и честный наблюдатель нашей жизни долженъ признать, что этого мира нѣтъ и быть не можетъ, пока не рѣшенъ основной вопросъ: какой должна быть Холмщина въ національно-культурномъ отношеніи, русской или польской? Мы, русскіе, конечно, никогда не можемъ примириться съ окончательнымъ ополяченіемъ этого древняго наслѣдія кн. Владиміра Святого и Даніила Галицкаго. Мы будемъ, конечно, биться

за ея русскій характеръ до послѣдней капли крови и предпочтемъ лучше умереть, нежели отъ этого отказаться. Но едва ли и поляки найдутъ въ себѣ столько великодушія или даже просто, по выраженію депутата Родичева, «первоначальной справедливости» для того, чтобы добровольно отказаться отъ своихъ незаконныхъ притязаній на Холмщину. На этой почвѣ у насъ будутъ нескончаемые споры, вѣчная борьба и вѣчная вражда; и только тогда, когда русскія законодательныя учрежденія разрѣшатъ этотъ споръ славянъ между собою, когда они скажутъ свое авторитетное слово и когда русскій Монархъ утвердитъ, что Холмщина не есть часть Польши, а есть неразрывная и органическая часть Россіи, тогда, и то не сразу, поляки поймутъ всю несостоятельность своихъ притязаній къ Холмщинѣ и оставятъ ее въ покоѣ; можетъ быть тогда наступитъ вожделѣнный миръ, пора мирнаго, свободнаго и культурнаго ея развитія на равныхъ самобытныхъ началахъ. Тогда мы сможемъ спокойно и искренно подать руку своимъ братьямъ полякамъ и забыть ихъ старыя обиды и прежніе грѣхи. Возможенъ, впрочемъ, г.г., и другой миръ, котораго, вѣроятно, добиваются и поляки и ихъ приспѣшники, напрягая усилія къ тому, чтобы не дать жизни этому законопроекту, чтобы всячески его провалить и оставить Холмщину опять въ польской неволѣ. Конечно, измученная, истерзанная вѣковой непосильной борьбой, Холмщина, если останется опять въ польскихъ рукахъ, недолго уже сможетъ противостоять и сопротивляться польскому натиску, медленно, но вѣрно и неизбѣжно начнется ея угасаніе, умираніе, пока не будетъ дѣйствительно все спокойно, но это будетъ спокойствіе Шипки, это будетъ безмолвная тишина могилы.

Позвольте же мнѣ, г.г. народные представители, выразить здѣсь увѣренность, что вы не возьмете на себя этой неблагодарной роли гробокопателей и могильщиковъ русской Холмщины, что вы поможете ей порвать вѣковыя тяжелыя цѣпи, приковывавшія ее къ Царству Польскому, что поможете ей встать на ноги и пойти по пути самобытнаго, свободнаго, всесторонняго развитія ея силъ, по пути тѣснѣйшаго ея единенія съ коренной, родной, великой Россіей, въ чемъ заключается единственный залогъ благополучія и спасенія нашего измученнаго, многострадальнаго холмскаго русскаго народа. Объединеніе Холмщины съ остальной Россіей, скажемъ словами проф. Филевича,—это завѣтъ всей исторіи русскаго народа, это долгъ его національнаго чувства, это требованіе русской народной совѣсти».

Гр. Бобринскій остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ (V. I, 623—634): «Я взошелъ, г. г. члены Государственной Думы, на эту каѳедру и стою передъ вами въ сильномъ волненіи и съ весьма смѣшанными чувствами. Съ одной стороны мной овладѣваетъ радость, что, наконецъ,

послѣ многихъ мѣсяцевъ томленія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, наконецъ, русская Государственная Дума узнаетъ, разсмотритъ и вырѣшитъ судьбу русскаго народа, живущаго и искони жившаго въ русскомъ Забужьѣ, но, съ другой стороны, меня беретъ и робость, ибо я не могу не сознавать той тяжелой отвѣтственности, которая лежитъ въ числѣ прочихъ и на мнѣ за то, сумѣемъ ли мы вамъ выяснить всю правду, сумѣемъ ли мы вамъ раскрыть и положеніе, и болѣзнь, и средства лѣченія, которыя необходимо примѣнить къ нашимъ русскимъ братьямъ за Бугомъ? Гг., никогда еще законъ въ Государственной Думѣ, разрѣшеніе его не находилось въ такой зависимости отъ того, насколько ясно, убѣдительно и искренно сумѣютъ его защитить, ибо законъ этотъ, исходъ его, не предрѣшенъ. Несомнѣнно, г. г., что вслѣдствіе полнаго отсутствія національнаго образованія и воспитанія въ Россіи мы всѣ, и въ томъ числѣ я первый, недавно еще ничего не знали о нашихъ братьяхъ въ этомъ краѣ и о той исторической трагедіи, которую они переживаютъ, и если мы испытываемъ страхъ за результаты, ибо тутъ поставлена, какъ ставка, честь русскаго народа и судьба части русскаго народа въ этомъ краѣ, ибо разъ этотъ законъ будетъ отвергнутъ, то русское имя для всего 110-ти милліоннаго русскаго народа будетъ посрамлено, и погибли наши русскіе братья, разъ законъ будетъ отвергнутъ, то и самъ народъ тамъ погибнетъ. Потому вы и поймете мое волненіе, и только правота дѣла и убѣжденіе, что мы защитники правды и справедливости, только это дастъ намъ силу и смѣлость выйти передъ вами и отъ всей души искренно вамъ говорить.

Я, г.г., имѣю предъ собой только одинъ часъ времени, поэтому я не имѣю уже возможности остановиться, какъ я хотѣлъ, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, на исторической сторонѣ, которую, собственно говоря, мы бы и не поминали, если бы въ особомъ мнѣніи, поданномъ меньшинствомъ, не были бы высказаны историческія права Польши на этотъ край и не была бы подчеркнута во всей ясности эта ужасная ягеллоновская идея, которая ужасна оттого, что она служитъ препятствіемъ къ какому бы то ни было примиренію между нами и братскимъ намъ польскимъ народомъ. Я, г.г., эту часть своихъ замѣчаній долженъ буду отложить до другого раза, когда я коснусь тѣхъ извращеній истины, которыя имѣются въ особомъ мнѣніи и книгѣ члена Государственной Думы Дымши. Въ настоящее время, забывая темное, тяжелое прошлое этого края, я долженъ буду начать съ того времени, когда край этотъ былъ опять возсоединенъ съ русскимъ государствомъ и вернулся подъ власть своихъ природныхъ русскихъ Царей. Я говорю о 1815 г., когда по Вѣнскому договору мы этотъ край получили отъ бывшаго герцогства Варшавскаго и когда по роковой исторической ошибкѣ тѣхъ временъ край этотъ, какъ вѣрно указалъ преосвященный еп. Евлогій, былъ отрѣзанъ

какъ отъ Руси державной,—таможенной границей даже въ то время по Бугу, такъ и отъ Руси подъяремной, галицкой Руси. И, г.г., безъ ужаса и краски стыда я не могу упоминать о состояніи этого края, ибо несомнѣнно, что за 100 лѣтъ владычества Россіи этотъ край болѣе ополячился и окатоличился, чѣмъ за 300 лѣтъ владычества Рѣчи Посполитой. Объѣзжая этотъ край и знакомясь съ церквами, побывавъ у священниковъ, вы увидите, они вамъ принесутъ запыленныя книги древнихъ метрикъ, и вы увидите, что до 1815 г. метрики велись на русскомъ языкѣ въ этихъ уніатскихъ церквахъ, а послѣ водворенія номинальнаго русскаго владычества постепенно метрики переходятъ на польскій языкъ. Вотъ вамъ одинъ примѣръ. Перефразируя поэта, можно сказать, что Polonia capta victorem cepit, т.-е. плѣненная Польша завладѣла суровымъ побѣдителемъ не вслѣдствіе того, что русская культура слабѣе польской;—о, нѣтъ, нисколько,—но отъ того, что русская культура туда совершенно не носилась. Все это ополяченіе и окатоличеніе случилось подъ русскимъ владычествомъ, благодаря бездарности, постояннымъ видоизмѣненіямъ и безсистемности нашей бюрократіи, которая работала и дѣйствовала безъ всякаго участія и контроля народа, безъ свѣта гласности. Но я не имѣю времени подробно остановиться на этихъ тяжелыхъ періодахъ и перехожу къ 1840 году.

Годъ передъ тѣмъ, въ 1839 г., сосѣдняя Гродненская губернія и остальныя губерніи Сѣверо-Западной Руси свергли, какъ вы знаете, навязанную имъ при польскомъ владычествѣ и закрѣпленную въ царствованіе Императора Павла унію и вернулись въ православную церковь и въ лоно русской семьи. Въ слѣдующемъ 1840 г. движеніе къ православію проявляется въ южной части Холмщины, именно въ Люблинской губ. Четыре прихода переходятъ въ православіе. Сразу власти, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Петербургѣ, забили въ набатъ, и движеніе это къ православію было задушено русскими властями по приказу изъ Петербурга, ибо тутъ царствовала въ то время такая психологія: какъ можно вмѣшиваться, какъ можно русскому хлопу желать того, чего не желаетъ польскій панъ? Тутъ царствовала идеалогія, если можно такъ ее назвать, что мы, русскіе власти, не можемъ вмѣшиваться въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя предоставлены польскому господству. Это движеніе было задушено. Дозволили этимъ четыремъ приходамъ остаться православными, но дальше ни шагу. Въ то же время, въ томъ же году, 20 подляшскихъ уніатскихъ священниковъ, уже на сѣверѣ этого края, пишутъ къ Іосифу Семашкѣ, къ тому, кто сталъ во главѣ возвращенія уніатовъ въ православную церковь, письмо, прося пріобщить ихъ къ тѣмъ благамъ, къ возвращенію въ православную церковь. Іосифъ Семашко пишетъ въ это время: «до 300.000 уніатовъ Царства Польскаго, истребляемыхъ часъ отъ часу латынянами и

поляками, простираютъ руки къ Россіи, къ православной церкви, ожидая отсюда своего спасенія». И власти, дѣйствующія отъ имени православнаго русскаго Царя, запрещаютъ Іосифу Семашкѣ отвѣчать на это письмо, предоставляя католическому епископу Яновскому искоренить этихъ уніатскихъ священниковъ, которые высказали поползновеніе къ православію.

Г. г., всему этому вамъ не вѣрится. Я также такимъ вещамъ не вѣрилъ, пока не увидалъ, что нѣчто подобное, весьма близкое къ этому, творится и сейчасъ. Еще я объ этомъ потомъ съ вами поговорю, нѣсколько позже, въ концѣ своей рѣчи. И все это, г.г., дѣйствія канцелярій, въ которыхъ сидятъ и въ которыя такъ вхожи поляки. Опять мы имѣемъ примѣръ Polonia capta victorem cepit.

Вотъ, г.г., яркіе примѣры ужасныхъ послѣдствій того, что этотъ край по роковой исторической ошибкѣ былъ включенъ въ составъ Царства Польскаго, тогда какъ по народности онъ ничего общаго съ Царствомъ Польскимъ не имѣлъ. Говорили о томъ, что идеалогія нашей бюрократіи была такая, что русскій хлопъ не смѣетъ итти противъ польскаго пана. Г.г., я долженъ сказать, что эта точка зрѣнія не есть достояніе прошлаго, и до сихъ поръ это сознаніе существуетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашихъ правящихъ сферъ. Вы видите—уже тутъ на каѳедрѣ Государственной Думы на этой ноткѣ стараются играть, и членъ Государственной Думы Дымша вамъ говоритъ, что стремленіе русскаго православнаго населенія Холмщины къ выдѣленію подогрѣвается и основано на ихъ надеждахъ получить панскую землю. Это старинный польскій методъ для сгубленія русскаго народа, это говорилось при Екатеринѣ II, это говорилось, когда ходатайствовалъ за православный русскій народъ при Елизаветѣ православный бѣлорусскій еп. Георгій Конисскій, и эта нотка проходитъ черезъ всю исторію отношеній Руси православной къ Западной Руси. Все время говорилось, что Русское правительство не желаетъ заступиться за хлоповъ; одно время говорили, что они не смѣютъ быть православными безъ разрѣшенія помѣщика, и это рѣшеніе утверждено было русскимъ правительствомъ: хлопы не могли переходить въ свою православную вѣру безъ разрѣшенія помѣщиковъ. Теперь вамъ говорятъ: это все аграрное движеніе. Это совершенно невѣрно. Я эти слова слышалъ отъ представителей поляковъ раньше, чѣмъ я былъ въ Холмщинѣ и, будучи въ Холмщинѣ, говоря съ русскими крестьянами, я всегда имъ задавалъ вопросъ: что же, вы надѣетесь при выдѣленіи получить панскую землю?—и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Они всегда разумно говорили: какъ можемъ мы требовать эту землю, когда мы всѣ въ этомъ краѣ собственники, мы сами понимаемъ, что такое собственность, и иллюзій у насъ нѣтъ. Г.г., какъ на яркій примѣръ, я укажу послѣдствія отъ включенія этого края

въ составъ Царства Польскаго, я укажу на лежащую рядомъ Гродненскую губ. Возьмите Влодавскій уѣздъ Сѣдлецкой губ. и сравните съ рядомъ стоящимъ Брестскимъ уѣздомъ Гродненской губ. Вѣдь населеніе тамъ одинаковое, одѣвается одинаково, поютъ тѣ же пѣсни, но разница какая? Разница та, что исторія ихъ была одинакова до конца XIX вѣка, а когда исторія эта измѣнилась, то, что вы видите рядомъ въ Влодавскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ., какъ небо отъ земли разнится и отъ того, что вы видите въ Бѣльскомъ же уѣздѣ Гродненской губ., и это потому, что край этотъ находился въ теченіе почти 100 лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ; и если мы эту ошибку совершили, то величайшее уже будетъ преступленіе наше съ вами, если мы эту ошибку какъ можно скорѣе не исправимъ. Вѣдь, скажите мнѣ, какой можетъ быть логическій смыслъ обособленія этого края въ одну Холмскую губ. и оставленія этой губерніи подъ управленіемъ Варшавскаго генералъ-губернатора? Вѣдь Варшавскій генералъ-губернаторъ объединяетъ управленіе нѣсколькихъ губерній, ибо эти губерніи польскія, и тамъ надо вести ту политику, которую наша власть находитъ необходимой въ отношеніи къ польскому народу въ его этнографическихъ предѣлахъ. Зачѣмъ вамъ понадобилось присоединить къ этимъ губерніямъ еще чисто русскую губернію? Вы скажете съ генераломъ Гурко, съ сыномъ Гурко, на котораго теперь ссылаются г.г. прогрессисты,—вы съ нимъ скажете, что эта Холмская губ. поможетъ обрусить поляковъ въ Царствѣ Польскомъ. Да вѣдь это вздоръ, г.г., завѣдомый вздоръ, да, кромѣ того, желаемъ ли мы этого? Никогда русскій народъ не желалъ обрусить поляковъ. Бывали иногда такіе сумасшедшіе бюрократы, но никогда это не входило въ задачи русскаго народа. Замѣтьте, г.г., что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только одинъ народъ стремится ассимилироваться отъ другихъ славянскихъ народовъ, это народъ польскій, русскій народъ этого грѣха за собой не имѣетъ. И, г.г., неправы, тысячу разъ неправы тѣ, которые говорятъ, что безразлично, останется ли Холмщина въ Царствѣ Польскомъ или нѣтъ, ибо она все-таки остается въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Мнѣ возразятъ, что примѣры, которые я приводилъ, это примѣры того времени, когда Польша имѣла особые органическіе законы и была, какъ до 1863 г., отчуждена отъ остальной Россіи. Такъ возьмите 1905 и 1906 г.г., когда Польша управлялась на общемъ основаніи. Г.г., въ то время власти были дѣйствительно помпіально русскія, и вамъ уже съ этой каѳедры говорили и навѣрно будутъ несчетное число разъ повторять: помилуйте, вся сила, все могущество на сторонѣ русскихъ, ибо у нихъ за спиной русскія власти. Какъ проявили себя русскія власти въ 1905 г.? По изданіи указа 17 апрѣля о свободѣ вѣроисповѣданія русскія власти совершенно устра-

нились отъ какого-либо вѣроисповѣднаго вопроса, и опѣ считали, опѣ истолковывали, что опѣ не въ правѣ защищать личность и имущество тѣхъ русскихъ людей, которые хотѣли остаться православными, и вслѣдствіе этого тамъ явился полный разгулъ, самый ужасающій терроръ, полное господство того, что называютъ тамошніе крестьяне польскимъ ржондомъ. Вамъ приводили тутъ, съ этой каѳедры, циркуляръ этихъ временъ еп. Люблинскаго Ячевскаго. Приводилъ этотъ циркуляръ членъ Государственной Думы Дымша, какъ образецъ пастырскаго незлобія и какъ проповѣдника мира между православными и католиками. Г.г. члены Государственной Думы, я долженъ вамъ сказать, что такіе документы можно приводить съ каѳедры Государственной Думы полностью, дѣлать же выдержки особенно опасно, когда знаешь, что въ Государственной Думѣ есть люди, которые этотъ циркуляръ полностью читали и знаютъ его смыслъ. Вотъ исторія этого циркуляра. Въ то время, когда въ 1905 г. русскихъ избивали, у православныхъ топтали хлѣбъ, калѣчили скотъ, ломали церкви, разносили священническіе дома, въ то время генералъ-губернаторъ обратился къ еп. Ячевскому, т.-е. не столько генералъ-губернаторъ, а вѣроятно, правитель канцеляріи генералъ-губернатора, который тоже называется М. Э. Ячевскій, обратился къ еп. Ячевскому съ просьбою—это вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ огражденію русскихъ—съ просьбою повліять на ксендзовъ и католиковъ, чтобы они русскихъ не притѣсняли, и перечисляетъ всѣ творимыя неистовства. Что же дѣлаетъ епископъ? Онъ въ своемъ циркулярѣ сперва пишетъ—и объ этомъ вамъ членъ Думы Дымша не сказалъ и не прочелъ эту часть циркуляра—пишетъ: генералъ-губернаторъ ко мнѣ обратился съ такой-то просьбой, что вотъ будто бы калѣчатъ скотъ русскихъ, топчутъ хлѣба, притѣсняютъ, что тутъ господствуетъ терроръ; но я объѣхалъ, благодаря милости Государя Императора, этотъ край и нашелъ, что все мирно, хорошо, правда, кое-гдѣ бываютъ безобразія, но это православные творятъ, а если были безобразія, то не дѣлайте ихъ,—это грѣхъ. Вотъ вамъ іезуитское посланіе еп. Ячевскаго. Какіе результаты? Всѣ ксендзы знаютъ, какой терроръ, а епископъ пишетъ—я объѣхалъ, вижу, что террора никакого нѣтъ; продолжайте въ томъ же духѣ. Вотъ это ужасное іезуитское послапіе, которое члены Думы слышали, прячьте куда-нибудь поглубже, а не выносите на эту каѳедру. Когда русскіе православные обращались къ правительству, къ властямъ за содѣйствіемъ, за защитой, то имъ власти отвѣчали: теперь свобода совѣсти, намъ не велѣно въ эти дѣла вмѣшиваться, мы не можемъ. Когда умоляли полицію—доносите генералъ-губернатору, что съ нами дѣлается, не можетъ быть, чтобы представители Царя въ этомъ краѣ насъ оставили безъ помощи, полиція отвѣчала: мы не въ правѣ этого дѣлать, отъ насъ генералъ-губернаторъ требуетъ, чтобы

мы сообщали, что все благополучно, что населеніе благодаритъ Бога за дарованную ему свободу совѣсти. Вотъ отвѣтъ полицейскихъ, занесенный въ письма, которыя у насъ имѣются, запечатлѣнный въ письмахъ, сейчасъ же написанныхъ послѣ этихъ разговоровъ.

А что тамъ за власти, г.г.? Тутъ говорятъ: вся сила у русскихъ властей, онѣ защитятъ русскій народъ. Нѣтъ, г.г., безъ коренной реформы, безъ измѣненія всего строя, хотя тамъ и есть честные, хорошіе люди, но ихъ весьма мало; безъ этой перемѣны нельзя разсчитывать и нельзя ссылаться на русскія власти. Тутъ преосвященный Евлогій намъ указалъ на уѣзднаго начальника, который далъ ложное удостовѣреніе объ аграрныхъ безпорядкахъ, и членъ Думы Гарусевичъ съ мѣста воскликнулъ: онъ уволенъ. За перерывъ для завтрака мы справились: онъ благополучно на мѣстѣ и властвуетъ въ своемъ уѣздѣ. Да, переведенъ, въ другой уѣздъ. Я вамъ приведу другой примѣръ: недавно, года полтора тому назадъ, если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ уѣздовъ, подлежащихъ теперь выдѣленію, была крестьянская сходка, на которую пріѣхалъ уѣздный начальникъ, и когда крестьяне къ нему обратились, русскіе крестьяне къ нему обратились на русскомъ языкѣ, вы знаете, какъ имъ онъ отвѣтилъ? Онъ имъ отвѣтилъ по-польски: «ваша соха не беззеорс»—плохо пашетъ ваша соха. Значитъ русское дѣло тутъ погибло, и этотъ уѣздный начальникъ, несмотря на то, что фактъ этотъ удостовѣренъ, остается на мѣстѣ, ибо онъ пьянствуетъ съ однимъ изъ выдающихся администраторовъ, и нѣтъ на него ни суда, ни расправы. Вотъ она русская администрація, отвратительная русская администрація. И завелся тамъ искусственный подборъ всѣхъ поддонковъ русской администраціи, и знаете какой? И вы знаете, откуда берется этотъ подборъ: какъ только заведется хорошій, честный уѣздный начальникъ или начальникъ земской стражи, онъ, распоряженіемъ канцеляріи генералъ-губернатора, немедленно переводится изъ русской части Царства Польскаго для того, чтобы тамъ были тѣ люди, которые дискредитируютъ русскую власть. Вотъ работа Ячевскаго, который (обращаясь влѣво) вамъ такъ милъ и вамъ такъ дорогъ. А въ 1905 г. паническій страхъ обуялъ этотъ край; тутъ господствовалъ польскій терроръ, тутъ изъ края въ край раздавался только одинъ возгласъ: православныхъ за Бугъ, тутъ будетъ Польша. Вы понимаете, г.г., какое психологическое воздѣйствіе это имѣло на крестьянство, которое ни откуда не находило поддержки. Возьмите рядомъ Гродненскую губ.—было ли тамъ что-нибудь подобное? Нѣтъ. Дѣлайте выводъ. Въ примѣрахъ исторіи вы должны почерпать указанія для нашихъ дѣйствій, какъ законодатели. Да, г.г., 1905—1906 г.г. доказали, какъ правы были князь Черкасскій и графъ Шуваловъ.

Г.г., я вернусь опять къ 1840 г. Послѣ своей побѣды въ 1840 г., когда полякамъ удалось при помощи русскаго правительства задушить стремленіе къ православію и къ возвращенію въ лоно русской семьи, они поняли, что надо спѣшить съ работой, надо скорѣй искоренить живой инстинктъ русскаго народа, Тутъ начинается усиленное обращеніе уніатовъ въ латинство, а съ другой стороны усиленное олатынсніе самой уніи. И сбылось пророчество уніатскаго еп. Галицкаго Афанасія Щептицкаго въ XVIII вѣкѣ, который сказалъ православному епископу Григорію Куницкому: «Мы, уніаты, за вами православными еще живемъ: когда васъ католики загрызутъ, тогда примутся и за насъ уніатовъ; да и теперь въ ссорѣ они называютъ насъ, какъ и васъ, схизматиками». Въ комиссіи поляки любили ссылаться на другого епископа Михаила Куземскаго, жившаго въ 60 годы XIX вѣка. Я тоже сошлюсь на него; вотъ его слова: «изъ-за религіозныхъ видовъ не было нужды совращать въ латинство уніатовъ, принадлежащихъ къ одной латинской римско-католической церкви. Тутъ дѣло шло о народности. Какъ тогда, такъ и теперь церковь римская была орудіемъ ополяченія».

Возстаніе 1863 г. открыло русской власти глаза, но открыло только на время, и во главѣ управленія внутренними и духовными дѣлами была поставлена свѣтлая личность кн. Черкасскаго. Его политика сводилась къ тому, чтобы создать русскую школу, чтобы напомнить народу его историческое прошлое, чтобы возстановить восточный обрядъ въ уніатской церкви и, наконецъ, чтобы выдѣлить Холмщину въ особую русскую губернію. И это есть не проектъ еп. Евлогія—это есть проектъ такой свѣтлой либеральной личности изъ плеяды людей 60 г.г.,—это есть проектъ кн. Черкасскаго. Но не долго тутъ оставался Черкасскій подъ руководительствомъ Милютина. О нѣтъ, опять таки нашли ходы въ петербургскія канцеляріи; Черкасскій и Милютинъ были устранены, а дѣла уніатско-русскія были переданы нѣмцу и лютеранину Рудольфу Брауншвейгу подъ руководствомъ намѣстника, тоже нѣмца и лютеранина, гр. Берга. Я думаю, что и члены Думы нѣмцы наши поймутъ, что едва ли ихъ соотечественники пригодны для веденія именно такихъ дѣлъ, гдѣ нужно знать всѣ различія между уніей и православіемъ,—нужно быть природнымъ русскимъ человѣкомъ.

Тѣ же бюрократическіе пріемы и безтолковыя насилія и безобразія примѣнялись и позже при возсоединеніи уніатовъ къ православной церкви. Несомнѣнно, тутъ много будутъ говорить вамъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ и безобразіяхъ, которыя тогда творились. Эти свѣдѣнія во многомъ преувеличены, какъ мы можемъ судить, читая книгу члена Думы Дымши, но несомнѣнно тутъ есть много грустной, ужасной и, я скажу, преступной правды. Но я съ гордостью думаю, что ни русскій Царь, ни русскія высшія учрежденія, ни

русскій народъ къ этимъ безобразіямъ не причастны. Государь Императоръ Александръ II неоднократно указывалъ, чтобы никакихъ насилій по отношенію къ этимъ уніатамъ не совершалось. Правительствующій Сенатъ, когда дѣла доходили до него, всегда оправдывалъ потерпѣвшихъ, а русскій народъ, вы знаете отлично, никогда этому не сочувствовалъ. Въ тотъ періодъ можно дѣйствительно вспомнить возгласъ Императора Николая I, что Россіей правятъ столопачальники. Это они-то погубили и такъ сильно испортили русское дѣло въ этомъ краѣ въ 70 годахъ.

Но, гг., въ наши дни ополяченіе въ этомъ краѣ продолжается. Польскій серпъ жнетъ тамъ русскую ниву. Я былъ въ этомъ краѣ, былъ тамъ неоднократно. Я туда много разъ возвращался, тамъ захватилъ все мое сердце тотъ чудный русскій народъ, борющійся за свою вѣру и народность въ этомъ краѣ, о которомъ мы въ Россіи совершенно позабыли. Я былъ не у однихъ русскихъ, исповѣдывающихъ православіе; я былъ у тѣхъ и у другихъ. Я пользовался широкимъ и горячимъ гостепріимствомъ и польскихъ помѣщиковъ и католическихъ ксендзовъ; я былъ и у еп. Евлогія; я былъ въ чудныхъ православныхъ монастыряхъ, но большую часть времени проводилъ въ убогихъ хатахъ, но всегда опрятныхъ, какъ православныхъ, такъ и католическихъ крестьянъ. Я буду свидѣтельствовать передъ вами лишь о томъ, что я самъ видѣлъ, или что я слышалъ отъ очевидцевъ. Я долженъ вамъ передать единогласную мольбу всѣхъ православныхъ, всѣхъ безъ исключенія, о выдѣленіи и признаніи края русскимъ,—о торжественномъ актѣ, который убѣдилъ бы населеніе, что тутъ никогда больше не будетъ Польши.

Позвольте вамъ привести яркій примѣръ того, какъ крестьяне понимаютъ все значеніе, какое значеніе они придаютъ выдѣленію Холмщины изъ состава Царства Польскаго. Та граница, которую теперь предполагается провести, не можетъ захватить всѣхъ русскихъ селеній, оставшихся вѣрными русскому народу и православной церкви. Вотъ, напримѣръ, въ Яновскомъ уѣздѣ есть с. Огрочь съ 1.000 душъ населенія, которыя всѣ до одного остались православными. Узнавъ, что они не включаются въ составъ будущей Холмской губ., они рѣшили бросить свои насиженныя природныя мѣста, на которыхъ столѣтіями жили ихъ предки, продать ихъ и переселиться въ составъ будущей Холмской губ. Церковь у нихъ каменная; перенести ее они не могутъ, и они оттуда переносятъ всѣ иконы. Другой примѣръ—Соколовскій уѣздъ Сѣдлецкой губ. Этотъ уѣздъ не предполагается включить въ составъ Холмской губ. И вотъ, пока разрабатывался законопроектъ, пока неизвѣстно было, будетъ ли Соколовскій уѣздъ въ Холмской губ., пока были надежды, что онъ будетъ включенъ въ ея составъ, переходъ изъ православія въ католичество совершенно прекратился, и метрики, которыя для этого

требуются, совсѣмъ не выбирались. Какъ только было опубликовано внесеніе въ Государственную Думу правительственнаго законопроекта, по которому Соколовскій уѣздъ исключается и оставляется въ будущей Люблинской губ., переходы къ католичество пошли массами.

Я никогда въ жизни не забуду, какъ два года тому назадъ въ Троицынъ день, будучи въ Лѣсинскомъ монастырѣ въ толпѣ изъ 15.000 стекшихся сюда русскихъ крестьянъ, ко мнѣ съ трудомъ и робко пробрались двѣ скромно, даже бѣдно одѣтыя русскія учительницы и со слезами на глазахъ передали мнѣ докладную записку съ мольбой о присоединеніи къ Холмщинѣ Соколовскаго уѣзда: онѣ съ жаромъ доказывали, что тамъ русскій духъ еще живъ. что можно русское дѣло спасти; г.г., я имъ отвѣтилъ, что это невозможно, Доказывать имъ долго я не могъ,—я долженъ былъ скорѣе отъ нихъ скрыться; ибо я разразился бы рыданіями объ этомъ русскомъ Соколовскомъ уѣздѣ, который теперь окончательно похороненъ.

Г.г., какъ я вамъ говорилъ, я велъ бесѣду не съ одними православными крестьянами,—мнѣ необходимо было понять и уразумѣть психологію крестьянъ-католиковъ, и тутъ я поразился, какая разница бесѣдовать съ ними въ присутствіи ксендза и ближайшаго пана, или бесѣдовать съ ними наединѣ. Въ присутствіи ксендза или пана они говорятъ вамъ заученныя фразы всего того, что вы тутъ слышали, но—я отъ васъ не скрою—есть у нихъ одно сомнѣніе и одна боязнь, чтобы при выдѣленіи Холмщины не посягнули на свободу ихъ вѣры. Необходимо совершенно ясно установить, и мы торжественно отсюда заявляемъ, что никакого стремленія въ чемъ бы то ни было стѣснить свободу ихъ вѣры, свободу вѣры, которую желаетъ исповѣдывать этотъ народъ, никогда не будетъ, мы надѣемся, со стороны правительства. Если же оно будетъ проявляться, мы первые будемъ подписывать запросы, которые сумѣютъ внести представители польскаго коло. Въ этомъ отношеніи совѣсть населенія должна быть успокоена. Когда, говоря съ ними наединѣ, намъ удалось выяснить это, тогда начался другой разговоръ, другая рѣчь. Я помню, что когда я былъ въ Люблинской губ. у одного помѣщика, явилась депутація мѣстныхъ крестьянъ-католиковъ, и я, попросивъ разрѣшенія у хозяина побесѣдовать съ ними наединѣ, два часа провелъ съ ними на панской кухнѣ. Да, г.г., я радъ, я счастливъ,—то были, быть-можетъ, лучшія два часа въ моей жизни. Я говорилъ тутъ со своими братьями, я имъ напоминалъ ихъ прошлое,—я спрашивалъ ихъ, на какомъ говорю я языкѣ и не родной ли имъ этотъ языкъ, на которомъ они со мной говорили, и въ концѣ-концовъ и я и они проливали слезы, ибо они, г.г., говорили мнѣ: такихъ рѣчей отъ пановъ мы не слышали. Но среди нихъ были двое упорныхъ, и они все время отрицали свою русскость, отрицали упорно и безъ всякихъ уступокъ.

И я не могъ бы успокоиться, пока не убѣдилъ бы также ихъ; я началъ съ ними отдѣльно говорить, но тогда подошли ко мнѣ остальные и говорятъ: «чего, панъ, вы ихъ убѣждаете, вѣдь они не здѣшніе, они изъ Варшавской губ., то поляки». Вотъ видите: то были пришлые крестьяне, а мѣстные русскіе крестьяне, хотя и католики,—если вы добромъ, если вы по-русски, какъ слѣдуетъ будете съ ними обходиться,—повѣрьте, если они потеряны для православной церкви, то далеко еще не потеряны для русскаго народа; повѣрьте, когда они опять узнаютъ русскихъ, когда они ознакомятся съ русской исторіей, тогда настанетъ тотъ благодатный день, когда безъ всякаго насилія, путемъ свѣта и правды, онъ вернется и въ лоно нашей истинной православной церкви.

Г.г., какъ я говорилъ, ополяченіе продолжается; особенно ужасно ополяченіе безземельныхъ батраковъ, получающихъ 18 руб. жалованья въ годъ и 50 пуд. зерна и еще обязанныхъ содержать челядника: у нихъ нѣтъ своего крова, вотъ къ нимъ-то всѣмъ было предъявлено требованіе о переходѣ въ католичество; и вотъ, я помню, какъ въ присутствіи всѣхъ польскихъ помѣщиковъ я просматривалъ какъ-то Францева; тамъ есть особая глава о переходѣ въ католичество въ фольваркахъ, и я говорилъ: посмотрите, сколько этихъ батраковъ перешло въ католичество, —не было ли тутъ экономическаго насилія? И вы знаете, какой отвѣтъ, какой возгласъ услышалъ я отъ этого помѣщика? Этого я никогда не забуду: да развѣ хотя бы одинъ батракъ остался православнымъ? Вотъ она правда о батракахъ. И объѣзжая Холмщину, какъ я ее объѣзжалъ,—заспиживаясь вечеромъ у православнаго священника, вы узнаете, что переходъ этотъ не такъ ужасенъ,—быть можетъ, ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ, которыя онъ вызвалъ,—но не такъ ужасенъ, какъ вы думаете. Вотъ засидишься вечеромъ у священника и вдругъ въ полуночи слышишь стукъ въ окно; священникъ сразу понимаетъ, что это такое, встаетъ, подходитъ къ иконѣ, снимаетъ изъ-за иконы дароносицу и выходитъ въ другую комнату; возвращается онъ назадъ черезъ полчаса. «Батюшка, что вы дѣлали?»—«Да ничего, я сейчасъ пріобщалъ запасными дарами для больныхъ безземельнаго батрака; прибѣжалъ онъ тайно за 10 верстъ,—онъ числится католикомъ, чтобы не остаться безъ куска хлѣба съ дѣтьми, а въ душѣ онъ православный, и вотъ прибѣжалъ онъ исповѣдаться и пріобщиться». Г.г., это при свободѣ совѣсти въ русскомъ государствѣ, подъ властью православнаго Царя. Членъ Думы Дымша говорилъ вамъ, г.г., что, конечно, неизбѣжное зло экономическая зависимость рабочихъ отъ работодателей, это такъ, но я скажу, что вы нигдѣ, можетъ быть, кромѣ какъ въ этомъ краѣ, не найдете, чтобы помѣщикъ злоупотреблялъ своей властью для религіозныхъ и національныхъ цѣлей. Тамъ же злоупотребленія на каждомъ

шагу; и рабочій, желающій итти на заработокъ и найти себѣ мѣсто у помѣщика,—а тамъ помѣщики только поляки—принужденъ давать гминному писарю три рубля на чай для того, чтобы въ паспортѣ его записали католикомъ, хотя онъ и православный. Вотъ какіе правы,—вотъ то, что я видѣлъ, то, что я знаю, г.г.

Но, г.г., тутъ есть и оазисы въ этомъ краѣ, и я въ одномъ селѣ былъ пораженъ слѣдующимъ: пріѣхали мы въ это село съ еп. Евлогіемъ; была торжественная встрѣча, и вотъ въ одномъ углу я увидѣлъ тѣсно прижавшуюся скромную группу батраковъ—ихъ всегда можно узнать по бѣдной одеждѣ, да по ихъ худому изможденному виду; я подошелъ къ нимъ и говорю: «братцы, развѣ васъ пустили сюда встрѣчать пресвященнаго еп. Евлогоія?».

Я былъ радъ, наконецъ, что напалъ на польскаго помѣщика, который обходится по-человѣчески со своими батраками, а вотъ что мнѣ отвѣтили эти батраки: «нѣтъ, говорятъ, нашъ помѣщикъ жидъ, онъ насъ отпускаетъ, славу Богу».—«Какъ, я говорю, жидъ помѣщикъ?»—«Да, говорятъ, слава Богу,—онъ нашей души не трогаетъ, ему все равно, какой мы вѣры». Вотъ, г.г., еврейскій оазисъ въ Холмщинѣ,—вотъ, что тамъ приходится видѣть, вотъ какія бѣдствія претерпѣваетъ русскій народъ.

Г.г., вы знаете, какое значеніе имѣетъ въ народномъ дѣлѣ народная пѣсня. Такъ вотъ всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые насиліемъ, обманомъ, а частью по убѣжденію перешли въ католичество, стараются какъ можно скорѣе сдѣлать поляками. Но вы знаете, народная пѣсня часто разрушаетъ всѣ замыслы тѣхъ, которые хотятъ уничтожить народность. И что же, всѣ ксендзы строго-на-строго запрещаютъ всѣмъ этимъ новымъ русскимъ католикамъ пѣть русскія пѣсни, а для того, чтобы привить имъ польскія пѣсни, сотнями выписаны и розданы населенію граммофоны съ польскими пѣснями. Я эти граммофоны встрѣчалъ вездѣ и слышалъ, и вы понимаете, какою болью отзывалась во мнѣ эта хриплая игра граммофоновъ.

Будучи въ томъ же Константиновскомъ уѣздѣ Седлецкой губ., я натолкнулся на слѣдующій фактъ: по разсказамъ тѣхъ же польскихъ помѣщиковъ, изъ этой мѣстности Константиновскаго уѣзда въ теченіе предыдущей зимы были высланы до 50 парней изъ разныхъ деревень тайной польской организаціей. Куда они были посланы? Въ коренныя польскія губерніи и размѣщены по крестьянамъ, чтобы научиться польскому языку. Вотъ тутъ поляки сознаютъ и понимаютъ, что есть коренныя польскія губерніи, и что этотъ край не польскій; они съ радостью говорили, что мальчики вернулись горячими польскими патріотами. Вотъ признаніе самихъ поляковъ, признаніе того, что Холмщина—это не есть коренная Польша.

Сколько другихъ примѣровъ я могъ бы привести, но скажутъ, все то было въ ужасные 1905 и 1906 гг. Вотъ вамъ примѣръ современный, почти современный, два съ половиной года тому назадъ: 6 января на Крещеніе въ селѣ, кажется, Своры, я это слышалъ отъ самихъ крестьянъ этого села,—если это не Своры, то одно изъ селъ около Лѣсны,—вышелъ крестный ходъ православный для освященія воды; рѣчки и пруда тамъ нѣтъ,—освящаютъ воду въ колодцахъ; у православныхъ тамъ восемь колодцевъ. Вотъ подходитъ крестный ходъ къ одному изъ колодцевъ,—оказалось, что колодецъ залитъ керосиномъ, пошли къ слѣдующему, то же самое: во всѣхъ восьми колодцахъ вода испорчена керосиномъ,и крестному ходу пришлось выйти на поле, собрать кучу снѣга и освятить этотъ снѣгъ. Народъ этотъ снѣгъ собралъ, оттаялъ его и получилъ святую благовѣщенскую воду (Еп. Евлогій съ мѣста: крещенскую воду). Да, крещенскую воду. Вотъ что дѣлается въ спокойное теперь, яко бы, время. Тутъ много говорилось о томъ, что пишется въ русской прессѣ. Преосвященный Евлогій приводилъ вамъ выдержки изъ рѣшеній Люблинскаго окружнаго суда; онъ оговорился, что многаго прочесть не можетъ. Вы все время требуете отъ насъ документовъ,—не разсказовъ, а документовъ за номерами; вотъ мы вамъ ихъ и приводимъ. Преосвященный Евлогій многое пропустилъ,—какъ епископъ онъ вамъ прочесть многаго не могъ. Кое-что могу я вамъ прочесть, такъ какъ я не священникъ, но многое, большинство, и я вамъ не могу читать: такъ оно грязно, такъ оно мерзко, такъ оно богохульно. Дѣло № 29742—мы приводимъ только дѣла, гдѣ вынесены обвинительные приговоры, гдѣ дѣло доказано: «Православная вѣра вышла изъ...»—сказать я не могу,—«за нее волъ проливалъ кровь, а не Христосъ; одѣваются священники на чорта и...»—дальше я не могу сказать—«православные пріобщаются не кровью Спасителя, а...—дальше я не могу продолжать—«православные приступаютъ къ исповѣди, какъ свиньи къ забору...», «Православные священники вмѣсто причастія даютъ прихожанамъ ядъ».

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Бобринскій 2-й. Я нахожу неудобнымъ дальнѣйшее оглашеніе этого документа.

Гр. Бобринскій 2-й. Предсѣдатель—я совершенно понимаю—не позволяетъ мнѣ продолжать, и мнѣ было очень тяжело читать, и только необходимость выяснить передъ вами правду, весь ужасъ того, что тамъ творится, понудили меня на это. (Булатъ съ мѣста: а кто эти слова произнесъ?). Вотъ католики.

Г.г., будучи въ этомъ краѣ, я понялъ, что силы соціальныя, экономическія гораздо сильнѣе силъ административныхъ и государственныхъ. Несомнѣнно, тамъ, гдѣ сплачиваются экономическія и соціальныя силы, гдѣ онѣ позволяютъ злоупотреблять этими силами въ цѣляхъ ополяченія насе-

ленія, окатоличенія его, оно несомнѣнно сильнѣе нашей администраціи, даже если бы она была хорошей,—а вы знаете, что она тамъ отвратительна. Позвольте вамъ привести примѣръ прямого подкупа на переходъ къ католичество. Вотъ тутъ говорятъ о подкупахъ къ православію. Вотъ вамъ примѣръ: въ ординаціи Замойскаго,—у него необъятные лѣса въ различныхъ уѣздахъ,—всѣхъ нарушеній сервитутныхъ правъ и порубокъ бываетъ очень много, взысканія равняются суммѣ приблизительно 60.000 руб.; такъ какъ населеніе тамъ наполовину католическое,наполовину православное,то можно считать, что 30.000 руб. подлежатъ взысканію съ православныхъ, и 30.000 руб.—съ католиковъ. Но ни для кого не тайна, что всѣ взысканія съ католиковъ ординаціей гр. Замойскаго прощаются, а съ православныхъ взыскиваются и идутъ на католическіе костелы. Нѣтъ ли здѣсь, г.г., прямого подкупа къ переходу въ католичество? Вотъ сила значительной сплоченной организаціи, съ которой правительству очень и очень трудно бороться. Но что дастъ этотъ законъ для того, чтобы бороться съ этой силой? Вѣдь, не сдѣлавъ перваго шага, второго сдѣлать нельзя. А на первомъ шагу мы видѣли, какъ цѣлуютъ русскіе крестьяне руку и полы одежды этимъ польскимъ панамъ, какъ послѣдніе гордо протягиваютъ свои руки, а русскіе крестьяне цѣлуютъ ихъ. Кто видѣлъ это, тотъ, какъ русскій человѣкъ, конечно, пойметъ, что такъ продолжаться не можетъ, что должно быть что-нибудь сдѣлано,—всему этому долженъ быть положенъ конецъ. И, г.г., конецъ долженъ быть положенъ не мѣрами полицейскими, не ограниченіями, не притѣсненіями, а мѣрами положительными. Никого принудить мы не хотимъ, никого обвинить мы не хотимъ, а хотимъ поднять русскую народность путемъ культуры, путемъ русской школы, экономическимъ развитіемъ и организаціей самопомощи и самодѣятельности русскаго крестьянства. Но для этого, г.г., надо начать съ выдѣленія и единенія этого края съ коренной Россіей. Это страшно засоренное поле,—оно требуетъ особой обработки, особаго ухода; но для этого надо знать границы этого поля, надо, чтобы это поле было не въ тяжебномъ, а въ безспорномъ національномъ владѣніи не Россіи,—здѣсь все Россія,—но Руси, чтобы это поле было не только частью Россійскаго государства, но чтобы оно было всѣми признано національномъ народнымъ достояніемъ, искони русской землей, т. е. Русью.

Я, г.г., не могу не привести тутъ удивительно вѣрной характеристики всего вопроса, сдѣланной выдающимся членомъ Государственной Думы изъ оппозиціи. Мы съ нимъ были вмѣстѣ въ Холмщинѣ. Когда я сослался на эти его слова въ комиссіи, то онъ сказалъ, что онъ этихъ словъ не говорилъ; поэтому я имени его называть не буду; но, г.г., если онъ забылъ эти слова, то я ихъ не забылъ,—такъ онѣ вѣрны, что я ихъ въ тотъ же вечеръ за-

писалъ. Итакъ, шагая взадъ и впередъ по платформѣ станціи Влодава, въ ожиданіи лошадей, вотъ что сказалъ членъ вашей оппозиціи: «Я не высказываюсь еще окончательно за выдѣленіе, но раньше я не понималъ этой идеи выдѣленія, не понималъ, къ чему стремятся ея сторонники; теперь я эту идею понимаю: это особенно больной истерзанный русскій край, и вотъ его хотятъ выдѣлить, чтобы особенно внимательно и бережно его лѣчить». Вотъ философія, вотъ правда по этому вопросу. Я, г.г., вѣрю, я не могу не вѣрить, что законъ этотъ будетъ принятъ Государственной Думой. (Голосъ: это Львовъ). Я не называю его.

Я позволю себѣ въ другой разъ обратить ваше вниманіе на то, какъ къ національному вопросу относился русскій либерализмъ въ старину, какъ къ нему относились декабристы, Чернышевскій и другія славныя имена заблуждающихся, быть можетъ, но все-таки національно чувствующихъ людей. Теперь я не имѣю времени объ этомъ говорить, я хочу только заявить, что не объ угнетеніи поляковъ мы думаемъ, а мы думаемъ о спасеніи русскихъ,— не русскихъ пришельцевъ какихъ-нибудь, а коренныхъ жителей этого края. Мы смѣло, г.г., и съ чистой совѣстью повторяемъ тутъ слова чеха Крамаржа: «Для насъ націонализмъ не значитъ ненавидѣть, притѣснять другого, не давать ему жить,—для насъ націонализмъ обозначаетъ—любить свой народъ выше всего, жертвовать всѣмъ для его силы и величія, защищать каждую пядь дѣдовской земли и каждаго члена нашей національной семьи». Еще много раньше, въ 1623 г., Древинскій отъ имени всего православнаго дворянства Литвы и Польши воскликнулъ, увы, напрасно, передъ польскимъ сеймомъ: «не чужого проситъ русскій народъ, а своего собственнаго». Въ старину своего собственнаго просилъ русскій народъ и получалъ отъ польскихъ сеймовъ либо отказъ, либо неисполненное обѣщаніе. Своего собственнаго просилъ русскій народъ Холмщины въ 40-хъ годахъ: онъ просилъ своей православной вѣры и обращался къ своему Русскому правительству. Но то была бездушная, не національная бюрократія, и Холмскій народъ получилъ отказъ. Того же своего собственнаго просилъ онъ со дней Черкасскаго въ теченіе 40 лѣтъ и получилъ отказъ отъ той же бюрократіи. Послѣ ужасовъ 1905 г. народъ, наконецъ, въ отчаяніи прибѣгъ къ самому Царю, и Царь повелѣлъ вамъ вопросъ этотъ разобрать и рѣшить. Такъ знайте же, что вашъ отказъ былъ бы гибелью русской Холмщины, былъ бы полнымъ крушеніемъ послѣднихъ надеждъ, —это было бы смертнымъ приговоромъ надъ этимъ русскимъ краемъ. Нынѣ, въ лицѣ своего законнаго представителя еп. Евлогія, холмскій народъ простираетъ вамъ руки, проситъ и молитъ; онъ проситъ и молитъ и въ лицѣ насъ, которые были среди него, которые видѣли его тяжелую долю, которые перестрадали съ нимъ его горе. Къ вамъ нынѣ, гг., изъ-за гроба

взываетъ великій святитель-патріотъ, изъ-за гроба онъ сегодня говоритъ вамъ: «До 300.000 вашихъ братьевъ Царства Польскаго, истребляемые часъ отъ часу латышами и поляками, простираютъ руки къ вамъ, ожидая отъ васъ себѣ спасенія». Честные русскіе люди, они у васъ найдутъ правду, справедливость и любовь».

Алексѣевъ въ отвѣтъ на возраженія противниковъ законопроекта заявилъ (V, 2, 632—643): «Я глубоко согласенъ съ предыдущимъ ораторомъ, который призывалъ насъ разсматривать данный законопроектъ исключительно съ точки зрѣнія государственной важности и значенія. И я прошу васъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отмести всѣ побочныя соображенія, которыя лишь затемняютъ кристальную чистоту и ясность даннаго законопроекта, нисколько не способствуя его выясненію. Холмскій вопросъ—печальнѣйшая страница русской исторіи, горестная повѣсть о вѣковыхъ страданіяхъ русскаго народа въ Холмщинѣ и Подляшьѣ. И сегодня, какъ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, тяжкимъ укоромъ стоитъ этотъ вопросъ предъ русской народной совѣстью. Правда, и для многострадальной Холмщины порой мелькалъ лучъ надежды. Правда, въ самую лучшую пору русской исторіи, въ знаменательный моментъ освобожденія крестьянъ, лучшими русскими людьми, во главѣ съ княземъ Черкасскимъ, былъ поставленъ и чуть ли не выработанъ въ той формѣ, въ какой внесенъ въ данный моментъ, законопроектъ объ образованіи особой Холмской губерніи. Но, г.г. члены Государственной Думы, этотъ лучъ надежды мелькнулъ, какъ зарница, а темная ночь стала мрачнѣе и темнѣе надъ несчастной Холмщиной. Поэтому я, г.г., призываю васъ, особенно польское коло, разъ навсегда отказаться объяснять постановку даннаго вопроса на разсмотрѣніе законодательныхъ палатъ какими-либо личными соображеніями или вліяніями. Я понимаю, зная польское коло, что оно можетъ клеветать изъ безсильной злобы на епископа Евлогія, но я удивляюсь, когда тѣ, кто называетъ себя защитниками русской народной свободы и поборниками прогресса, присоединяются къ этимъ навѣтамъ на печальника и защитника Холмской земли.

Г.г. члены Государственной Думы, я думаю, что ни рѣчь епископа Евлогія, ни рѣчь графа Бобринскаго, ни рѣчи нашихъ прогрессистовъ, ни рѣчи польскаго коло не прольютъ на данный вопросъ такого объективнаго свѣта, какъ рѣчь, произнесенная виднѣйшимъ изъ польскихъ прогрессистовъ, произнесенная для своего «домашняго обихода» и опубликованная другимъ полякомъ, который ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть заподозрѣнъ въ реакціонности или въ какой-либо измѣнѣ своему родному дѣлу. Я, г.г., оговариваюсь: часть этой рѣчи я имѣлъ честь уже приводить Государственной Думѣ, когда мы разсматривали запросъ объ Ополье. Правда, тогда же Свен-

тоховскій телеграммой въ газету «Рѣчь» протестовалъ противъ того, что я оглашаю здѣсь съ каѳедры то, что говорится для домашняго обихода, а представители польскаго коло чрезъ свой органъ указывали Свентоховскому, что Алексѣевъ преподалъ вамъ урокъ, чтобы вы молчали по извѣстнымъ вопросамъ. Въ истекшемъ году—и это подтвердятъ мои коллеги—польское коло чрезъ свой органъ обратилось съ воззваніемъ къ польской печати, чтобы она хранила гробовое молчаніе по извѣстнаго рода вопросамъ; поэтому данное выступленіе Свентоховскаго получаетъ особую цѣнность въ глазахъ моихъ и въ глазахъ каждаго русскаго государственника. Свентоховскій говоритъ: «Это борьба не столько идеи польской государственности съ государственностью русской, это даже не борьба идеи государства, какъ цѣлаго, со своей провинціей, это, главнымъ образомъ, борьба, поединокъ православія и католицизма, и что печальнѣе всего, что эту борьбу мы сами разожгли, такъ какъ, строя испоконъ вѣковъ всѣ наши расчеты польской государственности на католицизмѣ, мы всячески старались помогать католическому духовенству въ борьбѣ его съ православіемъ въ погонѣ за овечками. И въ этомъ отношеніи болѣе всего виноватъ, пожалуй, богобоязненный Краковъ. Но вѣдь и мы, жители королевства, не мало помогали ему въ этомъ. Если бы пропаганда католицизма среди уніатовъ была ведена людьми глубоко вѣрующими, то хотя можно было бы объ этомъ сожалѣть, но это было бы понятно еще; но вѣдь наши патріоты, которые шли туда въ народъ, вовсе не были вѣрующими, они просто считали католицизмъ средствомъ, ведущимъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, и неудивительно, что они вывели изъ летаргіи силу, съ которой теперь приходится очень считаться. Повальное переманиваніе въ католицизмъ уніатовъ послѣ акта о вѣротерпимости имѣло роковыя послѣдствія: миссіонеры превратились въ предпринимателей, а пропаганда католицизма въ выгодное дѣло, такъ какъ ксендзы, почувствовавъ запахъ денегъ, стали до невозможности жадны и, получая въ началѣ отъ каждаго, кого вписывали въ католицизмъ, по нѣсколько злотыхъ (злотый—15 коп.), постепенно повышали таксу до рубля и, наконецъ, даже до 10 рублей съ головы присоединяемыхъ къ католицизму. Я знаю, что нѣкоторые ксендзы сдѣлали на этой аферѣ огромное состояніе и, понятно, что такого рода святое дѣло должно было кончиться печально. Вѣдь каждый купецъ, каждый предприниматель долженъ рисковать. Воюющій католицизмъ всегда умѣлъ и готовъ былъ рисковать; тѣмъ болѣе это было легко, что на этотъ разъ этимъ пушечнымъ мясомъ являлись не католики, а уніаты. Да и почва, на которой этотъ воюющій католицизмъ работалъ, была очень подходящая. Мои интересы, говорилъ онъ Польшѣ, являются вѣдь твоимъ кровнымъ дѣломъ, и слалъ онъ, воинствующій католицизмъ, польскихъ дѣятелей на унію,

дабы тамъ не только укрѣпить вѣрованіе, но и дать возможность ксендзамъ наполнить свои карманы за счетъ потомъ и кровью заработанной копѣйки обманутаго народа, и вмѣсто того, чтобы направить нашу политику на отстаиваніе и укрѣпленіе идеи польской, католицизмъ толкнулъ насъ на путь хищническаго захвата уніатовъ и активной борьбы съ православіемъ. Хуже всего было то, что въ эту борьбу, по своему всегдашнему девизу, онъ втянулъ народъ, болѣе всего ослабленный, наибѣднѣйшій, менѣе всего имѣющій возможность отдать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вѣдь вы, г.г., всѣ хорошо помните то время, когда изъ Варшавы тайными почтами стали засыпать святыми образками, медальонами, ружанками, амулетами, книжками, когда ксендзы вертѣлись на каждомъ шагу, расточали благословеніе, каждому изъ насъ старались только навѣсить больше крестиковъ. Въ своемъ стремленіи одурачить народъ католицизмъ не останавливался даже передъ обманомъ: по его указанію были сфабрикованы учебники исторіи, изъ которыхъ было вычеркнуто все то, что напоминало религіозное преслѣдованіе со стороны поляковъ. По этимъ учебникамъ поляки единственный народъ, который никогда не преслѣдовалъ инородцевъ, Польша единственная страна, гдѣ никогда не было религіозныхъ гоненій. Поэтому, г.г., вы видите, что вопросъ о Холмской Руси не является чѣмъ-то новымъ, выдуманнымъ въ 1909 г. Нѣтъ, этотъ вопросъ одинъ изъ звеньевъ той цѣпи, которая влачится у ногъ Польши отъ многихъ вѣковъ, и для меня невольно является вопросъ: «во имя чего же мы ведемъ эту упорную борьбу: во имя Варшавы или Ватикана», и дается категорическій отвѣтъ: «да во имя Ватикана и во славу католицизма».

Г.г. члены Государственной Думы, вы слышите польскій голосъ, искренній, непосредственный голосъ, обращенный къ своему родному народу и выясняющій ему дѣйствительную природу холмскаго вопроса. И теперь для васъ совершенно понятна та страстность, съ которой депутаты польскаго коло всячески отстаиваютъ свою позицію и стремятся похоронить холмскій вопросъ. Вы слышали изъ устъ депутата Жуковскаго, что они видятъ во внесеніи даннаго законопроекта крушеніе своихъ иллюзій. Вы спросите, какихъ иллюзій? Самъ депутатъ Жуковскій дастъ отвѣтъ точный и опредѣленный: «Неприкосновенность территоріи Царства Польскаго, какъ вещественное выраженіе извѣстной идеи, имѣетъ для насъ первостепенную важность и цѣнность». Г.г., вы имѣете дѣло дѣйствительно съ иллюзіями и фантазіями польскихъ политиковъ. Въ дѣйствительности никакой неприкосновенности территоріи никогда не было установлено вѣнскимъ трактатомъ. Вѣдь, прежде всего, въ 1815 году было присоединено не все герцогство Варшавское, во-вторыхъ, тѣ провинціи и тѣ области, изъ которыхъ создано нынѣшнее,

такъ называемое, Царство Польское, никогда не имѣли самостоятельнаго значенія. Наконецъ, это самое главное, вѣнскій трактатъ предоставилъ право Государю Императору внутренняго распространенія границъ, т. е. право, какъ свидѣтельствуетъ профессоръ Коркуновъ, суживать и расширять по своему усмотрѣнію границы губерній Царства Польскаго. И, г.г., этотъ взглядъ широко поддерживаютъ не только профессоръ Коркуновъ «Русское государственное право», не только русская профессура и русская наука, какъ профессоръ Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій» и «Современное международное право», Алексѣевъ «Русское государственное право», Романовичъ-Славатинскій и др., но поддерживается онъ и иностранной наукой. Здѣсь любятъ съ этихъ скамеекъ (указывая налѣво) ссылаться на Jellinek «Die Lehre von den Staatsverbindungen». Да Еллинекъ какъ разъ свидѣтельствуетъ о справедливости того взгляда, который я сейчасъ предъ вами отстаиваю; также свидѣтельствуютъ за справедливость его взгляда и другіе ученые, какъ напримѣръ, Wheaton Philimore, Beach-Lawrence и др. На другой сторонѣ, на точкѣ зрѣнія польскаго коло, дѣйствительно стоятъ Ю. Подвинскій, Дымша и ученые польскаго народа, но я ихъ не знаю. Когда они мнѣ сегодня укажутъ на нихъ, тогда мы будемъ ихъ критиковать и опровергать. Для меня совершенно ясна та роковая иллюзія, которая влачится, по мѣткому опредѣленію Свентоховскаго, вотъ уже цѣлый рядъ вѣковъ за несчастнымъ польскимъ народомъ въ видѣ роковой цѣпи. И я сошлюсь на документы, оспорить которые не сможетъ польское коло,—на его органъ, на № 15 (344) «Варшавской газеты». Статья озаглавлена: «Наше положеніе въ Государственной Думѣ». Тамъ говорится: «Роль эта совсѣмъ не легкая. Затруднятъ ее складъ политическаго мышленія россіянъ безъ разницы партій, къ какимъ принадлежатъ. Думаютъ они, что имѣютъ право рѣшать вопросы нашего края, какъ принадлежащаго къ ихъ государству». Слово «ихъ» подчеркнуто, написано курсивомъ въ подлинникѣ. Вотъ вы, г.г., видите, что это за иллюзіи, они обрисовываютъ вамъ польскіе идеалы. Далѣе, въ политическихъ письмахъ изъ Познани, опубликованныхъ тамъ же, въ руководящей передовой статьѣ заявляется, что «выступленіе дѣятелей верхне-силезскихъ очень сильно даетъ чувствовать полное отсутствіе традиціи польско-государственной, полное исчезновеніе инстинктовъ національно-творческихъ. Причина этого гнѣздится глубоко въ цѣлой исторіи Силезіи и силезскаго народа, какъ оторваннаго отъ польскаго государства много лѣтъ тому назадъ. Подъ толстой корой нѣмчизны оно сохранило чувство сознанія польской національности, но должно было потерять въ значительной степени идею Польши государственной. Но, очевидно, есть въ Силезіи силы вполнѣ освѣдомленныя, есть прежде всего тѣ, которыхъ мы бла-

годаримъ за возрожденіе этой Пястовской земли». Вотъ, гг., вопль души національно-демократическаго публициста Леха, и вы видите, о чемъ мечтаютъ,—мечтаютъ о возрожденіи польской государственности. Вотъ противъ чего они негодуютъ: какъ смѣемъ мы, русскіе, разрѣшать холмскій вопросъ, который вопросъ ихъ края и ихъ польскаго государства. Эти факты только сейчасъ просилъ ему предъявить депутатъ Грабскій, и думаю, что опровергнуть ихъ не только Грабскій, но никто никогда не сможетъ.

Г.г., на моей сторонѣ и польская историческая наука. Историкъ Махнатскій, «Powstanie naroda polskiego w r. 1830—1831», стр. 4, говоритъ: «подъ мягкимъ чужеземнымъ владычествомъ поляки возстаютъ, такъ какъ могутъ, подъ суровымъ,—такъ какъ должны». А когда же? На это отвѣчаетъ другой польскій историкъ—Тарновскій; онъ говоритъ: «когда непріятель занятъ какой-либо внѣшней войной или ослабленъ внутренними смутами»,—вотъ вамъ отвѣтъ, депутатъ Грабскій, на то положеніе вещей, которое существуетъ на многострадальной Холмской Руси и въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго и съ особенной яркостью проявилось въ 1905—1906 гг. Правда, депутатъ Бабянскій, съ присущей ему необыкновенной идиллической сентиментальностью, разсказывалъ вамъ анекдоты о томъ, какъ польское населеніе въ эти годы посило на рукахъ русскихъ жандармовъ. Г.г., развѣ вы не знаете, что за эти годы каждый пятый изъ жандармовъ и полиціи былъ разстрѣлянъ или подстрѣленъ. Въ эти годы пало въ Царствѣ Польскомъ вѣрныхъ слугъ Россіи на 876 человѣкъ больше, чѣмъ за время официальнаго возстанія въ 1863 г. А между тѣмъ депутатъ Грабскій, а вслѣдъ за нимъ и депутатъ Бабянскій говорятъ: у насъ не было никакой революціи. Я скажу, г.г., говорите съ этой трибуны, но не злоупотребляйте свободой слова. Эта трибуна для правды и только для правды.

Г.г., для защиты, для отстаиванія этой иллюзіи, создается представителями польскаго кола цѣлая теорія изъ области языкознанія, изъ области исторіи, политики и этики. Г.г., какъ я счастливъ сегодня. Судите сами, когда я выступалъ здѣсь по Ополью и посильно критиковалъ юридическіе взгляды депутата Дымши, тогда вышелъ на эту каѳедру многоуважаемый калишскій депутатъ Парчевскій и говорилъ вамъ: какъ это Алексѣевъ, филологъ по образованію, берется за разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ? Я аплодировалъ ему и ждалъ той минуты, когда и я скажу ему съ этой каѳедры: бѣда, коли юристъ берется за разрѣшеніе чисто филологическихъ проблемъ, за созданіе такихъ теорій въ области языкознанія и исторіи, свидѣтелемъ которыхъ была и комиссія законодательныхъ предположеній и Государственная Дума. Послушайте, г.г., передъ вами была нарисована депутатомъ Парчевскимъ новая и очень странная исторія, передъ вами былъ созданъ какой-то

самодовлѣющій простой языкъ, онъ иначе назывался промежуточнымъ языкомъ. Депутатъ Парчевскій, видимо, совѣтовался со своими друзьями, корифеями въ области языкознанія, ну, скажемъ, профессоромъ Бодуэнъ-де-Куртенэ; тотъ ему развилъ теорію образованія языковъ Шлейхера и Шмидта и другія теоріи языкознанія; но депутатъ Парчевскій, видимо, чего-то не дочиталъ, что-то перепуталъ и ввелъ въ заблужденіе депутата Дымшу, который счелъ своимъ долгомъ опубликовать эти филологическія нелѣпости въ той книгѣ, которая предупредительно была роздана вамъ. Академикъ Соболевскій—я на свой авторитетъ какъ филолога не ссылаюсь—академикъ Соболевскій говоритъ депутату Дымшѣ: не повторяйте словъ Парчевскаго, онъ не дочиталъ научную теорію І. Шмидта до конца и не знаетъ того, что какъ разъ тѣ нѣмецкіе ученые и наши ученые говорятъ, что обстановка, историческая арена и моменты встрѣчи польскаго и русскаго населенія на территоріи Холмской Россіи какъ разъ не могли способствовать созданію промежуточныхъ языковъ. Но я бы спросилъ у депутата Дымши, пусть онъ намъ разъяснитъ свою загадку, загаданную намъ въ своей книгѣ по холмскому вопросу. Да, я знаю, что бываютъ простые языки, т. е. простонародные, въ отличіе отъ художественнаго, литературнаго. Я съ нимъ согласенъ. Но вы вѣдь знаете, что есть литературный русскій языкъ и есть русскій языкъ простонародный, а что это за простой языкъ Холмской Руси, скажите опредѣленно—русскій или польскій? Мы требуемъ этого отвѣта, и вы будете сегодня непосредственно за мною говорить и вы намъ это скажете.

Я, г.г., долженъ сказать, что въ данномъ случаѣ вопросъ о языкѣ гораздо важнѣе, чѣмъ точка зрѣнія чисто филологическая и научная, съ которой мы разсматриваемъ въ данный моментъ этотъ вопросъ. Вѣдь что поляки стараются намъ доказать? И сегодня одинъ изъ депутатовъ-представителей польскаго коло, какъ и каждый изъ нихъ, выступая сюда, чѣмъ грозилъ намъ при разрѣшеніи этого холмскаго вопроса? Они говорили «у васъ нѣтъ историческаго русскаго языка, у васъ есть русскій языкъ—это простое племенное нарѣчіе великороссовъ и только. А теперь создается украинскій языкъ и существуетъ какой-то простой русинскій языкъ въ Холмщинѣ и Галиціи». Г.г., мы имъ отвѣтимъ: «нѣтъ, у насъ есть свой русскій историческій языкъ, какъ существуютъ и другіе историческіе языки другихъ культурныхъ народовъ—англичанъ, нѣмцевъ, французовъ и т. д. Нашъ языкъ созданъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ трудомъ, потомъ и кровью русскаго народа; онъ завоеванъ для цивилизаціи и мировой культуры». И мы скажемъ депутату Дымшѣ и ему подобнымъ: прочь ваши руки отъ этого языка, вы никогда не расколете нашъ родной стволъ; мы всѣ здѣсь чувствуемъ себя русскими людьми прежде всего и знаемъ, что у насъ одинъ русскій языкъ

и одна русская цивилизація. И я, г.г., въ отвѣтъ всѣмъ Дымшамъ скажу одно. Черниговское дворянство въ 1767 году отвѣтило полякамъ на этотъ вопросъ съ государственнымъ достоинствомъ: «южные къ сѣверпымъ—говорится въ наказѣ черниговскаго дворянства—яко равные къ равнымъ, яко свободные къ свободнымъ, яко бывшіе издревле истинный и главный членъ россійскаго народа». Вотъ, г.г., мы и говоримъ, что великороссы, малороссы, бѣлоруссы, это есть единый русскій народъ, издревле истинные и главные члены россійскаго народа. Иначе и быть не можетъ; Кіевъ и Холмъ—это колыбель русскаго народа, средоточіе русской земли; туда, г.г., восходятъ наши народныя былины, народныя пѣсни и сказанія. Г.г., на югѣ, можетъ быть, они уже умолкли давно и, можетъ быть, только на сѣверѣ, въ глухихъ уголкахъ, они сохранились, но каждый русскимъ чувствомъ русской души сознаетъ и понимаетъ ихъ. Тамъ, г.г., первыя основы нашей исторической жизни и государственности и тамъ мы получили истинное христіанство и стали православнымъ христіанскимъ народомъ. А отъ народа, отъ крестьянства достойный отвѣтъ на этотъ вопросъ вамъ далъ нашъ многоуважаемый сочленъ полтавскій депутатъ Старицкій, который сказалъ отъ имени крестьянъ: «полтавскими крестьянами выпесено было постановленіе въ земствѣ, въ Полтавской губерніи, что имъ не нуженъ этотъ создаваемый Дымшами и Грушевскими какой-то особенный украинскій языкъ».

Но, г.г., покончимъ съ иллюзіями—иллюзіи бываютъ и роковыя, но опѣ все-таки остаются иллюзіями—и, можетъ быть, отдохнемъ на идиллическихъ картинахъ. Вотъ вамъ первое выступленіе многоуважаемаго крестьянина польскаго депутата Накопечнаго. Г.г., о какой идиллін и братаніи русскаго и польскаго народа въ Холмщинѣ свидѣтельствовалъ онъ, о какихъ чудныхъ и дивныхъ отношеніяхъ панства и хлопства! Но, г.г., пусть депутатъ Накопечный лучше разскажетъ намъ, что онъ говорилъ за границей въ Львовѣ на эту тему. Онъ говорилъ: «вдругъ на крестьянскомъ митингѣ одинъ обыватель обращается: «дорогіе братья», а одинъ, изъ толпы крестьянъ, «сивый», сѣдой крестьянинъ перебиваетъ его: «еге, давно ли, панъ, мы стали дорогими братьями? А забылъ, панъ, какъ ты моего сына забилъ до смерти за то, что онъ зайца забилъ на твоей землѣ?» А вотъ другая картинка изъ его львовскаго выступленія: являюсь я къ пану, разсказываетъ депутатъ Накопечный, а панъ говоритъ: «пожалуйста, чайку откушай», а пани властной ручкой стаканчикъ чаю подаетъ, а я, говоритъ Накопечный, оглядываюсь и вижу, какъ панъ тонкимъ хустечкомъ, платочкомъ вытираетъ свои руки». И въ Львовѣ онъ говорилъ иное, онъ говорилъ: «нѣтъ, только хлопы и хлопы завоюютъ въ Польшѣ себѣ свободу». Мы скажемъ депутату Накопечному и иже съ нимъ: г.г., говорите однимъ и тѣмъ же языкомъ въ Львовѣ, въ Кра

ковѣ, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ, тогда это будетъ правда и справедливость, а не фальсификація жизни и жизненныхъ отношеній.

Г.г., передъ нами другой ораторъ, достопочтенный отецъ Мацѣевичъ. Онъ вошелъ въ научный ражъ, у него явились неслыханныя досель новыя племена печинги.—Я обращаюсь къ профессорамъ русской исторіи, слыхали ли они про что-либо подобное? Затѣмъ у него святые Печорскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій получились. Но это неважно, это не его область знанія, а онъ вамъ старался привить совершенно превратный взглядъ на отношеніе папства къ русской и уніатской вѣрѣ въ тѣ времена, когда Холмская Русь стонала подъ игомъ польскаго государства. Г.г., вотъ въ отвѣтъ ему письмо папы Григорія XI въ 1372 г.; онъ писалъ Краковскому епископу: «не безъ смущенія духа мы узнали, что во владѣніи руссовъ находится много епископовъ схизматиковъ; довѣряя себѣ, мы, въ силу апостольскаго права, позволяемъ и приказываемъ всѣхъ и особенно епископовъ названной земли русской, какихъ ты признаешь схизматиками, отлучать отъ своихъ мѣстъ». Да, г.г., зачѣмъ намъ ссылаться на 1620 г., въ который была произнесена, напримѣръ, историческая рѣчь волынскаго депутата Лаврентія Древинскаго передъ тропомъ короля Сигизмунда III въ присутствіи сенаторовъ и пословъ. Для меня будетъ достаточно привести ту клятву, ту присягу, которую произносятъ епископы католическіе при своемъ посвященіи. Это уже не документы XIV или XVIII вѣковъ, а это документъ конца XIX вѣка Pontificale K. M. 1873 г., т. 3, стр. 84. «Еретиковъ,—гласитъ этотъ документъ,—схизматиковъ и возставшихъ противъ нашего господина (т. е. папы) по мѣрѣ возможности я буду преслѣдовать и уничтожать». (От. Мацѣевичъ съ мѣста: ложь, ложь). Не рисуйте, от. Мацѣевичъ, не рисуйте намъ идиллической картины, и когда вамъ представляютъ документъ, который вы можете провѣрить, когда вамъ говорятъ годъ изданія, томъ и страницу, то не кричите съ своего мѣста «ложь»; никто вамъ не повѣритъ, а ваша духовная совѣсть, если она у васъ существуетъ, должна возмутиться противъ криковъ «ложь», когда вы завѣдомо знаете, что ваши возгласы—очевидная неправда.

Г.г., я долженъ сказать, какъ глубоко несправедливъ депутатъ Яблоновскій, который въ безсильной злобѣ, призывая на васъ проклятія, грозя вамъ, что вы запятнаете себя какими-то особо отвратительными пятнами, если освободите родной свой народъ, сходя съ каѳедры сказалъ: «участь польскаго народа въ русскомъ государствѣ—это безпрерывная цѣпь всякаго рода гоненій и лишеній, всякаго рода бѣдствій и ограниченій». Г.г., я не буду отвѣчать на эти слова и не буду утверждать, что это неправда и ложь. Я думаю, что вы всѣ повѣрите авторитету такого почтеннаго польскаго историка, какъ Валишевскій, который въ своихъ письмахъ съ Запада (XVIII письмо отъ

23-го іюля 1909 г.) подъ заглавіемъ «Эвакуація» пишетъ: «Здѣсь, т. е. въ Привислинскомъ краѣ, не жалуются на притѣсненія со стороны побѣдителей, т.-е. русскихъ. Русскіе не тираны и не насилуютъ ни собственности, ни совѣсти». И что это такъ, что это истина и правда, ручательствомъ этому вся наша русская исторія и вся психологія русской національности и русскаго національнаго достоинства. Мы никогда не были ни насильниками, ни тиранами; мы, наоборотъ, говоримъ объ одномъ польскому народу: откажитесь отъ своихъ иллюзій, скажите, что Холмская Русь—это есть святая, многострадальная, забитая и забытая даже своимъ роднымъ народомъ Русь; дайте тамъ русскимъ дышать свободно, и мы вамъ скажемъ: благоденствуйте, польскій народъ.

Г.г., я не могу не остановиться на весьма красивой и увлекательной рѣчи депутата Львова. Онъ, какъ и Свентоховскій, какъ истинный прогрессистъ, вышелъ сюда и прямо безъ обиняковъ сказалъ: «да, г.г., достаточно хоть разъ побывать, достаточно хоть мелькомъ взглянуть на многострадальный холмскій народъ русскій, и надо признаться, что его полонизируютъ и католицизируютъ». Но я скажу депутату Львову: депутатъ Львовъ, вы отличный врачъ русской народной души, вы прекрасно ставите діагнозъ болѣзни; но когда доходитъ до того, чтобы вы прописали лѣкарство, то вы тогда начинаете лишь критиковать лѣкарства, предлагаемыя другими врачами, а своего средства не предлагаете. Г.г., когда вамъ говорятъ, что зіяетъ кровавая рана, когда говорятъ, что болѣзнь въ видѣ полонизма и окатоличенія идетъ и завоевываетъ безпомощный русскій народъ, тогда депутатъ Львовъ говоритъ: «оставьте въ покоѣ страдальца, предоставьте вещамъ течь своимъ порядкомъ, взывайте къ самодѣятельности». Депутатъ Львовъ, я скажу вамъ въ отвѣтъ: передъ вами голодающій, а вы ему будете читать проповѣдь о воздержаніи; передъ вами бѣднякъ нищій, а вы ему будете проповѣдывать о самоотреченіи; передъ вами притѣсняемый, по вашимъ словамъ, угнетаемый народъ-страдалецъ, а вы его призываете къ терпѣнію и самодѣятельности. Нѣтъ, русскіе прогрессисты, откажитесь также и вы отъ своихъ иллюзій, и вы сдѣлаете громадный шагъ по этому пути, если вы скажете, что слова депутата Львова о томъ, что мы будто бы накладываемъ свою тяжелую руку на 300.000 населеніе, неправильны. Нѣтъ, мы протягиваемъ свою дружественную, братскую руку угнетенному русскому народу въ Холмщинѣ не для давленія и гнета, а для защиты и возрожденія угнетаемыхъ. И, г.г., что мнѣ вамъ говорить о нецѣлесообразности средства, предлагаемаго депутатомъ Львовымъ? На этотъ вопросъ такъ красиво и такъ жестоко отвѣтила исторія. Вы знаете, что въ то время, когда примѣнялись эти идиллическія мѣры, рекомендуемыя Н. Н. Львовымъ, что въ 20-хъ годахъ XIX вѣка было 400.000 русскихъ въ

Холмщинѣ; въ 1837 г. ихъ уже было 300.000, а къ 1861 г. уже 240.000. Я привожу въ круглыхъ цифрахъ, и вы видите, какъ погибаетъ тамъ русскій народъ въ оковахъ полонизма и средневѣкового католицизма. Да и чего вамъ обращаться къ наукѣ? Прислушайтесь къ своему голосу, голосу русскаго сердца и разума, а не къ голосу такихъ авторитетовъ, какъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, профессоръ Соболевъ, Дымша и депутатъ Алексѣевъ. Я вамъ приведу слова русской холмской пѣсни: «Ой колыбъ, колыбъ москали прыйшлы наши сродныі вѣры одноі; було бъ добре намъ, було бъ спасно намъ, колыбъ вся бы Русь державная одной силою за одно була». Это «простой» ли языкъ, созданный гг. Дымшами и Парчевскими, или языкъ польскій, или же это нашъ русскій народный языкъ, испорченный польскимъ народомъ, который разъ становился во главѣ, то портилъ вѣру, портилъ языкъ и портилъ народность. Г.г., Холмская Русь молится теперь, она повторяетъ свою завѣтную молитву». «Пречистая Дѣва, Мати русскаго края, не дай пропасти». Съ этой мольбой она обращается ко Всевышнему и къ своей Заступницѣ—Холмской Божьей Матери, а глаза Ея устремлены теперь на васъ, народные представители. Она спрашиваетъ васъ: А Холмская Русь тоже Россія? И не забыта она русскими? Призовете ли вы ее къ возрожденію и къ національной жизни или обречете ее на окончательную гибель и смерть? Для меня нѣтъ сомнѣній относительно отвѣта, который сегодня же вы дадите на этотъ историческій вопросъ холмскому народу, многострадальной Холмской Руси».

Послѣ долгихъ трудовъ и препятствій, наконецъ, національстамъ удалось провести холмскій законопроектъ черезъ всѣ терніи, разставленные на его пути. Взрывы радостнаго народнаго энтузіазма въ Холмщинѣ и яростныя враждебныя демонстраціи поляковъ въ Галиціи показали, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ законъ въ жизни забытаго русскаго края, истерпѣвшагося во многовѣковомъ рабствѣ у поляковъ.

г) Западный край.

Вопросъ о ненормальности положенія дѣлъ въ западномъ краѣ возникалъ неоднократно. Край этотъ, чрезвычайно богатый по климатическимъ и почвеннымъ своимъ условіямъ, очень медленно прогрессировалъ по пути къ матеріальному благосостоянію въ виду отсутствія, между прочимъ, одного изъ главныхъ условій для развитія самодѣятельности—мѣстнаго самоуправленія. Первой причиной нераспространенія на западныя губерніи дѣйствія земскаго положенія послужило опасеніе, чтобы, при экономиче-

скомъ господствѣ въ краѣ польскаго элемента, все земство не попало въ руки поляковъ и не послужило бы сильнымъ орудіемъ полонизаціи русскаго населенія. Однако требованія мѣстныхъ жителей о дарованіи самоуправленія становились все болѣе и болѣе настоятельными. Наконецъ, закономъ 2 апрѣля 1903 г. было создано особое положеніе для западныхъ губерній, въ силу коего въ краѣ вводилось земство съ чрезвычайно ограниченными полномочіями и неполной организаціей. Это неполное земство предоставлено было только шести губерніямъ: Могилевской, Минской, Витебской, Кіевской, Подольской и Волынской. Въ губерніяхъ же Виленской, Ковенской и Гродненской новый законъ примѣненія не получилъ. Неполное земство никого не удовлетворяло. 2-го мая 1908 г. Государственной Думой была принята формула перехода, предложенная націопалистами и октябристами, въ которой выражалось пожеланіе о представленіи въ Государственную Думу предположеній, касающихся дворянскихъ собраній въ девяти западныхъ губерніяхъ въ связи съ введеніемъ выборнаго земства въ указанныхъ губерніяхъ при условіи, однако, огражденія справедливыхъ интересовъ русскаго населенія края.

Дальнѣйшимъ толчкомъ въ томъ же направленіи послужило пожеланіе Государственной Думы о скорѣйшемъ введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ, высказанное при обсужденіи законопроекта о продленіи полномочій членовъ Государственнаго Совѣта отъ девяти западныхъ губерній. Поводомъ ко внесенію послѣдняго законопроекта послужили недостатки организаціи выборовъ въ члены Государственнаго Совѣта, благодаря которымъ отъ этого чисто русскаго края, при 4% польскаго населенія, отъ всѣхъ девяти губерній въ Государственный Совѣтъ прошли только поляки. Государственная Дума находила подобное явленіе ненормальнымъ, но полагала, что исправить недостатки закона возможно лишь при введеніи системы выборовъ въ Государственный Совѣтъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ, при посредствѣ земскихъ учрежденій.

Наконецъ, правительствомъ былъ внесенъ законопроектъ о введеніи полнаго земства въ 6-ти западныхъ губерніяхъ: Витебской, Могилевской Минской, Кіевской, Подольской и Волынской. Законопроектъ былъ переданъ въ комиссію по мѣстному самоуправленію и докладчикомъ былъ избранъ націоналистъ Чихачевъ. Докладчикъ, въ подробномъ своемъ изслѣдованіи всего вопроса, сообщилъ основы правительственнаго законопроекта. Главными способами обезпеченія русскихъ интересовъ въ земствѣ, по мнѣнію правительства, могли бы послужить, между прочимъ, слѣдующія мѣропріятія, предложенныя законопроектомъ: 1) введеніе росписанія числа гласныхъ по національностямъ, такъ называемая, фиксація числа гласныхъ

польскихъ и русскихъ, 2) установленіе особыхъ національныхъ отдѣленій для избранія этихъ гласныхъ; каждое національное отдѣленіе избираетъ гласныхъ изъ своей среды, 3) установленіе опредѣленнаго большинства изъ лицъ русскаго происхожденія въ составѣ управъ и служащихъ, а также указаніе на рядъ должностей, предоставляемыхъ исключительно русскимъ, 4) привлеченіе въ земство духовенства въ увеличенномъ, сравнительно со средними губерніями, количествѣ и 5) распространеніе новаго закона на губерніи Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, гдѣ русское населеніе не находится въ большинствѣ.

Комиссія внесла существенныя измѣненія въ законопроектъ. Признавая необходимость фиксаціи числа гласныхъ по національностямъ и образованіе національныхъ курій для ихъ избранія, комиссія допустила, однако, возможность соединенія національныхъ курій въ одно собраніе для избранія уѣздныхъ гласныхъ въ томъ случаѣ, если большинствомъ $^2/_3$ подобное соединеніе будетъ признано желательнымъ каждымъ избирательнымъ собраніемъ. Затѣмъ комиссія нашла цѣлесообразнымъ уменьшеніе ценза на половину, противъ предложеннаго законопроектомъ. Комиссія не согласилась также съ признаніемъ необходимости опредѣленія русскаго большинства въ составѣ управы и вольнонаемныхъ служащихъ. Изъ должностей, предоставляемыхъ исключительно русскимъ, комиссія оставила только должности завѣдывающаго дѣлами по народному образованію, а также учителей народныхъ училищъ.

Съ нѣкоторыми предположеніями комиссіи не согласилось ея меньшинство, состоящее изъ націоналистовъ и правыхъ. Меньшинство, признавая желательнымъ уменьшеніе ценза, осталось въ засѣданіи 27 марта при особомъ мнѣніи, сущность котораго сводится къ слѣдующему (III, 4, 746—747): «Введеніе земства въ шести губерніяхъ Западнаго края является въ высшей степени желательнымъ; оно прямо необходимо въ интересахъ мѣстнаго земскаго хозяйства. Дальше оставаться при теперешнихъ органахъ земскаго управленія было бы въ высшей степени нежелательнымъ. Таково первое положеніе. Правительственный законопроектъ отвѣчаетъ нуждамъ и особенностямъ края и является съ точки зрѣнія этихъ двухъ политическихъ группъ, входящихъ въ составъ большинства 27 марта, вполнѣ пріемлемымъ. Тѣ поправки, которыя были приняты въ предшествующихъ засѣданіяхъ комиссіи, являются съ точки зрѣнія этихъ двухъ политическихъ группъ непріемлемыми и въ корнѣ измѣняющими основныя начала правительственнаго проекта. Какія же именно крупнѣйшія измѣненія введены? Эти двѣ группы большинства не признаютъ допустимымъ увеличеніе числа гласныхъ поляковъ, онѣ отрицаютъ возможность факультативнаго соеди-

пенія національныхъ отдѣленій, онѣ указываютъ на необезпеченность преобладанія русскаго элемента въ составѣ управъ и служащихъ, допущенную комиссіей въ прежнихъ своихъ постановленіяхъ. Такой законопроектъ, по мнѣнію этихъ двухъ составныхъ частей большинства 27 марта, является непригоднымъ для Западнаго края, такое земство недостаточно обезпечиваетъ мѣстные русскіе интересы. За 45 лѣтъ дѣйствовала опредѣленная правительственная система; можетъ быть, эта опредѣленная система имѣла свои дефекты, можетъ быть, она по временамъ отличалась чрезмѣрнымъ ригоризмомъ, можетъ быть, иногда недоставало чувства мѣры, но, во всякомъ случаѣ, безусловно была установлена система, вполнѣ ясная, опредѣленная, категорическая; сразу все отбрасывать въ сторону не представляется возможнымъ. Быть можетъ, и даже безъ особыхъ способовъ огражденія русскихъ интересовъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ края, на выборахъ прошли бы исключительно русскіе, и исключительно русскій элементъ былъ бы представленъ въ составѣ управы и вольнонаемныхъ служащихъ: но такое явленіе было бы лишь исключеніемъ, и нельзя никоимъ образомъ ставить на карту весьма крупные государственные интересы, имѣя въ виду возможность исключеній, быть можетъ, и вполнѣ благопріятныхъ для русскаго населенія».

Эти основныя положенія націоналисты подробно мотивировали въ своихъ рѣчахъ при обсужденіи законопроекта въ Государственной Думѣ.

Предсѣдатель фракціи Балашевъ (III,4,1495) объяснилъ, что, настаивая на правительственной редакціи законопроекта, націоналисты отнюдь не собираются выковывать этимъ оружіе взаимной борьбы, взаимнаго истребленія; они не стремятся, какъ, къ глубокому сожалѣнію, это дѣлалось слѣва, раздувать національную и классовую вражду; напротивъ того, они изыскиваютъ средство для совмѣстной работы на процвѣтаніе дорогого имъ края. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ польскому меньшинству, націоналисты не могутъ не признать Западный край краемъ русскимъ и русскихъ въ немъ хозяевами, и потому для русскаго элемента они требуютъ хозяйскихъ правъ.

Современное положеніе этихъ хозяевъ края Шульгинъ (II, 4, 947—948) обрисовалъ такъ: «Представьте себѣ, что вы ни разу не были въ краѣ, что вы чужой совершенно; даже болѣе, представьте себѣ, что вы иностранецъ, ну, скажемъ, англичанинъ, который путешествуетъ для пополненія бедекера, а я вашъ спутникъ. Ну, вотъ, въ любомъ мѣстѣ, скажемъ, въ Волынской губ., гдѣ хотите, на какомъ угодно вокзалѣ, въ какомъ угодно мѣстечкѣ вы увидите ту же картину, которая васъ поразитъ. Вы прежде всего зададите мнѣ вопросъ: «скажите мнѣ, пожалуйста, вотъ эта группа изящныхъ господъ, передъ которой такъ суетятся носильщики, съ которой такъ

любезно раскланивается желѣзнодорожное начальство, которая занимаетъ купэ перваго класса,—кто это? Это вѣроятно, представители мѣстной земельной аристократіи?» Я вамъ скажу: «да, вы совершенно правы, это—поляки». Далѣе: «а скажите, что это большая толпа шумная, крикливая, немножко безвкусно, но все-таки нарядно одѣтая, эти вотъ господа, съ немножко помятыми воротничками, но съ интеллигентными лицами, которые такъ суетливо берутъ съ боя вагоны II и III класса,—это представители, должно быть, средняго сословія». Я скажу: «да, это представители средняго сословія,—это евреи. Затѣмъ послѣдуетъ пауза, англичанинъ будетъ нѣкоторое время колебаться, но потомъ, по свойственной ему любознательности, все-таки задастъ вопросъ: «скажите, пожалуйста, не можете ли вы мнѣ указать русскихъ?»—Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе; вотъ большое помѣщеніе. Посмотрите—ихъ много. Это большая толпа; у нихъ здоровыя добродушныя лица, пріятныя, но мало освѣщенныя; одежда и обувь грубыя, а большая часть босикомъ. Вотъ они подпираютъ стѣны или лежатъ вповалку на полу. Вотъ это—русскіе». На лицѣ англичанина изобразится изумленіе. Онъ скажетъ: «почему же они не садятся въ вагонъ?»—Я отвѣчу: «они сядутъ въ вагонъ, когда подадутъ поѣздъ съ вагонами IV класса». И тогда англичанинъ запишетъ въ бедекеръ: «Удивительная страна—Россія. Сами русскіе въ ней ѣздятъ исключительно IV классомъ». Примѣчаніе: «Не есть ли это слѣдствіе проповѣди Л. Н. Толстого о непротивленіи злу?».

Гр. Бобринскій 2 (III, 4, 890—910) въ своей рѣчи вскрылъ исторію взаимныхъ отношеній Литвы и Руси: Раздѣлъ Польши по отношенію къ Литвѣ не былъ похищеніемъ польскаго достоянія; тутъ произошло лишь возсоединеніе старыхъ русскихъ областей, вотчинъ св. Владиміра и Ярослава Мудраго съ остальной Русью. Литва, хотя и завладѣла Русью, но Литва осталась Литвою—Русью: верхъ взяла русская культура, русскій языкъ и православная вѣра. Литовскій статутъ былъ составленъ на русскомъ языкѣ, русскій языкъ былъ единственнымъ языкомъ, допущеннымъ въ судахъ и администраціи. Русское дворянство въ началѣ твердо держалось православія и вело упорную борьбу съ католицизмомъ. Недолго, однако, такъ продолжалось. Постепенно шагъ за шагомъ польская культура проникла и въ русскую шляхту, а вмѣстѣ съ культурой пробралось и католичество. Борьба оказалась неравной и русское дворянство, принявъ католицизмъ, ополячилось. Твердо держалось своей вѣры и національности лишь духовенство и крестьянство, которыя, несмотря на жесточайшія гоненія, физическія муки, казни сожженіемъ и т. д. остались русскими вплоть до возсоединенія съ Россіей. Что же дѣлало правительство послѣ раздѣла Польши съ этимъ издревле русскимъ краемъ? Правительство оставило

православное и уніатское крестьянство въ крѣпостномъ правѣ у помѣщиковъ-поляковъ, и съ другой стороны позволяло новымъ русскимъ помѣщикамъ пользоваться услугами поляковъ управляющихъ. Русскіе уніаты мечтали о православіи и правительство провозгласило свободу вѣры, но... запретило духовенству присоединять уніатовъ къ православію. Іезуиты были изгнаны изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и уничтожены папскимъ breve. Но по просьбѣ русскаго правительства іезуиты остались въ Россіи; имъ было поручено воспитаніе и образованіе русскаго юношества въ краѣ. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа былъ назначенъ извѣстный польскій сепаратистъ кн. Адамъ Чарторыйскій. Древній митрополичій соборъ Пречистой, въ которомъ была погребена дочь московскаго великаго князя Іоанна III Елена, супруга великаго князя Литовскаго Александра Ягеллоновича,—былъ обращенъ въ анатомическій театръ, а надгробная серебряная доска съ ея могилы была перелита въ кубки ректоромъ Виленскаго университета. То же пренебреженіе въ русскимъ національнымъ интересамъ въ Западномъ краѣ наблюдалось и за послѣднее время. А между тѣмъ, русское крестьянство въ юго-западномъ краѣ въ двѣ-три недѣли, безъ помощи русскихъ военныхъ силъ, прекратило и уничтожило польское возстаніе 1863 г. Малорусскіе крестьяне, даже за рубежомъ, т.-е. въ Галиціи, ловили формирующіяся тамъ польскія банды, крутили и переводили черезъ русскую границу и отдавали русскимъ войскамъ. Ораторъ закончилъ свою рѣчь такъ: «Не губите западно-русскій народъ; не лишайте его земства, дайте ему русское земство вполнѣ обезпеченное; дайте возможность съ этой каѳедры послать ему привѣтъ... послѣдними словами галицко-русской національной пѣсни: «Ликуй народъ, горе—сердце».

Еп. Евлогій (III, 4, 1223—1226) сказалъ: «Весь вопросъ сводится къ тому, какой это край, какой край представляютъ изъ себя эти шесть губерній, гдѣ предполагается ввести земство,—русскій или польскій? Для насъ, для русскихъ депутатовъ, я думаю, одинаково безъ различія партій и направленій, отъ правыхъ скамей и до лѣвыхъ, конечно, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса, никакихъ сомнѣній тутъ быть не можетъ. Для насъ тѣ слова, которыми закончилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ свою рѣчь, о томъ, что Западный нашъ край былъ, есть и долженъ быть краемъ русскимъ, для насъ эта истина слишкомъ очевидна, слишкомъ ясна и слишкомъ безспорна. И, г.г., мы дальше этого положенія не идемъ. Во всѣхъ этихъ спорахъ мы только того хотимъ, къ тому только и стремимся, чтобы онъ остался русскимъ краемъ. Никакихъ стремленій къ какому-то угнетенію, ненависти, попранію народныхъ правъ поляковъ, я увѣряю васъ, г.г., у насъ нѣтъ; нѣтъ никакой затаенной мысли, враждебной по отношенію

къ полякамъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, нельзя же всѣхъ насъ, всѣхъ западно-русскихъ депутатовъ представлять какими-то человѣконенавистниками, какими-то людоѣдами. Не безъ причины, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь раздавались тревожныя, полныя глубокой тревоги рѣчи въ защиту русскихъ интересовъ, которые могутъ подвергнуться серьезной опасности въ этомъ законопроектѣ, если онъ будетъ проведенъ въ нежелательномъ смыслѣ. И вотъ въ чемъ наше горе,—сами поляки не соглашаются признать этотъ край русскимъ; они всегда называютъ Западный край «забраннымъ краемъ», они считаютъ его своимъ неотъемлемымъ польскимъ достояніемъ; они всячески стараются удержать его польскую физіономію, его польскій характеръ. Въ этомъ вся суть нашихъ споровъ не только по этому вопросу, но, можно сказать, въ этомъ вся суть и весь смыслъ той многовѣковой борьбы, которая разыгрывается на территоріи этихъ губерній. Когда была жива Польша, когда была жива Рѣчь Посполитая, конечно, всѣ шансы въ этой борьбѣ были на сторонѣ поляковъ; они безконтрольно и самовластно хозяйничали въ этомъ краѣ и сдѣлали его дѣйствительно полупольскимъ; растаяли высшіе дворянскіе классы, искалѣчена была душа нашего бѣлорусса и вообще западно-русскихъ крестьянъ, которые тысячами ополячивались и окатоличивались. Для того, чтобы уяснить эту мысль, обратите вниманіе хоть на внѣшній типъ, на внѣшній обликъ нашего западно-русскаго крестьянина, положимъ, и великоросса изъ какой-нибудь центральной губерніи. Васъ не можетъ не поразить та огромная разница, которую можно наблюдать между нашимъ молодцомъ ярославскимъ крестьяниномъ—бойкимъ, свободнымъ, свободолюбивымъ—и нашимъ западнымъ крестьяниномъ—угнетеннымъ, забитымъ, раболѣпнымъ, который при встрѣчѣ хватаетъ васъ за руки, цѣлуетъ ваши руки, бросается вамъ въ ноги; это, скажу, отвратительное, «это падамъ до ногъ», которое является лозунгомъ въ этомъ польскомъ краѣ въ отношеніи низшихъ къ высшимъ. Эти черты забитости, угнетенности, раболѣпства Польша и польская культура должны считать своимъ тяжкимъ грѣхомъ и должны нести на себѣ за это отвѣтственность. Мнѣ кажется, чрезвычайно остроумно здѣсь сказалъ одинъ русскій крестьянинъ, представитель Кіевской губерніи, что «хорошая культура, отъ которой умеръ мой дѣдъ». Я думаю, что эту фразу надо понимать въ символическомъ смыслѣ, что отъ этой культуры дѣйствительно очень много умерло народной русской силы въ нашемъ Западномъ краѣ. Однако, г.г., полонизаторская дѣятельность поляковъ встрѣтилась съ пассивнымъ сопротивленіемъ нашего многотерпѣливаго и многострадальнаго русскаго народа, который на своихъ плечахъ вмѣстѣ съ своими пастырями вынесъ всю тяжесть этой многовѣковой борьбы, всю эту вѣковѣчную тяготу польскаго гнета и ко-

торый, несмотря на всю эту борьбу, на весь этотъ гнетъ, остался все же и до сихъ поръ сохранилъ черты своей русской духовной физіономіи, своего національнаго русскаго самосознанія.

Пала Польша; на помощь изнемогающему русскому народу въ борьбѣ его за національныя начала явилась русская власть, русское правительство; оно взяло на себя задачу этой борьбы, или, собственно говоря, задачу охраненія нашихъ русскихъ началъ въ Западномъ краѣ. Какъ оно вело эту борьбу, какъ дѣлало эту свою работу? Я скажу, не всегда удачно, и главный дефектъ этой работы заключается въ томъ, что оно боролось слишкомъ отвлеченно, слишкомъ отрѣшенно отъ коренного русскаго населенія, что къ этой борьбѣ оно не привлекло народнаго русскаго мѣстнаго элемента. И вотъ плоды того, что народъ не принималъ въ борьбѣ участія, были чрезвычайно печальные. Немногочисленный оставшійся классъ русскаго дворянства сталъ покидать родныя дворянскія гнѣзда и отправляться въ Петербургъ, превращаясь въ чиновниковъ; народился абсентензимъ, о которомъ такъ много говорилось съ этой каѳедры; народъ оставался въ сторонѣ безмолвнымъ и безсильнымъ объектомъ этого, такъ сказать, административнаго воздѣйствія; парализована, обезсилена была самодѣятельность нашего народа. Я говорю это не въ упрекъ нашимъ властямъ и нашему Правительству, но это фактъ несомнѣнный. И вотъ теперь нужно вызвать къ жизни живыя мѣстныя силы русскаго народа, нужно пробудить его отъ вѣкового усыпленія, нужно оживить парализованныя его силы и создать кадръ культурныхъ русскихъ работниковъ. Къ этому и направляется настоящій законопроектъ,—и въ этомъ вся его цѣль и смыслъ. Нельзя научить плавать того, кто не бросится въ воду; нужно бросить его въ воду, чтобы онъ тамъ расправилъ руки, чтобы русскій народъ сталъ на путь культурной работы совмѣстно съ своими сосѣдями поляками. Но помните, г.г., что мы дѣлаемъ огромный, чрезвычайно важный и опасный опытъ, и нужно намъ дѣлать этотъ опытъ такъ, чтобы мы были совершенно увѣрены въ томъ, что русскіе интересы, русская культурная идея отъ этого совершенно не пострадаютъ, а разовьются и расцвѣтутъ во всей красѣ. Вѣдь неопытному пловцу, когда его бросаютъ въ воду, даютъ пузыри, чтобы на первыхъ порахъ научить его плавать; человѣку, который начинаетъ ходить послѣ долгой болѣзни, даютъ въ руки палку; немудрено, что и теперь, когда пробуждается въ Западномъ краѣ самодѣятельность, когда тамъ оживаютъ русскія силы, неудивительно, что въ этомъ законопроектѣ дается нѣкоторая подпорка русскому элементу, чтобы онъ сдѣлалъ первые шаги на пути этой самодѣятельности, своей самостоятельной культурной работы. Можетъ быть, пройдетъ еще 10—15 лѣтъ, и тогда русскіе элементы станутъ крѣпче на своихъ

ногахъ; можетъ быть, пузыри и подпорки эти тогда имъ будутъ уже не нужны; они, можетъ быть, отбросятъ сами эту палку, эти ограниченія и они, на основаніи равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія, могутъ пойти въ эти земскія учрежденія; но теперь, когда дѣлается первый шагъ, это, я думаю, чрезвычайно рисковано и опасно. Мы дѣлаемъ, нужно помнить, первый опытъ, отъ неудачи котораго могутъ произойти роковыя и непоправимыя послѣдствія. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, быть или не быть нашему Западному русскому краю краемъ русскимъ въ политическимъ, національномъ и культурномъ отношеніи. Рѣшеніе этого вопроса потребуетъ отъ законодательныхъ учрежденій особенной мудрости, особенной осторожности; тутъ дѣйствительно нужно семь разъ отмѣрить и одинъ разъ отрѣзать. И хочется мнѣ думать, что наша русская Государственная Дума не пройдетъ мимо тѣхъ тревожныхъ опасеній, которыя раздавались здѣсь единодушно изъ устъ всѣхъ депутатовъ этого Западно-русскаго края; хочется думать, что русская Государственная Дума будетъ въ этомъ вопросѣ на высотѣ своего русскаго національнаго самосознанія, что она поможетъ русскому обездоленному, забытому Западному краю создать большое, хорошее культурное русское дѣло, за которое вся западная Русь скажетъ ему свое горячее русское «спасибо».

Богдановъ (III, 4, 793—795) указалъ, что необходимость ограничений для польскаго элемента въ земствѣ опредѣляется различными причинами: «Для того, чтобы это было ясно, я позволю себѣ отмѣтить здѣсь тѣ отношенія, которыя существовали у насъ въ недалекомъ прошломъ къ нашимъ сосѣдямъ-полякамъ въ Западномъ краѣ и которыя установились въ самые послѣдніе годы. За время съ 60-хъ годовъ до нашей несчастной революціи успѣли установиться вполнѣ дружественныя отношенія между нами и между мѣстными поляками. Мы работали во многихъ учрежденіяхъ рядомъ и привыкли считать, такъ называемыхъ, нашихъ поляковъ такими же, какъ и мы, хотя гражданами польскаго происхожденія и другой религіи. Наши дружественныя отношенія доходили до того, что мы не только поддерживали заявленія о необходимости уничтожить стѣсненія, которыя были введены въ Западномъ краѣ послѣ польскаго повстанія 1863 г., но даже со стороны русскихъ проявлялась инициатива въ этомъ отношеніи. Такъ продолжалось, я говорю, дѣло до несчастной нашей революціи, когда все дѣло сразу измѣнилось. Оказалось, что поляки сочли нужнымъ почему-то отдѣлиться отъ насъ, образовавъ особую польскую группу; они начали предъявлять извѣстныя требованія по отношенію къ русскимъ, почувствовали извѣстную силу и старались даже занять положеніе распорядителей во многихъ вопросахъ, какъ это было, напримѣръ, при выборахъ въ первую

и вторую Государственныя Думы. Оказалось, что поляки, напримѣръ, Кіевской губерніи, какъ и вообще Западнаго края, въ это время нашли нужнымъ по различнымъ причинамъ *подчиниться тѣмъ указаніямъ, которыя имъ стали дѣлать изъ Варшавы.* Они уже смотрѣли на себя не какъ на русскихъ, отличающихся отъ насъ только религіей и польскимъ происхожденіемъ, а какъ на передовыхъ бойцовъ за польскую идею. Установились въ высшей степени враждебныя отношенія между нами и между поляками; и, послѣ того, какъ мы потерпѣли пораженіе при выборахъ въ первыя двѣ Государственныя Думы вслѣдствіе союза поляковъ со всѣми тѣми мѣстными элементами, которые хотѣли воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Россіи для достиженія извѣстныхъ цѣлей, мы увидѣли, что совмѣстная работа наша съ поляками уже невозможна. Я скажу, что мы потеряли довѣріе къ полякамъ. И, если съ того времени поляки, потерпѣвъ пораженіе при выборахъ въ третью Государственную Думу, нѣсколько измѣнили свое отношеніе и, повидимому, готовы были, по крайней мѣрѣ на словахъ, опять взяться за общую работу, большинство представителей русскаго населенія западныхъ губерній полякамъ больше не могло довѣрять. Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что земство можетъ въ нашемъ краѣ плодотворно работать, именно заниматься хозяйственной работой, только въ томъ случаѣ, если поляки не будутъ имѣть слишкомъ большого, я скажу, достаточно большого вліянія въ земскихъ учрежденіяхъ. Если только они представятъ собой силу, то ихъ не оставитъ въ покоѣ Варшава, которая станетъ пользоваться ими опять не для земской, а для политической работы. Если извѣстныя ограниченія не будутъ сохранены для поляковъ, то наши земскія учрежденія будутъ не земскими, а политическими; у насъ будетъ происходить, я скажу, *просто грызня на политической почвѣ.* Это обстоятельство дѣлаетъ для насъ земство въ подобныхъ условіяхъ уже непріемлемымъ. Кромѣ того, я долженъ отмѣтить здѣсь, что при своеобразности интересовъ польскихъ землевладѣльцевъ, какъ они представляютъ себѣ эти интересы, особенной пользы отъ гласныхъ-поляковъ для коренного русскаго крестьянскаго населенія мы не ожидаемъ. Если въ великорусскихъ губерніяхъ въ исторіи земства землевладѣльцы, по преимуществу дворяне, проявили себя въ высшей степени плодотворной работой, самопожертвованіемъ на пользу именно крестьянскаго населенія, если землевладѣльцы тамъ дали огромныя средства для созданія народныхъ школъ и медицины, которыя главнымъ образомъ обслуживаютъ не землевладѣльцевъ, а бѣднѣйшее населеніе, именно крестьянъ, то ничего подобнаго при нашихъ отношеніяхъ къ крестьянскому населенію нашего края со стороны поляковъ-землевладѣльцевъ нѣтъ основаній ожидать. Я скажу по личному опыту, по работѣ

въ тѣхъ комитетахъ по дѣламъ земскаго хозяйства, какая наблюдается въ послѣдніе годы. Во всѣхъ случаяхъ, когда наши комитеты проявляли желаніе приходить съ щедрой помощью при устройствѣ, напримѣръ, народныхъ школъ, главными противниками этого всегда являлись представители крупнаго польскаго землевладѣнія. Я могъ бы еще сказать, что тѣ ограниченія, на которыхъ мы настаиваемъ по отношенію къ земству и земскимъ организаціямъ въ Западномъ краѣ, могутъ быть полезны даже и въ томъ смыслѣ, что они къ земской работѣ привлекутъ тѣ польскіе элементы, которые дѣйствительно этой работой интересуются. Я могу сказать, что несомнѣнно существуютъ и въ нашемъ краѣ поляки, которые не хотѣли бы въ земство вводить политику, а желали бы заниматься именно земской работой. Но до тѣхъ поръ, пока поляки будутъ представлять значительную силу въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ, до тѣхъ поръ эти поляки все-таки не посмѣютъ ограничиться одной земской работой, потому что, мы знаемъ, распорядители изъ Варшавы съ ними не церемонятся; тѣ поляки, которые пытались отдѣлаться отъ этихъ вліяній, должны были дорого поплатиться за свою самостоятельность».

На опасность польскаго засилія въ земствѣ указываетъ также Клопотовичъ, защищая положенія правительственнаго законопроекта—объ обезпеченіи русскаго большинства въ составѣ земскихъ управъ (III, 4, 1617—1620): «Предсѣдателемъ управы, какъ уѣздной, такъ и губернской, долженъ быть непремѣнно русскій. Хотя управа есть только исполнительный органъ, но вѣдь фактически распорядителемъ во всемъ земскомъ дѣлѣ, хотя и отвѣтственнымъ предъ земскимъ собраніемъ, но все-таки распорядителемъ является ея предсѣдатель. Если такимъ предсѣдателемъ будетъ полякъ, то, смѣю васъ увѣрить, не пройдетъ и одного года, какъ весь составъ канцеляріи, всѣ вольнонаемныя должности врачей, фельдшеровъ, акушерокъ, страховыхъ агентовъ, инженеровъ, все это будетъ заполнено поляками, и русскимъ тамъ мѣста не будетъ. А насколько будутъ близки сердцу этого предсѣдателя-поляка интересы коренного русскаго населенія, того русскаго народа, который поляки называютъ «быдло», т.-е. скотина, или «пся кревъ», т.-е. собака, собачья кровь, насколько онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы нужды русскаго народа въ школахъ, больницахъ и т. п. удовлетворялись, я предоставляю судить вамъ самимъ... Намъ здѣсь говорятъ, г.г., что нѣтъ никакой надобности закрѣплять въ законѣ, что предсѣдатель долженъ быть непремѣнно русскимъ—русскіе имѣютъ, молъ, такой численный перевѣсъ, что они всегда выберутъ предсѣдателемъ только русскаго. Это глубоко ошибочно. Не забывайте польской сплоченности, польской дисциплины; при тѣхъ выборахъ въ Государственную Думу приводили на выборы та-

кихъ дряхлыхъ старцевъ, буквально подъ руки, которые десятки лѣтъ изъ своихъ имѣній не выѣзжали, и всѣ поляки голосовали за намѣченнаго кандидата, какъ одинъ человѣкъ. Затѣмъ большинство польскихъ землевладѣльцевъ родились и всю жизнь провели у себя въ имѣніи, живя тѣсной семьей, и, послушные указаніямъ изъ Варшавы, они не допустятъ у себя при голосованіи ни розни, никакой разноголосицы. Совершенно обратное вы видите у русскихъ. Изъ среднихъ землевладѣльцевъ большинство въ своихъ имѣніяхъ не живутъ, большинство служитъ; не разъ здѣсь указывалось на сильную экономическую зависимость крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ отъ польскихъ крупныхъ магнатовъ, что тоже не остается безъ вліянія на голосованіе. Наконецъ, надо, къ сожалѣнію, сказать, что среди среднихъ русскихъ землевладѣльцевъ вы найдете и лицъ, желающихъ угодить полякамъ, сильнымъ полякамъ. Какъ же при такихъ условіяхъ, можно говорить, что выборъ русскаго предсѣдателя обезпеченъ? У русскихъ о сплоченности, о дисциплинѣ и помину нѣтъ, многіе даже не знаютъ другъ друга, голоса разобьются: одинъ будетъ голосовать за одного, другой за другого. Нѣтъ, г.г., слишкомъ много шансовъ за то, что при такихъ условіяхъ будетъ выбранъ полякъ-предсѣдатель, а это, на мой взглядъ, равносильно тому, что русскому дѣлу въ нашемъ краѣ конецъ... Въ заключеніе позволю себѣ обратиться съ нѣсколькими словами къ представителямъ центральныхъ губерній, сидящимъ здѣсь въ центрѣ. Г.г., вопросъ, касающійся цѣлаго края, нельзя рѣшать теоретически, сидя у себя въ кабинетѣ. Вѣдь если бы мнѣ—и, думаю, не одному мнѣ,—пришлось рѣшать вопросъ, касающійся близко центральныхъ губерній, то я прежде всего постарался бы освѣдомиться у представителей этихъ губерній и близко познакомиться съ этимъ дѣломъ; въ противномъ случаѣ я бы воздержался отъ голосованія. Вы нашего края не знаете, условій жизни нашего края также не знаете; у васъ поляковъ нѣтъ, а если есть, то они далеко не тѣ, какіе у насъ. Вѣдь наши поляки живутъ мыслью объ «отбудованіи отчизны», о возстановленіи Польши отъ моря до моря, и они нашъ Юго-Западный край, родной, искони русскій, съ Кіевомъ съ его святынями, съ Кіево-Печерской лаврой, съ Софійскимъ соборомъ, съ древними Десятинной и Андреевской церквами, считаютъ своимъ; они называютъ его не иначе, какъ край «забранный», т.-е. насильно захваченный и находящійся у насъ во власти временно. Повѣрьте намъ, мѣстнымъ людямъ, мы это дѣло лучше знаемъ, намъ это виднѣе. Если ужъ волею судебъ вамъ приходится рѣшать вопросъ о томъ, быть ли у насъ земству или не быть, пользоваться ли намъ тѣми благами, чѣмъ вы сами пользуетесь уже десятки лѣтъ, то дайте намъ земство русское, а польскаго земства намъ, г.г., не нужно. Лучше остаться при томъ, что у насъ есть теперь, лучше допотопные

приказы общественнаго призрѣнія и распорядительные комитеты, чѣмъ польское земство. Польскаго земства намъ не нужно, и, на мой взглядъ, въ этомъ состоитъ вопросъ: остаться ли Юго-Западному краю русскимъ краемъ, или рисковать его ополячить совершенно, т.-е. обратить его въ польскую провинцію. Мы имѣемъ право на русское земство, вынесши на плечахъ вѣковой гнетъ польскій, мы это право выстрадали».

О той же сплоченности поляковъ говоритъ Проценко (III, 4, 2767—2769): «Нельзя не признать, конечно, за поляками громадныхъ преимуществъ въ смыслѣ культурности, въ отношеніи изысканной вѣжливости, предупредительности, но при всемъ томъ нужно сказать, что со стороны поляковъ въ нашемъ краѣ, въ особенности въ Кіевѣ, не только не замѣчается никакой тенденціи къ сближенію, къ ассимиляціи, но, напротивъ того, постоянно замѣчается стремленіе къ обособленности отъ русскаго населенія... Тенденція этого обособленія замѣчается особенно въ послѣдніе годы. Я могу указать при этомъ на нѣкоторые факты, именно на учрежденіе отдѣльнаго польскаго клуба, несмотря на то, что до открытія этого клуба полякамъ всюду широко были открыты двери, и вездѣ они были самыми пріятными гостями. Не могу не указать на возникновеніе особаго общества польскихъ врачей въ Кіевѣ. Несмотря на то, что болѣе полвѣка существуетъ въ Кіевѣ общество врачей, даже не именующееся русскимъ, поляки нашли нужнымъ выдѣлиться въ особую группу и обосновали особое общество польскихъ врачей, хотя наука, кажется, должна бы одинаково связывать интересы какъ врачей-поляковъ, такъ и врачей-русскихъ. Въ городскомъ общественномъ управленіи я имѣлъ возможность наблюдать, что, войдя въ составъ какой-либо исполнительной комиссіи, они довольно быстро входятъ не только въ активную роль, но становятся вліятельными членами комиссіи, благодаря, конечно, съ одной стороны, своей культурности, а съ другой стороны, въ силу того, что русскіе люди вообще и довѣрчивы, и покладисты, и уступчивы, и даже лѣнивы. Но дѣятельность ихъ въ такого рода коллегіяхъ и комиссіяхъ всегда бываетъ тенденціозной... Страсти разыгрываются при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, даже, когда рѣчь идетъ о замѣщеніи мѣста ординатора городской больницы, то въ пользу польскихъ кандидатовъ всегда идетъ самая отчаянная агитація. Когда въ клубѣ русскихъ націоналистовъ обсуждался вопросъ о введеніи земства въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, то клубъ русскихъ націоналистовъ входилъ, съ своей стороны, съ ходатайствомъ къ высшему правительству о томъ, чтобы г. Кіевъ былъ раздѣленъ на двѣ куріи, польскую и русскую. Между прочимъ, въ своемъ ходатайствѣ клубъ русскихъ націоналистовъ говоритъ слѣдующее (читаетъ): «Въ городѣ Кіевѣ вліяніе поляковъ на дѣла городского

управленія совершенно не соотвѣтствуетъ численному и имущественному значенію польской части населенія къ общей массѣ населенія города, при чемъ вліяніе поляковъ на дѣла городского управленія въ Кіевѣ постепенно усиливается и поляки объединены ясно выраженной тенденціей къ полному захвату въ свои руки муниципалитета матери городовъ русскихъ».

Ладомирскій отмѣчаетъ еще нѣкоторыя печальныя особенности состава мѣстнаго населенія (III, 4, 869—872): «Вамъ должно быть извѣстно, г.г., что въ нашей губерніи существуютъ ограниченія по пріобрѣтенію недвижимой собственности лицами нерусскаго происхожденія, и, кромѣ того, губерніи эти входятъ въ черту осѣдлости гонимаго, но избраннаго племени. Изъ этого, г. г., вамъ станетъ ясно, что въ числѣ якобы русскихъ землавладѣльцевъ заключается довольно значительное число лицъ, прикрывающихъ, къ сожалѣнію, русскимъ именемъ фактическое владѣніе тѣхъ, кто правомъ владѣнія недвижимой собственностью въ нашемъ краѣ не обладаетъ. Эти подставныя лица совсѣмъ не будутъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ, а если и будутъ, то, конечно, явятся защитниками не русскихъ интересовъ тѣхъ поляковъ или евреевъ, ширмами для которыхъ они служатъ... При такихъ условіяхъ, г. г., защита русскихъ интересовъ въ краѣ ляжетъ на мелкихъ русскихъ землевладѣльцевъ, по своимъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянъ, и, наконецъ, на самихъ крестьянъ. Но возникаетъ вопросъ: въ состояніи ли они, наши добродушные по природѣ бѣлоруссы, забитые многовѣковой зависимостью отъ польскихъ помѣщиковъ, безпощадно эксплоатируемые евреями, несорганизованные, не привыкшіе къ общественной жизни, стойко отстаивать эти интересы противъ сильныхъ своей организаціей польскихъ помѣщиковъ, отъ которыхъ они къ тому же въ большинствѣ случаевъ матеріально и зависятъ. Я скажу—конечно, нѣтъ... Если вы примете законопроектъ съ тѣми измѣненіями, которыя предлагаетъ комиссія по мѣстному самоуправленію, то вы изъ земства Сѣверо-Западнаго края сдѣлаете чисто польскую организацію, могучее орудіе для полонизаціи этого края. И вамъ, г.г., должна быть понятна та шумиха, которая создалась вокругъ настоящаго законопроекта, та страстность, съ которой окраина относится къ этому вопросу. Для насъ, г. г., этотъ вопросъ—вопросъ жизни или смерти, оставаться ли намъ въ этомъ краѣ или не оставаться; и что бы вы ни говорили, что уступками полякамъ можно съ ними примириться, этого, къ сожалѣнію, никогда не будетъ. Г. г., нація, которая, несмотря на столѣтнее плѣненіе, не перестаетъ мечтать о своей независимости, достойна, конечно, всякаго уваженія, но не нужно заблуждаться и не надо давать оружія въ руки нашихъ противниковъ. Что бы ни было, что бы ни произошло, но поляки всегда будутъ противниками

русской государственности и никакими уступками, никакими подачками вамъ ихъ не купить. Всѣ уступки будутъ, конечно, сочтены за слабость и будутъ использованы во имя все той же идеи «отбудованія ойчизны» и созданія «Рѣчи Посполитой» отъ моря до моря. Земство въ польскихъ рукахъ явится орудіемъ несравненно болѣе сильнымъ, чѣмъ были въ свое время польскія сельскохозяйственныя общества, позднѣе польскія матицы и т. д. Наконецъ, кадръ земскихъ служащихъ, согласно поправкѣ комиссіи по мѣстному самоуправленію, явится готовымъ кадромъ для будущаго «ржонда народового». Вотъ, г. г., та опасность, на которую я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе».

Указанныя соображенія заставляли націоналистовъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпеченіемъ преобладанія русскаго вліянія въ земствѣ парализовать постоянныя и неуклонныя стремленія поляковъ къ полонизаціи экономически зависимаго отъ него крестьянскаго населенія. Націоналисты особенно осторожно отнеслись къ школьному дѣлу въ краѣ. Графъ Бобринскій 2-й (III, 4, 1629—1630) говоритъ: «По порученію русской національной фракціи я внесъ къ п. 23 настоящаго законопроекта поправку о томъ, чтобы тотъ членъ земской управы, который завѣдуетъ народнымъ образованіемъ, былъ изъ лицъ русскаго происхожденія. Предложеніе это было одобрено комиссіей Государственной Думы. Говоря часто по школьному вопросамъ съ польскими націоналистами, я подчеркиваю, что полякамъ надо отдать справедливость, что всѣ ихъ партіи, не исключая и соціалистическихъ, суть партія націоналистическія: поляки всегда настаиваютъ на томъ, что польская школа должна быть въ польскихъ рукахъ. Я вполнѣ это понимаю, и я тоже говорю: русская школа, конечно, должна быть въ русскихъ рукахъ. Вѣдь полякъ, даже если онъ самый добросовѣстный, все-таки не можетъ отдать этому дѣлу своей души, не можетъ отдать той любви, той преданности, того порыва, которые необходимы для успѣшнаго веденія школьнаго дѣла въ земствѣ. Теперь скажутъ мнѣ, что это неважно: дѣло въ томъ, что земская управа вѣдаетъ лишь хозяйственную часть школы, но никоимъ образомъ не педагогическую, и не все ли равно: будутъ ли польскія дрова въ печкѣ въ школѣ, или русскія. Г.г., такая точка зрѣнія на дѣятельность управы въ школьномъ дѣлѣ совершенно неправильна и не соотвѣтствуетъ не только дѣйствительной жизни, но не соотвѣтствуетъ и законамъ; и законъ, какъ неоднократно разъяснялъ Правительствующій Сенатъ, предоставляетъ земству, а слѣдовательно членамъ управы, которые завѣдуютъ школьнымъ дѣломъ, крупную роль даже и въ педагогическомъ веденіи дѣлъ. Напримѣръ, выборъ учебниковъ въ школѣ въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ Министерствомъ, составленіе библіотеки и т. д., своевременное снабженіе всѣмъ этимъ земской

школы всецѣло зависитъ отъ управы. Ни одинъ учитель не можетъ быть назначенъ безъ согласія и помимо представленія хозяина школы, т. е. земской управы; онъ допускается инспекторомъ и утверждается и увольняется училищнымъ совѣтомъ, но подыскивается и представляется управой. Да не нужно, я думаю, на этомъ мнѣ долго настаивать, такъ какъ каждый изъ насъ, кто сколько-нибудь знаетъ земское дѣло, знаетъ, какую громадную роль управа играетъ не только въ хозяйственномъ, но и въ педагогическомъ веденіи земской школы».

Національнстовъ озабочивало и слѣдующее соображеніе: укрѣпленію и развитію русскаго дѣла въ краѣ представляетъ значительное препятствіе недостатокъ русскаго образованнаго класса. Въ то время, какъ поляки представляютъ собою сплоченную культурную силу, русское населеніе состоитъ въ громадномъ своемъ большинствѣ изъ малограмотнаго крестьянства. Вотъ почему національнсты дорожили всѣми русскими крупицами, имѣющими культурный характеръ. По этимъ соображеніямъ они такъ горячо отстаивали, между прочимъ, предоставленіе православному духовенству въ земствѣ значительно большаго вліянія, чѣмъ духовенство пользуется въ центральной Россіи. Дѣло въ томъ, что русскому духовенству въ Западномъ краѣ выпала особая историческая роль. Духовенству принадлежала огромная заслуга въ борьбѣ съ полонизаціей края, когда даже дворянство ополячилось. Что же представляло собою польское дворянство конца XVIII столѣтія? Шульгинъ (III, 4, 953—954) говоритъ по этому поводу: «Въ 1774 Саксонскій резидентъ при польскомъ дворѣ Эссенъ доноситъ своему курфюрсту слѣдующее (читаетъ): «Польскіе вельможи, будучи недовольны другъ другомъ, вѣчно соперничаютъ между собой; они постоянно гоняются за полученіемъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобы подкапываться подъ свое собственное отечество. Шляхта всегда готова служить тому двору, который больше заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ—роскошь, въ провинціи—бѣдность. Ежедневно въ Польшѣ происходятъ такія явленія, какія невѣроятны въ другихъ государствахъ—злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежи всякаго рода, отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются на каждомъ шагу. И кто же ихъ совершаетъ? Люди, принадлежащіе къ самому высшему обществу, которые постоянно бываютъ у короля, пользуются почетомъ и не подвергаются поэтому наказанію. Одинъ сенаторъ укралъ печать, другой золотые часы у жены русскаго посла. Лица, украшенныя орденами Бѣлаго Орла, крадутъ векселя у адвокатовъ, предъявленные ихъ заимодавцами. Очень многіе министры Рѣчи Посполитой, желая получить деньги для роскоши, пускаются на такого рода по-

ступки: соберутъ все свое столовое серебро и золотыя украшенія, затѣмъ отдадутъ все это своему камердинеру и прикажутъ ему гдѣ-нибудь заложить вещи, а деньги принести имъ. Послѣ этого отсылаютъ камердинера въ деревню, а съ лицами, принявшими въ закладъ вещи, начинаютъ судиться, обвиняя ихъ въ утайкѣ краденаго. Есть и такіе министры, и ихъ немало, которые дѣлаютъ наѣзды на имѣнія сосѣдей, причемъ происходятъ битвы, и нерѣдко человѣкъ до 30 остаются мертвыми на мѣстѣ. Одинъ сенаторъ уличается въ поддѣлкѣ векселей, другой отрекается отъ своей подписи, третій употребляетъ фальшивыя карты во время денежной игры, четвертый продастъ имѣніе, которое никогда ему не принадлежало, пятый, взявъ изъ рукъ кредитора векселя, разрываетъ ихъ и въ то же время приказываетъ бить кредитора, шестой захватываетъ чужую жену, увозитъ ее съ собой и тамъ насилуетъ. Я трепещу отъ мысли, что курфюрстъ возложитъ на меня обязанность указать трехъ между поляками совсѣмъ честныхъ людей; я не могу ни одного указать. Нѣмецкій полумошенникъ былъ бы въ Польшѣ честнымъ человѣкомъ. Англійскій посланникъ проситъ съ каждой почтой свое правительство отозвать его отсюда, потому что онъ, исполняя должность посла при Варшавскомъ дворѣ, тѣмъ самымъ унижаетъ свое достоинство, какъ честнаго человѣка».

Изъ всего русскаго въ краѣ, ко времени его присоединенія къ Россіи, остались только «попъ да хлопъ». Духовенство и крестьянство на своихъ плечахъ вынесли русское дѣло и не поддались, несмотря ни на какія гоненія и страданія. Благодаря этой совмѣстной вѣковой борьбѣ духовенство и крестьянство сжились между собой, сплотились и несомнѣнно, что и въ земской дѣятельности общность ихъ интересовъ послужитъ лишь на пользу русскому дѣлу въ краѣ. Вотъ по какимъ соображеніямъ от. Гепецкій (III, 4, 1659—1664), гр. Бобринскій 2-й (III, 4, 1675—1677) и Шульгинъ (III, 4, 1666—1670) такъ упорно отстаивали предложеніе правительства о томъ, чтобы въ составъ земскихъ учрежденій ввести—въ уѣздное земское собраніе по три и въ губернскія по четыре представителя отъ православнаго духовенства.

Шульгинъ указалъ, между прочимъ, на слѣдующія соображенія (III, 4, 1666—1670): «Составляя земское собраніе, мнѣ кажется, мы должны руководствоваться одной цѣлью, а именно, составить его такъ, чтобы оно было по возможности пригодно къ тому земскому дѣлу, которое оно будетъ исполнять. Вотъ съ этой точки зрѣнія участіе сельскаго духовенства будетъ полезно или нѣтъ? Г.г., обратите вниманіе на то, сколько времени и какъ часто вамъ здѣсь говорили объ абсентеистахъ, о томъ, что нѣтъ мѣстныхъ людей и пр. Вотъ вамъ мѣстные люди и самые настоящіе, потому что сель-

ское духовенство нашего края живетъ въ этомъ краѣ столько же времени, сколько и это ополяченное дворянство, о которомъ вы столько заботитесь. Я знаю, напримѣръ, въ Волынской губ. семьи, которыя болѣе 400 лѣтъ не выходили за предѣлы Волынской епархіи. Вотъ вамъ настоящая старая духовная аристократія, которая тамъ сидитъ безъ конца, и лучшихъ знатоковъ нашей сельской деревни, чѣмъ наши русскіе сельскіе батюшки, трудно найти; вѣдь они оттуда никуда не выѣзжаютъ и знаютъ свою деревню такъ, какъ знаетъ ее только крестьянинъ. Они только болѣе способны выразить эти нужды, потому что они, разумѣется, гораздо болѣе интеллигентны. Вотъ это одна сторона. А вотъ другая сторона. Вѣдь сколько говорятъ о томъ, что большой недостатокъ земства, это его оторванность отъ населенія,—земство само по себѣ, а населеніе само по себѣ; если хотите приблизить земство къ населенію, то и въ этомъ отношеніи участіе духовенства тоже можетъ имѣть большое значеніе. Возьмите самый обыденный случай. Напримѣръ, земство задалось бы цѣлью пропагандировать какое нибудь экономическое улучшеніе; скажемъ, вы хотѣли бы, чтобы въ деревнѣ не дѣлали болѣе соломенныхъ крышъ, а дѣлали бы желѣзныя или черепичныя крыши. Кто лучше духовенства, кто лучше сельскихъ батюшекъ, если они пойдутъ на это, можетъ при всякомъ удобномъ случаѣ растолковать, объяснить народу: «послушай, у тебя сгорѣла хата, не строй подъ соломенной крышей, опять сгоритъ». Вѣдь ваши земскія силы,—они ничтожны сравнительно съ тѣмъ кадромъ духовенства по тысячѣ и больше на губерніи, который есть въ этихъ губерніяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ.

Вотъ я припоминаю, кажется, А. И. Шингаревъ тутъ пренебрежительно говорилъ объ извѣстномъ нашемъ волынскомъ архимандритѣ Виталіи. Г.г., вы знаете о немъ только то, что пишутъ лѣвыя газеты,—что это мрачный демагогъ, который ведетъ народъ на погромы и т. д. Я не буду утверждать, что въ дѣятельности о. Виталія нѣтъ нѣкоторыхъ моментовъ, о которыхъ можно было бы пожалѣть, но я, съ другой точки зрѣнія, долженъ вамъ сказать, что это человѣкъ, достойный глубочайшаго уваженія. Во-первыхъ, это аскетъ, затѣмъ—это настоящій подвижникъ, который душу и тѣло отдалъ народу. Вѣдь многіе изъ васъ, г.г., только говорятъ о народѣ, а этотъ человѣкъ день и ночь съ нимъ, онъ всего себя отдалъ народу, онъ всегда съ нимъ, и когда онъ съ многотысячными массами, стекающимися въ Почаевъ, и когда онъ проходитъ по Волыни. Онъ входитъ во всѣ нужды, и знаете ли вы, онъ покрылъ всю Волынь сѣтью потребительныхъ лавокъ, онъ мечтаетъ о сельскомъ банкѣ и о всѣхъ прочихъ улучшеніяхъ.

Если вы хотите эту силу оставить за собой, а не противъ себя, дайте духовенству участіе въ земствѣ; оно пойдетъ, охотно пойдетъ и будетъ помо-

гать вамъ въ земскомъ дѣлѣ. Это сторона земская; но есть еще сторона политическая, и она безконечно важна. Я не буду говорить объ исторической роли,—исторія здѣсь не въ почетѣ, но я скажу, что есть сейчасъ, что было очень недавно, вотъ за эти послѣдніе годы, тамъ, въ этихъ западныхъ губерніяхъ. Вѣдь если гдѣ нужно единеніе русскаго народа, то оно нужно именно тамъ. Нужно, чтобы высшіе классы были тѣсно связаны съ низшими, потому что вы знаете, г.г., за то, что русское дворянство измѣнило своему народу и своей вѣрѣ, оно жестоко поплатилось. Поэтому условія момента и историческія напоминанія требуютъ единенія верховъ съ низами. Какой же можетъ быть лучшій мостъ, какъ не это духовенство, духовенство, которое по обязанности своей пастырской службы должно соединять высшіе классы съ низшими.

Я объ этомъ не говорилъ бы, если бы этому не былъ блестящій опытъ. Я напоминаю время 1905 и 1906 г.г.: въ то время мы, русская интеллигенція этого края, очутились въ страшно тяжеломъ положеніи, потому что, благодаря революціонной пропагандѣ, низы заколебались, мы подъ собою не чувствовали почвы. Мы чувствовали подъ собою море, которое волновалось и неизвѣстно куда бросится. Мы были даже въ болѣе жалкомъ положеніи сравнительно съ поляками. Потому что поляки въ единеніи другъ съ другомъ, въ тѣсной дружбѣ историческихъ преданій, которыя ихъ сединяли дружной семьей, имѣли утѣшеніе сами въ себѣ; кромѣ того они не были связаны съ этимъ народомъ, и когда этотъ народъ выражалъ враждебныя чувства, они могли, если хотѣли,—я не обвиняю ихъ въ этомъ,—но они могли враждебно къ нему относиться, жаловаться и проклинать. Мы же не могли—противъ своего народа вѣдь не поднимается рука,—намъ страшно тяжело было въ это время относиться къ этому народу съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое онъ своимъ поведеніемъ могъ вызывать. Вотъ, г.г., въ эту минуту землевладѣніе и интеллигенція Западнаго края проявили, дѣйствительно, политическое ясновидѣніе, потому что пошли не противъ этого народа, а пошли къ этому народу и сказали: вы въ настоящее время противъ насъ возбуждены, вамъ говорятъ: жгите насъ; а мы вамъ скажемъ: все равно, вы насъ жжете, а тѣмъ не менѣе мы пойдемъ къ вамъ, потому что мы знаемъ, что вы больны, потому что мы знаемъ, что это пройдетъ, и когда нибудь за то, что мы не измѣняемъ вамъ въ эту страшную тяжелую минуту, вы намъ въ ноги поклонитесь. И вотъ въ эту минуту духовенство сыграло колоссальную историческую роль, потому что именно оно стало между нами и протянуло одну руку намъ, а другую—крестьянамъ. Оно говорило крестьянамъ, стараясь имъ объяснить, для чего нужна русская интеллигенція, что она не для того живетъ на свѣтѣ, чтобы проѣдать деньги,

какъ многіе думаютъ, что она имѣетъ свои задачи—а задача эта быть главой націи! Вотъ что объясняло духовенство крестьянамъ. А намъ оно говорило: не бойтесь этого народа, не бойтесь того, что онъ теперь шумитъ; это пройдетъ; это безуміе; эта пьяная волна пройдетъ; идите съ нимъ, и онъ будетъ вамъ благодаренъ и вмѣстѣ съ вами будетъ строить одно мощное русское тѣло. И вотъ, г.г., съ этой точки зрѣнія земское и политическое участіе духовенства дорого намъ и безцѣнно въ этомъ дѣлѣ. А я отсюда, съ этого высокаго мѣста, надѣясь, что мой голосъ прозвучитъ по всѣмъ западнымъ губерніямъ, за все, сдѣланное духовенствомъ, провозглашаю ему честь и славу».

Длинную и упорную борьбу пришлось выдержать націоналистамъ за интересы русскаго дѣла въ Западномъ краѣ. Не всѣ свои пожеланія удалось имъ отстоять, но во всякомъ случаѣ законопроектъ въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ Государственной Думы, представлялъ собою могучее средство—для возрожденія русской народности въ Западномъ краѣ.

Но не всѣ испытанія окончились для этого великаго дѣла. Государственный Совѣтъ отвергнулъ законопроектъ.

Западная Россія было поражена такимъ ударомъ.

Покойный П. А. Столыпинъ рѣшился на крайнюю мѣру, и Совѣтъ Министровъ представилъ Государю Императору о необходимости провести законъ въ порядкѣ ст. 87 зак. осн., на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Съ Государственнымъ Совѣтомъ сосчитались и въ довольно рѣшительныхъ формахъ. Но тутъ возникло новое затрудненіе. Лѣвые октябристы признали, что, хотя законъ и проведенъ въ редакціи Государственной Думы, тѣмъ не менѣе этотъ актъ Высочайшей воли чѣмъ-то нарушилъ права Думы. Въ результатѣ такихъ соображеній былъ предъявленъ запросъ правительству.

Оппозиція и, къ величайшему изумленію націоналистовъ, правые поддержали октябристовъ въ ихъ запросѣ.

Націоналисты остались изолированными и имъ пришлось выдержать бой съ представителями всѣхъ партій въ Государственной Думѣ.

Защита мнѣнія націоналистовъ о цѣлесообразности и закономѣрности проведенія закона въ порядкѣ ст. 87 была поручена Шульгину, Ермоласву, Половцову и гр. Бобринскому.

Шульгинъ объяснилъ слѣдующее (IV, 3, 758—763): ««Послѣ четырехъ столбовъ или китовъ запроса на мою долю выпала крайне тяжелая задача дать первый отвѣтъ на эти заявленія. Я долженъ сказать, что это особенно затрудняется тѣмъ, что послѣднимъ ораторомъ намъ обѣщана на

мѣсто диктатуры Столыпина диктатура Гегечкори. Это приводитъ меня въ такой трепетъ, что я позволю себѣ, г.г., всѣхъ васъ, кто стоитъ за запросъ, раздѣлить на двѣ категоріи, и даже не только тѣхъ, кто стоитъ за запросъ, но и вообще весь составъ членовъ Государственной Думы. Здѣсь г.г., собрались сторонники той мѣры, которая проведена по ст. 87, и ея противники. Вотъ психологія тѣхъ и другихъ, мнѣ кажется, будетъ совершенно разная. Исключая группы правыхъ, которая хотя была противъ земства, но, по обыкновенію, осталась совершенно непоколебимо преданной своимъ принципамъ и заявила, что, несмотря на ея несогласіе, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ членовъ ея, проводимой мѣрой, она не будетъ стоять за запросъ, потому что видитъ въ только что обнародованномъ актѣ прямое выраженіе Высочайшей воли,—исключая этой группы, остальныхъ членовъ Государственной Думы, которые стояли противъ этого земства, вы меня извините, я долженъ взять подъ нѣкоторое подозрѣніе. И я это дѣлаю на основаніи вотъ чего. Если вы изволите помнить, былъ такой маленькій примѣръ уже у насъ: дѣло шло тогда о курсисткахъ. Вы помните, тогда, еще при министрѣ Шварцѣ, мы дѣйствительно зашли въ тупикъ. Положеніе было безвыходное; и вотъ тогда въ порядкѣ непререкаемой Высочайшей воли гордіевъ узелъ былъ разрубленъ. И можете себѣ представить, что эта же оппозиція моментально нашла подъ эту мѣру даже юридическій титулъ, назвавъ ее Монаршимъ милосердіемъ. Г.г., я сильно подозрѣваю, что если бы въ порядкѣ ст. 87 была проведена какая нибудь мѣра, которая была бы очень вамъ по душѣ, напр., расширеніе еврейской черты осѣдлости, то вы, пожалуй, привѣтствовали бы ее и даже сказали бы, что это дѣлается въ порядкѣ Монаршаго милосердія.

Поэтому позвольте мнѣ, г.г., говорить совершенно откровенно и искренно только съ тѣми, которые были за это земство и которые теперь, какъ мнѣ кажется, совершенно искренно возмущаются только той формой, въ которой этотъ законъ проведенъ. И вотъ, г.г., мнѣ кажется, здѣсь есть одинъ центральный пунктъ. Вы можете спорить противъ этого въ томъ случаѣ, если совершенный актъ несогласенъ съ духомъ ст. 87. А несогласенъ онъ въ томъ случаѣ, если не наступили, если не существуютъ въ настоящее время тѣ «чрезвычайныя обстоятельства», о которыхъ ст. 87 говоритъ. Вотъ, мнѣ кажется, въ чемъ самый корень, самый узелъ вопроса: есть ли «чрезвычайныя обстоятельства», или таковыхъ нѣтъ? Какъ юго-западникъ, какъ представитель Западной Руси, я хотѣлъ бы начать со своей собственной колокольни; но я боюсь, что эта тема будетъ слишкомъ мелка для даннаго дня, и я ограничусь въ этомъ отношеніи только самыми краткими словами. Членъ Государственной Думы Шидловскій говорилъ, и съ моей точки зрѣнія правильно, что введеніе зем-

ства это есть одинъ изъ тѣхъ органическихъ законовъ, которые вообще не могутъ проходить въ этомъ порядкѣ. Да, пожалуй. Но здѣсь есть одна характерная особенность. Вѣдь, г.г., уже два года—весною будетъ два года—тѣ земскія учрежденія, которыя въ настоящее время работаютъ, вмѣсто этого, которое введено на дняхъ, вѣдь они же находятся въ совершенно безвыходномъ положеніи. Надъ ними повѣшенъ дамокловъ мечъ въ видѣ этого самаго выборнаго земства, котораго они, наконецъ, дождались. Уже два года люди ничего не дѣлаютъ тамъ. Да почему? По очень простой причинѣ: приступая къ какому нибудь дѣлу, говорятъ: что же будемъ начинать, когда завтра будетъ выборное земство и все пойдетъ на смарку? И это «завтра», г.г., тянется два года. Имѣйте въ виду это. Сюда пріѣзжали предсѣдатели двухъ губернскихъ управъ—Кіевской и Подольской, и они публично заявили, что при настоящемъ положеніи дѣла они не могутъ вести земское дѣло и за него не отвѣчаютъ. Это, г.г., конечно, маленькая вещь, но тѣмъ не менѣе, я позволилъ бы себѣ просить кого нибудь изъ четырехъ членовъ Думы, говорившихъ за запросъ, хотя бы проф. Милюкова, сдѣлать мнѣ честь проѣхаться по Волынской или Кіевской, или по Подольской губ., и если на 87 верстѣ проф. Милюковъ не заявилъ бы: «довольно, я понялъ ст. 87»,—я отказываюсь ему оппонировать.

Это, г.г., маленькая часть этого вопроса, это, такъ сказать, вопросъ хлѣбный. Но не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ: я понимаю прекрасно: чтобы возможно удовлетворить васъ, надо подыматься совершенно въ другія высоты. И вопросъ разыгрывался совершенно въ иной перспективѣ. Вѣдь, г.г., вспомните, пожалуйста, изъ-за чего загорѣлся весь сыръ-боръ. Великолѣпно, это было не помню гдѣ, но это безразлично, потому что это облетѣло всю прессу, польскую и русскую, этотъ споръ охарактеризованъ въ двухъ словахъ; сказано было тамъ: «О чемъ же идетъ споръ на этихъ поляхъ Западной Руси? Ни о чемъ другомъ, какъ о душѣ бѣлорусскаго и малорусскаго крестьянина». Вотъ всѣ событія послѣднихъ дней, которыя предшествовали этому акту, г.г., они были истолкованы тамъ, у насъ, и, можетъ быть, во многихъ другихъ мѣстахъ, именно какъ польская побѣда. Вы знаете, что стало ходячимъ словомъ между поляками, что старая поговорка о томъ, что тотъ, и кто берется за мечъ, отъ меча погибнетъ», передѣлана такъ: «кто берется за поляковъ, отъ поляковъ гибнетъ». Это настроеніе было подавляющимъ и общимъ, это вы могли услышать вездѣ въ Западной Руси—«польская побѣда!» Вотъ, г.г., когда передъ западнорусскимъ населеніемъ сталъ этотъ вопросъ, когда они съ тревогою стали смотрѣть на столицу и когда имъ показалось, что этотъ двуглавый орелъ, кот р й стоитъ на вершинѣ этой огромной глыбы, которая называется Россіей, когда имъ пока-

залось, что этотъ двуглавый орелъ повернулся отъ Днѣпра къ Варшавѣ, вотъ тогда, г.г., наступилъ страшный моментъ.

Когда такія сомнѣнія ставятся передъ народной душой, то отвѣтъ на нихъ не можетъ ожидать годы, ни мѣсяцы, ни часы, онъ долженъ быть немедленный, онъ долженъ быть ослѣпительный, какъ молнія, и величественный, какъ громъ. И такой отвѣтъ вы, г.г., получили: громъ грянулъ. Правда, поговорка говорится, что, пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Г.г., я передъ вами свидѣтельствую, что мужикъ перекрестился. Но неужели же русскій дворянинъ въ отвѣтъ на это сумѣетъ вмѣсто крестнаго знаменія сдѣлать только очень мало понятный «младотурецкій» жестъ.

Кстати, о русскомъ дворянствѣ. Къ величайшему нашему огорченію и къ величайшему нашему прискорбію, часть русскаго дворянства пошла той дорогой, отъ которой мы всѣми нашими силами хотѣли бы ее предостеречь, ибо мы, западные люди, отлично знаемъ, что значитъ рвать съ національными идеалами, рвать во имя какихъ бы то ни было, хотя бы и самыхъ почтенныхъ сословныхъ интересовъ. Мы, г.г., можемъ это увидѣть именно на томъ польскомъ, такъ называемомъ, польскомъ дворянствѣ, которое сейчасъ живетъ въ нашихъ мѣстахъ. Вы посмотрите, какое ихъ положеніе? Русскіе по крови, польскіе по культурѣ и по душѣ, они, конечно, можетъ быть, живутъ хорошо, у нихъ благоустроенныя имѣнія, у нихъ есть свой кружокъ, въ которомъ они вращаются, но внѣ этого, г.г., это самые жалкіе, несчастные люди, несчастные потому, что они одиноки. Вотъ, одиночество это страшно. Вѣдь, г.г., вы всѣ въ недавнее время слышали признаніе Корвинъ-Милевскаго. Вы войдите въ психологію этого человѣка: на склонѣ лѣтъ сынъ народа, прожившаго вѣковое существованіе, существованіе славное; славянинъ, которому исторически присуще чувство пожертвованія ради другихъ—въ этомъ отношеніи поляки съ нами не дѣлаютъ никакой разницы, потому что, если мы гордимся тѣмъ, что мы освободили славянъ, то поляки всю прелесть своего прошлаго видятъ исключительно въ томъ, что они своей кровью напоили турецкій полумѣсяцъ и своими тѣлами отстояли крестъ и христіанскую культуру.—Вотъ люди такого закала, я говорю, на склонѣ лѣтъ сказали, что «мы рѣшительно никому не нужны, кромѣ самихъ себя», что «мы маленькій шляхетскій народецъ»; это г.г., трагедія, больше которой нѣтъ на свѣтѣ. И вотъ по этому пути за ними, вотъ куда влекутъ россійское дворянство! Неужели мы не должны привѣтствовать всѣми силами, когда первый дворянинъ Россійской Имперіи съ высоты Престола указалъ дворянству его настоящія путь?

Мнѣ, г.г., кажется, что все то, что я имѣлъ честь вамъ изложить—это есть чрезвычайныя обстоятельства. Я объ этомъ распространяться

больше не могу, потому что, вы понимаете, есть много вещей, о которыхъ я сказать здѣсь не имѣю права. Но, обращаясь, собственно, къ нашимъ дѣламъ думскимъ, позвольте мнѣ кое о чемъ поговорить въ этомъ направленіи. Вѣдь, спрашивается на что, собственно, такъ мы оскорблены, такъ мы обижены? Это, г.г., у васъ, октябристовъ, вырвалось въ первыхъ словахъ вашего оратора: мы обижены, мы оскорблены. Чѣмъ вы, г.г., собственно говоря, оскорблены? Предполагать, что вамъ былъ нанесенъ ударъ,—это странно, потому что вы два раза стояли за тотъ законопроектъ, о которомъ идетъ рѣчь. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нѣтъ двухъ мнѣній. Я только вамъ скажу, что та автомобильная скорость, съ которой вы покрыли подписями предложеніе внести этотъ законопроектъ въ порядкѣ законодательной иниціативы, вѣдь, можетъ, она была послѣдней каплей, она и была той провокаціей правительству на мѣры исключительныя.

Далѣе, обида въ чемъ? Обида въ томъ, что васъ не спросили. Г.г., позвольте вамъ заявить, что мы находимся въ точно такомъ же положеніи: насъ тоже не спросили, и если вы поэтому надуваете губки, то увѣряю васъ, г.г., что совсѣмъ этому здѣсь не мѣсто. Я вамъ не скажу, что мы по этому поводу, можетъ быть правительству не сдѣлаемъ сцены. Возможно... Но, г.г., для сцены, для этого отводятся внутреннія аппартаменты, а въ торжественныхъ залахъ, въ высокихъ палатахъ сценъ, домашнихъ сценъ не дѣлаютъ.

Наконецъ, г.г., скажите, пожалуйста, что значатъ эти разговоры, которые кругомъ постоянно слышишь,—что вы отвергнете законопроектъ, внесенный по ст. 87? Вѣдь это, дѣйствительно, постановка вопроса, по моему, уже совершенно невозможная. Что же это такое: педагогическій пріемъ, месть или что нибудь въ этомъ родѣ? Вѣдь, дѣйствительно, если когда нибудь будетъ вѣрна наша хохлацкая поговорка, что «паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ», вѣдь такъ именно въ этомъ случаѣ. Наконецъ, здѣсь велась продолжительная атака на П. А. Столыпина. Я не призванъ защищать его и вамъ поставлю только одинъ вопросъ. Этотъ человѣкъ взялъ на себя большую тяжесть: на немъ виситъ роспускъ первой Думы, на немъ роспускъ второй Думы, на немъ законъ 3-го іюня, на немъ законъ 9-го ноября, на немъ начатая борьба, тяжелая борьба, съ безпорядками въ высшей школѣ; человѣкъ перегруженъ, можетъ быть, толкнуть его можно, можетъ быть, вы его толкнете, можетъ быть, онъ упадетъ. Но вы мнѣ отвѣтьте: кто подыметъ тяжесть?»

Ермолаевъ указалъ на такія соображенія (IV, 3, 805—807): «Я не безъ волненія вхожу на эту каѳедру: послѣ тѣхъ рѣчей, которыя здѣсь раздавались, мнѣ припоминается то время, когда были распущены первая и вторая Государственныя Думы. Въ то время намъ также на мѣстахъ гово-

рили: незаконно, незакономѣрно, неправильно; теперь же мы то же слышимъ изъ устъ не только лѣвыхъ ораторовъ, но даже изъ устъ крайнихъ правыхъ, какъ В. М. Пуришкевича. Когда взошелъ на эту каѳедру г. Пуришкевичъ, я не зналъ, кто это говоритъ: говоритъ ли это Пуришкевичъ, или это Гегечкори? Мнѣ кажется, что здѣсь просто смѣшеніе языковъ. Я теперь спрашиваю, г.г., гдѣ были въ то время инициаторы этого запроса,—я уже не буду говорить о лѣвой сторонѣ—гдѣ были въ то время инициаторы этого запроса октябристы, когда былъ изданъ актъ 3-го іюня? Вѣдь и тогда, г.г., соціалъ-демократы, трудовики и отчасти кадеты тоже чуть было не внесли запроса о незаконномѣрности, но центръ тогда молчалъ, центръ одобрялъ, можетъ быть, потому, что ударили по мужику. Г.г., теперь же, когда ударили по барину, то поднялся цѣлый гвалтъ. Г.г., гдѣсь говорили, что подрывается монархизмъ. Нѣтъ, г.г., монархизмъ, наоборотъ, не подрывается, а укрѣпляется. Г.г., крестьяне получили должное, но когда они узнали, что это было съ высоты Престола, они преклонились предъ нимъ. Но когда ударили по нѣкоторымъ, я не скажу по всѣмъ, но по части дворянъ-реакціонеровъ, то подняли шумъ—чуть ли не бунтъ. Г.г., вѣдь вы сами когда-то обижались на Государственный Совѣтъ: Государственный Совѣтъ не пропускаетъ, Государственный Совѣтъ тормозитъ необходимыя реформы, Государственный Совѣтъ затормозилъ всю работу Государственной Думы. Искали всѣ выхода—сосчитаться, но, повидимому, не нашли; выходъ былъ данъ, пробка открыта, г.г., и мы надѣялись, что законы пойдутъ своимъ чередомъ. Г.г., мы должны были, какъ ищущіе чистаго пути, не порицать, а отнестись благосклонно и, скажу, съ благодарностью, что намъ очищенъ этотъ путь для проведенія законовъ, для проведенія нужныхъ Россіи реформъ; но мы какъ разъ, т. е. не мы, а та часть, которая внесла запросъ, какъ разъ наоборотъ, она теперь заклеймила этотъ шагъ.

Я теперь спрашиваю: на кого же будутъ обижаться, если Государственный Совѣтъ не будетъ пропускать ни одного законопроекта, вышедшаго изъ Государственной Думы? Вѣдь онъ тогда будетъ правъ, потому что вы сами протестовали. Многіе изъ ораторовъ защитниковъ запроса здѣсь говорили: «нарушаютъ Основные Законы». Но я спрошу: а не нарушали ли когда нибудь тѣ лица, которые внесли этотъ запросъ, сами Основныхъ Законовъ? Мнѣ припоминается то время, когда открывалась третья Государственная Дума и когда обсуждался вѣрноподданическій адресъ, то какъ будто бы тогда были нарушены Основные Законы, какъ будто бы вы не захотѣли включить Самодержавіе. Г.г., здѣсь В. Н. Львовъ, бывшій нашъ фракціонеръ, говорилъ, что яко бы В. В. Шульгинъ натравливаетъ крестьянъ на дворянъ. Я не знаю, откуда это взялъ г. Львовъ, можетъ быть, что г. Шульгинъ защи-

щалъ изданный въ порядкѣ ст. 87 законъ 14-го марта (Шумъ, заглушающій слова оратора). Г.г., гдѣ же свобода слова? Вы не даете говорить, значитъ вы сами противъ свободы. Отъ имени русской національной фракціи вношу нижеслѣдующее заявленіе: «Признавая закономѣрность и цѣлесообразность изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ шести западныхъ губерніяхъ, въ порядкѣ ст. 99 и 87 Зак. Осн., русская національная фракція будетъ голосовать противъ всѣхъ запросовъ». Помимо этого, заявляю отъ имени всѣхъ крестьянъ національной фракціи, что мы считаемъ незакономѣрнымъ внесеніе даннаго запроса и голосуемъ противъ него.

Половцовъ обратилъ вниманіе на слѣдующее (IV, 3, 2952—2960): «Сегодня мы были здѣсь свидѣтелями чрезвычайно страннаго явленія: на эту каѳедру входили сторонники запроса, именовали себя монархистами и одинъ, какъ Маклаковъ, во имя своихъ монархическихъ убѣжденій, защищалъ Верховную Власть отъ нападеній Императорскаго Правительства; другой монархистъ, какъ Пуришкевичъ, защищалъ передъ нами конституціонныя гарантіи законодательныхъ учрежденій; и во имя чего? Во имя охраны достоинства Государственной Думы, во имя охраненія идеи законности. И вотъ первый вопросъ, который я хотѣлъ бы задать этимъ защитникамъ законности, достоинства Государственной Думы, заключается въ томъ, да закономѣрны ли ихъ способы защиты законности и достоинства Государственной Думы? Предъявленный запросъ, съ нашей точки зрѣнія, представляется незакономѣрнымъ, и какъ орудіе борьбы во имя законности и во имя достоинства представительныхъ учрежденій, является орудіемъ безусловно негоднымъ. Вотъ почему, чувствуя подъ собой чрезвычайно шаткія юридическія основанія, защитники запроса такъ уклонялись отъ отвѣта на вопросъ, поставленный Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ о законности самаго запроса. Только одинъ изъ нихъ, а именно Маклаковъ, указалъ, далъ опредѣленно указаніе на то, почему они, кадеты, считаютъ этотъ запросъ закономѣрнымъ, и тутъ, по обыкновенной кадетской привычкѣ, онъ скользнулъ по этому вопросу лукавой змѣей и привелъ намъ невѣрныя, завѣдомо невѣрныя данныя.

Запросъ незакономѣренъ потому, что онъ предъявленъ относительно дѣятельности Совѣта Министровъ. Дѣятельность Совѣта Министровъ не можетъ служить предметомъ запроса, и Маклаковъ заявилъ по этому поводу слѣдующее:—Да развѣ мы предъявляли запросъ къ установленію, къ Совѣту Министровъ? Мы знаемъ изъ Основныхъ Законовъ, что къ юридическимъ лицамъ и учрежденіямъ мы запроса не предъявляемъ; мы предъявляемъ ихъ только къ лицамъ физическимъ, къ министрамъ, которые не стоятъ внѣ контроля Государственной Думы. Мы предъявили теперь запросъ

Предсѣдателю Совѣта Министровъ, ибо онъ докладывалъ постановленіе Совѣта Государю Императору и онъ скрѣпилъ актъ 14-го марта, и ссылаться здѣсь на Совѣтъ Министровъ, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ.—Я беру запросъ въ той формѣ, какъ онъ редактированъ именно кадетами. Заключительная часть этого запроса говоритъ слѣдующее: На какихъ основаніяхъ Совѣтъ Министровъ представилъ на Высочайшее одобреніе законопроектъ о введеніи въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн. земства въ шести западныхъ губерніяхъ, а Предсѣдатель Совѣта Министровъ допустилъ явное незакономѣрное дѣяніе, закрѣпивъ своею подписью указъ 14-го марта, противорѣчащій требованіямъ Основныхъ Законовъ?» Итакъ развѣ они предъявляютъ запросъ не о дѣятельности Совѣта Министровъ, а только о дѣятельности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, какъ говоритъ Маклаковъ? Совершенно ясно, что его утвержденія въ этомъ случаѣ представляются безусловно неправильными, завѣдомо искажающими фактъ, такъ какъ кадеты предъявили запросъ: на какихъ основаніяхъ Совѣтъ Министровъ представилъ на Высочайшее одобреніе законопроектъ о введеніи этого закона? Мы полагаемъ, что на этомъ пунктѣ даннаго вопроса намъ необходимо остановиться.

Намъ необходимо указать, что охрана достоинства Государственной Думы, охрана законности можетъ быть достигнута только законными путями, только тѣми путями, которые допускаются правомочіями законодательныхъ учрежденій. Мы полагаемъ, что запросъ не можетъ быть предъявленъ Совѣту Министровъ. Основанія, по которымъ мы это утверждаемъ, заключаются въ слѣдующемъ: прежде всего въ ст. 53 Учр. Гос. Думы, которая трактуетъ о правѣ запросовъ, не упоминается Совѣтъ Министровъ, какъ таковой, къ которому можетъ быть предъявленъ запросъ. Тамъ говорится, что запросы Государственной Думы могутъ быть предъявлены исключительно министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, при томъ даже не всѣмъ министрамъ, не всѣмъ главноуправляющимъ, а только подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату. Между тѣмъ, разъ въ законѣ не указано, что Государственная Дума можетъ предъявлять запросы и Совѣту Министровъ, то тѣмъ самымъ этого права у Государственной Думы не существуетъ. На это могутъ указать, это уже говорили, методъ этотъ использовали: что не запрещено, то дозволено; но это правило господствуетъ лишь только въ частномъ правѣ, въ публичномъ правѣ оно безусловно непримѣнимо. Если мы установимъ, что государственныя учрежденія могутъ функціонировать помимо той компетенціи, которая указана въ законѣ, мы внесемъ въ государство такую путаницу, въ которой никто не разберется.

Вполнѣ естественно, почему Государственной Думѣ не предоставлено права обращаться съ запросами по поводу дѣятельности Совѣта Министровъ. Совѣтъ Министровъ есть такое же высшее государственное учрежденіе, какъ и Государственная Дума. Если министры являются органами управленія подчиненнаго, то Совѣтъ Министровъ является органомъ управленія подчиненнаго лишь Верховной, непосредственно Верховной Власти. Что Совѣтъ Министровъ есть высшее государственное учрежденіе, по этому поводу я сошлюсь на ст. 1 Учр. Прав. Сен., которая гласитъ слѣдующее: «Правительствующій Сенатъ есть верховное мѣсто, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія Имперіи, кромѣ высшихъ государственныхъ учрежденій и тѣхъ, кои особымъ закономъ именно изъяты изъ этой зависимости». И вотъ въ ссылкахъ на матеріальные законы, находящіеся подъ этой статьей, мы находимъ указаніе на законъ 20-го марта 1812 года объ учрежденіи Комитета Министровъ и законъ 12-го ноября 1861 года о предметахъ Совѣта Министровъ. Эти оба учрежденія, какъ Комитетъ Министровъ, такъ и Совѣтъ Министровъ, объединившіеся въ настоящее время въ одномъ Совѣтѣ Министровъ, признавались и признаются до сего времени высшими государственными учрежденіями; и было бы нелѣпостью, было бы юридическимъ абсурдомъ подчинить одно высшее государственное учрежденіе надзору другого высшаго государственнаго учрежденія.

Затѣмъ, вѣдь на основаніи ст. 33 учр. Гос. Думы, какъ я вамъ указывалъ, надзору Государственной Думы подлежатъ не всѣ министры и не всѣ главноуправляющіе, а только тѣ, которые подчинены Правительствующему Сенату. По этому самому, если бы вы даже пришли къ такому заключенію, что разъ министры подчинены, то подчиненъ и Совѣтъ Министровъ, это ваше заключеніе было бы неправильно именно въ силу второй половины этой статьи, указывающей, что надзору Государственной Думы подчинены лишь тѣ министры, которые подчинены Правительствующему Сенату, а на основаніи ст. 1 учр. Прав. Сен. Совѣтъ Министровъ Правительствующему Сенату не подчиненъ.

Затѣмъ будемъ въ дальнѣйшемъ изслѣдовать ст. 33—по поводу какихъ дѣйствій Государственная Дума можетъ предъявлять запросъ. Въ ст. 33 указано прямо, что запросы могутъ быть предъявляемы только по поводу такихъ дѣйствій, кои представляются незакономѣрными. И вотъ здѣсь мы должны обсудить вопросъ: можетъ ли считаться примѣненіе ст. 87 въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, указанныхъ закономъ, можетъ ли это примѣненіе ст. 87 послужить предметомъ запроса? Есть ли указаніе въ ст. 87 на какіе нибудь закономъ опредѣленные случаи, указывающіе, что надо понимать

подъ именемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, или же эти чрезвычайныя обстоятельства опредѣлены, такъ сказать, въ общей формѣ и составляютъ предметъ усмотрѣнія, предметъ разсужденія того органа, который эту статью 87 примѣняетъ? Въ ст. 87 есть только краткое указаніе на чрезвычайныя обстоятельства. Правда, одинъ изъ составителей этихъ законовъ, гр. Витте, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ проф. Ковалевскимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», говоритъ, что подъ чрезвычайными обстоятельствами, указанными въ ст. 87 Зак. Осн., надо понимать исключительно такія событія, такія народныя бѣдствія, какъ наводненіе, голодъ, война и т. д. Это указываетъ гр. Витте, но это не указано въ законѣ, и, въ виду тѣхъ колебаній, которыя проявляло вообще правительство гр. Витте, мы не можемъ съ достовѣрностью отнестись къ его словамъ, что завтра онъ не скажетъ чего нибудь другого, совершенно противоположнаго тому, что онъ сказалъ въ настоящее время, и поэтому его свидѣтельство, какъ свидѣтельство недостовѣрное, мы отметаемъ безъ всякаго обсужденія.

Съ нашей точки зрѣнія вопросъ о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ есть вопросъ не права, а вопросъ факта, усмотрѣнія. Однимъ чрезвычайныя обстоятельства покажутся, съ одной точки зрѣнія, наиболѣе примѣнимыми къ данному случаю, другимъ, съ другой точки зрѣнія, эти чрезвычайныя обстоятельства будутъ трактоваться не какъ чрезвычайныя, а какъ обстоятельства вполнѣ нормальныя. Единственнымъ судьей наличности чрезвычайныхъ обстоятельствъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только то учрежденіе, которое является органомъ для примѣненія этой статьи, а именно Совѣтъ Министровъ подъ ближайшимъ и непосредственнымъ надзоромъ Верховной Власти.

Въ ст. 87 говорится, что о принятіи этой мѣры Совѣтъ Министровъ представляетъ Государю Императору непосредственно, и вотъ, по моему мнѣнію, настаивая на законномѣрности даннаго запроса, вы какъ будто хотите эту непосредственность отношеній между Верховной Властью и Совѣтомъ Министровъ уничтожить; вы хотите вклиниться между Совѣтомъ Министровъ и Верховной Властью, вы хотите, чтобы ваше мнѣніе, ваши сужденія были также приняты во вниманіе, вопреки прямому указанію ст. 87. Мнѣ думается, что въ этой попыткѣ нужно усмотрѣть не стремленіе къ охранѣ правъ Государственной Думы, а стремленіе къ расширенію существующихъ правъ; по моему мнѣнію, этотъ запросъ является покушеніемъ на права Врховной Власти. И, вотъ когда къ этому стремленію, къ расширенію существующихъ правъ Государственной Думы присоединяются кадеты, для насъ это является безусловно понятнымъ. Вѣдь кадеты никогда не высказывали удовлетворенности существующимъ законодательнымъ строемъ; они все время и по-

стоянно говорили, что права Государственной Думы чрезвычайно малы, что права Государственной Думы недостаточны, что нужно стремиться къ другой Государственной Думѣ съ полномочными правами. И съ этой точки зрѣнія ихъ поддержка этого запроса, ихъ поддержка этого стремленія къ расширенію правъ Государственной Думы является вполнѣ логичной, вполнѣ послѣдовательной.

Затѣмъ, другая точка зрѣнія для кадетъ представляется безусловно обязательной помимо всякаго соображенія и цѣлесообразности. Вѣдь запросъ, предъявленный въ настоящее время, имѣетъ въ концѣ концовъ своей задачей во что бы то ни стало дискредитировать законъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ земство въ западныхъ губерніяхъ, какъ исповѣдуемъ это и мы, какъ исповѣдуетъ это и центръ Государственной Думы, является единственнымъ обстоятельствомъ, дающимъ возможность возвеличивать благосостояніе населенія Западнаго края. Между тѣмъ въ настоящее время это населеніе Западнаго края находится въ тяжелой матеріальной зависимости у евреевъ. И вотъ помѣшать уничтоженію этой матеріальной зависимости—это и составляетъ обязанность кадетъ, какъ партіи, находящейся въ безусловномъ подчиненіи у еврейства. По этому поводу мы слышимъ съ лѣвой стороны сомнѣнія; позвольте мнѣ указать на источникъ, заслуживающій безусловнаго уваженія именно съ точки зрѣнія кадетской: я сошлюсь на оффиціальный органъ кадетской партіи, на газету «Рѣчь». Въ газетѣ «Рѣчь» отъ 7-го января 1907 года за № 6 на стр. 2 напечатано слѣдующее: «Неоднократно,—говорится въ этой статьѣ,—намъ задавали вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ мы находимся съ еврейской группой?» И вотъ что говоритъ газета: «Рѣчь» въ свое время совершенно точно указала условія соглашенія съ еврейской группой; по этому соглашенію группѣ предоставлено право отвода выборщиковъ и право возраженія противъ кандидатовъ Думы». Итакъ, совершенно ясно, совершенно опредѣленно оффиціальный органъ кадетской партіи удостовѣряетъ, что кадетская партія находится въ безусловномъ и рабскомъ подчиненіи у еврейской группы. Не только члена Думы еврейская группа можетъ отвести, но и каждаго выборщика. Къ какой же роли въ настоящее время сводится дѣятельность русскихъ избирателей? Увы, они могутъ только принять того кандидата изъ кадетской партіи, котораго одобрила еврейская группа. Вотъ съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія безусловнаго рабства кадетъ евреямъ и понятна ихъ борьба противъ законопроекта о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ.

Но для насъ совершенно непонятно, какъ въ этой незакономѣрной борьбѣ, къ этому безусловному нарушенію конституціи, какъ вы называете

существующій представительный строй, какъ къ этому незакономѣрному акту примыкаютъ представители партіи центра октябристы. Намъ кажется, что здѣсь есть какое-то недоразумѣніе. Правда, до насъ доходили слухи о томъ, что эта борьба октябристовъ противъ законопроекта о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ опредѣляется совершенно особыми условіями, что ихъ постановленіе о томъ, что они отвергнутъ этотъ законопроектъ въ виду того, что онъ представленъ по ст. 87, что это постановленіе ихъ находится въ связи съ заключеніемъ соглашенія съ кадетами, съ одной стороны и поляками съ другой. Мы съ негодованіемъ отвергали эти слухи, такъ какъ мы полагали, что октябристы попрежнему стоятъ на почвѣ охраненія національныхъ интересовъ; но слухи—слухи, а факты—фактами; и вотъ мы желали бы выслушать отъ октябристовъ объясненіе этихъ фактовъ, которыми сопровождалось предъявленіе этого запроса по ст. 87.

А факты таковы: совершенно неожиданно для всѣхъ выдвинулся законопроектъ объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости, совершенно неожиданно тѣ законопроекты, которые направлены были къ охранѣ дѣйствительно русскихъ интересовъ, какъ, напримѣръ, законопроектъ о выдѣленіи Холмской Руси, законопроектъ о дарованіи равноправія русскимъ въ Финляндіи—эти законопроекты были поставлены на задній планъ; вмѣсто нихъ были выдвинуты, какъ я указалъ, съ одной стороны законопроектъ объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости, а съ другой стороны—законопроектъ о дарованіи городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ намъ и думается, что эти рѣшенія октябристовъ находятся въ непосредственной связи съ тѣми невѣроятными слухами, которые ходятъ относительно ихъ соглашенія съ кадетами и поляками; и намъ чрезвычайно желательно было бы выслушать по этому поводу заявленіе октябристовъ.

Итакъ, мы полагаемъ, и мы это доказали, что запросъ предъявленъ незакономѣрно, что запросъ стремился къ расширенію правъ Государственной Думы въ ущербъ прерогативамъ Монарха, что этотъ запросъ является стремленіемъ стать на первую ступень парламентаризма; и доказательствомъ этому служатъ тѣ заявленія, которыя были сдѣланы, между прочимъ, и представителями партіи октябристовъ. Такъ, напримѣръ, депутатъ Шидловскій при самомъ предъявленіи запроса неоднократно ставилъ правительству въ вину, что оно неосвѣдомлено о нашемъ настроеніи. Это обстоятельство онъ считалъ настолько важнымъ, что, выступивъ сегодня на эту трибуну, онъ вновь подтвердилъ, что однимъ изъ главныхъ недостатковъ правительства въ этомъ дѣлѣ представляется его неосвѣдомленность, т. е. что же? Что ихъ не спросили, не ждали ихъ указаній въ этомъ рѣшеніи, не спросили ихъ совѣта? И вотъ мнѣ думается, что въ данномъ случаѣ октябристы без-

условно расходятся съ тѣми мнѣніями, которыя предшествовали настоящему заявленію. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ глава партіи октябристовъ предсѣдатель Государственной Думы Гучковъ, при вступленіи на предсѣдательскую трибуну, сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее заглавіе: «Г.г., я убѣжденный приверженецъ конституціонно-монархическаго строя, и при томъ не со вчерашняго дня. Внѣ формъ конституціонной монархіи, *а отнюдь не парламентаризма*, я не могу мыслить мирнаго развитія современной Россіи со всѣми тѣми особенностями, которыя завѣщаны русской исторіей, коренятся въ русской дѣйствительности, съ народнымъ представительствомъ, облеченнымъ широкими правами въ законодательствѣ и надзорѣ за управленіемъ, но и съ правительствомъ сильнымъ и *отвѣтственнымъ только передъ Монархомъ, а не передъ политическими партіями*». Намъ и думается, что это заявленіе Гучкова находится въ безусловномъ противорѣчіи съ тѣми обвиненіями, которыя предъявилъ Шидловскій по вопросу о томъ, что съ ними не посовѣтовались, а между тѣмъ это является заявленіемъ не только главы партіи октябристовъ, это есть заявленіе, поддержанное октябристами въ цѣломъ. Подъ этимъ заявленіемъ мы находимъ въ стенографическомъ отчетѣ слѣдующую отмѣтку: «Рукоплесканія центра». Своими рукоплесканіями центръ одобрилъ заявленіе Гучкова о томъ, чтобы правительство было сильнымъ и отвѣтственнымъ только передъ Монархомъ, а не передъ политическими партіями.

Неоднократно представители октябристовъ выступали съ заявленіемъ о закулисныхъ совѣтникахъ, о безотвѣтственныхъ совѣтникахъ, о шептунахъ. И вотъ мнѣ кажется, что въ настоящее время, предъявляя обвиненіе о томъ, что съ ними не посовѣтовались, они и хотѣли выступить въ этой роли безотвѣтственныхъ совѣтниковъ, этихъ закулисныхъ шептуновъ, и это закулисное шептунство, это безотвѣтственное совѣтничество есть первый пунктъ, какъ я указалъ, первая ступень къ расширенію правъ Государственной Думы, къ вторженію въ прерогативы Монарха. Вы хотите, чтобы то, что предоставлено по ст. 87 только Совѣту Министровъ и Верховной Власти, чтобы оно проходило черезъ предварительное ваше одобреніе. Вы хотите клиномъ вклиниться между Совѣтомъ Министровъ и Верховной Властью, вы хотите все управленіе захватить въ руки законодательныхъ учрежденій. Это является покушеніемъ съ негодными средствами, и мы полагаемъ, что такимъ покушеніемъ мы не расширимъ правъ Государственной Думы, мы не защитимъ ея достоинства, а мы унизимъ достоинство Государственной Думы и, стремясь захватнымъ путемъ къ расширенію правъ Государственной Думы, мы послѣдуемъ въ этомъ отношеніи примѣру первой Государственной Думы, которая стояла на этомъ пути. Какой же отвѣтъ былъ по

поводу дѣятельности первой Государственной Думы? Полтораста человѣкъ ушло изъ представителей оппозиціи и перешло на эти скамьи при старомъ закопѣ. Такъ отнеслось общественное мнѣніе, которымъ такъ дорожатъ представители монархизма, какъ они себя именовали въ настоящее время; такъ отнеслось общественное мнѣніе къ этимъ покушеніямъ на захватъ непринадлежащихъ правъ. Мы думаемъ, что вообще подобныя средства являются негодными, они послужатъ только къ униженію достоинства Государственной Думы. И поэтому путь, вами избранный, является путемъ безусловно неправильнымъ».

Гр. Бобринскій, возражая сторонникамъ запроса, объяснилъ (IV, 3,2986—2997): «Такъ какъ я говорю по порученію русской національной фракціи, то я долженъ начать свои замѣчанія опроверженіемъ того, что говорилъ членъ Думы Маклаковъ именно о нашей фракціи въ Государственной Думѣ. Онъ сказалъ вамъ, что мы единственные, которые привѣтствуютъ проведеніе въ порядкѣ ст. 87 закона о старообрядцахъ въ той редакціи, которую мы оспаривали въ Государственной Думѣ. Я заявляю, что это совершенно невѣрно и не соотвѣтствуетъ истинѣ. Правда, толпа неосвѣдомленныхъ, которые вѣрятъ всякой ловкой передержкѣ, гоготала и апплодировала,—но смѣяться будетъ хорошо тотъ, кто смѣется послѣднимъ. Г.г., дѣйствительно, большинство, хотя не вся наша фракція, голосовало не противъ закона о старообрядцахъ, который былъ первоначально внесенъ въ порядкѣ ст. 87 Правительствомъ, а противъ тѣхъ поправокъ, дополненій, которыя внесла Государственная Дума. Теперь ни для кого не тайна, что какъ мы, такъ и остальныя партіи, такъ и партія кадетъ видятъ единственный выходъ на случай, если бы одна изъ палатъ отвергла законъ, внесенный по ст. 87, въ томъ, чтобы вновь былъ проведенъ въ порядкѣ ст. 87 тотъ же законъ о старообрядцахъ не съ поправками Государственной Думы, а въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изданъ Правительствомъ, ибо нельзя оставить старообрядцевъ совершенно безправными. Вотъ изъ этой совершенно логической постановки дѣла, того взгляда, который раздѣляютъ и кадеты,—вѣдь съ этой каѳедры говорятъ, а закулисной стороны думской жизни русская публика не знаетъ, и потому это эксплоатируютъ, хотятъ на этомъ играть,—вотъ изъ-за этого вамъ представляютъ эту колоссальную передержку. Я говорю, люди могутъ быть адвокатами, но они должны помнить свое человѣческое достоинство.

Далѣе, г.г., тотъ же членъ Государственной Думы Маклаковъ говорилъ о томъ, что предсѣдателю Совѣта Министровъ были предъявлены запросы по финляндскимъ дѣламъ въ томъ тождественномъ по формѣ, т. е. по объекту, предъявленіи, какъ и этотъ запросъ; тогда ему угодно было отвѣчать, а те-

перь онъ предъявлятъ формальные отводы. За время обѣденнаго перерыва я имѣлъ возможность достать эти финляндскіе запросы, и я долженъ засвидѣтельствовать, что они не имѣютъ ничего общаго съ нынѣ предъявляемымъ запросомъ. Тутъ говорится не о постановленіи Совѣта Министровъ, а о предсѣдателѣ Совѣта Министровъ, какъ о лицѣ, объединяющемъ всю текущую политику страны, какъ о докладчикѣ предъ Государемъ Императоромъ о дѣлахъ всей Имперіи, а слѣдовательно и о Финляндіи. Между тѣмъ, въ кадетскомъ запросѣ прямо говорится о постановленіи Совѣта Министровъ, и къ предсѣдателю предъявляется только запросъ: почему онъ скрѣпилъ этотъ законъ? Слѣдовательно, вы имѣете вторую колоссальную передержку, которой толпа гоготала и апплодировала. Г.г., въ заключеніе этихъ полемическихъ моихъ замѣчаній я скажу, что какъ яко бы монархическая рѣчь Маклакова, такъ и яко бы кадетская рѣчь Пуришкевича неубѣдительны.

Позвольте мнѣ перейти теперь къ существу запроса. Когда, г.г., получилось извѣстіе о перерывѣ занятій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и объ изданіи закона о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн., нѣкоторые изъ среды русской національной фракціи усомнились было въ правильности и цѣлесообразности этой чрезвычайной мѣры, и, только тщательно обдумавъ юридическую сторону и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, мы пришли къ убѣжденію, что правительство имѣетъ право и что обстоятельства вызывали именно примѣненіе этой статьи. Мнѣ тутъ припоминается статья въ газетѣ «Голосъ Москвы» за эти дни кризиса, гдѣ говорится, что вотъ произошелъ конфликтъ между нижней и верхней палатами: почему въ этотъ конфликтъ вмѣшалось правительство, почему правительство не предоставило обѣимъ палатамъ поссориться и разобраться въ этомъ своемъ конфликтѣ? Г.г., какъ для насъ, такъ и для правительства,—правительство это доказало,—существуетъ и третье лицо въ этомъ спорѣ, именно западно-русскій народъ, и ни правительство, ни мы не можемъ, какъ Пилатъ, умыть свои руки и лицезрѣть, какъ палаты между собою ссорятся, а западно-русскій народъ будетъ оставаться въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ нынѣ находится. Вотъ почему, какъ при первоначальномъ внесеніи запроса, такъ и нынѣ мы выступаемъ противъ него, и я уполномоченъ фракціей высказать ея соображенія.

Но, г.г., я не хочу выступать въ роли адвоката и односторонне изложить вамъ нашу точку зрѣнія; я отъ васъ не скрою нашихъ сомнѣній и нашихъ опасеній. Сомнѣнія и опасенія наши заключаются въ томъ, что при неправильномъ и неосторожномъ примѣненіи ст. 87, т. е. чрезвычайномъ указномъ порядкѣ, можетъ быть въ корнѣ подорванъ дарованный намъ Монархомъ новый представительный строй; между тѣмъ намъ, какъ русскимъ гра-

жданамъ, и намъ, въ особенности, какъ русскимъ національнстамъ, этотъ представительный строй особенно дорогъ. Вѣдь вы, г.г., всѣ знаете, свѣжо въ вашей памяти, какъ прежніе бюрократы, руководимые чиновниками, часто имѣющими русскаго только одно подданство, и то не всегда,—оскорбляли русскую честь и попирали все русское, народное. Недаромъ мы каждый день нынѣ слышимъ отъ поляковъ, изъ рукъ которыхъ нынѣ вырывается Западная Русь, что они предпочитаютъ старый порядокъ новому представительному строю; тогда,—я привожу слова Дмовскаго,—тогда были противъ насъ только чиновники, а теперь и чиновники и русское общество.— Вотъ этихъ знаменательныхъ словъ Дмовскаго, сказанныхъ мнѣ, я никогда не забуду. Итакъ, г.г., я громко и убѣжденно заявляю, что мы никогда не станемъ на путь умаленія правъ, дарованныхъ народному представительству, и если мы нынѣ отстаиваемъ правильность примѣненія ст. 87, то это оттого, что мы глубоко убѣждены въ наличіи тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя требуются для примѣненія этой ст. 87, при полномъ соблюденіи законномѣрности. Мы отлично сознаемъ, что мы не имѣемъ формальнаго права рѣшать въ настоящей стадіи обсужденіе вопроса о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; это право предоставлено намъ черезъ два мѣсяца послѣ изданія закона, если законъ самъ собою не падаетъ и если онъ вносится на уваженіе Государственной Думы; тогда мы можемъ либо принять законъ, либо измѣнить и дополнить его, либо отвергнуть безъ всякихъ объясненій, причинъ. Но какое бы ни было, г.г., формальное, чисто юридическое положеніе, каждый понимаетъ, что самое существо вопроса будетъ при настоящихъ сужденіяхъ и при рѣшеніи вашемъ имѣть громадное, я скажу, рѣшающее значеніе. Но все же я, посвящая свои замѣчанія исключительно существу вопроса, позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ повторить наши юридическія соображенія.

Я скажу только слѣдующее: во-первыхъ, что время занятій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта опредѣляется Верховной властью, въ этомъ дѣлѣ мы права контроля не имѣемъ; во-вторыхъ, что наличіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ первоначально опредѣляется Совѣтомъ Министровъ и окончательно устанавливается рѣшеніемъ Монарха, и третье, что въ примѣненіи ст. 87 по самой природѣ вещей роль законодательныхъ палатъ начинается по истеченіи двухмѣсячнаго срока, когда временный законъ представляется на уваженіе палатъ.

Но, какъ я уже сказалъ, не взирая на этотъ формальный отводъ, я буду говорить по существу дѣла. Г.г., вопросъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ касается ближе всего западно-русскаго народа. Въ этомъ отношеніи обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ запроса и всего этого дѣла протекло

при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ; 18-милліонный коренной народъ этого края, русскій народъ имѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ всего только одного выборнаго представителя; всѣ же остальные представители этого древняго русскаго края, края съ колыбелью, съ матерью русскихъ городовъ—Кіевомъ, принадлежали къ польской націи, т. е. націи, которая ранѣе владѣла Русью на правахъ завоевателя, а нынѣ владѣетъ этимъ краемъ на правахъ экономическаго господства. Такое соотношеніе силъ представителей этого края въ верхней палатѣ не могло не имѣть рокового значенія при обсужденіи какъ западно-русскаго земства, такъ и вопроса, который и нынѣ мы тутъ обсуждаемъ. Но въ Государственной Думѣ дѣло обстоитъ гораздо лучше благодаря именно національно-куріальной системѣ; при избраніи выборщиковъ русское населеніе этого края имѣетъ въ Государственной Думѣ представительство, почти соотвѣтствующее его численности, и при первоначальномъ внесеніи сего запроса и при обсужденіи вопроса о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ представители Западной Руси имѣли возможность высказать вамъ свой взглядъ на это земство и на національную политику правительства.

Но, г.г., этимъ бы мы не желали ограничиться. Дѣло въ томъ, что русскій народъ населяетъ не только Западную Русь,—русскій народъ единъ и недѣлимъ, и то, что больно западному народу, больно всему народу, что для него составляетъ радость, составляетъ радость для всѣхъ насъ; неправъ членъ Государственной Думы Львовъ, когда говоритъ, что насъ втягиваютъ въ окраинную политику; ему бы хотѣлось, чтобы русскіе тамъ боролись одни противъ ихъ враговъ. Нѣтъ, г.г., кто борется съ русскимъ народомъ, гдѣ бы онъ ни находился, тотъ встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе въ лицѣ всего стомилліоннаго русскаго народа, и такъ расчленять русскій народъ предъ лицомъ его враговъ невозможно и недостойно русскаго человѣка.

Г.г., я тутъ не могу не припомнить легкомысленныхъ, неразумныхъ и безсердечныхъ словъ одного изъ нашихъ сочленовъ, виднаго представителя города Москвы. Онъ недавно говорилъ: мы въ Москвѣ не можемъ быть націоналистами. Въ Москвѣ нашей національности никто не притѣсняетъ, а потому мы не можемъ чувствовать притѣсненіе русскихъ въ Западной Руси. Г.г., что было бы съ германскимъ народомъ, если бы такъ разсуждали въ Берлинѣ? Г.г., я вѣдь тоже изъ центра Россіи, близко отъ Москвы—насъ тамъ никто не притѣсняетъ, какъ русскихъ, а все-таки мы чувствуемъ, когда страдаетъ русскій народъ, хотя бы за тысячу верстъ отъ насъ. Наша національная фракція рѣшила, что въ этомъ вопросѣ долженъ говорить также кто-нибудь изъ центра Россіи, чтобы западно-русскій народъ пони-

малъ и знамъ, что мы слѣдимъ за его жизнью, что мы готовы протянуть ему руку помощи и что онъ имѣетъ опору въ центральной Россіи.

Господа. Со времени преемниковъ Петра Великаго у насъ беретъ верхъ и вытѣсняетъ здоровую народную жизнь бюрократія. Бюрократія эта часто антинаціональная или же, въ лучшемъ случаѣ, равнодушная и чуждая русскимъ народнымъ идеаламъ. Съ того времени большая часть Западной Руси находится подъ властью Рѣчи Посполитой и польскихъ іезуитовъ; продолжаютъ тамъ вводить насильственно унію и латынство, а русскихъ разоряютъ въ пухъ и прахъ. Стихійно Западная Русь продолжаетъ уповать на Москву, какъ во времена Богдана Хмѣльницкаго. Къ Москвѣ Западная Русь простираетъ свои обезсиленныя руки. Но, увы, Москвы уже нѣтъ. Нѣтъ больше боярской думы, нѣтъ земскаго собора, нѣтъ святѣйшаго патріарха, нѣтъ освященнаго собора, а есть бездушный Петербургъ, есть Бироны, Остерманы, всякіе маны, фоны и коллегіи. Но, г.г., западно-русскій народъ ждать не можетъ; онъ самъ въ правобережной Украйнѣ сбиваетъ съ себя и сбрасываетъ кайданы уніи и іезуитовъ,—онъ идетъ за Мелхиседекомъ Яворскимъ, онъ переходитъ въ православіе. Поляки, вооруженные силой, вновь вводятъ унію, они жгутъ и разоряютъ Дикое Поле и всю кіевщину, рубятъ головы вожакамъ и неистовствуютъ. Народъ тогда не стерпѣлъ, и имѣла мѣсто уманьская рѣзня. Только тогда Петербургъ вмѣшался, приказалъ русскимъ войскамъ вторгнуться въ Польшу, въ тогдашнюю Польшу, и войска генерала Кречинскаго съ безумной жестокостью укрощаютъ гайдамаковъ и выдаютъ ихъ головой палачамъ-полякамъ; Гонту отдаютъ полякамъ, и съ Гонты три дня поляки сдираютъ кожу. Наступаетъ 1772 г... Слава Богу, крупная часть Сѣверо-Западной Руси съ княжествомъ Полоцкимъ вновь возвращается въ русское отечество подъ державу своихъ природныхъ православныхъ царей; народъ, увѣренный, что, наконецъ, настала свобода исповѣдывать православную вѣру, бросается къ церкви отцовъ своихъ, къ православной церкви. Но не тутъ-то было: польское коло, г.г., успѣло крѣпко засѣсть не въ партіи центра Государственнаго Совѣта, а среди правящей бюрократіи тѣхъ дней. Еп. Георгію Конисскому запрещаютъ принимать въ православіе цѣлыми приходами безъ разрѣшенія иностранной коллегіи, а иностранная коллегія годами молчитъ и не отвѣчаетъ на его запросы; крѣпостнымъ запрещаютъ возвращаться въ православіе безъ разрѣшенія ихъ помѣщиковъ, польскихъ becъ пановъ. Паны внушаютъ бездушному Петербургу, что стремленіе къ православію есть хлопское движеніе, направленное противъ помѣщиковъ, и Петербургъ запрещалъ, пресѣкалъ. Какое дѣло было бюрократіи до народной души, до русскихъ народныхъ славянъ? А іезуитовъ въ Польшѣ, тѣмъ временемъ,

наша бюрократія устраивала и всячески ихъ тамъ укрѣпляла. Какова же была психологія, что пережилъ западно-русскій народъ при такомъ ужасномъ разочарованіи? А, между тѣмъ, покровительствуемые правительствомъ поляки сумѣли сыграть на этой психологіи, и вотъ нынѣ мы видимъ 2.000.000 бѣлоруссовъ-католиковъ, людей, говорящихъ у себя дома на русскомъ языкѣ, но чуждыхъ русской семьѣ, сторонящихся отъ русской національности. Какъ назвать, г.г., всѣ эти явленія? Тутъ только одно имя—это историческое предательство.

Если вы вглядитесь въ то, что совершалось тутъ, въ Петербургѣ, въ эти послѣдніе два мѣсяца, то вы увидите, что другого названія подобному явленію вы не найдете. Г.г., возьмите крѣпостное право. Тутъ, г.г., мы встрѣчаемся съ явленіемъ неслыханнымъ въ анналахъ исторіи какого-либо народа; мы видимъ, что народъ-хозяинъ, народъ-побѣдитель остается въ порабощеніи у его историческихъ враговъ и покореннаго народа, мы видимъ, что русскіе крестьяне остаются крѣпостными пановъ. Отчего это случилось. г.г., такое неслыханное явленіе? Вѣдь это совершенно подобно тому, что если бы мы, освободивъ болгаръ, оставили бы болгаръ въ порабощеніи бековъ турецкихъ, хотя беки турецкіе менѣе притѣсняютъ народъ за его вѣру, чѣмъ польскіе паны. Отчего же сохранили крѣпостное права? Его сохранили для того, что если бы тамъ освободили крестьянъ, то, слѣдовательно, нужно было бы освободить ихъ и въ центральной Россіи, а потому, для того, чтобы сохранить этотъ преступный порядокъ въ центральной Россіи, сохранили его въ Западной Руси.

Г.г., не то же ли самое случилось и теперь, почему провалился законъ о западномъ земствѣ? Не изъ-за курій, г.г., вы отлично знаете; нѣтъ—изъза уменьшенія ценза, и вотъ центръ Государственнаго Совѣта вопіялъ: если вы уменьшите цензъ въ западныхъ губерніяхъ, его и у насъ придется уменьшить. Да, г.г., придется уменьшить. И вы хотите повторить это историческое предательство, которое было совершено, оставивъ русскій народъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи крѣпостными польскихъ пановъ. Г.г., это вообще старая тактика поляковъ въ Петербургѣ, какъ я говорилъ; это—тактика, противъ которой, какъ я уже упоминалъ, боролся Георгій Конисскій. Всякое русское движеніе, русское движеніе, которое не можетъ не быть демократическимъ, истолковывается поляками въ Петербургѣ какъ антипомѣщичье, какъ революціонное движеніе. Возьмите теперь съ вопросомъ о выдѣленіи Холмщины. Русскій народъ Забужья проситъ, умоляетъ, простираетъ руки свои и проситъ о присоединеніи его къ коренной Россіи, а поляки намъ говорятъ, играя на нашихъ помѣщичьихъ инстинктахъ: «они надѣются,—говорятъ,—что при выдѣленіи имъ будетъ подѣлена также и

панская земля». Эти старыя пѣсни мы слыхали, и мы имъ больше уже не вѣримъ.

Г.г., не буду я, въ виду поздняго времени, останавливаться на другихъ многочисленныхъ историческихъ примѣрахъ, которые предъ вами еще болѣе выпукло и ярко обрисовывали бы то историческое предательство, которое темнымъ пятномъ лежитъ на исторіи нашей и на дѣятельности нашей бюрократіи; не буду говорить о попечителѣ Виленскаго окр. Чарторыжскомъ, о Виленскомъ университетѣ, о Кременецкомъ лицеѣ, которые создавали интеллигенцію, враждебную русскому хлопу, и все это на русскія деньги,—обо всемъ этомъ я не буду говорить.

И вотъ мы дожили до 1863 года, до второго польскаго возстанія. До этого года все чиновничество, все правящее въ этомъ краѣ было польское. 1863 г.—это былъ для насъ жестокій, жгучій урокъ: народъ, г.г., самъ подавилъ возстаніе; народъ доказалъ, что вѣренъ въ этомъ краѣ государству. Кто революціонеръ, а кто консерваторъ? Но использовали ли мы этотъ урокъ? Къ сожалѣнію, далеко недостаточно. Подняли ли мы этотъ народъ, вѣрный престолу и отечеству, подняли ли мы его культурно и экономически? Нѣтъ, въ то время въ остальныхъ русскихъ губерніяхъ, въ центральныхъ и южныхъ, насаждалось и понемножку крѣпло земство, созидалась школа, медицина, пути сообщенія и, наконецъ, выработался типъ земскаго дѣятеля, уважающаго свои права и права чужія. А что было въ этомъ краѣ? Были уже тамъ, правда, русскіе чиновники, большею частью пришлые, не знающіе края; а въ концѣ концовъ и на дѣлѣ господами положенія оставались тѣ же польскіе паны, каковыми они до сихъ поръ тамъ держатся; ибо, г.г., тутъ мы имѣемъ уже другой факторъ, который также провалилъ этотъ законъ о земствѣ,—мы видимъ тутъ нашу бюрократію, не вѣрующую органически, не могущую вѣрить въ живыя силы русскаго народа; и вотъ эти два фактора: страхъ предъ уменьшеніемъ ценза и недовѣріе къ живой органической дѣятельности русскаго народа, то недовѣріе, которое такъ ярко съ этой каѳедры сегодня выразилъ членъ Думы Пуришкевичъ,—и тутъ онъ оговорился, что за нимъ идетъ большинство Государственнаго Совѣта,—вотъ эти два фактора, они-то и суть двѣ скалы, о которыя разбился законъ о западномъ земствѣ. А Холмская Русь, кто ее загубилъ? Та же бюрократія съ ея историческимъ предательствомъ. Вѣдь въ 1840 г. крестьянство Люблинской губ. хотѣло перейти въ православіе, и правительство этого не позволило, чтобы не обезпокоить, чтобы не раздразнить поляковъ.

И вотъ, г.г., мы за послѣдній годъ свидѣтели и участники первой попытки русскаго народнаго представительства и русскаго національнаго правительства воскресить Западную Русь,—предоставить ей самой бороться за свою

національную культуру, стать на единоспасительный путь народной самодѣятельности. Мы съ трепетомъ пережили май мѣсяцъ прошлаго года, когда съ великимъ трудомъ и усиліями мы провели въ дружной работѣ, при участіи правыхъ и центра, законъ о западно-русскомъ земствѣ. И вотъ недавно, какихъ нибудь полтора мѣсяца тому назадъ, совершенно неожиданно, въ одинъ день всѣ наши надежды, всѣ наши упованія были разбиты и разсыпались въ прахъ; въ верхней палатѣ оказалась коалиція лѣвыхъ, по мотивамъ, вамъ хорошо извѣстнымъ, польскаго коло, по мотивамъ, вамъ также хорошо извѣстнымъ, центра Государственнаго Совѣта, который боится за уменьшеніе ценза въ западныхъ губерніяхъ, чтобы это не отразилось и на ихъ положеніи въ земствѣ въ центральныхъ губерніяхъ, и, наконецъ, обломковъ, остатковъ бюрократіи, старой нашей дореформенной бюрократіи, которая ненавидитъ правительство, или оттого, что эти люди только что покинули министерскія скамьи, или мечтаютъ ихъ скоро занять. И вотъ коалиція разбила всѣ наши мечты, всѣ наши падежды на возрожденіе Западной Россіи.

Г.г., не находились ли мы при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, могли ли мы оставить Западную Русь передъ этими разбитыми надеждами? Кто слѣдилъ за прессой въ это время, тотъ видѣлъ, съ какимъ торжествомъ забили барабаны враговъ русскаго народа. Мы видѣли, какъ одновременно пали духомъ русскіе борцы Западной Россіи, испытанные уже многовѣковымъ гнетомъ, чуждые народности и фанатической невѣротерпимой религіи. Г.г., тутъ правительство должно было вспомнить, что наши Основные Законы предоставляютъ ему возможность встрѣтить такія чрезвычайныя обстоятельства и выйти изъ такого безвыходнаго положенія; и правительство использовало ст. 87, обратилось къ Верховной власти, и вопросъ этотъ разрѣшился.

Г.г., я знаю, что мнѣ скажутъ—и я часто это слышалъ отъ октябристовъ: зачѣмъ примѣнили ст. 87, почему не использовали тотъ благородный національный порывъ, который выразился въ томъ, что вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ отверженіи закона въ Государственномъ Совѣтѣ, въ какихъ-нибудь полчаса собрали 200 подписей подъ этимъ закономъ? Г.г., я самъ увлекался этой благородной иллюзіей,—я въ то время ѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ и читалъ газеты. Я вмѣстѣ съ вами переживалъ этотъ чудный высокій моментъ, я тогда понялъ то, что я и раньше всегда сознавалъ, что не у партіи націоналистовъ русскихъ монополія русскаго знамени, русской души. Я знаю и я зналъ, я тогда особенно перечувствовалъ, что громадное большинство октябристовъ и думаетъ и чувствуетъ по-русски. Г.г., я самъ думалъ, что эта волна пронесетъ этотъ желанный законъ, про-

несетъ его въ Государственный Совѣтъ, и проектъ этотъ станетъ закономъ. Тогда, г.г., можно было дѣлать эти иллюзіи. А теперь? Вы сами видите, у васъ въ портфеляхъ, у васъ въ Государственной Думѣ законы не менѣе важные, и вы не можете ихъ провести. Какъ вы провели тотъ законъ о западномъ земствѣ? А Холмщина, гдѣ каждый день гибнетъ русскій, гдѣ каждый день, какъ вы откладываете этотъ законъ, онъ все болѣе и болѣе теряетъ силу, и вы не имѣете возможности провести его въ эту сессію? Наконецъ, г.г., если бы вы провели этотъ законъ чрезъ Государственную Думу, развѣ вы не понимаете, развѣ вы теперь не видите, что законъ этотъ разбился бы о ледъ этихъ усталыхъ душъ въ верхней палатѣ? Да, г.г., дѣло совершенно безнадежное, и осуществлено оно могло быть только примѣненіемъ ст. 87. Членъ Государственной Думы Пуришкевичъ упрекаетъ насъ, что мы идемъ слѣпо за правительствомъ. Г.г., мы идемъ не за правительствомъ, мы идемъ съ правительствомъ, потому что правительство и мы идемъ за единымъ знаменемъ, общимъ намъ и имъ; это знамя—русское національное знамя, и пока правительство идетъ за этимъ знаменемъ, мы будемъ съ правительствомъ. Если правительство, настоящее или другое, которое его замѣнитъ, отклонится отъ этого знамени, мы будемъ не съ нимъ, а противъ него. Г.г., вы сегодня собираетесь вынести рѣшеніе, вы собираетесь вынести осужденіе,—дѣло, вѣроятно, предрѣшено; мы заявили нашу точку зрѣнія, мы заявили нашъ протестъ противъ вашего осужденія и мы теперь въ послѣдній разъ еще разъ говоримъ: берегитесь, какъ бы ваше осужденіе, направленное противъ правительства, не было судомъ противъ васъ, судомъ, который противъ васъ изречетъ русскій народъ и русская исторія».

Несмотря на всю основательность приведенныхъ доводовъ, запросъ былъ принятъ. Къ счастію, октябристы остановились на этой мѣрѣ и рѣшеніе ихъ фракціи отвергнуть законъ при вторичномъ его внесеніи на разсмотрѣніе Государственной Думы—осталось безъ исполненія. Законъ былъ внесенъ, но остался безъ разсмотрѣнія во всю пятую сессію Государственной Думы.

4-ой Государственной Думѣ придется рѣшить этотъ вопросъ въ окончательной формѣ.

д) Кавказъ.

Кавказское населеніе представляетъ собою удивительную смѣсь народностей, глубоко различающихся между собой и по происхожденію и бытовымъ особенностямъ жизни и принадлежностью къ различнымъ вѣроисповѣда-

ніямъ. Въ виду этихъ исключительныхъ условій мѣстной жизни управленіе Кавказомъ обставлено серьезными затрудненіями. Необходимо имѣть также въ виду, что цѣлыя отрасли управленія на Кавказѣ не имѣютъ даже законодательнаго опредѣленія и руководятся только инструкціями намѣстника, изданными въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Сверхъ того, цѣлый рядъ весьма неудачныхъ назначеній на отвѣтственные посты по мѣстному управленію еще болѣе усугубилъ тяжесть современнаго положенія дѣлъ. Всѣ эти мѣстныя особенности обязывали Государственную Думу къ тщательной осмотрительности при обсужденіи кавказскихъ дѣлъ, въ видахъ соблюденія государственныхъ интересовъ. Эта осмотрительность и была дѣйствительно проявлена при утвержденіи, напримѣръ, законодательныхъ предположеній намѣстника.

Намѣстникъ внесъ, между прочимъ, законопроектъ объ учрежденіи бакинскаго градоначальства. При градоначальникѣ предполагалось создать особое присутствіе, при участіи мѣстныхъ общественныхъ представителей. Этому присутствію поручался цѣлый рядъ дѣлъ чисто административнаго управленія. Такой новый, небывалый, пріемъ привлеченія общественныхъ элементовъ прямо къ управленію обязывалъ составителей проекта къ вящшей осторожности, особенно въ виду преобладанія въ г. Баку инородческихъ элементовъ. Намѣстникъ, дѣйствительно, озаботился, но лишь тѣмъ, чтобы въ числѣ избранныхъ въ присутствіе лицъ количество армянъ и мусульманъ было равное. Очевидно, кавказское начальство помнило лишь о бывшей въ г. Баку рѣзнѣ между армянами и мусульманами, и совершенно забыло о существованіи еще русской народности, болѣе или менѣе заинтересованной въ управленіи богатѣйшимъ нефтеноснымъ раіономъ.

Государственная Дума передала законопроектъ въ комиссію по направленію законодательныхъ предположеній, которая избрала докладчикомъ націоналиста Половцова. Въ проектѣ, выработанномъ комиссіей, непредусмотрительность мѣстнаго начальства была исправлена; принята была поправка о томъ, чтобы половина общественныхъ представителей избиралась изъ лицъ русскаго происхожденія, и лишь другая половина дѣлилась бы поровну между армянами и мусульманами.

Въ ту же комиссію поступилъ законопроектъ намѣстника о введеніи городского самоуправленія въ г. Карсѣ; въ этомъ законопроектѣ точно также ни слова не говорилось объ обезпеченіи представительства интересовъ русскаго населенія города. Между тѣмъ г. Карсъ представляетъ собою прежде всего пограничную крѣпость, каковое положеніе и обязываетъ къ особому огражденію государственныхъ интересовъ. Затѣмъ, кромѣ боль-

шого количества русскихъ войскъ, въ городѣ постоянно проживаетъ около 1000 русскихъ и около тысячи же (900) пребываетъ временно.

Докладчикомъ комиссіи былъ избранъ октябристъ Матюшинъ, который не обратилъ должнаго вниманія на необдуманность законопроекта и представилъ докладъ въ Государственную Думу. Ошибка эта была замѣчена лишь въ общемъ собраніи Государственной Думы и по почину октябристовъ, при поддержкѣ націоналистовъ и правыхъ, противъ голосовъ оппозиціи, законопроектъ былъ возвращенъ въ комиссію съ слѣдующимъ напутствіемъ: «Относясь вполнѣ сочувственно къ идеѣ введенія городового положенія въ г. Карсѣ, но находя необходимымъ обезпечить, при введеніи означеннаго городового положенія, справедливое представительство русскаго населенія и его интересовъ,—Государственная Дума возвращаетъ законопроектъ въ комиссію по направленію законодательныхъ предположеній, для его дополнительной разработки въ означенномъ направленіи». (I,3,3747—3753).

Намѣстникъ не согласился съ такимъ предположеніемъ Государственной Думы, заявивъ, что онъ относится отрицательно къ мысли объ обезпеченіи интересовъ русскаго населенія, находитъ это безполезнымъ и даже вреднымъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ возможно обостреніе антагонизма между русскимъ населеніемъ и туземнымъ.

Представляя на утвержденіе Государственной Думы переработанный законопроектъ, новый докладчикъ, октябристъ же Потуловъ, по поводу заявленія намѣстника сообщилъ (II,4,1630): «Комиссія по направленію законодательныхъ предположеній, обсудивъ этотъ вопросъ, нашла, что отъ этого большаго обостренія, чѣмъ теперь есть, не можетъ произойти. Нужно вспомнить, что здѣсь говорилось по поводу запросовъ намѣстнику Его Величества на Кавказѣ, чтобы увидѣть, что большей розни, чѣмъ есть, поселить никакими мѣрами невозможно. Достаточно вспомнить слова докладчика. Можетъ быть, онъ болѣе мягко характеризовалъ тогда положеніе, но и онъ говорилъ—я позволю себѣ цитировать слова докладчика по запросу: «но послѣ возстановленія намѣстничества въ теченіе трехъ лѣтъ безпорядки не только не прекратились, а, наоборотъ, увеличились и, кромѣ того, пріобрѣли характеръ систематическаго изгнанія русскаго населенія съ Закавказья, въ осуществленіе идеи инородческаго сепаратизма. Съ 1905 г. по настоящее время кавказскіе сепаратисты терроризовали все благоразумное и мирное населеніе Кавказа. Существованіе отчасти сепаратистическихъ идей среди нѣкоторыхъ группъ и отдѣльныхъ національностей Кавказа не отрицалъ и представитель намѣстника бар. Нольде». Такъ что съ этой точки зрѣнія опасаться Государственной Думѣ нечего,

никакого увеличенія антагонизма отъ этого не произойдетъ. Съ другой стороны, какъ ни мало попадетъ русскихъ, какъ ни ничтожно будетъ это число, можетъ быть, оно, дѣйствительно, при голосованіи никогда не будетъ имѣть перевѣса, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ всѣ дѣла получатъ извѣстное освѣщеніе съ точки зрѣнія этого меньшинства. И если мѣстная власть въ лицѣ намѣстника на Кавказѣ пожелаетъ дѣйствительно внести справедливость, отнестись внимательно къ нуждамъ этого меньшинства, то эта власть имѣетъ для этого достаточно средствъ, указанныхъ въ законѣ».

Законопроектъ, въ переработанномъ видѣ, съ учрежденіемъ двухъ особыхъ избирательныхъ курій—русской и туземной, былъ принятъ правымъ большинствомъ, несмотря на протесты оппозиціи.

Къ сожалѣнію, высказанная въ послѣднихъ словахъ докладчика надежда на охрану кавказскимъ начальствомъ русскихъ интересовъ въ краѣ можетъ относиться лишь къ далекому будущему. Современное положеніе, занятое мѣстными властями по отношенію къ вопросамъ русской государственности, вызываетъ рядъ сомнѣній. Государственная Дума, въ лицѣ своего праваго большинства и противъ голосовъ оппозиціи, вынесла рѣшительное осужденіе всей системѣ управленія Кавказомъ, при обсужденіи кавказскаго запроса, признавъ объясненія представителей намѣстника неудовлетворительными. При этомъ была принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ (II, 2, 1169—1170): «Выслушавъ объясненія представителей Намѣстника Кавказа, находя ихъ неудовлетворительными, признавая, что во многихъ мѣстностяхъ Кавказа жизнь и имущество трудящагося мирнаго населенія находятся въ тяжелыхъ условіяхъ благодаря разбойничеству, развившемуся какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей края, такъ и вслѣдствіе бездѣятельности и попустительства административныхъ и полицейскихъ органовъ мѣстной власти, полагая, что имѣвшіе мѣсто факты политическаго характера объясняются какъ общимъ состояніемъ политическаго возбужденія Имперіи, такъ и той системой управленія, которая примѣнялась на Кавказѣ, находя, что въ настоящее время цѣлесообразно установить болѣе тѣсное единеніе между управленіемъ Кавказа и общегосударственнымъ управленіемъ, Государственная Дума признаетъ, что, мѣрами улучшенія богатаго, но до сихъ поръ запущеннаго русскаго края, и возстановленія тѣснаго съ нимъ единенія слѣдуетъ считать: 1) тщательное разслѣдованіе случаевъ злоупотребленій со стороны мѣстныхъ властей посредствомъ сенаторской ревизіи; 2) обновленіе въ нужныхъ случаяхъ органовъ мѣстной администраціи и особенно полиціи; 3) упорядоченіе земельныхъ отношеній, суда, народнаго просвѣ-

щенія, переселенческаго дѣла; 4) проведеніе положительныхъ реформъ, построенныхъ на началахъ городского и земскаго самоуправленій съ привлеченіемъ мѣстнаго населенія къ завѣдыванію собственными дѣлами, съ соблюденіемъ справедливаго отношенія къ жизненнымъ интересамъ національностей, въ соотвѣтствіи съ особенностями каждой отдѣльной мѣстности Кавказа, и 5) подчиненіе управленія Кавказомъ Совѣту Министровъ. Полагая, что такія реформы объединятъ большинство вѣрнаго и дорожащаго русскимъ государственнымъ единствомъ мѣстнаго населенія и послужатъ къ утвержденію мощи и крѣпости Имперіи единой и нераздѣльной,—Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Въ этомъ послѣднемъ (п. 5) положеніи формулы выразилась вся безнадежность взглядовъ большинства на возможность какихъ-либо измѣненій къ лучшему, при сохраненіи самостоятельности мѣстнаго главнаго начальства.

Приведенныя выше мнѣнія націоналистовъ по этому вопросу дополняются слѣдующей характеристикой дѣятельности кавказскихъ властей, обрисованной Ладомирскимъ (II, 2, 965): «Преступное отношеніе ко всему русскому, систематическое гоненіе русскихъ людей, гибель, при благосклонномъ участіи кавказской администраціи, всѣхъ русскихъ начинаній и предпріятій, что, повидимому, съ точки зрѣнія кавказской администраціи, вполнѣ отвѣчаетъ интересамъ государства, заигрываніе не только съ туземными, но даже съ революціонными организаціями и наконецъ покровительственное отношеніе къ сепаратистическимъ стремленіямъ мѣстнаго населенія. Согласитесь, что при этихъ условіяхъ врядъ ли представляется возможнымъ вѣрить проведенію на Кавказѣ государственныхъ и національныхъ основъ».

Указавъ на цѣлый рядъ прямыхъ преступленій, совершенныхъ мѣстными властями, ораторъ заканчиваетъ такъ (II, 2, 972): «И я долженъ сказать, что при нынѣшнемъ составѣ кавказской администраціи, я далекъ отъ мысли обвинять всѣхъ поголовно, мои обвиненія касаются только нѣкоторой части чиновниковъ, служащихъ на Кавказѣ и главнымъ образомъ нѣкоторыхъ ближайшихъ сотрудниковъ намѣстника,—вѣрить многообѣщающимъ заявленіямъ барона Нольде не представляется возможнымъ. Только тогда, когда взамѣнъ трусливыхъ и заискивающихъ у туземцовъ чиновниковъ, взамѣнъ сознательно способствующихъ развалу Кавказа инородцевъ, въ составъ кавказской администраціи войдутъ тѣ преданные Россіи и русскому дѣлу государственные работники, которые не допустятъ разрушенія окраины, и когда вмѣсто гуманно-либеральнаго, основаннаго на непротивленіи злу, управленія будетъ строгая, твердая, проникнутая національнымъ духомъ власть, только тогда мы повѣримъ въ возможность укрѣпле-

нія среди кавказскаго населенія идеи русской государственности и въ возможность умиротворенія края; только тогда мы не будемъ находиться подъ опасеніемъ необходимости вторичнаго завоеванія Кавказа. Но дѣло упроченія началъ государственности на окраинѣ дѣло великое и за это дѣло можно браться только чистыми руками, а рукамъ, которыя замарали себя питоевскими дѣлами и нефтяными ссудами, здѣсь не мѣсто».

c) Русскіе и инородцы.

Въ Государственной Думѣ, при обсужденіи различныхъ законопроектовъ, неоднократно поднимался вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ считать лицами русскаго происхожденія и кого инородцами. Націоналисты, выступая на защиту интересовъ русской государственности и русской народности противъ инородческаго засилія на окраинахъ, совершенно опредѣленно отвѣчали на этотъ вопросъ. Представители оппозиціи постоянно стремились подвести подъ понятіе инородцевъ—малороссовъ и бѣлоруссовъ. На всѣ эти нелѣпыя попытки націоналисты отвѣчали, что великороссы, малороссы, и бѣлоруссы составляютъ единый русскій народъ, не имѣя никакого различія ни въ происхожденіи, ни въ государственныхъ стремленіяхъ, ни въ языкѣ, представляющемъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ лишь разнообразіе говоровъ, вполнѣ доступныхъ для взаимнаго пониманія. «Малороссы, великороссы бѣлоруссы,—говорилъ гр. Бобринскій 2-й (III, 1, 3061—3062),—это вѣтви единаго народа». Указывая на составъ русской національной фракціи, въ которой имѣется 37 великороссовъ, 35 малороссовъ и 15 бѣлоруссовъ, ораторъ продолжаетъ: «Мы, великороссы, не вѣдаемъ великорусскаго патріотизма и великорусскаго націонализма; ни нашъ народъ, ни мы этого не знаемъ; никогда нашъ народъ и наши крестьяне не называютъ себя великороссами. Я знаю, что и малороссы и бѣлоруссы не называютъ себя ни малороссами, ни бѣлоруссами; когда вы спросите,—кто онъ, онъ отвѣтитъ—я русскій... Мы одинаково гордимся Пушкинымъ, Некрасовымъ съ Кольцовымъ, какъ и Гоголемъ съ Шевченко и незабвеннымъ Наумовичемъ. Мученики Западной Руси—это наши мученики, герои малороссійскаго казачества—это наши герои».

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ораторъ говоритъ (III, 2, 1401—1402): «Мы считаемъ малороссовъ русскими; мы считаемъ, что великорусское племя было въ силахъ создать только Московское царство. Но, когда въ серединѣ XVII вѣка Богданъ Хмѣльницкій и казаческая рада въ Переяславлѣ провозгласили: «хотимъ подъ царя восточнаго, православнаго», только съ этого

момента поязилась вновь Россія св. Владиміра. Россію создали какъ сѣ веро-восточные, такъ и южные русскіе, и мы вмѣстѣ, великороссы и малороссы, благодаря нашему соединенію, могли освободить отъ иноземнаго и иновѣрнаго ига остальную часть Малороссіи за Днѣпромъ и нашихъ братьевъ бѣлоруссовъ. Поэтому, г.г., Россія создана не великорусскимъ народомъ, и государственнымъ племенемъ является не великорусское племя, а государство русское создано народомъ русскимъ».

Входящіе въ составъ національной фракціи малороссы-крестьяне были крайне раздосадованы указаніями ораторовъ оппозиціи на сепаратистическія стремленія всего малорусскаго народа. По порученію украинскихъ депутатовъ Андрійчукъ по вопросу о языкѣ судоговоренія заявилъ, между прочимъ, слѣдующее (III, 1, 3081—3082): «Мы долгомъ считаемъ протестовать противъ той провокаціи, которую произносили съ этой трибуны по адресу малороссовъ чуждые украинскому народу депутаты, именно Булатъ—литовецъ, Лучицкій—городской представитель кіевскихъ евреевъ, Родичевъ—Тверской дворянинъ и Милюковъ—неизвѣстной намъ народности. Мы удостовѣряемъ, вопреки заявленію Булата,—объ устраненіи изъ Думы украинскаго представительства актомъ 3 іюня,—что украинцевъ здѣсь въ третьей Думѣ присутствуетъ не меньше, чѣмъ въ первыхъ двухъ Думахъ, и что указанное Булатомъ требованіе группы украинцевъ во второй Думѣ своего языка въ школѣ и судѣ было сфабриковано въ самой Думѣ кадетскими профессорами и вовсе не исходило изъ желанія украинскаго народа; и очень жаль, что Булатъ здѣсь не разсказалъ о той благодарности нашего народа, которую получили перводумскіе его депутаты за свое поведеніе въ Думѣ,—были случаи даже физической расправы. Мы протестуемъ также противъ того, чтобы при нашемъ, малороссовъ, здѣсь наличіи, за нашъ народъ ратовали непрошенные его слуги Милюковы и Булаты, цѣль выступленія которыхъ намъ ясна, именно стремленіе пополнить украинцами ряды инородческой оппозиціи русскому государственному строю. Отъ имени украинскихъ депутатовъ національной фракціи, а также отъ моихъ избирателей, именно малороссовъ, сплошь заселяющихъ Подольскую губ., заявляю, что украинскому народу и въ голову не приходило требовать мѣстнаго языка въ судѣ, нужды въ этомъ у насъ нѣтъ, всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаемъ, ибо никогда не считали и не считаемъ себя нерусскими, и съ какой бы хитростью ни старались услужливые г.г. Милюкову вселить въ насъ сознаніе розни съ великороссами, имъ это не удастся. Мы, малороссы, какъ и великороссы, суть люди русскіе, а г.г. Милюкову, Родичеву и Лучицкому говоримъ: продолжайте вашу заботу о томъ племени, служить которому вы призваны, а украинскаго народа не касайтесь, онъ за вами не пойдетъ».

Итакъ, во взглядахъ націопалистовъ господствуетъ полное единодушіе по вопросу о томъ, кого считать русскими. Русскій народъ—единый народъ, живутъ ли отрасли его въ Великой, Малой или Бѣлой Руси. Это сознаніе единства не ограничивается даже предѣлами государственными. То же чувство единенія исповѣдуется русскимъ населеніемъ Галиціи, древней Червонной Руси. Гр. Бобринскій говоритъ (III, 1, 3068): «Когда я былъ въ Галиціи, я не одинъ тамъ былъ, также и другіе могутъ это подтвердить,— тысячи, десятки тысячъ народа встрѣчали насъ, приходили пѣшкомъ за 50 верстъ и говорили: «Громада насъ прислала сказать вамъ, что хотя мы политически раздѣлены, но по націопальности, какъ народъ, мы едины: единъ Богъ на небѣ и едина Русь на землѣ».

Русской народности націопалисты противопоставляютъ инородцевъ, относясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ большимъ недовѣріемъ въ виду проявленныхъ ими противогосударственныхъ стремленій къ сепаратизму. Это недовѣріе покоится, однако, не на чувствахъ непріязни къ чуждой народности, не на инстинктахъ человѣконенавистничества, какъ пытались объяснять ораторы оппозиціи. Нѣтъ, не мѣсто инстинктамъ тамъ, гдѣ требуется хладнокровная государственная разсудительность. Если бы поляки въ 1831 и 1863 г.г., если бы кавказскіе мусульмане во время войны 1877—1878 г.г., если бы финляндцы съ 1905 г. не переводили свои затаенныя мысли въ открытыя противогосударственныя дѣйствія, то можно бы было говорить о чувствахъ, а не о спокойныхъ выводахъ разума. Если бы, наконецъ, и послѣдующая снисходительность русской власти на этихъ окраинахъ производила умиротворяющее вліяніе, а не возбуждала бы къ еще большей разнузданности инородческаго засилія, можно было бы выслушивать безъ протеста проповѣди о непротивленіи злу. Но зло росло и ширилось, и тысячи жертвъ свидѣтельствовали о вредоносности политики національнаго безразличія. Націопалисты считаютъ необходимымъ быть на стражѣ съ нѣкоторыми инородцами не потому, что они инородцы, а потому, что они явные враги русской государственности. Противъ этихъ инородцевъ и должны быть примѣнены всѣ мѣры предосторожности.

Неосновательны, однако, обвиненія противъ націоналистовъ въ ихъ якобы огульномъ недовѣріи ко всѣмъ инородцамъ вообще, хотя бы инородчество въ нихъ опредѣлялось только фамиліей. Этимъ обвиненіемъ весьма часто пользовались ораторы оппозиціи. По этому поводу Сазоновъ, отвѣчая на нападки извѣстнаго любителя политическихъ подлоговъ Шингарева, говоритъ такъ (III, 2, 1924—1925): «Вы стремились поссорить насъ съ тѣми многими милліонами честныхъ, преданныхъ своей родинѣ, одинаково съ нами проливавшихъ кровь на поляхъ битвы инородцевъ,—конечно,

не съ иной цѣлью, какъ съ тѣмъ, чтобы ослабить самую идею національнзма и, посѣявъ эту рознь, ослабить самую Россію. Г.г., неужели нападенія депутата Шингарева ни на минуту не дали вамъ возможности усомниться въ томъ, что тѣ милліоны инородцевъ, лояльныхъ, честныхъ, никогда не пойдутъ по этому пути, никогда не будутъ довѣрять такимъ заявленіямъ. Они наши естественные друзья, наши союзники; наша родина—ихъ родина; ихъ культура, ихъ расовые обычаи, ихъ нравы, наконецъ, не идущіе въ разрѣзъ съ государственными интересами, это все, г.г., насъ тѣсно къ нимъ привязываетъ... Г.г., исторія по своей природѣ благодарна; она отмѣчаетъ все въ смыслѣ выдающагося служенія своей родинѣ, и еще не такъ давно, въ концѣ XVIII вѣка, на тронѣ сіяла истинная царица національнзма, окруженная своими Екатерининскими орлами. Мы знаемъ исторію этой эпохи, мы знаемъ, до какой степени величія вознесла Екатерина Россію, а позвольте спросить, много ли было русской крови въ этой императрицѣ. Мнѣ кажется, что любой изъ инородцевъ, кто имѣетъ свои свѣтлыя страницы въ исторіи Россіи, укажетъ на памятники Барклая-де-Толли и Тотлебена, людей, служившихъ своей родинѣ, какъ дай Богъ служить каждому. Они съ вами не пойдутъ, они пойдутъ съ нами: въ этомъ ваше безсиліе, въ этомъ сила проснувшагося національнаго чувства и такая причина, по которой вы стремитесь расшатать національнзмъ».

Гр. Бобринскій, указывая на чрезвычайно серьезную опасность, заключающуюся въ неосмотрительномъ разрѣшеніи русскихъ властей селиться выходцамъ изъ Германіи около западныхъ стратегическихъ пунктовъ, говоритъ, что нужно различать нѣмцевъ и нѣмцевъ (II, 3, 1242): «Я ничего не хочу высказать противъ нѣмцевъ въ Россіи; напротивъ, я признаю, что въ подавляющемъ своемъ большинствѣ, они, живя уже нѣсколько столѣтій въ Россіи, вполнѣ сроднились со своей, общей нашей и ихней, отчизной, и кромѣ полезнаго и добраго для государства ничего не дѣлаютъ».

Общее отношеніе націоналистовъ къ инородцамъ тотъ же гр. Бобринскій 2-й опредѣляетъ такъ (III, 2, 1402—1403): «Мы русскіе націоналисты, до мозга костей націоналисты, но мы не шовинисты. Мы желаемъ культурнаго *національнаго* развитія инородцевъ, которые находятся подъ русской державой, *но при соблюденіи русскихъ государственныхъ интересовъ*, которые имъ, инородцамъ, еще болѣе необходимы, чѣмъ намъ, русскимъ. Мы желаемъ быть народомъ освободителемъ и охранителемъ, но не народомъ поработителемъ. На этой твердой почвѣ мы и стоимъ».

Однако, нѣтъ правила безъ исключенія. Націоналисты изъ цѣлаго ряда народностей выдѣляютъ одинъ особый видъ инородцевъ, противъ которыхъ и рекомендуютъ чрезвычайныя мѣры предосторожности. «Равноправіе евреевъ—недопустимо», гласитъ ихъ программа...

ж) Окраинная финансовая политика.

При обсужденіи различныхъ законопроектовъ, Государственной Думѣ неоднократно приходилось наталкиваться на указанія о несправедливости нашей финансовой политики, о налоговомъ переобремененіи центра, объ излишней польготности окраинъ въ этомъ отношеніи. Въ своей рѣчи при общемъ обсужденіи государственной росписи Половцовъ говоритъ (III, 2, 1241): «Антинаціопальность нашего бюджета заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что мы слишкомъ много обращаемъ вниманія на наши окраины, забывая центръ. Мы, націоналисты, раздѣляемъ наши окраины на два сорта: считая однѣ окраины бѣдными, которыя нуждаются въ особой заботливости государства, каковыми представляются наши дальневосточныя и наши сѣверныя окраины, мы находимъ, что другія въ настоящее время настолько уже вспоены и вскормлены на государственныхъ жертвахъ Россіи, что въ настоящее время не слѣдовало бы продолжать политику дальнѣйшаго подкорма».

Съ вопросомъ о польготности окраинъ въ налоговомъ отношеніи Государственной Думѣ впервые пришлось встрѣтиться при обсужденіи законопроектовъ о размѣрѣ государственныхъ поземельныхъ сборовъ на Кавказѣ, въ Средней Азіи, въ Степныхъ областяхъ и въ Сибири. Ничтожные размѣры сборовъ, сравнительно съ обложеніемъ центральной Россіи, отсутствіе настойчивости администраціи при взысканіи недоимокъ, неповышеніе сборовъ въ теченіе продолжительнаго періода времени и т. п., все это свидѣтельствовало о неправильностяхъ налогового обложенія окраинъ. Такъ, напримѣръ, по Сибири земельные сборы не повышались въ теченіе 30 лѣтъ, несмотря на то, что за это время земельная рента въ краѣ значительно повысилась благодаря громаднымъ суммамъ, затраченнымъ государствомъ на проведеніе желѣзныхъ дорогъ и на субсидіи пароходнымъ обществамъ. Когда финансовая комиссія предложила повысить налоги въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, расположенныхъ наиболѣе благопріятно въ смыслѣ обезпеченности путями сообщеній, сибирскіе депутаты одинъ за другимъ выходили на каѳедру и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ выставляли бѣдность мѣстнаго населенія.

Въ отвѣтъ на эти рѣчи Половцовъ указалъ (I, 2, 752—755), что помимо сотенъ тысячъ живыхъ свидѣтелей, въ лицѣ солдатъ и офицеровъ, побывавшихъ во время войны въ Сибири и разсказывавшихъ о благосостояніи сибирскихъ крестьянъ, доказательствами послѣдняго служатъ и точныя цифры. Приведя рядъ данныхъ, удостовѣрившихъ возвышеніе покупательной спо-

собности сибиряковъ, что является самымъ вѣрнымъ показателемъ возрастающаго достатка, ораторъ указалъ и на значительное, постепенно растущее увеличеніе числа продуктовъ земледѣлія, вывозимыхъ за предѣлы края: «Изъ этого краткаго перечня, говоритъ Половцовъ, вы видите, что Сибирь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, пріобрѣла возможность вывозить свои продукты въ громадномъ количествѣ. Поэтому, если мы допускаемъ мысль о возможности затраты громаднаго количества общегосударственныхъ средствъ на Сибирь, на улучшеніе ея путей сообщенія, въ смыслѣ проведенія желѣзной дороги, уже открытой, и въ смыслѣ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ, если мы щедрой рукой ассигнуемъ суммы на пароходныя сообщенія Сибири, то мы можемъ просить сибирскихъ жителей, въ свою очередь, въ большемъ размѣрѣ участвовать въ платежѣ государственныхъ налоговъ. Мы здѣсь наблюдаемъ то же самое, что мы наблюдаемъ по отношенію ко всѣмъ окраинамъ, это необыкновенную, ничѣмъ неоправдываемую польготченность окраинъ; мы прошли уже налоги по отношенію къ Кавказу, по отношенію къ Туркестану, по отношенію къ Степнымъ областямъ, и вездѣ финансовая комиссія имѣла честь вамъ докладывать о той необыкновенной, невѣроятной польготченности окраинъ по отношенію къ поземельному налогу. Отъ этой финансовой политики, отъ этой преступной финансовой политики по отношенію къ центру мы должны въ концѣ концовъ отказаться. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ съ центра драть не двѣ, а три, четыре шкуры, которыя идутъ въ громадномъ количествѣ на пользу нашихъ окраинъ».

Когда сибирскіе депутаты въ отвѣтъ стали жаловаться на отсутствіе въ Сибири земства, тотъ же ораторъ указалъ (I, 2, 766), что членамъ Государственной Думы принадлежитъ право законодательной инициативы, которымъ они и могутъ воспользоваться и провести земство въ Сибири.

Съ тѣми же заявленіями о необходимости земства въ Сибири пришлось считаться и при обсужденіи вопроса о постройкѣ Амурской желѣзной дороги. Отвѣчая по этому поводу ораторамъ оппозиціи, графъ Бобринскій 2-й сказалъ (I, 2, 960): «Коснувшись вообще Сибири, впервые съ этой каѳедры мнѣ пришлось это сдѣлать, я не могу удержаться, чтобы не сказать, что меня крайне смущаетъ, меня крайне огорчаетъ то отношеніе, которое мы слышали тутъ, въ Государственной Думѣ. И со скамей центра и со скамей правыхъ, я долженъ сознаться, мы слыхали упрекъ въ сепаратизмѣ по отношенію къ Сибири. Отъ сибиряковъ мы слышали отповѣдь: вы намъ не даете земства, вы хотите отнять портофранко и т. д. Какъ то, такъ и другое я считаю совершенно невѣрнымъ; я считаю, что сепаратизмъ сибирскій создается только въ Государственной Думѣ, а въ дѣйствительности его совершенно не существуетъ. Также, кто далъ основаніе, кто уполномочилъ кого-либо тутъ го-

ворить, что мы не желаемъ дать земства Сибири? Мы, которые знаемъ, что земство намъ необходимо, какъ воздухъ, неужели мы откажемъ въ этомъ Сибири».

Когда же, наконецъ, сибирскіе депутаты внесли законодательное предположеніе о введеніи земства въ Сибири, Синадино (II, 1, 1446—1447) привѣтствовалъ это мѣропріятіе и объявилъ о рѣшеніи фракціи голосовать за передачу законопроекта въ комиссію для разработки, что и было принято Государственной Думой.

Налоговая польготенность окраинъ выяснилась и по отношенію къ Польшѣ, а вновь образовавшееся большинство изъ лѣвыхъ октябристовъ и оппозиціи еще болѣе усугубило эту несправедливость. Дѣло въ томъ, что правительство внесло законопроектъ о реформѣ налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ Имперіи. Финансовая комиссія предложила распространить дѣйствіе новаго закона и на Польшу, избавивъ, однако, отъ новаго обложенія посады и мѣстечки въ Царствѣ Польскомъ и понизивъ существовавшее тамъ 10% обложеніе до 6%, какъ предполагалось сдѣлать это для Имперіи. Эта поправка, при второмъ обсужденіи законопроекта, была отклонена. При третьемъ чтеніи поправка была поддержана лѣвыми октябристами и принята Государственной Думой. Это измѣненіе законопроекта, какъ указалъ Проценко (III, 2, 1026), дастъ льготу Царству Польскому въ размѣрѣ 2½ милліоновъ рублей ежегодно. Ораторъ указалъ, что 6% обложеніе, которое будетъ введено въ губерніяхъ коренныхъ русскихъ, ляжетъ болѣе тяжелымъ бременемъ на городское населеніе, чѣмъ 10% обложеніе въ Царствѣ Польскомъ. Это 10% обложеніе существуетъ въ Царствѣ Польскомъ уже нѣсколько лѣтъ и никакихъ жалобъ на тяжесть обложенія со стороны мѣстнаго населенія не поступало. Другой ораторъ націоналистъ Половцовъ объяснилъ (III, 2, 1063—1066) и причины отсутствія жалобъ на 10% обложеніе въ Царствѣ Польскомъ. Это 10% обложеніе въ Польшѣ несомнѣнно ложится менѣе тяжелымъ бременемъ на населеніе, чѣмъ 6% обложеніе въ Имперіи. Ораторъ подтвердилъ мнѣніе Гололобова о томъ, что въ Государственной Думѣ по отношенію къ этому законопроекту образовалось какое-то спутанное понятіе. Виновникомъ этого ораторъ считаетъ докладчика финансовой комиссіи, лѣваго октябриста Лерхе, который не выяснилъ положеніе разсматриваемаго вопроса въ финансовой комиссіи. Между тѣмъ, въ финансовой комиссіи представителемъ вѣдомства были внесены данныя, которыя освѣщаютъ вопросъ совершенно въ иномъ видѣ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что общій размѣръ городскихъ сборовъ въ Имперіи, при 6% государственномъ налогѣ, выше, чѣмъ таковые же сборы въ Царствѣ Польскомъ даже при существующемъ

доселѣ 10% государственномъ налогѣ. Государственный налогъ взимается въ % отношеніи къ доходности имѣнія, а потому, при переведеніи этого % отношенія къ цѣнности имѣнія, получится, что въ Имперіи государственнаго налога взимается 0,30% съ цѣнности, а въ Царствѣ Польскомъ 0,50%. Если прибавить къ 0,30%, взимаемаго въ Имперіи, земскій сборъ, исчисляемый въ суммѣ 0,19%, и городской оцѣночный сборъ—0,36%, то общая сумма сборовъ въ Имперіи составитъ 0,85% цѣнности имѣнія. Въ Царствѣ Польскомъ эти мѣстные сборы составляютъ лишь 0,24%, а потому 0,24%+0,50% (государственнаго налога) составятъ общую сумму сборовъ въ Царствѣ Польскомъ въ размѣрѣ всего 0,74% съ цѣнности имѣнія. Такимъ образомъ, домовладѣльцы Царства Польскаго, платя 10% государственный налогъ, платили бы, все-таки, на 0,11% менѣе, чѣмъ домовладѣльцы Имперіи при 6% государственномъ налогѣ. Ораторъ заканчиваетъ свою рѣчь такъ: «Вотъ, гг., теперь намъ предстоитъ обсудить этотъ вопросъ при голосованіи отд. IX, достаточно ли Россія богата, чтобы жертвовать въ пользу еврейскихъ и польскихъ домовладѣльцевъ Царства Польскаго трудомъ русскаго народа или нѣтъ. Я полагаю, что мы не имѣемъ права, такъ какъ мы недостаточно богаты. Намъ указывалось: позвольте, да вѣдь тамъ, въ Царствѣ Польскомъ, есть нѣкоторые города, которые платятъ больше, чѣмъ города Россійской Имперіи. Да, правда, я приведу вамъ эти цифры, размѣръ этихъ сборовъ; они повышаются въ г. Варшавѣ, Лодзи и Сосновицахъ, благодаря существованію въ нихъ особаго оцѣночнаго сбора, до 1,04%. Вы какъ будто видите, что въ нѣкоторыхъ городахъ тамъ платятъ еще больше, значительно больше, но на это я вамъ скажу, что точно такъ же и въ нѣкоторыхъ городахъ Россійской Имперіи платятъ значительно больше. Я не буду говорить о большихъ центрахъ, о промышленныхъ, гдѣ много различныхъ промышленныхъ предпріятій и гдѣ тягость обложенія складывается, такъ сказать, косвеннымъ образомъ на промыслы и торговлю; нѣтъ, я буду говорить о такой бѣднѣйшей губерніи, какъ наша Новгородская. И вотъ, въ нашей Новгородской губерніи въ нѣкоторыхъ городахъ обложеніе доходитъ до 1,13%; слѣдовательно въ ней сборы повышаются. Города платятъ больше, чѣмъ Варшава, Лодзь и Сосновицы. Укажу вамъ, гг., губернію еще бѣднѣе, совершенно уже тощую губернію: Олонецкую, и въ Олонецкой губерніи города платятъ больше, чѣмъ такіе большіе центры, какъ Варшава, Лодзь и Сосновицы. Въ Олонецкой губерніи города платятъ 1,26%, а Варшава, Лодзь и Сосновицы—1,04%. Значитъ, гг., города Олонецкой губерніи платятъ на 0,60% больше, чѣмъ крупные центры Царства Польскаго. Гг., да развѣ же можемъ мы дѣлать такую несправедливость? Здѣсь говорятъ о податной справедливости; какая же справедливость въ этомъ законѣ? Да, вѣдь, это есть пожер-

твованіе, котораго мы не имѣемъ права дѣлать. Если ненаціональная часть Государственной Думы это дѣлаетъ, то мы, фракція національная, фракція правыхъ, не имѣемъ права дѣлать такихъ подарковъ евреямъ и полякамъ за счетъ труда, кроваваго труда русскаго крестьянина».

Прочіе націоналисты, Томашевичъ (III, 2, 980—981), Процепко (III, 2, 1024—1028) и Мотовиловъ (III, 2, 1028—1030) полагали, что если Государственная Дума рѣшила распространить закопъ на Царство Польское, то слѣдуетъ распространить его цѣликомъ, т. е. на всѣ города, посады и мѣстечки, а не на одни городскія имущества, какъ предлагала финансовая комиссія.

Всѣ эти возраженія оказались, однако, тщетными и Государственная Дума совершила подарокъ Царству Польскому въ 2½ милліона рублей ежегодно. Этотъ даръ могъ бы получить оправданіе, если бы выяснено было, что Царство Польское вообще слишкомъ много платитъ въ казну и слишкомъ мало изъ нея получаетъ. Между тѣмъ, оказалось совершенно обратное: Привислинскій край получаетъ отъ казны болѣе, чѣмъ въ нее уплачиваетъ. Алексѣевъ приводитъ цифровыя данныя по этому вопросу (III, 1, 2376), изъ коихъ видно, что Привислинскій край на каждый уплачиваемый 1 рубль получаетъ изъ казны 1 руб. 14 коп., между тѣмъ какъ остальныя части Европейской Россіи уплачиваютъ въ казну больше, чѣмъ получаютъ, а именно: на каждый уплачиваемый 1 руб.—Малороссійскій край получаетъ 92 коп., Юго-восточный—89 коп., Юго-западный—82 к., Сѣверный—81 к., Восточный—80 к., Средне-Промышленный—72 к. и, наконецъ, Средне-Черноземный только 47 коп.

Такимъ образомъ, существующая уже несправедливость, т. е. развитіе окраинъ за счетъ центра, еще болѣе усугублена рѣшеніемъ лѣвыхъ октябристовъ и оппозиціи Государственной Думы.

Можно ли, однако, признавать эту точку зрѣнія здравой въ смыслѣ соблюденія государственныхъ интересовъ. Конечно, нѣтъ. Постепенное истощеніе центра переноситъ, въ концѣ концовъ, всю силу государственности на окраины, что врядъ ли послужитъ къ укрѣпленію государственнаго единства. Финляндцы, напримѣръ, постоянно выставляютъ на видъ свою культурность въ сравненіи съ центромъ. Но Крупенскій выяснилъ, между прочимъ, и причины сравнительныхъ успѣховъ Финляндіи въ этомъ отношеніи. Онъ указалъ (III, 4, 2114), что Финляндія, живя за спиной Россіи, не участвуетъ въ общеимперскихъ расходахъ; если бы, однако, привлечь Финляндію къ платежамъ на содержаніе Императорскаго Двора, Министерства иностранныхъ дѣлъ, Военнаго и Морского министерствъ и т. п., то на долю Финляндіи, по соразмѣрности, причиталось бы къ ежегодному платежу

около 15 милліоновъ рублей. Если бы сложить соотвѣтственныя суммы за прежніе годы, со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, то получилась бы такая колоссальная цифра дѣйствительныхъ сбереженій Финляндіи за счетъ Имперіи, что было бы совершенно ясно, почему Финляндія богатѣетъ, а центръ не прогрессируетъ въ своемъ матеріальномъ развитіи.

Неоднократно также хвалились и польскіе депутаты образованностью своего народа. Интересный фактъ представилъ по этому поводу епископъ Евлогій. Онъ привелъ на справку (I, 2, 2713), что на всѣ имперскія женскія гимназіи отпускается въ видѣ пособій изъ государственнаго казначейства 425.000 рублей, а на польскія женскія гимназіи отпускается 264.784 руб., т. е. больше половины той суммы, которая расходуется на всѣ гимназіи всей Россіи.

Алексѣевъ приводитъ (I, 1, 412—415) другія данныя по тому же вопросу. Польскій народъ своей образованностью меньше всего обязанъ своимъ руководителямъ—шляхтѣ. Наоборотъ, пока Польша имѣла извѣстную самостоятельность, объ образованіи народа шляхта не заботилась; еще въ 1825 г. на краевомъ сеймѣ сами же народные представители указывали на культурный регрессъ: шляхетская Польша, благодаря патримоніальной власти шляхетства надъ крестьянствомъ, не давала развиться крестьянству. Такъ и продолжалось до тѣхъ поръ, пока съ 1863 года управленіе краемъ не перешло въ руки русскихъ властей. «1863 г.,—продолжаетъ ораторъ,—развязалъ руки русскому правительству; позволилъ ему не считаться съ шляхетскими вожделѣніями и всецѣло встать на путь здоровой политики обновленія и культурнаго процвѣтанія польскаго края. Вы всѣ, конечно, помните знаменитое 19 февраля 1861 г.—Высочайшій манифестъ русскаго Императора. Вы всѣ помните священное для насъ, для всѣхъ русскихъ, имя Милютина и его крестьянскую и школьную реформы въ Царствѣ Польскомъ. Вы, быть можетъ, это помните, и депутатъ Дмовскій не станетъ отрицать, такъ какъ къ этому факту вся польская исторія относится со строго-опредѣленной точки зрѣнія,—вы помните, господа, что польское крестьянство съ 1864 г. въ культурно-экономическомъ отношеніи пошло по совершенно иному пути. Разъ депутатъ Дмовскій всталъ на почву цифръ, то и я позволю себѣ также прибѣгнуть къ статистикѣ. До 1864 года неграмотныхъ, т. е. какъ ихъ называютъ мѣстные жители—анальфабетовъ, въ Царствѣ Польскомъ было 91%, а грамотныхъ всего лишь 9%. Я обращусь теперь къ даннымъ изъ офиціальнаго документа переписи 1897 г. Что вы тамъ находите? Грамотныхъ въ Царствѣ Польскомъ—35%, вмѣсто 9%, и за такой сравнительно короткій промежутокъ времени. Что же вы находите въ данный моментъ у насъ въ центрѣ Россіи. «Пассивность», по опредѣленію депутата Дмовскаго, или что-нибудь

иное. Въ центрѣ вы находите только 19% грамотныхъ. Господа, въ то время, какъ на народное образованіе тратится въ Царствѣ Польскомъ отъ 51 до 57 коп. на одного жителя,—вы себѣ представить не можете,—въ этомъ «пассивномъ» центрѣ тратится въ то же время и при такихъ же условіяхъ отъ 9 до 10 коп. И теперь, господа, если вы вспомните, что съ 1864 года крестьянскій вопросъ, благодаря русскому правительству, въ Царствѣ Польскомъ былъ поставленъ на здоровую почву, если вы вникнете, господа, въ то, что площадь крестьянскаго землевладѣнія прогрессивно возростала и достигла 48%, т. е. почти половины всѣхъ земель; если вы теперь вдумаетесь въ тотъ простой фактъ, что мы о голодовкахъ, такихъ голодовкахъ, какія у насъ бываютъ въ центрѣ, или совершенно не слышали въ Царствѣ Польскомъ, или только слышали, какъ о нѣсколько ниже средняго уровня урожаѣ, то вы поймете, что, привѣтствуя многоуважаемаго депутата Капустина за его правильную постановку вопроса о понятіи справедливости въ приложеніи къ національности, я не могу согласиться съ почтеннымъ ораторомъ, не могу согласиться съ его заключительнымъ пожеланіемъ, которое сводится къ тому: «дай Богъ, чтобы польскому крестьянину жилось такъ, какъ живется русскому крестьянину. Дай Богъ, чтобы правительство обнаружило такое же попеченіе о польскомъ крестьянинѣ, какъ оно обнаружило о русскомъ крестьянинѣ». Я здѣсь, основываясь на тѣхъ неоспоримыхъ данныхъ, которыя только что были приведены вамъ, скажу иное: «дай Богъ, господа, русскимъ крестьянамъ поскорѣе зажить такъ, какъ живется польскому крестьянину». И глубоко неправъ былъ представитель конституціонно-демократической партіи, который здѣсь настойчиво требовалъ, чтобы «эти» права, именно «эти» права были даны русскимъ народомъ польскому народу, исходя, очевидно, изъ предразсудка «процвѣтанія центра и разоренія окраинъ», и я ему отвѣчу: «нѣтъ, русскій народъ оказался выше, чѣмъ вы желали его видѣть; онъ не «эти» права давалъ инородцамъ, а отдавалъ свои кровныя, какъ говоритъ профессоръ Янжулъ, русскія кровныя деньги на содержаніе окраинъ, въ значительной степени вскормленныя и вспоенныя на русскихъ хлѣбахъ и за счетъ русскихъ потребителей».

Стремленія націоналистовъ къ кореннымъ измѣненіямъ окраинной финансовой политики въ направленіи облегченія центра отъ разорительнаго содержанія окраинъ, эти стремленія встрѣчали сочувствіе со стороны правительства, но не находили себѣ поддержки въ лицѣ лѣвыхъ октябристовъ. Половцовъ говоритъ по этому поводу (III, 2, 1243): «И такъ мнѣ думается, что въ данномъ направленіи мы должны вести борьбу не съ правительствомъ, которое отказалось отъ прежнихъ тенденцій фаворитизма въ отношеніи къ нѣкоторымъ окраинамъ, у которыхъ находились могущественные покрови-

тели съ задняго крыльца, изыскивающіе средства для нанесенія громаднаго ущерба русскому государственному хозяйству въ интересахъ отдѣльныхъ богатыхъ окраинъ. Я говорю, что отъ этой тенденціи русское правительство отказалось, но мы замѣчаемъ ее среди господствующаго въ настоящее время большинства Государственной Думы, и отъ этой тенденціи мы считаемъ долгомъ и необходимостью предостеречь это большинство Государственной Думы».

II.

Государственное устройство.

а) Верховная власть и народное представительство.

Вторымъ пунктомъ программы Національный союзъ ставитъ: «Незыблемость представительнаго образа правленія. Законодательная власть Самодержнаго Царя въ единеніи съ Государственной Думою и Государственнымъ Совѣтомъ. Наблюденіе законодательныхъ учрежденій за закономѣрностью дѣйствій правительства».

Такимъ образомъ, ученіе націоналистовъ объ образѣ правленія въ Россійской Имперіи покоится на строгомъ согласованіи съ основными законами. Ст. 4 Зак. Осн. гласитъ: «Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная Власть». Ст. 86 тѣхъ же Осн. Зак. опредѣляетъ: «Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы».

Вопросъ о государственномъ устройствѣ Россіи былъ поднятъ въ Государственной Думѣ при обсужденіи проекта всеподданнѣйшаго адреса Государю Императору. Текстъ адреса, выработанный комиссіей, не содержалъ въ себѣ указаній на Самодержавіе, ни на конституціонныя учрежденія и характеризовалъ образъ правленія, какъ «обновленный манифестомъ 17 октября Монаршею волею государственный строй». По этому поводу возникли пререканія среди представителей различныхъ партій, только что присягнувшихъ, согласно тексту торжественнаго обѣщанія членовъ Государственной Думы,— «хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому».

Конституціонно-демократическая партія пастаивала на включеніи въ текстъ адреса указанія на конституціонный образъ правленія. Октябристы высказывались противъ этого предложенія, но въ своихъ рѣчахъ опредѣляли новый строй конституціоннымъ. Націоналисты полагали необходимымъ включить въ текстъ адреса попятіе Самодержавія, а новый государственный строй именовали представительнымъ образомъ правленія. По этому поводу предсѣдатель фракціи Балашевъ указалъ (I,1,158): «Мы желаемъ и желали включить слово «Самодержавный» въ текстъ адреса, ибо слово это, освященное вѣками, подтвержденное государственными закопами и, господа, столь недавно торжественно всѣми вами принятое подписаніемъ обѣщанія, составляетъ неотъемлемую часть титула русскаго Монарха, и пустота, образованная ея выпускомъ, ничѣмъ не можетъ быть восполнена. Второй вопросъ, на которомъ партія считаетъ необходимымъ остановиться, это вопросъ о толкованіи словъ «обновленный актомъ 17 октября государственный строй». Мы только что слышали съ этой каѳедры мнѣніе, что подъ словами «обновленный строй» подразумѣвается строй конституціонный. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться мы никоимъ образомъ не можемъ. Несомнѣнно, что актомъ 17 октября, великою Государевой милостью намъ дарованнымъ, строй нашъ существенно измѣнился, ибо дарованы были избранникамъ парода вмѣстѣ съ реорганизованнымъ Государственнымъ Совѣтомъ законодательныя функціи и тѣмъ положено основаніе представительному образу правленія въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отмѣтить, что конституція, въ смыслѣ западно-европейскомъ, у насъ не существуетъ, и поэтому подъ словами: «обновленный государственный строй» мы конституціи не признаемъ и не подразумѣваемъ».

Эти взгляды націоналистовъ развивали и другіе ораторы фракціи. Такъ, Синадино (I,1,195), излагая моменты прохожденія законопроектовъ, полагалъ, что новый «путь возникновенія, утвержденія и исполненія законовъ, не нарушая Самодержавной Власти Государя Императора, предоставляетъ лишь безусловную гарантію цѣлесообразности и полезности вводимыхъ новыхъ законовъ. А посему начало Самодержавія нынѣ не только не умалено, а, напротивъ того, вящше укрѣплено въ смыслѣ полнаго единенія и непосредственнаго общенія народа, въ лицѣ его законныхъ представителей, съ Государемъ Императоромъ».

Опредѣляя государственный строй Россіи, какъ самодержавный и представительный, націоналисты никогда, однако, не отождествляли Самодержавіе съ абсолютизмомъ. По ихъ убѣжденіямъ, представительный образъ правленія долженъ быть незыблемымъ. Только этотъ строй даетъ безусловную гарантію, какъ сказалъ Синадино, цѣлесообразности и полезности

новыхъ законовъ. Только законодательная власть представительныхъ учрежденій можетъ оградить Россію отъ осужденныхъ исторіею пріемовъ бюрократическаго управленія».

Какъ же совмѣщаются, по ученію націоналистовъ, какъ бы противоположныя другъ другу, понятія Самодержавія и народнаго представительства? Не понимаютъ ли націоналисты подъ словомъ Самодержавіе лишь исторический титулъ Верховной Власти, не имѣющій никакого реальнаго содержанія. На этотъ вопросъ націоналисты дали опредѣленный отвѣтъ при обсужденіи запроса объ изданіи правилъ 24-го августа 1909 г. Половцовъ объяснилъ (III, 3, 2494—2503), что русскій государственный строй представляется своеобразнымъ строемъ и именуется націоналистами—самодержавно-представительнымъ; къ этому строю не могутъ примѣняться общія конституціонныя начала. Самодержавная Власть никогда, ни въ какомъ актѣ не отказывалась отъ самодержавныхъ правъ. При нормальномъ теченіи жизни государства дѣйствуетъ, какъ незыблемое правило, что ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ согласія законодательныхъ учрежденій. Но, если государственная жизнь стала на опасный путь, напр., на путь борьбы между Верховной Властью и народнымъ представительствомъ, какъ это было во времена первой и второй Государственныхъ Думъ, должна ли Верховная Власть уступить, держась принципа «fiat justitia, pereat mundus», или же тогда, и только тогда, должны дѣйствовать правомочія Верховной Самодержавной Власти.

Къ послѣднему убѣжденію и примыкаютъ націоналисты.

Такъ, когда въ Государственной Думѣ нѣкоторые ораторы опредѣляли манифестъ 3-го іюня 1907 г. объ измѣненіи избирательнаго закона, какъ торжество силы надъ правомъ, графъ Бобринскій 2-й сказалъ (I, 1, 204): будемъ благодарить своего Государя и за то, что Самодержавной Властью Своею Онъ хранитъ и блюдетъ народное представительство. Въ то время, какъ сила, власть и дерзость демагоговъ... низвели вторую Государственную Думу до послѣдней бездны паденія, въ то время, когда народное представительство уже погибло во мнѣніи страны, Самодержавный Государь явилъ свое Самодержавіе и спасъ народное представительство. И это Самодержавіе остается во благо страны и во благо народнаго представительства... Это было не торжество силы надъ правомъ. Это было торжество совѣсти Царской надъ буквой закона».

Тотъ же графъ Бобринскій 2-й объяснилъ, почему націоналисты отрицательно относятся къ слову—конституція. Онъ сказалъ (III, 204—205): «Партія народной свободы предлагаетъ намъ прибавить къ опредѣленію новаго строя» слово «конституція». Тутъ уже и профессоръ Вязигинъ и дру-

гіе ораторы говорили, сколь неопредѣленно это выраженіе; но оно неопредѣленно быть можетъ для нѣкоторыхъ только, но мы, которые слѣдили въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ за тѣмъ, что дѣлала партія народной свободы и какъ она понимаетъ слово «конституція»—для насъ это слово совершенно ясно и понятно. Когда Государь Императоръ издалъ манифестъ Свой отъ 17-го октября, въ то время засѣдалъ кадетскій съѣздъ, и вмѣсто словъ благодарности, вмѣсто того, чтобы сказать: мы привѣтствуемъ этотъ манифестъ и за нимъ идемъ—этотъ съѣздъ нагло потребовалъ учредительнаго собранія... Въ то время, когда улица бушевала, когда рвались на клочки портреты нашего Государя и ругали все русское и честное, все то, что мы почитаемъ своимъ, партія народной свободы поддерживала улицу и посылала депутаціи къ графу Витте требовать дальнѣйшихъ уступокъ толпѣ. Когда были изданы Основные Законы 23-го апрѣля, вспомните, какой вопль негодованія раздался въ лѣвой прессѣ, и особенно въ кадетской. Вспомните, господа, конституціоналистовъ-демократовъ первой Государственной Думы, которые на основаніи катехизиса Кизеветтера московскаго, страница 71, руководили первой Государственной Думой. Первая Государственная Дума—это было сплошное нарушеніе Основныхъ Законовъ... скажу только одно: пока вы слово «конституція» не очистите отъ той грязи, лжи и крови, которыми вы его покрыли, оно для насъ непріемлемо».

По тому же вопросу Половцовъ указываетъ (III, 3, 2495—2496): «Намъ говорятъ, что нашъ строй конституціонно-монархическій. Но вѣдь, гг., все, что говорится съ этой трибуны, это должно быть доказано. Первымъ доказательствомъ относительно того или другого значенія государственныхъ институтовъ должны быть, разумѣется, законодательные акты. Прочитайте вы всѣ современные акты, прочитайте акты, предшествующіе созданію современнаго строя, и вы нигдѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ, ни въ серединѣ не найдете слова «конституція»; слѣдовательно, разъ этого слова «конституція» въ законодательныхъ актахъ нѣтъ,—оно взято откуда-то извнѣ, оно вынесено, какъ построеніе чисто теоретическое, оно взято изъ книжки. Но вѣдь не книжка создаетъ государственный строй, а государственный строй долженъ отражаться въ книжкѣ, какъ въ зеркалѣ; и ученыя изслѣдованія—я говорю, ученыя, разумѣется, я не причисляю къ этому различныя полуученыя кадетскія компиляціи, я говорю настоящія ученыя изслѣдованія—они констатируютъ жизнь, а не позволяютъ себѣ притаскивать за волосы жизненныя явленія и втискивать его въ готовыя формы, не для него приготовленныя. И вотъ, я спрашиваю тѣхъ изслѣдователей, которые говорили о господствѣ у насъ конституціонной монархіи: гдѣ это видано, чтобы въ конституціонной монархіи вдругъ былъ Самодержавный Государь. А вѣдь по ст. 4 Зак. Осн. оказывается, что

«Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться власти Его не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ». Читайте вы другіе законодательные акты, относящіеся къ велѣніямъ предшествующимъ: во всѣхъ манифестахъ, которыми сопровождалось изданіе различныхъ актовъ, мы на первой же страницѣ въ заголовкѣ находимъ слѣдующія слова: «Божіею Милостью Мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій». Итакъ, гг., мы видимъ, что вопросъ о господствѣ у насъ Самодержавной власти не подлежитъ никакому сомнѣнію. По ближайшемъ знакомствѣ съ закономъ не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что у насъ господствуютъ и представительныя учрежденія, а потому наше заявленіе, что строй нашъ долженъ именоваться самодержавно-представительнымъ, является, съ нашей точки зрѣнія, доказаннымъ, на основаніи существующихъ законовъ».

б) Государственная Дума и правительство.

Третья Государственная Дума четыре года имѣла предъ собой одно правительство съ П. А. Столыпинымъ во главѣ. Когда покойный предсѣдатель Совѣта Министровъ изложилъ въ Государственной Думѣ правительственную программу, націоналисты изъявили готовность работать совмѣстно съ правительствомъ. Графъ Бобринскій сообщилъ мнѣніе фракціи по этому вопросу (I, 1, 312—316): «Правительство сегодня обратилось къ намъ съ яснымъ изложеніемъ своей программы и съ указаніемъ на тѣ законодательныя работы, которыми оно насъ проситъ заняться въ ближайшемъ будущемъ. Мы не можемъ не отнестись внимательно къ призыву правительства къ намъ, къ призыву къ совмѣстной законодательной работѣ, къ выполненію прямого назначенія Государственной Думы, того назначенія, для котораго призвалъ насъ сюда нашъ Государь и избрала насъ страна. И Дума не оставитъ безъ отвѣта призывъ правительства не оттого, конечно, что мы обязаны отвѣтомъ передъ министрами, но оттого, что мы обязаны отвѣтомъ передъ страной, которая уже два года истомилась въ тщетномъ ожиданіи, когда же, наконецъ, на дѣлѣ, въ работѣ осуществится народное представительство, дарованное намъ мудрымъ изволеніемъ нашего Самодержавнаго Монарха... Отвѣтъ нашъ можетъ быть только одинъ—это дружная безпартійная работа надъ тѣмъ матеріаломъ, который накопился. Само собой разумѣется, что работа эта будетъ совмѣстной и дружной съ правительствомъ, помимо всякихъ соображеній о нашемъ сочувствіи, о нашемъ довѣріи или недовѣріи тому или иному министру или же всему министерству въ совокупности. Мы будемъ

помогать министрамъ, потому что они облечены довѣріемъ нашего Государя, а они будутъ намъ помогать оттого, что мы избраны страной по зову того же Государя, и одинаково съ правительствомъ мы преданы нашему Государю, одинаково желаемъ возстановленія счастья, процвѣтанія и величія оскорбленнаго, измученнаго, истощеннаго смутами отечества нашего. Сочетаніе административной опытности, трудолюбія и осторожности правительства съ нашимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и нуждъ, сочетаніе нѣсколько бездушнаго и рутиннаго бюрократическаго порядка съ иногда порывистыми нашими стремленіями впередъ—вотъ залогъ успѣха нашей работы въ третьей Государственной Думѣ... На этомъ пути насъ ожидаетъ спокойная, вдумчивая, осторожная, но, тѣмъ не менѣе, прогрессивная работа, конечно, совмѣстно съ правительствомъ во исполненіе вѣрной нашей службы передъ Царемъ. Служба эта соотвѣтствуетъ вполнѣ служенію нашему отечеству. Не мы отечество, какъ говорилось съ этой каѳедры нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а отечество—это необъятная Россія отъ Вислы до Тихаго океана, а единство, честь и мощь отечества олицетворяется въ особѣ нашего Государя, и, служа Царю, мы служимъ Россіи, и служа Россіи, мы служимъ Царю. Итакъ, преданность нашему Монарху и Россіи предрѣшаетъ отвѣтъ, который мы сегодня дадимъ. Мы скажемъ просто и ясно. Мы съѣхались сюда не для борьбы съ правительствомъ, а въ помощь ему. Мы знаемъ, что наши труды безъ содѣйствія правительства ничтожны, а работа министровъ безъ нашего содѣйствія совершенно безплодна. Мы знаемъ, какія невѣроятныя трудности пришлось преодолѣть правительству и не только высшему, но и властямъ на мѣстахъ, чтобы провести государственный корабль благополучно черезъ бури крамолы, черезъ ураганы разнузданныхъ страстей и преступнаго, кровавого безумія, раздиравшихъ потрясенную своимъ несчастіемъ и позоромъ Россію. И приговоръ исторіи уже ясенъ. На страницахъ своихъ онъ воздастъ мужественнымъ и честнымъ исполнителямъ долга, отъ городового до министра, отъ рядового до генерала, многіе изъ которыхъ положили жизнь свою на стезѣ чести. Исторія воздастъ и тѣмъ, которые, несмотря на тяжесть и опасность своего положенія, ежедневно, безсмѣнно, цѣлыми годами, не только смѣло смотрѣли въ глаза лютой смерти, но и перестрадали страданія своихъ израненныхъ дѣтей».

Признавая залогомъ будущаго преуспѣянія родины дружную работу Государственной Думы совмѣстно съ правительствомъ, націоналисты, однако, не связывали своей дѣятельности правительственной программой и, при несогласованности дѣйствій представителей правительства съ вѣрованіями націоналистовъ, отстаивали свою полную самостоятельность. Такъ поступали націоналисты при обсужденіи запросовъ, о чемъ будетъ указано

ниже; а также при выступленіяхъ правительства, противорѣчащихъ убѣжденіямъ націоналистовъ. Такъ, напр., Министерство путей сообщенія протестовало противъ заявленія бюджетной комиссіи—о незаконности титула ассигнованія по штатамъ вѣдомства и считало этотъ кредитъ забронированнымъ, недопускающимъ уменьшенія въ смѣтномъ порядкѣ. Графъ Бобринскій (I, 2, 1621), считая возраженія вѣдомства неправильными, умаляющими бюджетныя права Государственной Думы:—предложилъ реально проявить свой протестъ противъ незаконныхъ притязаній правительства и сократить кредитъ на одинъ рубль. Къ этому «конституціонному рублю графа Бобринскаго», какъ говорили въ печати, сначала отнеслись даже насмѣшливо. Но когда этотъ рубль былъ вычеркнутъ изъ смѣты Государственнымъ Совѣтомъ и смѣта съ такимъ сокращеніемъ была утверждена Верховной Властью,—эта ничтожная сумма оказала, можетъ быть, большее вліяніе на упорядоченіе бюджетнаго дѣла, чѣмъ другія сокращенія въ десятки тысячъ рублей. Точно также, когда по запросу націоналистовъ о незакономѣрности дѣйствій морского министерства при постройкѣ крейсера «Рюрикъ» товарищъ морского министра сталъ отрицать право Государственной Думы имѣть надзоръ за дѣятельностью министерства по постройкѣ судовъ, Крупенскій (I, 3, 1208—1209) заявилъ протестъ противъ нарушенія правъ Государственной Думы и, по предложенію предсѣдателя фракціи Балашева, при поддержкѣ октябристовъ и правыхъ, объясненія правительства были признаны неудовлетворительными. Рѣзкій протестъ противъ нарушенія правъ Государственной Думы выразили націоналисты, совмѣстно съ октябристами и правыми, и по поводу грубой выходки представителя Кавказскаго намѣстника барона Нольде, позволившаго себѣ оскорбительно отозваться объ одномъ изъ членовъ Государственной Думы. Протестъ этотъ и выразился въ преждевременномъ закрытіи засѣданія Государственной Думы, принятомъ по слѣдующему мотивированному предложенію: (II, 1, 2575—2576): «въ вечернемъ засѣданіи 10-го декабря 1908 г. представитель намѣстника Его Величества на Кавказѣ баронъ Нольде позволилъ себѣ послѣ рѣчи представителя Бессарабской губ. сказать слѣдующее: «Я считаю себя обязаннымъ протестовать отъ всей души противъ тѣхъ клеветъ, которыя позволилъ себѣ представитель Бессарабской губ. здѣсь. Онъ позволилъ себѣ обвинить людей и неуважительно отнестись къ намѣстнику Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, человѣку, который пользуется огромнымъ, со стороны всѣхъ знающихъ его лицъ, уваженіемъ, позволилъ себѣ клеветать на людей, у которыхъ онъ недостоинъ развязать ремешка». Полагая, во-первыхъ, что вышеприведенныя слова содержатъ въ себѣ несомнѣнное оскорбленіе Государственной Думы, и во-вторыхъ, что такое оскорбленіе исходитъ отъ представителя

правительства, т.-е. отъ лица поставленнаго къ дискреціонной власти г. Предсѣдателя Государственной Думы въ особое отношеніе, Государственная Дума протестуетъ противъ оскорбленія одного изъ своихъ членовъ со стороны представителя власти и проситъ г. Предсѣдателя Государственной Думы закрыть сегодняшнее засѣданіе».

Интересно отмѣтить, что лѣвая треть Государственной Думы не только не присоединилась къ этому протесту въ огражденіе достоинства Государственной Думы, но даже выразила свое одобреніе словамъ барона Нольде аплодисментами (I, 3, 2560).

Относясь ревниво къ огражденію правъ и достоинства Государственной Думы противъ попытокъ нѣкоторыхъ представителей правительства, націоналисты не позволяли себѣ, съ другой стороны, несправедливо сваливать на правительство всю отвѣтственность за ходъ государственной жизни въ Россіи. Такъ, напр., когда при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, съ разныхъ сторонъ посыпались обвиненія правительству по поводу якобы его бездѣйствія въ смыслѣ проведенія реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, от. Г е п е ц к і й въ отвѣтъ на эти обвиненія заявилъ (II, 2, 2360—2364): «когда приходилось слушать вопросы, обращенные (указываетъ на министерскую ложу) къ этимъ кресламъ, вопросы, которые постоянно раздаются по всякому удобному и неудобному случаю: гдѣ обѣщанныя реформы, гдѣ блага манифеста 17-го октября, что дѣлаетъ правительство съ нашими пожеланіями, которыя мы выражаемъ при разныхъ случаяхъ, то, признаюсь откровенно, я испытывалъ большое смущеніе и неудоумѣніе. Мнѣ казалось: неужели въ самомъ дѣлѣ наше положеніе, положеніе законодательнаго учрежденія, настолько безпомощно, настолько безнадежно, что намъ именно только и остается, что задавать по каждому случаю одни и тѣ же вопросы по направленію (указываетъ на министерскую ложу) къ этимъ скамьямъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ доселѣ еще неизвѣстно, что именно мы, народные представители, призваны для того, чтобы осуществить обѣщанныя съ высоты Престола реформы; именно мы обязаны осуществить и манифестъ 17-го октября? Вѣдь всѣмъ должно быть извѣстно, что манифестъ 17-го октября возвѣстилъ лишь общіе, такъ сказать, голые принципы; это есть сосудъ, который ждетъ своего заполненія. Но именно влить извѣстное содержаніе въ этотъ сосудъ, именно влить извѣстное содержаніе въ эти принципы, которые были возвѣщены манифестомъ 17-го октября, это есть совмѣстная съ правительствомъ обязанность народнаго представительства, а вовсе не одного правительства, которое, какъ вы сами знаете, если бы и могло осуществить эти реформы, то только въ порядкѣ ст. 87. Намъ часто говорятъ, что мы задаемъ подобные вопросы именно потому, что пра-

вительство не идетъ намъ навстрѣчу, что правительство ничего не дѣлаетъ, что, наоборотъ, со стороны правительства мы встрѣчаемъ только одно противодѣйствіе; намъ говорятъ, что правительство нисколько не идетъ навстрѣчу намъ по пути тѣхъ реформъ, которыя мы желали бы дать странѣ. Но будемъ справедливы, будемъ объективны, посмотримъ, что сдѣлало правительство въ теченіе истекшаго года для исполненія нашихъ пожеланій, и что сдѣлали мы для исполненія нашихъ обязанностей. Но только, конечно, подойдемъ къ разрѣшенію этого вопроса съ полной откровенностью, съ полной справедливостью. Не трудно видѣть, что правительство, во исполненіе нашихъ пожеланій, почти отвѣтило на всѣ наши деклараціонныя указанія внесеніемъ соотвѣтствующихъ законопроектовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ весьма крупное значеніе, охватывающее всѣ стороны нашей жизни, которые касаются широкихъ круговъ населенія. Но если доселѣ, до даннаго момента ни одна изъ этихъ крупныхъ реформъ, касающихся широкихъ слоевъ населенія, не получила своего осуществленія, ни одно изъ крупныхъ законодательныхъ предположеній не воспріяло своей силы, то я съ полной откровенностью и чистосердечно, спрашиваю, при чемъ же здѣсь правительство, на голову котораго депутатъ Аджемовъ призывалъ всѣ громы? Что же, правительство препятствовало намъ работать? Что же, правительство въ данномъ случаѣ препятствовало намъ меньше говорить, а больше посвящать комиссіонной работѣ, именно той работѣ, гдѣ осуществляется возможность поскорѣе замѣнить старые законы новыми законами? Что же, спрашивается, правительство въ этомъ направленіи ставило намъ какія-либо преграды? Я думаю, что въ этомъ направленіи мы не встрѣтили ни съ чьей стороны никакого препятствія поскорѣе двинуть нашу законодательную работу и въ этомъ направленіи я долженъ сказать, что правительство съ своей стороны сдѣлало все, что могло. Г.г., я съ полной откровенностью вамъ говорю, что если бы правительство въ настоящій моментъ выступило сюда, на эту трибуну, и въ отвѣтъ на тѣ обширныя деклараціонныя рѣчи, которыя оно слышало съ этой стороны, сказало бы намъ: чего вы хотите, народные представители? вѣдь вы въ прошломъ году говорили о томъ, что народъ нашъ находится на самой низкой ступени своего культурнаго развитія, но вѣдь мы уже и внесли вамъ, въ теченіе этого года, соотвѣтствующій законопроектъ о введеніи всеобщаго обученія. Почему онъ не введенъ въ жизнь, развѣ мы виноваты въ этомъ? Я, г.г., не былъ бы нисколько удивленъ, если бы правительство въ отвѣтъ на тѣ указанія, которыя были сдѣланы, что реформа мѣстнаго самоуправленія неудовлетворительна, правительство сказало бы: да, мы поспѣшили внести вамъ соотвѣтствующій законопроектъ по реформѣ мѣстнаго самоуправленія; если бы правительство заявило намъ въ отвѣтъ

на тѣ указанія, что судъ несовершенъ, отвѣтило бы: да мы внесли вамъ законопроектъ о реформѣ мѣстнаго суда. Или взять, хотя бы, указанія относительно исключительныхъ положеній; вѣдь въ самомъ дѣлѣ въ настоящій моментъ таковое положеніе уже разсматривается въ комиссіи о неприкосновенности личности. Такъ вотъ сдѣлайте же напряженіе своей силы воли, затѣмъ откажитесь отъ привычки говорить почти по каждому законопроекту съ этой трибуны, откажитесь отъ манеры по каждому маленькому законопроекту возбуждать большіе принципіальные вопросы, и, несомнѣнно, у насъ времени будетъ достаточно для того, чтобы построить тотъ дворецъ народнаго счастья, который никогда не можетъ быть построенъ, если мы только будемъ говорить, говорить безъ конца».

Общее отношеніе націоналистовъ къ правительству, за нѣкоторыми исключеніями, можно было опредѣлить, какъ стремленіе къ дружной совмѣстной съ нимъ работѣ на пользу національнаго обновленія государства.

П. А. Столыпинъ палъ на своемъ посту. Трагическая смерть этого великаго государственнаго дѣятеля послѣдовала при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, что Государственная Дума не могла не потребовать самаго тщательнаго разслѣдованія дѣла.

Націоналисты предъявили запросъ правительству и поручили обосновать запросъ Алексѣеву.

Алексѣевъ сказалъ слѣдующее (V, 1, 60—63): «Россію постигло національное горе. Жгучее, острое чувство боли, скорби, гнѣва и негодованія заставило вздрогнуть и сжаться русское сердце. И въ этотъ моментъ, казалось бы, ничто не должно было омрачить народнаго траура по крайней мѣрѣ здѣсь въ этомъ залѣ. Но мы только что сейчасъ были свидѣтелями выступленія депутата Нисселовича. Онъ призывалъ, г.г., насъ, а его другъ и собратъ депутатъ Родичевъ милостиво на «своемъ мечѣ правды» заранѣе давалъ отпущеніе нашимъ грѣхамъ. Г.г. члены Государственной Думы, не лучше ли бы г.г. Родичевымъ вспомнить о 1904 г., когда они устами своего лидера клялись о другомъ, когда они давали свое благословеніе на терроръ всѣмъ тѣмъ, при видѣ которыхъ теперь они, г.г., стараются сказать, что они здѣсь не при чемъ. И понятно, г.г. члены Государственной Думы, что революція, которая была изъ подполья вызвана на свѣтъ Божій, революція, которая развѣнчана талантомъ почившаго П. А. Столыпина съ присущимъ ему благородствомъ, эта революція сегодня празднуетъ здѣсь и справляетъ тризну надъ тѣнью и свѣтлой памятью П. А. Столыпина.

Богомъ отмѣченный, съ печатью генія на челѣ, облеченный Высочайшимъ довѣріемъ и всею полнотою власти, этотъ свѣтлый, могучій человѣкъ твердой русской національной рукой взялъ руль и повелъ государственный

корабль по русскому національному руслу и не обращалъ вниманія ни на завыванія, ни на нападки, ни «на кровавыя капли евреевъ», которыми была орошена, по словамъ депутата Нисселовича, та грозная волна, которая старалась подмыть П. А. Столыпина, когда онъ стоялъ съ высоко поднятой головой на этой каѳедрѣ.

Запугать не запугали, такъ предательски убили и теперь справляютъ тризну.

Г.г., вамъ непонятны три клада, которыми дышалъ и жилъ великій русскій націоналистъ П. А. Столыпинъ: вѣра въ Бога, любовь и вѣра въ Россію и беззавѣтная преданность Государю. Онъ свято вѣрилъ въ промыселъ Божій и неисповѣдимые пути Его. Онъ говорилъ: «что мнѣ предназначено, я совершу, несмотря ни на какія препятствія, а что мнѣ не назначено, то я не совершу, несмотря ни на какія ухищренія». Онъ вѣрилъ въ Россію, въ ея творческую силу, онъ говорилъ: «иначе я не могъ бы жить, иначе я не могъ бы дѣйствовать». Онъ, г.г., былъ беззавѣтно преданъ Государю; онъ говорилъ, что русскимъ можетъ называться лишь тотъ, кто желаетъ обновить, просвѣтить и возвеличить Россію, кто во всякое время готовъ не на жизнь, а на смерть служить своему Государю, олицетворяющему Россію. И, г.г., когда здѣсь впервые звучали призывы П. А. Столыпина къ дружной совмѣстной работѣ, когда (обращаясь влѣво) ваши друзья были господами положенія, я говорю о первой и второй Государственной Думѣ, раздавались слова, безусловно пророческія, о томъ, что родной цвѣтокъ расцвѣтетъ, развернется подъ взаимодѣйствіемъ Верховной Власти и дарованнаго представительнаго строя. И вотъ идетъ теперь атака на этотъ представительный строй, открыто проявляется стремленіе наглой рукой сорвать, затоптать этотъ священный для насъ всѣхъ русскихъ родной цвѣтокъ. И, г.г., развѣ не понятно, какъ болѣетъ и скорбитъ наша душа, какъ больно намъ слышать заявленія, подобныя заявленіямъ г.г. Нисселовичей и Родичевыхъ?

Національная русская фракція, всемѣрно осуждая терроръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не выразить своего полнаго негодованія и осужденія современнаго состоянія охраны. Судите сами,—жизнь главы правительства, въ то же время министра внутреннихъ дѣлъ, начальника полиціи, ввѣряется еврею Мордкѣ Гершовичу Богрову. А депутатъ Нисселовичъ обращается съ какими-то непонятными претензіями къ депутату Гучкову, съ какими-то упреками; зачѣмъ вы не скрыли еврейскаго происхожденія Богрова и его имени Мордки Гершовича, зачѣмъ вы возбуждаете національную рознь и вражду. Онъ даже заявляетъ, что этотъ г. Богровъ не еврей. Нѣтъ, г.г., мы имѣемъ неопровержимый фактъ, безспорно устанавливающій еврейское

происхожденіе Богрова: раввинъ, присутствовавшій при его казни и послѣднихъ минутахъ, выступилъ въ печати съ извѣстнымъ уже вамъ заявленіемъ относительно поведенія преступника. Такимъ образамъ, еврейское происхожденіе этого господина несомнѣнно и безспорно. Мы глубоко возмущены и тѣмъ, что, несмотря на то, что цѣлымъ рядомъ уголовныхъ процессовъ несомнѣнно установлена преступная, мерзкая и отвратительная роль евреевъ въ русской революціи, охрана не отказывается и не отказалась до сихъ поръ отъ услугъ г.г. Богровыхъ и ему подобныхъ.

Мы глубоко возмущены и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ должностнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ охраной на кіевскихъ торжествахъ были предоставлены всѣ средства, полнота власти и особыя исключительныя полномочія, отпущены были необходимыя денежныя средства въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе въ послѣднюю минуту прибѣгли къ услугамъ г. Богрова, и злодѣяніе было совершено. Мы болѣе всего негодуемъ, возмущаемся тѣмъ, что П. А. Столыпинъ палъ отъ руки презрѣннаго злодѣя въ присутствіи Государя Императора въ театрѣ. Мы глубоко скорбимъ и возмущаемся дерзновеннымъ заявленіемъ именно о той пропорціи, о которой здѣсь такъ краснорѣчиво повѣдалъ вамъ сегодня Родичевъ, дерзновеннымъ заявленіемъ Богрова, будто бы онъ помышлялъ посягнуть на драгоцѣнную Особу Государя Императора, и что только одна боязнь погрома его сородичей-евреевъ остановила его дерзновенную святотатственную руку.

Г.г., мы свято помнимъ слова П. А. Столыпина, который здѣсь, стоя на каѳедрѣ, говорилъ: «если кѣмъ либо изъ должностныхъ лицъ совершены какія нибудь въ области служебнаго долга упущенія, тотъ долженъ дать отвѣтъ по всей силѣ и строгости закона». И мы знаемъ, что это не были слова. Поэтому мы, г.г., взываемъ теперь къ правосудію, мы, русскіе націоналисты, предлагаемъ Государственной Думѣ обратиться къ правительству съ категорическимъ заявленіемъ, чтобы надъ всѣми должностными лицами, причастными къ прискорбному событію 1 сентября, было произведено самое строгое разслѣдованіе и чтобы они, независимо отъ занимаемаго ими положенія, понесли судебную кару по всей строгости и силѣ закона. Мы безусловно осуждаемъ современное состояніе охраны и обращаемся къ правительству, призывая его къ коренной реорганизаціи охраны. Поэтому мы имѣемъ честь обратиться къ Государственной Думѣ съ предложеніемъ—предъявить министру внутреннихъ дѣлъ и министру юстиціи, на основаніи ст. 33 Учр. Государственной Думы, слѣдующій запросъ: «1) Извѣстно ли министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи о преступномъ бездѣйствіи должностныхъ лицъ, которымъ была ввѣрена охрана Священной Особы Государя Императора, Его Августѣйшей Семьи и представителей высшаго правитель-

ства и которыя, несмотря на предоставленныя имъ полноту власти и достаточныя денежныя средства, допустили въ присутствіи Монарха убійство главы правительства служившимъ въ охранной полиціи евреемъ Богровымъ; 2) какія мѣры принимаютъ министры для выясненія степени виновности указанныхъ должностныхъ лицъ въ цѣляхъ неуклоннаго примѣненія къ нимъ судебной кары по всей строгости уголовныхъ законовъ; 3) предполагаетъ ли правительство приступить къ преобразованію охраны въ виду выяснившейся полной ея несостоятельности?» Просимъ признать настоящій запросъ спѣшнымъ.

Запросъ этотъ былъ принятъ Государственной Думой.

Смерть П. А. Столыпина вызвала рядъ сомнѣній въ политическихъ кругахъ. Какъ поступитъ преемникъ его? Будетъ ли онъ продолжать политику національную или вернется къ прежней бюрократической системѣ невмѣшательства въ національные вопросы? Распространились тревожные слухи. Въ изданіяхъ повременной печати, какъ русской, такъ и заграничной появились интервью съ В. Н. Коковцовымъ. Въ газетныхъ статьяхъ программа В. Н. Коковцова опредѣлялась, какъ рѣшительный поворотъ съ національнаго русла.

Націоналисты, на первомъ собраніи фракціи, при обсужденіи вопроса объ отношеніяхъ къ правительству, рѣшили занять выжидательную позицію. И лишь, когда В. Н. Коковцовъ, по поводу финляндскихъ законовъ, заявилъ о безусловной преемственности его программы съ дѣятельностью П. А. Столыпина, націоналисты рѣшили поддерживать его.

По порученію фракціи Шульгинъ объяснилъ (V, 1, 737—738): «Мнѣ кажется совершенно ясно, что фракція, къ которой я имѣю честь принадлежать, будетъ голосовать за настоящій (о равноправіи русскихъ съ финляндцами) законъ. Тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ своимъ сказать нѣсколько словъ отъ лица той фракціи, къ которой я имѣю честь принадлежать. Бываютъ, г.г., такія минуты въ этомъ залѣ, когда здѣсь дѣлается исторія. Бываютъ минуты, когда переворачиваются страницы той большой книги, которую Карамзинъ рекомендовалъ ко всеобщему употребленію. Такой день именно сегодня. Послѣдняя страница послѣднихъ лѣтъ Россіи лежала до сегодняшняго дня неперевернутая. Ее дописалъ своею кровью П. А. Столыпинъ,—П. А. Столыпинъ, который своею жизнью показалъ, что «Россія для русскихъ», а смертью показалъ, что «русскіе для Россіи». Послѣ этой неперевернутой страницы, въ теченіе этого мѣсяца съ недѣлями, какъ вы знаете, произошла цѣлая грандіозная трагикомедія. При помощи прессы, лживой, какъ всегда у насъ, ибо вы знаете, какая пресса у насъ въ Россіи, вокругъ этой страницы поднялся цѣлый рой недоразумѣній и всевозмож-

ныхъ осложненій. Всѣми силами, со страстью и любопытствомъ, которыя характеризуютъ извѣстное племя, старались заглянуть, что же тамъ написано на той другой страницѣ—и предсказывали, и говорили, и вкладывали въ уста и душу правительства то, что имъ хотѣлось, что бы тамъ было. Но вотъ, г.г., пришелъ день. Рѣшительной рукой правительство перевернуло окровавленную страницу, и оказалось, что все, о чемъ столько твердили въ еврейской печати за послѣдніе дни—ложь. Правительство совершенно рѣшительно стало на русскій берегъ. И, г.г., не тратя долгихъ словъ, я могу только сказать: «русская земля его поддержитъ».

в) Наблюденіе за закономѣрностью дѣйствій правительства.

Въ кругъ дѣятельности Государственной Думы входитъ чрезвычайно серьезная область надзора за закономѣрностью дѣйствій правительства. Государственной Думѣ предоставлено право запроса министрамъ по поводу дѣйствій ихъ самихъ или органовъ имъ подчиненныхъ, дѣйствій, представляющихся незакономѣрными. Это громадное полномочіе народныхъ представителей является однимъ изъ самыхъ важныхъ преимуществъ представительнаго строя. Это право гарантируетъ закономѣрность правительственной дѣятельности, ибо на всѣхъ органахъ власти тяготѣетъ обязанность, въ случаѣ подозрѣнія въ незаконности ихъ дѣйствій, дать публичный отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ народными представителями. Сужденія Государственной Думы по запросамъ не связаны никакими формальностями и рѣшенія ея основываются лишь на внутреннемъ убѣжденіи ея большинства. Когда между законодательнымъ учрежденіемъ и правительствомъ возникаютъ разногласія по вопросу объ оцѣнкѣ дѣйствій правительственныхъ органовъ и мнѣніе народныхъ представителей о незакономѣрности дѣяній основывается на рѣшеніи значительнаго большинства въ $^2/_3$ голосовъ,—этотъ споръ восходитъ на окончательно разрѣшеніе Верховной Власти.

Такія широкія полномочія народныхъ представителей возлагаютъ на нихъ, конечно, и серьезную отвѣтственность. Рѣшенія Государственной Думы по запросамъ могутъ имѣть авторитетное значеніе только тогда, когда они основаны на тщательномъ и всестороннемъ обсужденіи дѣла. Вотъ почему дѣятельность Государственной Думы по запросамъ не должна размѣниваться на мелочи повседневной жизни. Въ противномъ случаѣ Государственная Дума можетъ превратиться во вторую инстанцію въ путяхъ обжа-

лованія дѣйствій различныхъ низшихъ органовъ власти. Не говоря уже о томъ, что подобное положеніе совершенно не соотвѣтствуетъ ни назначенію, ни достоинству законодательнаго учрежденія, необходимо имѣть въ виду, что безпредѣльность мелкихъ споровъ о правахъ грозила бы заполонить всю дѣятельность Государственной Думы, и, сверхъ того, окончательное разрѣшеніе вопросовъ затянулось бы на безконечный рядъ лѣтъ. Какое же значеніе имѣли бы тогда рѣшенія Государственной Думы? Затѣмъ, если бы Государственная Дума отдавала значительную долю своего вниманія на обсужденіе запросовъ, не отразилась ли бы подобная неосмотрительность, весьма невыгодно на другой, главной сторонѣ ея дѣятельности—законодательной? Не стало ли бы тогда законодательное учрежденіе на ошибочный путь былыхъ врачей, борющихся съ внѣшними признаками болѣзни, а не съ коренными ея причинами?

Всѣ эти сомнѣнія Государственной Думѣ пришлось разрѣшить въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Представители лѣвыхъ партій затопили Государственную Думу своими запросами. Чего только не было въ ихъ заявленіяхъ? Жаловались они и на становыхъ приставовъ, и на земскихъ начальниковъ, и на рѣшенія судебныхъ мѣстъ, и на урядниковъ, и на сельскихъ старостъ и т. п. до безконечности. Почти всѣ свои запросы они считали спѣшными, требуя немедленнаго ихъ обсужденія во всей полнотѣ, безъ предварительной даже провѣрки въ комиссіяхъ. Что же служило основаніемъ ихъ запросовъ? Какія-нибудь удостовѣренныя событія, обоснованныя свѣдѣнія? Ничего подобнаго. Достаточно было пустить какой-нибудь слухъ въ кулуарахъ Государственной Думы, довольно было досужему репортеру помѣстить вздорную замѣтку въ лѣвой газетѣ, стоило получить члену Государственной Думы письмо отъ революціонера, обвиненнаго судомъ въ разбоѣ и грабежѣ,—и запросъ налицо, съ безконечными истерическими рѣчами на трибунѣ. Вся работа Государственной Думы пріостанавливается, все вниманіе народныхъ представителей сосредоточивается на нервирующихъ чудовищныхъ обвиненіяхъ власти въ звѣрскихъ поступкахъ.

Съ самаго же начала, осторожное первое большинство Государственной Думы, состоящее изъ октябристовъ, націоналистовъ и правыхъ, приняло мѣры для первоначальной провѣрки заявленій интерпеляцій. Запросы не признавались спѣшными и передавались на предварительное обсужденіе комиссіи. За крайне рѣдкими исключеніями, съ этого момента и заканчивалась острота возбужденнаго дѣла. При спокойномъ разсмотрѣніи подробностей заявленій интерпеляцій, весь вопросъ сводился или къ злонамѣренной ложности полученныхъ свѣдѣній или къ легкомысленной квалификаціи дѣяній со стороны иниціаторовъ запроса.

Но подобная репутація вздорности запросовъ, предъявляемыхъ лѣвыми, слагалась лишь постепенно, а, между тѣмъ, необъятное количество заявленій грозило совершенно затормозить дѣятельность Государственной Думы, приравнявъ ее къ полицейскимъ управленіямъ, уѣзднымъ съѣздамъ, духовнымъ консисторіямъ для всей Россіи. По этому поводу еще въ первую сессію Государственной Думы, въ отвѣтъ на предложеніе Маклакова принимать всякій запросъ, какъ дѣлали первыя двѣ Думы, Крупенскій указалъ (I,1,1970) на необходимость чрезвычайно осторожнаго отношенія къ запросамъ, не увлекаясь красивыми рѣчами ораторовъ: «Намъ нужно въ Думѣ снимать фотографію жизни, а не рисовать поэтическія картины». Ораторъ предупреждалъ Государственную Думу противъ опасности укоровъ, уже брошенныхъ первымъ Думамъ за ихъ легкомысленное увлеченіе запросами. Этотъ путь очень опасенъ, ибо можетъ затормозить законодательную дѣятельность Думы, стоитъ только забросать Государственную Думу мелкими запросами. Дума должна принимать запросы, касающіеся лишь самыхъ серьезныхъ сторонъ жизни, и не размѣниваться на обсужденіе мелочныхъ беззаконій, которыя творятся вездѣ, гдѣ только живутъ люди.

Это предупрежденіе Крупенскаго было оправдано послѣдующими событіями, и наконецъ, для большинства стало очевиднымъ упорное желаніе оппозиціи отвлечь все вниманіе Государственной Думы отъ законодательной ея дѣятельности путемъ обсужденія вздорныхъ запросовъ. Тогда большинство приняло новую мѣру борьбы—установивъ одно только въ теченіе недѣли вечернее засѣданіе для обсужденія запросовъ. Такимъ рѣшеніемъ гарантировалась возможность продолжать законодательную дѣятельность, отмежевавъ ее опредѣленными границами отъ запросовъ.

Оппозиція, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ сорвать продуктивную работу Государственной Думы, пыталась мстить большинству, обвиняя его представителей, какъ съ трибуны, такъ и на страницахъ печати, въ укрывательствѣ и попустительствѣ незакономѣрныхъ дѣяній, въ стремленіи атрофировать права Думы по надзору за дѣятельностью правительства. Въ этомъ отношеніи оппозиція, какъ всегда, не отказывалась отъ обычныхъ клеветническихъ пріемовъ борьбы.

Націоналисты всегда считали право запросовъ однимъ изъ существенныхъ преимуществъ представительнаго строя; но по ихъ мнѣнію, это право не должно быть трещеткой ночного сторожа, пугающею мелкихъ воришекъ и не страшной для крупныхъ хищниковъ; запросы должны звучать, какъ удары набатнаго колокола, должны тревожить общественную совѣсть, должны пробивать броню бюрократическаго равнодушія.

Руководясь такими взглядами на право запросовъ, націопалисты предъявляли сами, или поддерживали чужіе запросы лишь тогда, когда незакономѣрныя дѣйствія органовъ правительства касались весьма важныхъ интересовъ государства или общества. Такъ, напримѣръ, націопалисты предъявили запросъ морскому министру, когда при постройкѣ крейсера «Рюрикъ», была выдана иностранцамъ государственная тайна; націопалисты предъявили запросъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу изданія имъ циркуляра, отмѣняющаго дѣйствующія узаконенія о чертѣ еврейской осѣдлости; по поводу убійства П. А. Столыпина, по поводу нападеній на русскія войска въ Финляндіи; націопалисты участвовали въ запросахъ: о финляндскихъ дѣлахъ, когда угрожала опасность единству имперіи; по поводу изданія московскимъ генералъ-губернаторомъ Гершельманомъ незаконномѣрнаго обязательнаго распоряженія объ изданіяхъ, изъятыхъ изъ обращенія, чѣмъ существенно нарушались права частныхъ лицъ; въ запросѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ по поводу мѣръ, принимаемыхъ имъ къ устраненію медленности въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній объ уравненіи военно-финансовой тягости между населеніемъ Финляндіи и населеніемъ прочихъ мѣстностей государства; въ запросѣ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу непринятія со стороны подлежащихъ властей энергичныхъ мѣръ противъ развитія холерныхъ эпидемій; въ запросѣ министру торговли и промышленности по поводу сдачи генералу Сипявину участка нефтеносной земли съ явнымъ нарушеніемъ интересовъ казны; въ запросѣ военному министру по поводу незаконномѣрныхъ распоряженій мѣстныхъ властей области Войска Донского по сдачѣ въ аренду казачьихъ земель въ нарушеніе правъ казаковъ на землю, и т. д.

Всѣ указанные запросы и имъ подобные имѣли большое государственное или общественное значеніе, а потому и встрѣчали полную поддержку со стороны націоналистовъ.

Но, не одними запросами, по мнѣнію націоналистовъ, слѣдуетъ бороться съ переживаніями дореформеннаго строя. Запросъ—это только поводъ къ раскрытію даннаго, частнаго злоупотребленія. Но злоупотребленіе можетъ быть результатомъ самыхъ разнообразныхъ условій. Если незаконномѣрное дѣяніе явилось продуктомъ исключительно злой воли лица, его совершившаго, тогда, конечно, должно имѣть мѣсто лишь возмездіе. Но весьма часто злоупотребленіе обусловливается цѣлымъ рядомъ весьма сложныхъ явленій: или недостатками самой организаціи учрежденій, или недостатками только системы управленія, или, наконецъ, вкоренившимися традиціями и т. п. Со всѣми этими особенностями необходимо считаться и въ соотвѣтствіи съ ними слѣдуетъ предпринимать и мѣры борьбы.

Массовыя злоупотребленія, конечно и встрѣчаются въ средѣ самаго многочисленнаго состава чиновниковъ, среди низшихъ агентовъ власти. Эти постоянные повседневные уколы достоинства гражданъ, мелочныя покушенія на ихъ матеріальный достатокъ вызываютъ болѣе или менѣе справедливое недоброжелательство къ чиновничеству вообще, но никакіе хотя бы ежедневные запросы помочь дѣлу, однако, не въ состояніи. Неумѣстное высокомѣріе мелкихъ чиновъ, ихъ недобросовѣстность объясняются ихъ некультурностью, а наблюдаемое въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія корыстолюбіе—часто простымъ недостаткомъ средствъ. Все это и останавливало на себѣ вниманіе націоналистовъ. Чрезвычайное повышеніе цѣнъ всѣхъ продуктовъ настолько удорожило жизнь, что устарѣлые оклады содержанія низшихъ органовъ власти перестали быть привлекательными для людей болѣе или менѣе талантливыхъ. Государство оказалось не въ состояніи конкурировать съ развивающейся частной предпріимчивостью, захватившей на службу къ себѣ все наиболѣе выдающееся, благодаря повышенному содержанію.

Эти общія соображенія и заставляли націоналистовъ принимать всѣ мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія мелкаго чиновничества. Алексѣевъ, напримѣръ, по поводу законопроекта объ увеличеніи содержанія агентовъ таможенной службы (I, 3, 1827) приводитъ на справку размѣры получаемаго досмотрщиками содержанія, которое колеблется отъ 15 рублей въ мѣсяцъ; и спрашиваетъ, можно ли съ легкимъ сердцемъ бросать имъ упрекъ за мелкія злоупотребленія, когда, очевидно, семейный человѣкъ не можетъ просто существовать на подобный окладъ. Ораторъ указываетъ, что англійское законодательство вполнѣ справедливо караетъ не тѣхъ, кто воруетъ и беретъ взятки, а тѣхъ кто ставитъ ихъ въ такое безвыходное положеніе.

Томашевичъ (I, 2, 2581—2584) приводитъ подобные же примѣры по отношенію къ мѣстнымъ чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. По его предложенію принимается формула перехода, выражающая пожеланіе Государственной Думы о представленіи правительствомъ законопроекта о новыхъ штатахъ мѣстныхъ чиновъ вѣдомства, что и послужило потомъ поводомъ къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія въ законодательномъ порядкѣ. Тѣ же картины рисуетъ Тычининъ (II, 1, 2446—2449) изъ быта почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ (II, 3, 1656—1660). О томъ же ходатайствовали и другіе націопалисты, напримѣръ, гр. Бобринскій (III, 1, 3420), Павловичъ (III, 1, 3415—3416) и т. д.

Наиболѣе частыя столкновенія у обывателя происходятъ, конечно, съ агентами полиціи, чѣмъ и объясняются, съ другой стороны, и наиболѣе

многочисленныя на нее нарекапія. Съ точки зрѣпія обывателя казалось бы, стоитъ только замѣнить досадившаго ему чиновника полиціи другимъ лицомъ, а перваго отдать подъ судъ, чтобы водворилось полное спокойствіе въ его палестинѣ. Законодателю же, конечно, приходилось входить въ разсмотрѣніе общихъ условій полицейской службы въ Россіи. Эти общія условія и доказываютъ, что если запросъ можетъ содѣйствовать къ устраненію злонамѣреннаго чиновника полиціи, то все-таки никакіе запросы не въ состояніи обезпечить обывателю возможность пользоваться услугами исключительно добросовѣстныхъ агентовъ.

Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что чины полиціи настолько переобременены возложенными на нихъ обязанностями, что о вполнѣ добросовѣстномъ ихъ исполненіи не можетъ быть и рѣчи.

Тычининъ (II, 2, 2257—2264) приводитъ на выдержку то невѣроятное количество дѣлъ, часто совершенно не соотвѣтствующихъ полицейской службѣ, которыя возложены закономъ на чиновъ полиціи. Заваленные всевозможными порученіями всѣхъ вѣдомствъ, имѣющихся въ Имперіи, агенты полиціи, при всемъ своемъ желаніи, конечно, не могутъ отдаваться всецѣло службѣ по прямому своему назначенію, т.-е. по огражденію безопасности и благосостоянія гражданъ. Никакія частичныя измѣненія здѣсь не помогутъ. Необходима полная коренная реформа всей полицейской службы. По этимъ соображеніямъ ораторъ и предложилъ отъ имени націоналистовъ Государственной Думѣ—выразить пожеланіе о разработкѣ и представленіи въ ближайшее время проекта реформы полиціи, дабы она явилась учрежденіемъ дѣйствительно способнымъ охранять безопасность и благосостояніе гражданъ. Сущность реформы, по мнѣнію оратора, должна заключаться въ томъ, чтобы на полицію возложена была лишь прямая ея обязанность—по пресѣченію и предупрежденію преступленій, чтобы въ организацію полиціи были внесены начала гуманности и справедливости и, наконецъ, чтобы матеріальное положеніе чиновъ полиціи было обезпечено какъ содержаніемъ по службѣ, такъ и соотвѣтствующими пенсіонными окладами при выходѣ въ отставку.

Пожеланіе націоналистовъ объ ускореніи реформы полиціи было принято Государственной Думой въ видѣ формулы перехода по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и затѣмъ сдѣлалось уже ежегоднымъ припѣвомъ законодательнаго учрежденія при обсужденіи бюджета вѣдомства.

Внезапная смерть П. А. Столыпина задержала уже законченный проектъ этой необходимой реформы.

Сознавая всѣ недостатки полицейской дѣятельности въ государствѣ, націоналисты не забывали, однако, и самоотверженной службы агентовъ

полиціи во время борьбы съ безпощадными врагами русской государственности въ разгаръ революціи. Не тысяча, а много тысячъ полицейскихъ чиновъ поплатились жизнью или тяжкими увѣчіями во имя исполненія своего долга передъ обществомъ. Тысячи вдовъ и сиротъ остались послѣ нихъ безъ куска хлѣба въ виду несовершенства пенсіонныхъ законовъ. Гр. Бобринскій отъ имени націоналистовъ внесъ и защищалъ въ Государственной Думѣ (I, 1, 1804—1810) законопроектъ о вспомоществованіи жертвамъ революціи. Въ силу этого закона всякое лицо, пострадавшее отъ разбойническихъ дѣйствій революціонныхъ партій и лицъ, а также и ближайшіе родственники лица, состоящіе на его попеченіи, получали право на вспомоществованіе изъ государственнаго казначейства въ размѣрахъ, обезпечивающихъ ихъ существованіе, въ соотвѣтствіи съ ихъ общественнымъ положеніемъ. Такимъ путемъ исполненъ былъ великій долгъ государства передъ самоотверженными его слугами.

Признаніе Государственной Думой этого законопроекта націоналистовъ желательнымъ сопровождалось весьма важнымъ въ исторіи послѣднихъ лѣтъ актомъ. Въ первой и во второй Государственныхъ Думахъ умѣренные представители неоднократно возбуждали вопросъ о необходимости осудить кровавые ужасы революціи, но всѣ ихъ заявленія встрѣчали холодный отказъ со стороны оппозиціоннаго большинства. Только большинство третьей Государственной Думы оказалось на высотѣ государственнаго сознанія всей важности этого акта и приняло формулу, предложенную гр. Бобринскимъ (I, 1, 1874—1875), въ которой высказывалось, что Государственная Дума выражаетъ чувства тяжкой скорби и глубокаго негодованія по поводу террористическихъ актовъ, въ теченіе ряда лѣтъ препятствующихъ развитію страны, вносящихъ смуту и кровь въ русскую жизнь.

Не слѣдуетъ забывать, что эта формула была принята 8 февраля 1908 г., т.-е. въ моментъ полнаго дѣйствія террора; въ этомъ 1908 г. число террористическихъ актовъ достигло огромной цифры 7.732.

Революція же оставила послѣ себя и тяжелое наслѣдіе въ видѣ сохраненія въ силѣ различнаго вида исключительныхъ положеній. Необыкновенный подъемъ революціонной волны, а также и объединенная организованность преступныхъ сообществъ застали государственную власть въ моментъ полнаго ея развала и дезорганизаціи. Поэтому преемникамъ, хотя и полномочныхъ, но безумно боязливыхъ вершителей судебъ Имперіи пришлось использовать всѣ силы, могущія послужить къ спасенію государства и общества. Нормальные законы, созданные для урегулированія мирныхъ отношеній гражданъ между собой, оказались безсильными въ борьбѣ съ безчеловѣчными выступленіями революціонеровъ, вернувшихся къ пріе-

мамъ доисторическихъ варварскихъ народовъ. На войнѣ, какъ на войнѣ. Государство должно было стать на путь суровыхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью окончательно разбить революціонныя силы. Эти, подчасъ даже жестокія, мѣры приводили и къ быстрому разрушенію террористическихъ организацій, но, съ другой стороны, они стѣсняли и дѣятельность мирныхъ гражданъ.

Націоналисты вполнѣ сознавали, насколько обоюдоострымъ оружіемъ представляются мѣры, связанныя съ сохраненіемъ исключительныхъ положеній. «Мы безусловно не сторонники репрессіи для репрессіи, говорилъ Гр. Бобринскій въ томъ же 1908 г. (I, 1, 2540). Мы надѣемся и мы уже видимъ признаки лучшихъ дней, когда можно будетъ постепенно все это измѣнить, когда можно будетъ, наконецъ, осуществить принципы, изложенные въ Высочайшемъ манифестѣ 17 октября». Цитовичъ, указывая на необходимость продолженія борьбы съ остатками революціи, съ мародерами, оставшимися послѣ разбитыхъ революціонныхъ бандъ, говорилъ (I, 2, 2497—2498): «Правительство, безусловно, должно смотрѣть, чтобы тѣ чрезвычайныя положенія, которыя являются несомнѣнно орудіемъ опаснымъ какъ для тѣхъ, противъ кого они направлены, такъ, въ случаѣ неумѣнія или можетъ быть злоупотребленій, и для тѣхъ, кто ими пользуется, чтобы эти чрезвычайныя мѣры примѣнялись осторожно, примѣнялись исключительно въ цѣляхъ борьбы съ крамолой. И вотъ, если есть какія-нибудь злоупотребленія, если есть какія-нибудь недомыслія, то мы вполнѣ надѣемся, думаемъ и твердо увѣрены, что правительство всегда найдетъ возможнымъ злоупотребленія карать, а недомысліе устранять твердой рукой. Но приходить изъ этихъ злоупотребленій къ тому выводу, что нужно сложить оружіе, когда еще врагъ, хотя и разбитъ, но не вполнѣ истребленъ, это является очень плохой тактикой. Только тогда, когда непріятель или уничтоженъ, или сложилъ свое оружіе, только тогда можно прекратить преслѣдованіе». Половцовъ, ссылаясь на примѣры европейскихъ государствъ, принимавшихъ безпощадныя мѣры для борьбы съ мятежами, сказалъ (II, 1, 2513): «Тамъ понятіе о государственности стоитъ очень высоко; тамъ не увлекаются различными сантиментальными теоріями о непротивленіи злу; тамъ понимаютъ, что, когда господствуетъ въ государствѣ преступленіе, то государство обязано уничтожить это преступленіе, или преступленіе задушитъ государство».

Сила революціи, подъ энергичными ударами власти, ослабѣвала съ каждымъ днемъ. Разсѣяны были, наконецъ, и крупныя мародерскія шайки. Соотвѣтственно съ этимъ должны были измѣниться и мѣры борьбы. 21 февраля 1909 г., при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, пред-

сѣдатель фракціи Балашевъ объяснилъ (II, 2, 2142—2143): «Позвольте остановиться только на одномъ вопросѣ, правда, очень остромъ, на вопросѣ объ исключительныхъ положеніяхъ, и освѣтить взглядъ фракціи, къ которой я имѣю честь принадлежать, на дальнѣйшее развитіе этого болѣзненнаго явленія. Несомнѣнно, г.г., что въ минуту смуты правительство не только имѣетъ право, но и обязано всѣми силами съ этой смутой бороться, и при этихъ условіяхъ введеніе исключительнаго положенія является мѣрой цѣлесообразной. Но, г.г., подобно сильно дѣйствующему возбуждающему лекарству, употреблять его можно только для того, чтобы дать силы борющемуся организму преодолѣть недугъ и выйти изъ опаснаго положенія; хроническое же употребленіе такихъ средствъ, по нашему мнѣнію, безусловно нецѣлесообразно; а введеніе ихъ въ государственный обиходъ, въ самую систему управленія является прямо недопустимымъ. Въ виду этого, мы искренне надѣемся, что правительство, по мѣрѣ возможности, неуклонно пойдетъ по пути постепеннаго смягченія и полнаго снятія этихъ положеній. Въ виду этого, позвольте огласить формулу перехода къ постатейному чтенію (читаетъ): «Признавая необходимымъ введеніе въ дѣйствіе исключительныхъ положеній въ періоды смуты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считая таковыя непригоднымъ средствомъ управленія въ спокойное время, Государственная Дума выражаетъ увѣренность, что правительство по мѣрѣ возможности и неуклонно будетъ стремиться къ смягченію и снятію исключительныхъ положеній».

При обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ въ слѣдующемъ 1910 г. директоръ департамента полиціи сообщилъ, что правительство нашло возможнымъ облегчить исключительныя положенія, т.-е. смягчая тяжесть ихъ, переводить военное положеніе на чрезвычайное, чрезвычайное на усиленное, а усиленное отмѣнить вовсе, въ общей совокупности, въ 108 губерніяхъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Итакъ, въ качествѣ мѣръ борьбы съ недобросовѣстностью и злоупотребленіями агентовъ власти, націоналисты рекомендовали,—улучшеніе матеріальнаго положенія чиновниковъ въ цѣляхъ предоставить государству возможность болѣе строгаго выбора кандидатовъ на должности; реформы самыхъ учрежденій и, наконецъ, прекращеніе длительности чрезвычайныхъ полномочій. Но всѣ эти мѣропріятія не гарантируютъ исцѣленія вѣковыхъ недуговъ русской жизни, и кореннымъ способомъ борьбы съ ними націоналисты считаютъ одну радикальную реформу—путемъ введенія совершенно новаго начала, а именно въ видѣ установленія судебной отвѣтственности, уголовной и гражданской, чиновъ администраціи не по соизволенію начальства, а по жалобамъ каждаго потерпѣвшаго отъ незаконномѣрныхъ дѣйствій

частнаго лица. Это мѣропріятіе только и можетъ дать окончательную гарантію нарождающемуся правовому строю государства. Законопроектъ и былъ принятъ Государственной Думой.

Указывая общія мѣры борьбы съ незакономѣрностью, націопалисты должны были выдѣлить отдѣльныя области управленія, въ которыхъ совершенно особыя условія не давали даже возможности разобраться въ причинахъ традиціонныхъ, непрерывно обнаруживающихся, общихъ беззаконій чиновъ вѣдомства. Такими областями управленія націоналисты считали: интендантство, желѣзнодорожное хозяйство, морское вѣдомство и Кавказъ.

Сенаторскія ревизіи интендантскихъ злоупотребленій, предпринятыя по иниціативѣ правительства, вскрыли завѣсу надъ мрачными картинами колоссальныхъ покушеній на средства государственной обороны; и уже не стрѣлочники, а звѣздоносцы принуждены были смѣнить генеральскіе мундиры на артстантскіе халаты. Поэтому Государственная Дума и ограничилась лишь пожеланіями о скорѣйшей реформѣ вѣдомства. Упорство бывшаго министра путей сообщенія принять энергичныя мѣры къ раскрытію злоупотребленій въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ заставили націоналистовъ присоединиться къ пожеланію Государственной Думы о созданіи особой комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Такое же упорство со стороны морского вѣдомства и кавказскаго начальства побудили націоналистовъ высказаться за необходимость сенаторскихъ ревизій этихъ областей управленія для предварительнаго искорененія традиціонныхъ беззаконій, такъ господствующихъ. Безъ этихъ экстренныхъ мѣръ націоналисты признавали безполезными всякія попытки борьбы съ ненормальностями, пустившими слишкомъ глубокіе корни.

Лишь полное и всестороннее освѣщеніе дѣятельности скрытыхъ отъ общества тайныхъ пружинъ могло указать на дальнѣйшія мѣропріятія, могущія окончательно излечить коренные недуги самой системы управленія.

Такимъ образомъ, націоналисты, признавая право запросовъ весьма цѣннымъ орудіемъ борьбы съ крупными злоупотребленіями отвѣтственныхъ лицъ, указывали цѣлый рядъ дѣйствительныхъ мѣропріятій для искорененія причинъ обыденной незакономѣрности, наблюдаемой въ видѣ переживаній дореформеннаго строя.

III.

Церковь.

а) Церковь и государство.

Третій пунктъ программы націоналистовъ гласитъ: «Свобода вѣры на основахъ христіанскаго государства съ сохраненіемъ установленныхъ преимуществъ православной Церкви».

Такимъ образомъ націоналисты провозглашаютъ начало небезграничной свободы вѣры, а ставятъ этой свободѣ опредѣленныя границы, исходя изъ ученія о христіанскомъ государствѣ или,лучше сказать,изъ понятія объ исторически сложившемся въ Россіи вѣковомъ союзѣ православной Церкви съ русскимъ государствомъ. Идея этого союза, далекая одинаково какъ отъ поглощенія Церковью государства (католицизмъ), такъ и обратно отъ обезличивающагоЦерковь порабощенія ея государствомъ (протестантство), покоится на живомъ, свободномъ ихъ взаимоотношеніи, по которому Церковь духовно воспитываетъ на своихъ высокихъ христіанскихъ началахъ русскихъ гражданъ и тѣмъ способствуетъ возвышенію и одухотворенію самыхъ нормъ государственной и общественной жизни, а государство, цѣня эту великую моральную силу, помогаетъ ей въ осуществленіи ея высокихъ задачъ.

Эти основныя начала націоналисты и развивали въ своихъ сужденіяхъ по религіознымъ вопросамъ. Такъ, при разсмотрѣніи законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, предсѣдатель фракціи Балашевъ въ особомъ заявленіи изложилъ взглядъ фракціи на отношенія Церкви и государства такимъ образомъ (II,4,2997): «Націоналисты признаютъ непреложной истиной, что величіе и мощь Россійской Имперіи покоятся на тѣсномъ и нерзрывномъ союзѣ съ первенствующей Церковью Православной».

Епископъ Евлогій въ отвѣтѣ на правительственную программу, изложенную передъ Государственной Думой Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, объяснилъ (I,1,510—511): «Я горячо привѣтствую ту часть правительственной декларацiи, въ которой выражается заботливая попечительность нашего правительства о православной Церкви и русскомъ духовенствѣ. Въ этихъ словахъ декларацiи мнѣ слышится любящiй гoлосъ преданнаго сына своей духовной матери. Въ этихъ словахъ мнѣ слышится отраженiе того многовѣкового единенiя, того крѣпкаго иторическаго союза между Церковью православною и русскимъ государствомъ, который существовалъ съ самаго начала ея основанiя и до настоящихъ дней, того союза, который покоится на духѣ русскаго законодательства, по которому нашъ русскiй Монархъ является защитникомъ православной Церкви. Этотъ союзъ является одинаково благодѣтельнымъ какъ для Церкви, которая пользуется услугами правительства для проведенiя въ жизнь своихъ началъ, такъ и для государства, которое въ Церкви должно видѣть великую нравственную силу, воспитывающую не только членовъ Царства Божiя, но и русскихъ гражданъ. Но благодѣтельность этого союза возможна только тогда, когда Церковь не превращается въ государство, и когда государство, съ другой стороны, не дѣлаетъ Церковь орудiемъ своей политики. Въ дѣйствительности; эта норма взаимоотношенiй далеко не всегда соблюдается, и въ этомъ, быть можетъ, объясненiе того ослабленiя высшаго нравственнаго авторитета Церкви, которое многiе сыны Церкви съ прискорбiемъ наблюдаютъ въ настоящее время и вслѣдствiе котораго получилось ходячее слово, можетъ быть, несправедливое, что Церковь находится въ параличѣ».

Когда бюджетная комиссiя при обсужденiи смѣты св. Синода, выразила пожеланiя, касающiяся церковной организацiи и управленiя, тотъ же ораторъ указалъ (II,3,2032—2033): «Намъ слишкомъ хорошо извѣстны, и это стало даже общимъ мѣстомъ—жалобы на излишнюю бюрократизацiю нашей Церкви, нашего церковнаго управленiя, на принесенiе въ область внутренняго церковнаго правленiя несродныхъ и чуждыхъ ей началъ государственности. И въ этихъ жалобахъ, въ этихъ упрекахъ заключается много жизненной правды. Дѣйствительно, бюрократизмъ искажаетъ природу Церкви, и постольку же ослабляетъ силу ея вліянiя, ея авторитетъ. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ итти еще далѣе въ этомъ направленiи, еще далѣе простирать это посягательство государства на автономiю Церкви, на область ея внутренняго управленiя, ея самостоятельности, самодѣятельности и независимости? Роль государства по отношенiи къ Церкви, по моему крайнему разумѣнiю, должна заключаться въ предоставленiи ей самой широкой возможности осуществлять ея высокiя задачи. Государство должно помогать Церкви своими средствами

исполнять свою высокую миссію, которая имѣетъ не только церковное, но несомнѣнно и огромное государственное значеніе. Реформировать же Церковь, преобразовывать ея различныя учрежденія, различныя стороны ея жизни должна только сама Церковь на основѣ своего особеннаго, чисто церковнаго каноническаго законодательства. Я не сомнѣваюсь въ благожелательномъ отношеніи къ Церкви бюджетной комиссіи, когда она требуетъ различныхъ преобразованій. Эти преобразованія, можетъ быть, совершенно необходимы, особенно по нынѣшнимъ, рѣзко измѣнившимся условіямъ общественной и государственной жизни, и составляютъ горячее желаніе всѣхъ истинныхъ сыновъ православной Церкви. Я только говорю, что инициатива этихъ преобразованій должна исходить извнутри Церкви, а не извнѣ, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссіи. Вѣдь Церковь есть учрежденіе божественное и вѣчное, ея законы непреложны и неизмѣнны, а идеалы жизни государственной, какъ извѣстно, подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Въ настоящій разъ бюджетная комиссія высказываетъ извѣстныя пожеланія, въ направленіи которыхъ должна реформировать себя Церковь. Но мы не можемъ ручаться, что бюджетная комиссія въ слѣдующую сессію, или, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующій сезонъ Государственной Думы выскажетъ совершенно другія пожеланія, быть можетъ, различныя даже до противоположности. Во что же обратится Церковь, если она, идя навстрѣчу этимъ пожеланіямъ, вызваннымъ неустойчивыми, измѣнчивыми условіями даннаго политическаго момента, будетъ въ угоду имъ ломать свои учрежденія, не считаясь съ своими вѣковѣчными принципами, лежащими въ основѣ ея жизни, ея учрежденій? Вотъ со всѣми этими соображеніями, по моему мнѣнію, нельзя было не считаться бюджетной комиссіи при выраженіи пожеланій, въ отношеніи которыхъ должна быть, поэтому, особливая осторожность и вниманіе къ спеціальному исконному каноническому строю церковнаго управленія».

Въ слѣдующемъ году бюджетная комиссія вновь выразила однородныя пожеланія и еп. Евлогій вновь отвѣтилъ слѣдующимъ возраженіемъ (III,2, 1584—1585): «Къ чему сводятся эти пожеланія бюджетной комиссіи? Мнѣ думается, что ихъ конечною цѣлью,—не знаю, сознанною или несознанною,—ихъ послѣднимъ результатомъ является ограниченіе сферы самостоятельности и независимости Церкви въ веденіи спеціальнаго церковнаго хозяйства и даже въ области ея внутренняго управленія, подчиненіе Церкви во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и проявленіяхъ ея жизни государству. Но для чего это нужно? И безъ того вѣдь въ настоящее время голосъ Церкви раздается очень слабо и часто совершенно заглушается голосомъ государства; и безъ того въ настоящее время вліяніе Церкви на государство уже сократилось до миниму-

мума, и въ обратной пропорціи усилилось вліяніе государства на Церковь. Обратите вниманіе хотя бы на положеніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, который является представителемъ Церкви въ государствѣ и, обратно, представителемъ государства въ Церкви, служитъ связующимъ звеномъ между Церковью и государствомъ. Входя въ составъ такъ называемаго объединеннаго правительства, онъ имѣетъ тамъ значеніе не больше, чѣмъ любой министръ, и если онъ прежде былъ окомъ Государя въ Святѣйшемъ Синодѣ, высшемъ органѣ церковнаго управленія, то теперь онъ является окомъ правительства въ этомъ высшемъ церковномъ управленіи, и государственное значеніеЦеркви во многихъ отношеніяхъ уже приближается къ значенію простого министерства. Но и теперь еще въ жизни Церкви осталась весьма важная существенная сторона, гдѣ она дѣйствуетъ самостоятельно, автономно, гдѣ она развиваетъ свои силы, свою жизнедѣятельность изнутри себя, изъ лежащихъ въ основаніи ея каноническихъ началъ. Таковы области церковнаго богослуженія, церковнаго вѣроученія, внутренняго церковнаго управленія и, мы думаемъ, область распоряженія своими спеціальными средствами, область внутренняго церковнаго хозяйства. Неужели и сюда нужно также простереть вліяніе государства, неужели и на эти стороны жизни нужно государству наложить свою руку? Я приведу вамъ одинъ примѣръ: когда мы разсматриваемъ смѣту военнаго вѣдомства, то, оберегая силы и мощь нашей арміи, мы, критикуя бюджетъ Военнаго Министерства, не позволяемъ себѣ входить въ критику внутренней организаціи управленія нашими вооруженными силами. Но это, г.г., лишь весьма отдаленная аналогія того положенія, въ какой, въ неизмѣримо большей степени, имѣетъ право на эту автономію Церковь, право, которое покоится не только на законахъ государственныхъ, но и на законахъ Божескихъ, каноническихъ. И повѣрьте, г.г., усиленіе Церкви ничѣмъ не угрожаетъ государству; охраненіе незыблемости ея внутренней юрисдикціи не только не опасно государству, но прямо, я думаю, выгодно для задачъ чисто государственныхъ. Едва ли нужно доказывать, какое огромное значеніе для благоустроенія государственнаго могла бы имѣть православная русская Церковь, сильная, могучая, независимая и свободная, та великая историческая святыня русскаго народа, подъ благодатной сѣнью которой сложилось и крѣпло великое русское государство.

Г.г., дайте же ей условія этого свободнаго существованія. Не налагайте на нее новыхъ путъ, стѣсняющихъ свободное проявленіе и развитіе ея жизненныхъ силъ, конечно, въ тѣсномъ единеніи съ государствомъ, единеніи, скрѣпленномъ многовѣковой нашей русской исторіей. Вѣдь тѣ недостатки церковной жизни, о которыхъ такъ часто и много здѣсь говорятъ и которые, конечно, болѣе всего ясны намъ и болѣе всего больны нашему сердцу, въ

значительной степени объясняются *именно проникновеніемъ въ нѣдра Церкви несродныхъ ей государственныхъ началъ*. Не идите же дальше по этому пути, не обезличивайте Церкви, не ломайте ея природы, какъ института особеннаго, какъ учрежденія божественнаго».

Итакъ, націопалисты, привѣтствуя союзъ православной Церкви и государства, отстаивали точку зрѣнія независимости Церкви въ дѣлахъ ея внутренней организаціи и управленія.

Союзныя отношенія православной Церкви и русскаго государства обезпечиваютъ Церкви весьма важное преимущество, а именно—первенство среди другихъ Церквей. Самымъ цѣннымъ выраженіемъ этого первенства представляется объединеніе въ лицѣ Монарха—Верховной Государственной Власти и Верховнаго Блюстительства правъ Церкви православной. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ преимуществъ православной Церкви, сохраненныхъ за Церковью и послѣ указа 17 апрѣля 1905 г., является право свободнаго привлеченія послѣдователей. Ог. Гепецкій говоритъ по этому поводу (II,4, 1231): «Наряду съ дарованіемъ права религіознымъ общинамъ свободнаго вѣроисповѣданія, въ этомъ самомъ актѣ 17-го апрѣля 1905 г. говорится буквально слѣдующее: «Признаніе узъ, исторически закрѣпившихъ судьбы русскаго государства и православной Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо; поэтому неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, главнымъ образомъ, придающія православной Церкви значеніе господствующей, а именно: принадлежность къ ней Государя Императора и свобода привлеченія послѣдователей». Ясное дѣло, что въ этомъ самомъ актѣ указываются такіе признаки, которые должны оставить положеніе православной Церкви, какъ положеніе Церкви господствующей и первенствующей. Принадлежность къ православной Церкви Государя и свобода привлеченія прозелитовъ,—это именно и суть тѣ признаки, которые характеризуютъ православную Церковь, какъ Церковь господствующаго населенія, какъ Церковь первенствующую. Государь Императоръ, въ силу ст. 65 Зак. Осн., является верховнымъ блюстителемъ правъ церкви и, главнымъ образомъ, тѣхъ правъ, которыя, какъ я сказалъ, составляютъ признакъ этого господства и преимущества нашей Церкви».

Такимъ образомъ, въ своемъ представленіи о взаимныхъ отношеніяхъ Церкви и государства націоналисты исповѣдуютъ ученіе о союзѣ двухъ самостоятельныхъ областей—православной Церкви и русскаго государства. Признавая правильнымъ лишь союзъ, націоналисты отвергаютъ теорію сліянія, смѣшенія Церкви съ государствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, защищая каноническую автономію Церкви, они не признаютъ и отдѣленія Церкви отъ государства, считая этотъ путь гибельнымъ для Россіи. «Церковь Божія,

говоритъ еп. Евлогій (II,4,1265), конечно, не нуждается ни въ защитѣ административной, ни въ защитѣ полицейскихъ властей, и даже въ защитѣ нашихъ государственныхъ законовъ, но, думается, само русское государство должно защищать и ограждать всячески достоинство православной Церкви, если оно хочетъ быть именно государствомъ православнымъ, а не безконфессіональнымъ. Наше русское государство, наша Русь святая немыслимы безъ православія, которое глубоко залегло въ основу всей ея жизни, слилось съ душой народа, которое является не какой-нибудь отвлеченной теоріей, но жизненнымъ началомъ, легшимъ въ основу быта, законодательства, которое создало нашъ церковный и государственный организмъ, напитало его своимъ принципомъ. Защищая православіе, мы заботимся также о русской государственности, мы думаемъ о многомилліонномъ русскомъ народѣ, который составляетъ 70 процентовъ всего населенія Русской Имперіи. Вѣдь, при той страшной деревенской темнотѣ, при той крайней неразвитости религіознаго сознанія въ нашемъ народѣ, страшно подумать, что будетъ, если вся русская земля превратится въ арену борьбы враждующихъ между собою разныхъ ученій и вѣроисповѣданій. Сколько вражды, сколько злобы выльется въ семью русскаго народа».

Признавая благодѣтельность союза Церкви и государства, націоналисты являются поклонниками всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ своей конечной цѣлью усиленіе Церкви внутри себя, возрожденіе церковной жизни согласно канонамъ. Отрицая право государства на преобразованіе церковныхъ учрежденій, націоналисты не отвергаютъ мысли о необходимости этихъ реформъ. Съ ихъ точки зрѣнія представляется несомнѣннымъ, что церковная жизнь далека отъ идеала, и глубокія нестроенія церковной жизни требуютъ неотложныхъ мѣропріятій для ихъ искорененія.

Но источникомъ всѣмъ мѣропріяій, направленныхъ къ возрожденію Церкви должна быть сама Церковь, а не внѣшнія силы, хотя бы и государство. Если церковныя нестроенія покоятся въ неправильностяхъ современной жизни, въ поглощеніи церковныхъ началъ государственными, то вмѣшательство государства можетъ только усилить отрицательныя явленія. Надежды свои на возрожденіе церковной жизни націоналисты всецѣло возлагаютъ на преобразовательную дѣятельность давно ожидаемаго помѣстнаго церковнаго собора. Еп. Евлогій говоритъ по этому поводу (III,2,1585—1586): «Не въ пожеланіяхъ бюджетной комиссіи или даже Государственной Думы нужно искать источника обновленія церковной жизни и панацею отъ всѣхъ нестроеній этой жизни, а въ приближеніи формъ ея жизни къ вѣковѣчнымъ незыблемымъ основамъ—къ заповѣдямъ Христовымъ и къ каноническимъ началамъ. И тутъ я позволю себѣ сказать два слова о церковномъ соборѣ,

мысль о которомъ,какъ всѣмъ вамъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ волнуетъ не только думскіе круги, но и все русское православное вѣрующее общество. Я обязуюсь заявить, что созывъ, скорѣйшій созывъ церковнаго помѣстнаго всероссійскаго собора является горячимъ желаніемъ нашихъ сердецъ. Я думаю, что эти чаянія скорѣйшаго созыва собора раздѣляются и всѣми пастырями русской православной Церкви и что въ этомъ отношеніи съ нами единодушно и многое множество мірянъ которые, радѣютъ о силѣ, славѣ и величіи Церкви и о спасеніи вѣрующихъ ея чадъ. Православные русскіе люди не могутъ не видѣть, какъ быстро сорганизовываются различныя старобрядческія и сектантскія общины, различныя инославныя и иновѣрныя исповѣданія, и, конечно, этому сплоченію инославія и иновѣрія должно быть противопоставлено такое же благодатное объединеніе духовныхъ силъ православной Церкви, которое можетъ быть достигнуто во всей полнотѣ только на всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ. Этою надеждою живутъ тысячи, а можетъ быть милліоны православныхъ русскихъ людей, и объ этомъ несутся ихъ горячія мольбы къ небу. И въ этомъ упованіи мы, представители православнаго русскаго духовенства, обращаемся къ вамъ, православные члены Государственной Думы: не торопитесь со своими пожеланіями церковныхъ реформъ въ несвойственную и неподлежащую вашему вѣдѣнію область управленія, подождите до созыва помѣстнаго всероссійскаго собора, который одинъ имѣетъ всю полноту власти уврачевать всѣ нестроенія нашей церковной жизни; откажитесь отъ этихъ своихъ пожеланій, если вы хотите блюсти достоинство Церкви, ея аворитетъ, ея силу, ея свободу».

Возлагая свои упованія на помѣстный соборъ въ дѣлѣ возрожденія церковной жизни, націоналисты не отказывались и отъ частичныхъ реформъ, ведущихъ къ той же великой цѣли. Съ ихъ точки зрѣнія, одной изъ причинъ церковныхъ нестроеній представляется паденіе историческаго значенія православнаго прихода. Эта первичная церковная организація играла весьма крупную роль не только въ исторіи Церкви, но и въ государственной жизни Россіи. Ослабленіе прихода было послѣдствіемъ той бюрократизаціи, которая внѣдрилась въ церковную жизнь. По этому поводу еп. Евголій говоритъ (III, 3, 1076): «Нужно какъ можно скорѣе оживить и устроить нашъ приходъ, нужно привлечь къ активному живому участію въ дѣлахъ Церкви прихожанъ, и тогда, можетъ быть, уничтожится та рознь, или тотъ разрывъ между Церковью правящей и церковью управляемой. Тогда исчезнетъ бюрократизмъ и чиновничество въ органахъ Церковнаго управленія, и тогда между паствой и органами церковнаго управленія установится тѣсная связь на началахъ строго церковныхъ, чисто каноническихъ. Конечно, г.г., мы, представители православнаго духовенства, можемъ только горячо привѣтство-

вать эти выводы или эти пожеланія. Если прихожане въ единеніи съ церковной іерархіей и подъ ея руководствомъ желаютъ быть живыми, активными дѣятелями Церкви, то мы должны этому только радоваться, ибо мы видимъ, что чрезъ это пробуждается великая сила, которая до сихъ поръ была какъ бы инертной и усыпленной. Мы знаемъ, что Церковь есть живой организмъ, въ которомъ жизнь течетъ и развивается путемъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ, составляющихъ этотъ организмъ, и что ни голова безъ туловища не можетъ работать, ни туловище безъ головы. Наши церковные писатели древности говорятъ, *что епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ*. Вотъ какими прекрасными, точными и мѣткими словами характеризуется это взаимное, тѣсное органическое единеніе между Церковью правящей и управляемой».

Это общее пожеланіе о возрожденіи приходской жизни конкретно проведено было націоналистами и правыми въ формулѣ перехода, предложенной Государственной Думѣ и принятой ею, по поводу церковныхъ школъ (III, 3, 1422). Этой формулой Государственная Дума признала необходимымъ участіе прихожанъ въ дѣлѣ наблюденія и хозяйственнаго завѣдыванія церковными школами.

Неотложнымъ дѣломъ націоналисты считали также и пересмотръ вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Зависимость духовенства отъ доброхотныхъ даяній прихожанъ вполнѣ соотвѣтствовала укладу жизни при господствѣ патріархальныхъ отношеній въ натуральномъ хозяйствѣ. Съ измѣненіемъ же всѣхъ условій хозяйственнаго быта сохраненіе такого порядка сдѣлалось анахронизмомъ и повлекло за собой весьма нежелательныя послѣдствія. Споры о вознагражденіи за исполненіе требъ сдѣлались источникомъ нескрываемаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ и влекли за собой въ массѣ случаевъ острыя вспышки взаимной враждебности. Подобныя ненормальныя отношенія между пастырями и пасомыми послужили грознымъ орудіемъ борьбы въ рукахъ враговъ Церкви, использовавшихъ отдѣльные эпизоды въ видѣ общаго правила, какъ показатель паденія нравственнаго уровня русскаго духовенства. Націоналисты горячо протестовали противъ огульнаго порицаніядуховенства, считая подобныя общія обвиненія совершенно незаслуженными. Наоборотъ, историческая роль русскаго духовенства въ дѣлѣ національной борьбы, его громадныя заслуги въ культурной жизни государства признавались несомнѣнными. Но тѣмъ не менѣе, волна невѣрія и безнравственности, захватившая русское общество въ громадныхъ размѣрахъ, явилась показателемъ того, какъ пало вліяніе Церкви на русскихъ гражданъ. Одной изъ серьезныхъ причинъ этого глубоко печальнаго явленія представляется, конечно, взаимное недоброжелательство на почвѣ матеріальныхъ недоразумѣній.

Единственнымъ правильнымъ выходомъ изъ этого положенія націопалисты и считаютъ отмѣну платы за исполненіе требъ, съ установленіемъ обезпечивающаго вознагражденія духовенства изъ средствъ государственнаго казначейства. Павловичъ (II, 3, 2127) указываетъ, что вопросъ о платѣ за требы сдѣлался весьма острымъ даже въ такой нафанатизированной массѣ, какъ католики поляки, и успѣхъ новой секты маріавитовъ обезпечивается, между прочимъ, также и отказомъ маріавитскаго духовенства отъ вознагражденія за исполненіе требъ.

Затѣмъ, нельзя забывать, что на духовенство, кромѣ его чисто церковныхъ обязанностей, государство возложило цѣлый рядъ порученій въ цѣляхъ чисто государственныхъ, не опредѣливъ за эти услуги никакого вознагражденія. Наконецъ, слѣдуетъ запомнить, какъ справедливо указывали еп. Евлогій и отецъ Гепецкій (II, 3, 2113), что государство отняло громадное имущество у Церкви и это имущество въ настоящее время приноситъ вдвое больше дохода, чѣмъ государство отпускаетъ духовному вѣдомству; между тѣмъ при секуляризаціи церковныхъ имуществъ были даны обѣщанія обезпечить духовенству положеніе, приличное его званію.

Всѣ указанныя соображенія побуждали націопалистовъ стать рѣшительно на точку зрѣнія необходимости вывести духовенство изъ унизительнаго положенія, проистекающаго отъ матеріальной его необезпеченности.

При обсужденіи законопроекта объ отпускѣ кредита на увеличеніе содержанія городского и сельскаго духовенства, отецъ Гепецкій указалъ (I, 3, 1075—1078): «Мы вѣримъ и надѣемся, что Государственная Дума скоро, во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ истечетъ срокъ полномочій ея, несомнѣнно обратитъ вниманіе на тяжелое положеніе духовенства въ нашей Имперіи и сдѣлаетъ все, что только возможно для того, чтобы поставить это духовенство въ такія условія, при которыхъ оно могло бы самымъ лучшимъ образомъ осуществлять свое высокое назначеніе. Несомнѣнно, Государственная Дума сама пожелаетъ уничтожить эту тысячелѣтнюю рабскую зависимость содержанія духовенства отъ такъ называемыхъ «добровольныхъ даяній», «добровольныхъ приношеній» прихожанъ. Господа, эта система содержанія слишкомъ тягостна и слишкомъ тяжела. Спору нѣтъ. Есть приходы очень богатые, есть священники, которые охотно устраиваются въ болѣе или менѣе достаточныхъ приходахъ, но нѣтъ такихъ священниковъ, которые бы не пожелали отказаться отъ всѣхъ этихъ добровольныхъ даяній, лишь бы получить опредѣленную сумму, которая давала бы возможность жить, не нуждаясь въ кускѣ хлѣба. Нынѣшняя система содержанія производитъ ужасныя послѣдствія: съ одной стороны, она приводитъ къ преувеличенному толкованію о размѣрахъ довольствія, получаемаго духовенствомъ отъ

прихожанъ; во-вторыхъ эта самая система на обѣ стороны—и на духовенство и на прихожанъ,—производитъ ужасно тяжкое, гнетущее впечатлѣніе, и, наконецъ, въ-третьихъ, она производитъ въ моральномъ отношеніи сильное гнетущее впечатлѣніе на насъ, священниковъ. Вы сами знаете, г.г., что именно такая неудовлетворительная система служитъ у насъ поводомъ и основаніемъ для многихъ и очень иногда рѣзкихъ нападокъ на насъ. Мы не осуждаемъ за это, мы прощаемъ тѣ нападки, которыя часто весьма несправедливо производятся на насъ. Но, г.г., вспомните же вы, что на насъ нападаютъ даже тѣ, которые не безучастны въ томъ, что создалось столь тяжелое положеніе дѣла. Обратите, г.г., вниманіе, что наша изящная литература,— и та обрисовываетъ картины изъ быта духовенства часто въ ужасномъ видѣ, граничащемъ съ порнографіей. Часто приписывается духовенству самыя неблаговидныя черты, самыя неблаговидныя свойства характера, и все это потому, что авторы этихъ произведеній любятъ пользоваться нѣкоторыми уродливостями существующей системы содержанія. И вотъ въ этомъ дружномъ хорѣ разныхъ нападокъ, г.г., забывается, что духовенство все же таки не мало внесло отрады своей работой въ жизнь паствы. Духовенство всегда, а въ настоящее время въ особенности, является культурной силой, близкой къ народу, и, внѣ всякаго сомнѣнія, при предстоящемъ реформированіи мѣстной жизни духовенству, что бы тамъ ни говорили, будетъ принадлежать выдающаяся роль. И всѣ тѣ, которые такъ незаслуженно бросаютъ по нашему адресу тѣ или другіе упреки, тѣ, которые любятъ обобщать иногда, правда, уродливые случаи изъ жизни духовенства, случаи, которыхъ мы стыдимся сами, но которые опять таки бываютъ благодаря столь неудовлетворительной системѣ содержанія,—всѣ тѣ забываютъ или не хотятъ видѣть того, что духовенство сдѣлало хотя бы въ области школьнаго обученія; а сдѣлало оно не мало. Вы сами знаете, г.г., что за школьное обученіе духовенство не получаетъ ничего, а между тѣмъ мы сумѣли за 25-тилѣтній періодъ времени учредить 42.000 школъ, мы сумѣли найти средства, изысканіе которыхъ доступно только намъ, около 6.000.000 руб. Мы обучаемъ свыше 2.000.000 дѣтей, и мы воспитываемъ ихъ на началахъ и основахъ, которыя вполнѣ обезпечиваютъ русскому народу національную мощь; и мы сдѣлали то, приблизительно, что сдѣлало земство за время своего существованія, что сдѣлало Министерство за 100 лѣтъ своего существованія, и въ то время, когда эти вѣдомства работали при дружномъ содѣйствіи общества, мы вели свою работу подъ перекрестнымъ огнемъ разныхъ нападокъ; но все-таки мы съ честью вышли за эти 25 лѣтъ изъ этой борьбы, и въ настоящее время становимся предъ вами, народные представители, на судъ во всеоружіи знанія, опыта и силы, которые мы успѣли за этотъ періодъ времени пріобрѣсти въ школьномъ дѣлѣ».

«Всѣ тѣ, которые любятъ нападать на насъ, забываютъ, что духовенство заботится не только о религіозно-нравственныхъ и просвѣтительныхъ нуждахъ народа, оно принимаетъ самое дѣятельное участіе, въ особенности въ настоящее время, въ организаціи кассъ мелкаго кредита, въ учрежденіи разныхъ потребительскихъ обществъ и тому подобныхъ учрежденій. Въ этомъ вы можете убѣдиться, если бы пожелали обратиться къ спеціальной литературѣ по этому предмету. И вотъ при такихъ условіяхъ бояться, что обезпеченіе духовенства можетъ лечь непосильнымъ бременемъ на государственное казначейство, конечно, не слѣдовало бы, потому что духовенство сторицей возвратитъ народу тѣ затраты, которыя государство понесетъ. Очень можетъ быть, что съ теченіемъ времени къ участію въ содержаніи духовенства будутъ привлечены организаціи мѣстныя, общественныя мѣстныя учрежденія, но во всякомъ случаѣ, пока еще эти мѣстныя учрежденія не организованы, до тѣхъ поръ было бы справедливо, если бы Государственная Дума высказала свое отношеніе къ дѣлу обезпеченія духовенства. Конечно, г.г., 200.000 руб. это недостаточно, это всего $^1/_{30}$ часть того, что слѣдовало бы отпустить для того, чтобы все наличное духовенство получало только по 400 руб., считая 300 руб. священнику и 100 руб. псаломщику, но дѣло въ данный моментъ не въ этихъ 200.000 руб. Деньги эти, конечно, недостаточны сами по себѣ, но пока что, пока мы соберемся съ силами, пока настанетъ наша очередь,— а мы увѣрены, что эта очередь можетъ настать и очень скоро,—все-таки, ассигнованіе этой суммы будетъ имѣть громадное моральное значеніе для всего русскаго православнаго духовенства. Это ассигнованіе покажетъ, что Государственная Дума желаетъ завершить то дѣло обезпеченія духовенства, которое начато было нашими Государями Императорами. Поэтому, г.г., не умаляйте значенія этой моральной своей жертвы на обезпеченіе духовенства какими-нибудь нападками. Я просилъ бы тѣхъ ораторовъ, которые здѣсь, быть можетъ, пожелаютъ указывать на тѣ или иные отдѣльные случаи изъ жизни и быта духовенства, не дѣлать этого: мы сами знаемъ, мы сами видимъ, что при этой системѣ бываютъ иногда уродливыя явленія, но, г.г., создайте сначала хорошія условія, и тогда ужъ вы можете требовать всего отъ насъ въ той мѣрѣ, въ какой вы найдете нужнымъ. Вѣрьте, г.г., что на обезпеченіе духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ мы смотримъ не какъ на цѣль, мы смотримъ какъ на средство, то средство, которое дастъ намъ возможность лучшимъ образомъ осуществить свое назначеніе».

Сводя воедино ученіе націоналистовъ объ отношеніяхъ между православною Церковью и русскимъ государствомъ, необходимо придти къ слѣдующимъ выводамъ: Величіе и мощь Россійской Имперіи покоятся на тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ первенствующей Церковью Православной. Союзъ

этотъ опредѣляется началами христіанскаго государства о независимости и взаимной самостоятельности Церкви и государства. Единство дѣйствій Церкви и государства въ достиженіи общихъ цѣлей обезпечивается сосредоточеніемъ въ лицѣ Монарха Верховнаго Блюстительства Православной Церкви и Верховной Государственной Власти. Церковь пользуется услугами государства для проведенія въ жизнь своихъ началъ, а государство имѣетъ въ Церкви великую нравственную союзную силу, воспитывающую не только сыновъ Царства Божія, но и русскихъ гражданъ. Союзныя отношенія между православной Церковью и русскимъ государствомъ присвояютъ православной вѣрѣ первенствующее и господствующее положеніе въ Россійской Имперіи. Церковныя постановленія могутъ быть изречены лишь всероссійскимъ помѣстнымъ соборомъ, а отнюдь не постановленіями государственныхъ учрежденій. Ближайшими очередными реформами должны послужить—возстановленіе историческаго значенія православнаго церковнаго прихода и устраненіе печальныхъ недоразумѣній между духовенствомъ и прихожанами на почвѣ матеріальной необезпеченности духовенства.

б) Свобода вѣры.

Ученіемъ о взаимныхъ отношеніяхъ православной Церкви и русскаго государства, о господствующемъ значеніи православной вѣры и сознаніемъ церковныхъ постановленій—опредѣляются отношенія націоналистовъ къ животрепещущему вопросу о свободѣ вѣры.

Почву для обсужденія въ Государственной Думѣ по этому поводу дали два правительственныхъ законопроекта о старообрядческихъ общинахъ и о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Обсужденіе вѣроисповѣдныхъ законовъ имѣло громадное значеніе въ жизни третьей Государственной Думы вообще. Оно послужило поводомъ къ значительной перегруппировкѣ партійнаго состава Государственной Думы. Многіе изъ октябристовъ недовольные партійнымъ рѣшеніемъ своей фракціи, ушли изъ союза 17-го октября, примкнувъ къ націоналистамъ или къ особой группѣ правыхъ октябристовъ. Наконецъ, рѣшеніе Государственной Думы по второму изъ этихъ вопросовъ, т. е. о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое, пробило первую брешь въ крѣпко сплоченномъ до того времени большинствѣ Государственной Думы, состоявшемъ изъ октябристовъ и націоналистовъ. Это рѣшеніе послужило первой причиной охлажденія между названными партіями и повлекло за собой дальнѣйшую неустойчивость законодательной дѣятельности Государственной Думы.

Первый законопроектъ, создавшій почву для сужденій по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, опредѣлялъ судьбу старообрядческихъ общинъ. Законопроектъ этотъ націоналисты привѣтствовали, какъ разрѣшеніе многовѣковой несправедливости, проявленной русскимъ законодательствомъ по отношенію къ старообрядцамъ. Епископъ Евлогій сказалъ по этому поводу (II, 4, 1261—1262): «Изъ всѣхъ русскихъ диссидентовъ наши старообрядцы являются наиболѣе близкими и родственными намъ по духу, являются родными сынами нашего единаго, великаго русскаго народа, несмотря на наше двухвѣковое раздѣленіе, несмотря на накопившуюся за это время желчь и горечь раздраженія, мы не можемъ не сознавать, что первоначальной основой и поводомъ къ этому раздѣленію послужило печальное историческое недоразумѣніе; что наши старообрядцы сохранили многія драгоцѣнныя черты нашего исконнаго русскаго историческаго бытового уклада, что они отличаются крѣпкимъ національнымъ чувствомъ, что они въ годину скорби и испытаній, въ годину нестроенія нашей общественной и государственной жизни, грудью выступали на защиту нашихъ родныхъ началъ, являясь элементомъ твердымъ, консервативнымъ, и мы вѣримъ и уповаемъ, что наступитъ тотъ свѣтлый день, когда мы сговоримся, столкуемся, когда покончимъ свои вѣковыя, раздирающія насъ распри, и потому, если кто, то именно старообрядцы, прежде всего, конечно, нуждаются въ устроеніи ихъ церковной и религіозной жизни; если кто, то они именно имѣютъ право на заботливое и внимательное отношеніе къ нимъ правительства и законодательства».

Широко открывая двери свободѣ старообрядческихъ вѣроученій, націоналисты, однако, стояли на почвѣ сохраненія первенства и господства православной Церкви. Высказываясь за предоставленіе старообрядцамъ всѣхъ правъ признанныхъ вѣроисповѣданій, націоналисты не находили возможнымъ создавать для старообрядчества положеніе привилегированное сравнительно съ положеніемъ православной Церкви. Старообрядчеству должны быть предоставлены наибольшія преимущества передъ остальными вѣроученіями, но предѣлъ этимъ преимуществамъ государство обязано видѣть въ томъ, чтобы не нарушались права первенства союзной Церкви православной.

На этой почвѣ и произошли разногласія между націоналистами и октябристами. Основнымъ поводомъ къ пререканіямъ послужила ст. 1 законопроекта, которая гласитъ: «Старообрядцамъ предоставляется свободное исповѣданіе и проповѣданіе ихъ вѣры...». Изъ доклада вѣроисповѣдной комиссіи, а также изъ рѣчей октябристовъ выяснилось, что подъ словомъ «свободное проповѣданіе ихъ вѣры» понимается не проповѣданіе въ своей средѣ, а свободная пропаганда своей вѣры во всякой чуждой средѣ,

въ томъ числѣ и въ средѣ православной Церкви. Съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса націоналисты не могли согласиться.

Отецъ Гепецкій (II, 4, 1228—1235) указалъ, что право свободнаго привлеченія послѣдователей на основаніи указа 17-го апрѣля является исключительнымъ преимуществомъ первенствующей Церкви православной, а потому не можетъ быть распространяемо на иныя вѣроученія. Иная точка зрѣнія была бы допустима лишь тогда, если бы государство отказалось отъ союза съ Церковью православной. Ораторъ сообщилъ также (1229—1230): «Когда Государю Императору угодно было издать манифестъ 17-го апрѣля, тогда все старообрядчество, какъ одинъ человѣкъ, вознесло Господу Богу благодарственное моленіе о томъ, что оно получило всѣ рѣшительно условія, при которыхъ оно въ состояніи свою внутреннюю религіозную жизнь развивать, какъ желало и какъ это нужно. Но мнѣ представляется рѣшительно недоказаннымъ, для чего, собственно говоря, старообрядческая комиссія желала бы еще надѣлить старообрядческія общества, всякія иныя согласія и всякія иныя вѣроученія, которыхъ, какъ вы сами знаете, имѣются сотни, правомъ миссіи, правомъ пропаганды среди православныхъ тѣхъ ученій, которыя часто взаимно исключаютъ одно другое и о которыхъ здѣсь было уже не разъ передъ вами говорено. Г.г., обратите вниманіе на то, что старообрядческія общины, въ силу указа 17-го апрѣля 1905 года, получили право внутренняго самоуправленія и право религіознаго самоопредѣленія; ихъ приходы получили права юридической единицы, ихъ внутренняя жизнь даже совершенно свободна отъ вмѣшательства государственной власти, отъ чего, какъ извѣстно, не свободна православная Церковь въ той мѣрѣ, въ какой она, можетъ быть, должна быть свободна; и потому надѣленіе ихъ еще и правомъ пропаганды, миссіи, правомъ проповѣдыванія своего ученія среди православныхъ, т. е. тѣмъ правомъ, которое принадлежитъ въ русскомъ государствѣ во всякомъ случаѣ только православной Церкви, какъ Церкви господствующей и первенствующей, имѣющей пріоритетъ въ государствѣ,—конечно, явилось бы положеніемъ нежелательнымъ, ибо этимъ самымъ вообще всѣ старообрядческія общины, вообще всѣ другія вѣроученія получили бы господствующее, первенствующее положеніе по сравненію съ православной Церковью. Я долженъ сказать вамъ: неужели вы думаете, что старообрядческія общины такъ стремились и стремятся получить право пропаганды своихъ ученій среди послѣдователей всѣхъ другихъ вѣроученій? Вспомните, чего они желали. До 1905 года всѣ вѣроисповѣдныя общества стремились получить одно, стремились получить право быть признанными государственной властью, они стремились получить право принадлежать къ тому или иному вѣроисповѣданію безъ какого бы то ни было граждан-

скаго правоограниченія; они стремились къ праву свободно и открыто выражать свое вѣроученіе въ обрядахъ своего культа, и они получили это право и отнеслись къ этому, какъ я уже отмѣтилъ, съ глубокой благодарностью».

Отецъ Гепецкій останавливается также и на другомъ вопросѣ: возможно ли вообще предоставленіе неопредѣленной свободы пропаганды кому бы то ни было? Ни въ одномъ государствѣ не допускается свобода проповѣди безграничная, такъ какъ свобода является истинной свободой только тогда, когда она не нарушаетъ свободы другихъ. Затѣмъ ораторъ привелъ также слѣдующія соображенія (1233—1235): «Вступая на путь свободы пропаганды того или иного ученія, государство должно быть въ высшей степени осмотрительно, въ высшей степени осторожно; оно должно имѣть въ виду, что, принимая этотъ принципъ, очень многія группы Государственной Думы, конечно, даже не руководятся благами для старообрядчества, для нихъ важно совершенно другое, а именно, чтобы Государственная Дума встала на этотъ путь, приняла самый принципъ, а затѣмъ, впослѣдствіи, представится самая легкая возможность распространить этотъ принципъ и въ ширь и въ глубь по отношенію ко всевозможнымъ ученіямъ не одного только религіознаго характера. И вотъ, господа, я долженъ вамъ сказать, что православная Церковь вовсе не боится того, что въ данномъ случаѣ будутъ расхищать ея чадъ, но во всякомъ случаѣ она не можетъ считаться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ вообще находится рýсскій народъ, народъ еще невѣжественный въ массѣ, народъ еще темный. Правда, что «тяжелый млатъ, дробя стекло, кустъ булатъ»; правда, что при полной свободѣ исповѣданій вымолотится самое чистое зерно православныхъ, но дѣло въ томъ, что стекло-то здѣсь будетъ разбито зря, въ угоду модѣ, въ угоду духу времени, чуждому дѣлу спасенія души и высшаго духовнаго интереса. Г.г., русская православная Церковь никогда не отличалась той нетерпимостью религіозной, въ которой здѣсь ее такъ обвиняютъ, но она всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, поднимала свой голосъ, когда угрожала та или другая опасность ея чадамъ быть поглощенными тѣмъ или другимъ ученіемъ. Если въ религіозной жизни Россіи бывали случаи обратнаго порядка, то Церковь, какъ таковая, конечно, здѣсь рѣшительно не при чемъ. Наоборотъ, Церковь своимъ любвеобильнымъ вмѣшательствомъ именно всегда старалась осуществить евангельскій завѣтъ любви къ людямъ; эти обвиненія, во всякомъ случаѣ, нельзя отнести на счетъ православной Церкви. Мы, г.г., признаемъ, что если по адресу православной Церкви иногда раздаются различныя обвиненія, то вовсе не въ силу того, что православное ученіе само по себѣ имѣетъ что-нибудь такое, что заставляетъ нападать; нѣтъ, г.г., вы знаете, вѣдь это не секретъ, на православную Церковь нападаютъ за то, что она находится въ союзѣ, въ единеніи съ государствомъ, и было бы странно со стороны го-

сударства, если бы оно было совершенно равнодушно къ тѣмъ ярымъ нападеніямъ, которыя будутъ сдѣланы на Церковь при пропагандѣ противоцерковныхъ ученій; равнодушіе государства послужило бы толчкомъ, чтобы Церковь отдѣлить отъ государства. Гг., во что превратится жизнь нашей паствы, если сегодня будетъ трепать ее одинъ фанатикъ, завтра другой и т. д. Мы боимся, чтобы не развился тотъ фанатизмъ, который вообще производилъ въ жизни народовъ самыя ужасныя бѣдствія. Вѣдь именно религіозное движеніе страшнѣе всѣхъ самыхъ сильныхъ политическихъ движеній, и, кто его знаетъ, не станемъ ли мы накапунѣ страшныхъ религіозныхъ столкновеній, если въ настоящій моментъ, когда Церковь православная дѣйствительно еще не такъ организована, какъ она должна быть организована, когда православное населеніе, конечно, не по винѣ Церкви дѣйствительно, еще очень малограмотно и невѣжественно, если въ этотъ моментъ откроемъ всѣ двери и впустимъ въ народъ ядъ всякой пропаганды даже изувѣрныхъ вѣроученій».

Епископъ Евлогій также не можетъ согласиться съ уничтоженіемъ правъ первенствующей православной Церкви. Ораторъ считаетъ несомнѣннымъ (II, 4, 1261—1264): «Что самое главное, основное историческое преимущество нашей православной Церкви состоитъ въ свободѣ привлеченія къ ней послѣдователей, въ свободѣ распространенія ея ученія. И это преимущество, конечно, должно оставаться только ей одной присвоеннымъ, ей, какъ первенствующей и господствующей Церкви, должно оставаться незыблемымъ. Здѣсь указывалось на другія преимущества, которыя съ нарушеніемъ этого главнаго преимущества все-таки остаются, при чемъ депутатъ Маклаковъ въ своемъ увлеченіи даже указывалъ на такое преимущество, которое не составляетъ привилегіи собственно православной Церкви, а именно на то, что она пользуется государственнымъ бюджетомъ, хотя этимъ пользуются и Церкви другихъ исповѣданій. Но всѣ эти преимущества внѣшнія и они теряютъ свое значеніе, если не будетъ сохранено первое главное и основное преимущество, на которое я указывалъ. Говорятъ, что Церковь не нуждается въ этомъ преимуществѣ; говорятъ, что надо защищать Церковь другими средствами, договариваются до того, что для Церкви выгоднѣе, если она будетъ вовлечена въ эту борьбу со своими врагами, съ представителями другихъ вѣроученій, какъ говорили депутатъ Соколовъ 2-й и отчасти Маклаковъ. Признаюсь, мнѣ всегда бываетъ очень грустно и больно слышать подобныя рѣчи. Конечно, Церковь не нуждается въ нашей слабой человѣческой защитѣ, конечно, наша православная Церковь, пережившая славныя времена, переживетъ и эпоху своего униженія, врата адова ее не одолѣютъ; даже болѣе: дѣйствительно, наиболѣе свѣтлые періоды

церковной жизни совпадаютъ съ годами наиболѣе тяжелыхъ внѣшнихъ условій ея существованія, и эпоха гоненій является золотымъ вѣкомъ въ жизни Церкви. Но что же отсюда слѣдуетъ? Мы-то, любящія, истинно преданныя дѣти Церкви, неужели мы должны желать для Церкви этихъ тяжелыхъ испытаній, неужели должны стремиться создавать для нея такія тяжелыя условія, среди которыхъ она должна проявить сокрытую въ ней великую мощь и силу? Вѣдь, не будемъ же мы для какого-нибудь своего роднаго, дорогого человѣка, напримѣръ, для своей родной матери, создавать такія тяжелыя условія только для того, чтобы въ этихъ испытаніяхъ проявилась ея духовная мощь? Мнѣ невольно припоминается, какъ такіе софизмы разбивалъ нѣкогда святой апостолъ Павелъ: онъ говорилъ, что неправда человѣческая часто служитъ къ обнаруженію великой правды Божіей. Но что же? Неужели будемъ мы творить эту неправду для того, чтобы дать мѣсто проявленію этой Божіей правды, неужели мы будемъ творить зло для того, чтобы изъ этого явилось добро? «Да не будетъ,—говоритъ апостолъ,—праведенъ судъ Божій надъ таковыми». И я, когда слышу подобныя рѣчи отъ мнимыхъ друзей и защитниковъ Церкви, точно также говорю: «избави Богъ насъ отъ этихъ друзей».

Епископъ Евлогій указалъ также и на опасности, могущія возникнуть въ жизни безъ конкретнаго законодательнаго опредѣленія объема правъ свободнаго проповѣдыванія (II, 4, 1267—1268): «Введеніе этого новаго начала въ видѣ такого простого заявленія «о проповѣданіи» крайне неясно и неопредѣленно. Развѣ оно прибавитъ что-нибудь къ тому, что уже дано этимъ закономъ? Вѣдь это новое начало вводятъ, какъ уже указывали и другіе ораторы, совершенно случайно и совершенно попутно, и оно совершенно не согласовано съ общей системой остальнаго русскаго законодательства и находится со множествомъ законовъ въ полномъ и непримиримомъ противорѣчіи. Если бы старообрядческая комиссія была послѣдовательна, то ей нужно было бы постановить отмѣнить всѣ тѣ законы, которые стоятъ въ противорѣчіи съ этимъ началомъ; а безъ этой отмѣны это слово, это выраженіе является ничѣмъ инымъ, какъ красивой фразой, красивымъ звукомъ безъ какого бы то ни было реальнаго содержанія; однако, такимъ выраженіемъ, которое дѣйствительно можетъ внести смуту, можемъ внести сумбуръ въ правосознаніе тѣхъ людей, для которыхъ оно теперь придумывается. И опытнымъ юристамъ, которые работали въ старообрядческой комиссіи, слѣдовало бы подумать, къ какимъ юридическимъ коллизіямъ, къ какой путаницѣ понятій поведетъ внесеніе этого слова въ законопроектъ безъ опредѣленнаго, конкретнаго его установленія въ законодательномъ порядкѣ».

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній націоналисты и внесли поправку къ ст. 1 законопроекта въ томъ смыслѣ, чтобы старообрядцамъ была предоставлена свобода проповѣдыванія лишь въ предѣлахъ своихъ религіозныхъ и образовательныхъ учрежденій, а также на своихъ погостахъ и кладбищахъ. Эта поправка была отклонена большинствомъ лѣвыхъ октябристовъ и оппозиціи, а тѣмъ самымъ Государственная Дума впервые отвергла основное начало преимущественнаго положенія православной Церкви въ русскомъ государствѣ.

Вторымъ законопроектомъ, вызвавшимъ сужденія о свободѣ вѣры, былъ законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Кореннымъ пунктомъ разногласія послужила опять ст. 1 доклада комиссіи. Въ правительственной редакціи эта ст. 1 гласила такъ: «Каждому достигшему совершеннолѣтія лицу предоставляется переходить, безъ испрошенія на то разрѣшенія административной власти, изъ одной христіанской религіи, или христіанскаго вѣроученія въ другое, а изъ нехристіанства и язычества въ христіанство и во всякое другое нехристіанское или языческое вѣроученіе». Эта правительственная редакція была въ комиссіи подвергнута весьма существенной переработкѣ, и ст. 1 по докладу комиссіи предположена была въ слѣдующемъ видѣ: «Каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, принадлежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ». И такъ, правительство признавало полную свободу перехода изъ одной вѣры въ другую лишь за лицами, не принадлежащими къ христіанству; что же касается христіанъ, то ихъ свобода выбора новаго вѣроученія ограничивалась только предѣлами христіанства. Между тѣмъ, вѣроисповѣдная комиссія стала на точку зрѣнія религіознаго безразличія, допустивъ неограниченность перехода изъ одной вѣры въ другую, уравнявъ передъ закономъ всѣ религіи, какъ христіанскія, такъ и нехристіанскія.

Этотъ взглядъ вѣроисповѣдной комиссіи націоналисты признавали безусловно неправильнымъ, несогласнымъ съ ученіемъ о христіанскомъ государствѣ. Равенство религій, какъ христіанскихъ, такъ и нехристіанскихъ, допустимо лишь въ государствѣ, ставшемъ на позицію полнаго отдѣленія отъ Церкви. Между тѣмъ русское государство, находящееся въ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ православной Церковью, тѣмъ самымъ выдѣлило православную вѣру изъ всѣхъ остальныхъ религій, признавъ ее единой истинной. Мало того, русское государство, исповѣдуя начала широкой вѣротерпимости, тѣмъ не менѣе за Церковью православной сохранило первенство и господство. Епископъ Евлогій говоритъ (II, 4, 1772—1773): «Несомнѣнно, что въ русскомъ государствѣ испоконъ вѣка, съ самаго начала,

была широкая вѣротерпимость. Эта вѣротерпимость наблюдалась въ Россіи еще тогда, когда на западѣ пылали костры инквизиціи. Объ этомъ говоритъ, напримѣръ, извѣстный путешественникъ Адамъ Олеарій, который въ началѣ XVII вѣка писалъ: «Не слышно, чтобы русскіе кого насильно обращали въ свою вѣру, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были подданные или ихъ рабы». Эта традиція вѣротерпимости отъ самаго начала нашей исторіи, отъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, красною нитью проходитъ черезъ всю исторію, она отразилась и во взглядѣ императора Петра Великаго. Она находитъ себѣ прекрасное отраженіе въ золотыхъ словахъ въ бозѣ почивающаго Императора Александра III, который выразился такъ: «Всѣмъ вѣрамъ почитаніе,—православію господство».

Должно ли, однако, первенство и господство православной Церкви ставить въ связь съ принудительной силой государства, заключающей желѣзнымъ кольцомъ наслѣдственный союзъ вѣрующихъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ о т е ц ъ В о л к о в ъ (II, 1969): «Что касается церковныхъ взглядовъ на вопросъ о свободѣ совѣсти, вопросъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, то прежде всего необходимо установить то положеніе, что для Церкви не можетъ быть желательнымъ нахожденіе или присутствіе въ ея оградѣ такихъ лицъ, которыя не испозѣдывали бы ея догматовъ, которыя въ своей жизни не руководились бы тѣми нравственными началами, которыми Церковь опредѣляетъ жизнедѣятельность своихъ членовъ». Таковъ долженъ быть взглядъ Церкви по мнѣнію націоналистовъ. Точку зрѣнія государства на подобное принужденіе указалъ е п и с к о п ъ Е в л о г і й (II, 4, 1766): «Въ нашихъ законахъ нѣтъ какой-нибудь гражданской кары за отпаденіе въ нехристіанскую вѣру, и фактически всякій отпадающій въ нехристіанское вѣроисповѣданіе или даже совершенно впадающій въ безрелигіозное состояніе можетъ оставаться безнаказаннымъ; и никто его не будетъ принуждать кощунственно, какъ здѣсь говорилось, исполнять требованія покинутаго имъ религіознаго вѣроисповѣданія».

Такимъ образомъ націоналисты рѣшительно отказывались отъ принужденія въ дѣлахъ вѣры, но, тѣмъ не менѣе, они не соглашались на редакцію ст. 1 вѣроисповѣдной комиссіи и защищали правительственный законопроектъ. Если въ законѣ не должно быть принужденія, это не должно, однако, обозначать полнаго религіознаго безразличія государства. Е п и с к о п ъ Е в л о г і й говоритъ по этому поводу (II, 4, 1766): «Комиссія въ п. 1 своего законопроекта допускаетъ или узаконяетъ переходъ не только изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое христіанское же, но и переходъ изъ христіанскаго вѣроисповѣданія въ нехристіанское—мусульманское,

еврейское, языческое. Большого практическаго значенія для православной Церкви и всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій это расширеніе рамокъ правительственнаго законопроекта, по моему мнѣнію, не имѣетъ. Для всѣхъ насъ очень ясно, что переходъ въ язычество или, вообще, въ нехристіанство возможенъ только гдѣ-либо въ далекихъ, темныхъ медвѣжьихъ углахъ нашего Востока или нашей отдаленной Сибири, или, можетъ быть, подъ вліяніемъ какой-либо особенно усиленной пропаганды; такъ что, я говорю, для Церкви православной это расширеніе не имѣетъ существеннаго значенія, но для государства значеніе это не маловажное, какъ только что разъяснилъ намъ это г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Этимъ расширеніемъ вносится въ наше законодательство идея равноправности, равноцѣнности христіанства и нехристіанства, идея, въ сущности, религіознаго безразличія; умаляется, оскорбляется идея христіанская, которая глубоко залегла въ основу нашей жизни, нашего законодательства, всецѣло, насквозь проникнутаго этой христіанской идеей. Указываютъ намъ на примѣръ Западной Европы, но забываютъ нашу русскую дѣйствительность, забываютъ о глубоко вѣрующей душѣ народной».

По тому же поводу Мотовиловъ (II, 4, 1980—1981) указалъ, что Россія, которая сложилась въ единеніи съ православной Церковью, испоконъ вѣковъ и росла въ православіи. Подъ знаменемъ православной вѣры проходила вѣковая борьба и съ татарами и съ поляками, и Церковь благословляла русскихъ князей не только на побѣды, но и на мученія. Этотъ вѣковой союзъ Церкви и государства не можетъ быть разорванъ по желанію Государственной Думы, и Государственная Дума не можетъ сказать русскому народу, что напрасно онъ думалъ, будто вѣра его такъ высока, — православіе равно съ другими религіями. Русская Государственная Дума не можетъ принести русскому народу такого развѣнчанія его вѣры. Нельзя преслѣдовать за вѣру, но нельзя также забывать и о глубоко вѣрующей душѣ народной.

Споръ о редакціи статьи 1 законопроекта вызвалъ весьма рѣзкое обострѣніе между новымъ большинствомъ Государственной Думы, состоящимъ изъ октябристовъ и оппозиціи, съ одной стороны, и націоналистами совмѣстно съ правыми съ другой. Націоналисты, настаивая на точкѣ зрѣнія христіанскаго государства, признавали, что принятіе ст. 1 въ редакціи вѣроисповѣдной комиссіи является грознымъ ударомъ для союза Церкви и государства. Но, считая необходимымъ всесторонне освѣтить этотъ вопросъ, націоналисты продолжали свою борьбу даже тогда, когда ст. 1 проекта комиссіи прошла во второмъ чтеніи. Лишь послѣ того какъ и при третьемъ чтеніи была отклонена поправка націоналистовъ о возстановленіи правительственной редакціи ст. 1, націоналисты рѣшили снять съ себя всякую отвѣтствен-

ность за законопроектъ, воздержавшись отъ дальнѣйшаго его обужденія. При этомъ предсѣдатель фракціи Балашевъ внесъ отъ имени фракціи слѣдующее заявленіе (II, 4, 2997—2998): «Фракція, исповѣдуя основныя положенія свободы совѣсти, возвѣщенныя высочайшими указомъ 17-го апрѣля и манифестомъ 17-го октября 1905 г., всемѣрно содѣйствовала проведенію въ законодательномъ порядкѣ внесеннаго правительствомъ, во исполненіе высочайшей воли, законопроекта о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Между тѣмъ, вновь образовавшееся въ Думѣ большинство, расширивъ предѣлы законодательнаго предположенія, установило начала равенства передъ закономъ религіи христіанской съ еврействомъ, магометанствомъ и даже язычествомъ. Признавая непреложной истиной, что величіе и мощь Россійской Имперіи покоятся на тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ первенствующей Церковью православной, и находя, что распространительное толкованіе высочайшихъ предуказаній, допущенное большинствомъ Государственной Думы, пытается извергнуть Россію даже изъ сонма государствъ христіанскихъ, фракція, исчерпавъ всѣ мѣры противодѣйствія, воздерживается отъ дальнѣйшаго обсужденія названнаго законопроекта, возложивъ всю отвѣтственность за указанное рѣшеніе Государственной Думы на вновь образовавшееся большинство».

Протестъ въ такой формѣ націоналисты выразили потому, что законопроектъ, съ момента признанія равенства религій христіанской и нехристіанскихъ, признавался ими не только безполезнымъ, но безусловно вреднымъ.

IV.

Развитіе народной самодѣятельности.

а) Земскія и городскія самоуправленія.

Четвертымъ пунктомъ своей программы націоналисты ставятъ: «Подъемъ производительныхъ силъ государства путемъ развитія народной самодѣятельности».

Долгій періодъ недовѣрія государства къ творческимъ силамъ самого народа не привелъ къ благимъ результатамъ. Величайшія въ мірѣ естественныя богатства Россіи вѣками оставались неиспользованными благодаря неразвитости частной инициативы. А частная инициатива погибала въ виду стремленія государства захватить все въ свои руки. Затрудненія, встрѣчаемыя частными лицами на каждомъ шагу, постепенно парализовали широкій размахъ русской предпріимчивости, ограничивъ ее тѣснымъ кругомъ рутинной промышленности. Все же, что выходило за предѣлы рутины, встрѣчалось съ пугливостью государства и погибало въ потокахъ ограниченій и запрещеній. Обновленный государственный строй покоится на довѣріи къ политической зрѣлости народа, а это довѣріе несовмѣстимо съ отсутствіемъ вѣры въ успѣхъ народной же хозяйственной самодѣятельности. Вотъ почему на обновленномъ государственномъ строѣ лежитъ неотложная обязанность раскрѣпощенія хозяйственной жизни народа, уничтоженія всѣхъ рутинныхъ препятствій развитію народной самодѣятельности.

Русскіе націоналисты не были бы таковыми, если бы не вѣрили въ творческія силы самого русскаго народа. Націоналисты и вѣрятъ въ это народное творчество и на немъ покоятъ свои предположенія о подъемѣ производительныхъ силъ государства.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые предстояло разрѣшить Государственной Думѣ въ этомъ направленіи, былъ вопросъ о замѣнѣ правитель-

ственныхъ хозяйственныхъ учрежденій общественными тамъ, гдѣ земскія и городскія учрежденія еще не были введены. Продолжительный періодъ земской и городской общественной дѣятельности, несмотря на нѣкоторыя отрицательныя ея стороны, далъ наглядный примѣръ значительныхъ преимуществъ хозяйственнаго самоуправленія сравнительно съ правительственными мѣропріятіями. Эти жизненныя данныя и служили для націоналистовъ руководящими началами при обсужденіи законодательныхъ предположеній о расширеніи области дѣйствія земскаго и городского положеній. По поводу законопроекта о введеніи земства въ западномъ краѣ пр. Богдановъ указалъ (III, 4, 791): «Уже неоднократно при подходящихъ случаяхъ съ этой трибуны представителями западныхъ губерній выражалось желаніе, чтобы земское самоуправленіе было распространено и на наши западныя губерніи. Кажется всѣми признается это желаніи вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Какъ представитель Кіевской губерніи, одной изъ самыхъ населенныхъ и богатыхъ въ цѣлой Россіи, я долженъ сказать, что не безъ зависти смотрю на такъ называемыя земскія губерніи, которыя обладаютъ многимъ изъ того, чего наша богатая Кіевская губернія и вообще весь западный край въ настоящее время еще не имѣютъ. Нашъ прекрасный край, щедро одаренный природой, находящійся въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ , несмотря на высокую культурность отдѣльныхъ его уголковъ, все-таки до настоящаго времени остается лишеннымъ такихъ культурныхъ благъ, какъ проѣзжія дороги, какъ доступная населенію медицинская помощь, какъ достаточное число народныхъ начальныхъ школъ и т. д., и мы надѣемся, что если и въ нашемъ краѣ начнетъ дѣйствовать земское самоуправленіе, мы дождемся этихъ благъ. Поэтому я думаю, что вы можете считать наше желаніе, чтобы у насъ было полное земство, вполнѣ искреннимъ. Для васъ должно быть понятно, съ какой радостью мы встрѣтили извѣстіе о томъ, что правительство, наконецъ, выработало законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ, что этотъ законопроектъ внесенъ уже въ Государственную Думу».

Когда сибирскіе депутаты безъ всякаго повода обвинили Государственную Думу въ нежеланіи дать Сибири земство, гр. Бобринскій спросилъ (I, 2, 960): «Кто далъ основаніе, кто уполномочилъ кого-ли бо тутъ говорить, что мы не желаемъ дать земства Сибири? Мы, которые знаемъ, что земство намъ необходимо, какъ воздухъ, неужели мы откажемъ въ этомъ Сибири?»

И дѣйствительно, націоналисты высказались за введеніе общественныхъ самоуправленій не только въ Сибири, но даже и въ такихъ инородческихъ окраинахъ, гдѣ имѣли мѣсто явленія сепаратизма. Эти противогосударственныя стремленія не пугали націоналистовъ, но заставляли лишь

настаивать на созданіи гарантій, обезпечивающихъ преимущество общегосударственныхъ интересовъ передъ мѣстными.

Правительство внесло законопроектъ о преобразованіи волостного управленія. Націоналисты признавали этотъ законъ весьма полезнымъ, но въ переработкѣ его комиссіей находили отрицательныя стороны.

Такъ Синадино указалъ (IV, 2, 2107—2121): «По порученію думской фракціи націоналистовъ, имѣю честь сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе. Прежде всего, фракція предлагаетъ и считаетъ необходимымъ, чтобы волость въ будущемъ была безсословной, а во-вторыхъ, что мѣстные сборы на расходы по волости должны быть разложены на всѣ объекты обложенія волости. Это главныя основанія, которыя мы, націоналисты, кладемъ, какъ будущее начало волости. Изъ доклада Ю. Н. Глѣбова по данному вопросу я лично могъ убѣдиться, что комиссія считаетъ главной задачей урегулировать мѣстную сельскую жизнь и полагаетъ, что пока эта жизнь на мѣстахъ не будетъ урегулирована, до тѣхъ поръ ни одна государственная реформа не будетъ имѣть существеннаго значенія и успѣха. Затѣмъ, какъ второй аргументъ, комиссія въ своемъ докладѣ выставляетъ то, что волость должна быть по преимуществу организаціей земскаго характера, и если волость этой земской организаціи имѣть не будетъ, то она можетъ въ будущемъ сыграть ту роль, которую ей надлежитъ имѣть. Затѣмъ, третье—комиссія полагаетъ, что таковыя организаціи отнюдь не помѣшаютъ волости одновременно исполнять роль низшаго административнаго органа на мѣстахъ. Въ заключеніе комиссія приводитъ и подчеркиваетъ, что она увѣрена, что если правительство не придетъ на помощь этой новой организаціи денежнымъ пособіемъ, то врядъ ли эта новая земская единица сможетъ жить своими мѣстными обложеніями. Что же касается правительства, то оно въ своемъ представленіи въ законопректѣ о введеніи волостного самоуправленія на стр. 8 говоритъ, что волость утратила свой общественный сословный характеръ и превратилась въ низшую административную организацію и, затѣмъ, тамъ же высказываетъ опасеніе, что если эта мѣстная административная организація будетъ превращена въ чисто земскую мелкую единицу, то, какъ тамъ сказано: «весь административный механизмъ государства, тѣснѣйшимъ образомъ связанный нынѣ съ наличностью этой мелкой единицы управленія и приноровленный къ ней, останется безъ опоры на мѣстахъ». Вотъ въ предѣлахъ этихъ положеній намъ сегодня приходится разсматривать данный законопроектъ.

Я постараюсь разсмотрѣть предложеніе комиссіи по возможности короче и объективнѣе съ моей точки зрѣнія. Прежде чѣмъ приступить къ самому разбору положеній, я, однако, считаю не лишнимъ указать на нѣкоторые примѣры изъ исторіи прошлаго, когда у насъ были сдѣланы эксперименты,

по которымъ правительство добивалось одновременно двоякаго рода результатовъ отъ одной и той же реформы. Прежде всего, какъ вамъ прекрасно извѣстно, когда были освобождены крестьяне въ 1861 г. и надѣлены землею, была образована пресловутая община. И вотъ, эта земля была передана въ распоряженіе міра, она не была дана въ единичное владѣніе отдѣльныхъ жителей деревни крестьянъ. Правительство полагало, что такимъ образомъ оно добьется полнаго и навсегда обезпеченія землею всѣхъ, т. е., другими словами, принимая во вниманіе, что тогда все крестьянство занималось исключительно хлѣбопашествомъ, всѣ крестьяне будутъ счастливы и богаты на мѣстахъ и всѣ будутъ владѣть и обезпечены землею. Но въ дѣйствительности что же получилось? Получилось то, что всѣ крестьяне почти что, можно сказать, оказались бѣдными и значительно лишенными земли. Да другого результата нельзя было и ждать, потому что, если кто добивается двухъ какихъ-нибудь послѣдствій, одинаково значащихъ, по одной принятой мѣрѣ, то обыкновенно онъ не добивается ни того, ни другого. Этотъ примѣръ я отношу вниманію центра. У меня есть еще примѣръ для крайняго лѣваго крыла. Да, изъ исторіи административнаго прошлаго. Какъ вамъ извѣстно, по началу своему жандармы были чисто военной организаціей, но затѣмъ имъ придали гражданскія обязанности. Я спрашиваю моихъ лѣвыхъ сотоварищей, много ли въ жандармскомъ институтѣ осталось военнаго духа и традицій? Я полагаю что наоборотъ: гражданскія ихъ обязанности поглотили ихъ военную оболочку. Вотъ такъ и по данному законопроекту. Я весьма опасаюсь, что то предположеніе, которое имѣетъ въ виду комиссія, создать одновременно мелкую земскую единицу на мѣстахъ и мелкіе административные органы правительства совмѣстно въ одно и то же время, опираясь на одинѣ и тѣ же мѣстныя силы, невозможно, и въ будущемъ безусловно случится то, что произошло съ волостью того типа, который мы видимъ нынѣ. И въ 1861 г. эта волость имѣла чисто сословный, мѣстный характеръ. Волостной сходъ долженъ былъ по духу того времени, заниматься частными общественными дѣлами сельскаго населенія, и, въ концѣ концовъ, во что выродилась эта волость? Она выродилась въ мѣстную административную мелкую единицу, во главѣ которой стоитъ волостной старшина, а волостной сходъ лишился почти абсолютно, если не юридически, то фактически, своихъ присущихъ ему правъ. То же самое должно случиться и съ нашей будущей волостью, если она когда-нибудь въ томъ видѣ, какъ это предполагаетъ комиссія, будетъ введена въ жизнь: неминуемо одолѣетъ или земское теченіе или административное; если одолѣетъ земское теченіе, центральная администрація будетъ лишена своихъ низшихъ агентовъ на мѣстахъ, если же одолѣетъ теченіе административное, то должна неминуемо умереть мелкая земская еди-

ница на мѣстахъ,—это неминуемое требованіе историческаго хода развитія каждаго дуалистическаго института. Вотъ въ главныхъ частяхъ моя точка зрѣнія на предложенную вашему вниманію реформу.

Затѣмъ, переходя къ ст. 4 и 121, которыя трактуютъ о способѣ обложенія объектовъ будущей волости въ смыслѣ увеличенія окладныхъ сборовъ, мы усматриваемъ, что комиссія полагаетъ, что это обложеніе должно быть безпредѣльно на началахъ земской оцѣнки, и предѣлы этому обложенію кладетъ уѣздное земское собраніе. Я прежде всего полагаю, что, съ мѣста, новой организаціи, состава которой, направленія работъ которой мы еще не знаемъ, будетъ весьма рисковано предоставить право безграничнаго самообложенія, потому что я не думаю, чтобы критическое отношеніе земскаго собранія можно было бы въ серьезъ учесть, какъ регуляторъ будущаго обложенія волости. Мы всѣ знакомы съ уѣздными земскими собраніями и, зная ихъ способы работъ и веденіе дѣла, убѣждены, что при той многочисленной работѣ, которая предстоитъ обыкновенно уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, при тѣхъ многочисленныхъ задачахъ, которыя необходимо рѣшить, при тѣхъ улучшеніяхъ, о которыхъ слѣдуетъ подумать, для уѣзда врядъ ли останется много времени съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣть въ отдѣльности десятокъ или другой волостныхъ смѣтъ, и получится или фиксація права урѣзыванія, или же огульное постоянное подтвержденіе и утвержденіе предположеній расходныхъ смѣтъ волостныхъ земствъ. Въ этомъ можно быть увѣреннымъ еще потому, что представители волостныхъ земствъ будутъ въ извѣстномъ числѣ уѣздными гласными, и только они, а не кто другой, будутъ защищать или хулить свои предположенія, потому что я серьезно не допускаю того положенія комиссіи, что въ уѣздномъ собраніи будутъ заслушаны мнѣнія уѣздныхъ совѣтовъ или уѣздныхъ съѣздовъ особаго состава, чтобы эти постановленія имѣли какое-нибудь серьезное значеніе для дѣла. Я этого положенія не допускаю по той простой причинѣ, что всѣмъ вамъ прекрасно извѣстно, поскольку всегда губернскія собранія реагируютъ на протесты губернатора по смѣтамъ или по постановленіямъ уѣзднаго земскаго собранія. Обыкновенно эти протесты пишутся заранѣе въ томъ убѣжденіи, что они никогда не бываютъ или очень рѣдко бываютъ уважены. Такъ точно повторится и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ; такъ какъ представителями волости будутъ только гласные, уполномоченные отъ этой волости, избранные въ уѣздныя собранія, то уѣздныя собранія всегда будутъ соглашаться съ ихъ мнѣніемъ. Это разъ, а иной разъ въ виду желанія угодить имъ, принимая во вниманіе, что ихъ голоса могутъ пригодиться по другимъ вопросамъ,—и въ этомъ случаѣ будетъ приниматься ихъ мнѣніе всегда и безапелляціонно. Такъ на это прошу мнѣ разъяснить—какова же будетъ въ концѣ концовъ

роль этихъ уѣздныхъ земскихъ собраній по вопросу объ урегулированіи смѣтъ волостного земства?

Затѣмъ предполагается обложеніе волости поставить въ зависимость отъ существующей земской оцѣнки. Вѣдь, гг., это могутъ говорить или люди, которые незнакомы съ земскихъ дѣломъ и съ тѣмъ, какимъ образомъ у насъ поставлена земская оцѣнка недвижимости вообще, или тѣ, которые не хотятъ или дѣлаютъ видъ, что не хотятъ сознаваться, что они знакомы въ положеніемъ этого вопроса. Я думаю, что для всей Государственной Думы безусловно является фактомъ установленнымъ, что земскія оцѣнки, какъ земель въ особенности, такъ отчасти торгово-промышленныхъ заведеній, ниже всякой критики, и изъ того матеріала, который еще недавно отпечатанъ въ книжкѣ Московскаго биржевого комитета «Земское обложеніе земель и торгово-промышленныхъ заведеній», изд. 1911 г., вы можете усмотрѣть, что по 189 уѣздамъ оцѣнокъ, такъ сказать, свѣжихъ, не позже 90-хъ годовъ, всего 36%, а имѣются оцѣнки, 23%, 60—61 годовъ, т.-е. того юбилейнаго года, который мы надняхъ праздпуемъ. Затѣмъ, что касается торговопромышленныхъ оцѣнокъ, то по 170 уѣздамъ такихъ оцѣнокъ, болѣе свѣжихъ, имѣется 75%. Изъ этого вы можете усмотрѣть, что и нынѣ обложеніе земель польготчено въ 4—5 разъ больше сравнительно съ обложеніемъ торговопромышленныхъ заведеній. И попынѣ, когда земскіе плательщики уплачиваютъ отъ 7 до 9% валового своего дохода съ земли, а крестьяне и того больше, считая съ мірскими сборами отъ 12 до 14% съ доходности ихъ земли, такъ неужели же можно серьезно отнестись къ предположенію комиссіи, что и волостные новые сборы, которые должны быть велики и несомнѣнно таковыми и будутъ, иначе это волостное земство не будетъ играть той роли, которую ему надлежитъ играть на мѣстахъ,—такъ неужели же можно допустить, чтобы это обложеніе, которое возрастетъ въ порядочной степени, усугубляло бы эту неравномѣрность обложенія земель и торговопромышленныхъ заведеній? Вѣдь, г.г., мнѣ кажется, что если кто мечтаетъ о введеніи какого-нибудь новаго обложенія на мѣстахъ, такъ онъ прежде всего долженъ былъ бы заботиться о томъ, чтобы, наконецъ, былъ приведенъ къ окончанію законъ 1893 г. объ оцѣнкахъ земель и имуществъ земскихъ, и чтобы по крайней мѣрѣ была бы произведена общая кадастрація всѣхъ недвижимостей на мѣстахъ. И вотъ только тогда, я думаю, можно мечтать, о томъ, чтобы въ сильной степени для новыхъ мѣстныхъ организацій увеличивать обложеніе земель и торговопромышленныхъ заведеній. Если же это мы сдѣлаемъ теперь, когда ничего подобнаго нѣтъ, когда по этому вопросу существуетъ сплошной хаосъ вездѣ и повсюду по всей Россіи, такъ это будетъ шагъ, по меньшей мѣрѣ, неосторожный шагъ, который еще въ большей степени запутаетъ нашъ во-

просъ объ регулированіи объекта обложенія на мѣстахъ. Если теперь уѣздныя и губернскія земства не могли постичь того положенія, что нельзя медлить съ измѣненіемъ кадастра оцѣнки, такъ неужели же вы думаете, что эти мелкія земскія единицы проникнутся большимъ пониманіемъ необходимости этой реформы. Нѣтъ, наоборотъ, можно быть увѣрены ымъ, что эта реформа еще больше затянется, можетъ быть, станетъ и невозможной.

Правительство полагало предоставить возможность и право волостнымъ организаціямъ пользоваться правомъ обложенія недвижимостей, но пользоваться этимъ правомъ въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ административнымъ органомъ уѣзда. Я думаю, что эта мѣра разумная, цѣлесообразная и болѣе осторожная, чѣмъ первая; она даетъ возможность присмотрѣться къ тому, какъ новыя учрежденія могутъ оріентироваться на мѣстахъ, какъ они поймутъ свою задачу; это дастъ возможность имѣть гибкій, эластичный аппаратъ въ рукахъ центральнаго правительства, дабы давать возможность обложенію расти тамъ, гдѣ необходимо, въ виду того, что уѣздное земство не вполнѣ исполнятъ ту роль, которая ему предназначена, и задерживаетъ обложеніе тамъ, гдѣ уѣздныя и губернскія земства стоятъ на высотѣ своего призванія. Во всякомъ случаѣ, повторяю, для перваго начала эта мѣра отнюдь не безполезна.

Затѣмъ мы переходимъ къ ст. 7-й, въ которой трактуется о границахъ волости. Проектъ полагаетъ, что границы волости могутъ быть устанавливаемы опять тѣмъ же рѣшеніемъ уѣзднаго собранія. Съ этимъ я опять не могу согласиться по той простой причинѣ, что понятіе о волости есть понятіе государственное и имѣетъ непосредственно близкое, неразрывное отношеніе ко всему строю исполнительной власти на мѣстахъ, съ одной стороны, и къ финансовымъ объектамъ обложенія съ другой. Неужели же можно допустить, чтобы всѣ окладныя книги казенныхъ палатъ, всѣ распоряженія губернской администраціи на мѣстахъ, что ни годъ, должны измѣняться согласно постановленію уѣздныхъ земскихъ собраній. Да пусть меня извинитъ комиссія, но я считаю эту мѣру прямо таки не выдерживающей никакой критики. Граница каждой волости, какъ и граница каждой губерніи, должна быть установлена; она можетъ мѣняться; но мѣняться она должна не однимъ быстрымъ мимоходнымъ постановленіемъ земскаго уѣзднаго собранія, которое можетъ постановить то или иное рѣшеніе подъ вліяніемъ того или другого импульса; административныя границы не должны быть измѣняемы по различнымъ волевымъ и мимолетнымъ импульсамъ, а должны быть строго фиксированы и постоянны.

Затѣмъ комиссія предполагаетъ ввести разряды курій для избирательныхъ собраній на предметъ выбора въ гласные, и въ первую курію засчиты-

ваетъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ полный цензъ включительно до одной пятой земельнаго ценза, а число гласныхъ расчитано по количеству уплачиваемыхъ . а.кдой куріей земскихъ волостныхъ сборовъ. Если принять это предложеніе, то можно быть увѣреннымъ, что полный цензовикъ никогда не получитъ мѣста въ новомъ волостномъ земствѣ; онъ, конечно, будетъ предоставлять свои имущества, предоставлять первой куріи возможность выбирать большее количество гласныхъ, но, предоставляя одну лишь матеріальную выгоду, лично никогда не воспользуется этимъ своимъ правомъ. Конечно, на это мнѣ могутъ возразить, и я кажется уже слышу возраженія слѣва, что этого никогда не будетъ, что этого вѣдь не написано въ законѣ, и что будетъ наоборотъ, что онъ будетъ иной разъ выбираться. Конечно, теоретически эти господа правы, но я теперь говорю не столько о теоріи, сколько предвижу практику будущаго. Поэтому мнѣ кажется, если остановиться на куріяхъ, слѣдовало бы полныхъ цензовиковъ выдѣлить въ отдѣльныя куріи; а гдѣ ихъ нѣтъ, то они избирать своихъ представителей не будутъ. Такъ что это предположеніе можно факультативно допустить.

Затѣмъ, комиссія полагаетъ, что во главѣ волостного земства, долженъ стоять предсѣдатель волостного земства, два, три члена и т. д., смотря по необходимости, т.-е., чтобы во главѣ всего этого учрежденія стояла коллегія. На коллегіи остановились потому, что коллегія болѣе устойчива или же, выражаясь болѣе ясно, храбрѣе, чѣмъ единое лицо. Но я не знаю, если надѣяться на храбрость коллегіи и не полагаться на храбрость отдѣльнаго лица, стоящаго во главѣ учрежденія, то для меня лично это гражданское мужество коллегіи находится подъ большимъ вопросомъ. Я полагаю, должна быть одна мѣрка: или на мѣстахъ будетъ гражданское мужество или этого гражданскаго мужества не будетъ. Но если господа составители законопроекта желаютъ опираться на мѣстахъ на чувства стадности и толпы, тогда пусть они объ этомъ говорятъ ясно и скажутъ: три ближе по числу къ толпѣ, чѣмъ одинъ, а потому чего не рискнетъ сказать и сдѣлать одинъ, то маленькая толпа изъ трехъ сдѣлаетъ—тогда можно понять, чего комиссія желала добиться своимъ предложеніемъ. Я оговариваюсь, что противъ коллегіальности управы я не только потому, что считаю ее излишней по существу, но полагаю, что маленькое дѣло на мѣстахъ можетъ быть прекрасно ведено однимъ способнымъ лицомъ, если таковое будетъ избрано волостнымъ собраніемъ. Конечно, даже въ правительственномъ законопроектѣ коллегіальность допускается факультативная и въ такихъ случаяхъ, когда эта коллегіальность необходима по сложности работы, что, можетъ быть, будетъ въ очень немногихъ волостяхъ, и гдѣ конечно, ее можно допустить.

Затѣмъ, весь остальной штатъ, который приписанъ къ этой волости на мѣстахъ,—тотъ же секретарь. Конечно, секретарь—это вещь хорошая, въ особенности, если глава, стоящая надъ секретаремъ, плохо владѣетъ перомъ. Но мнѣ кажется, что безъ секретаря можно было бы обойтись или же во всякомъ случаѣ не давать ему такого громкаго названія.

Затѣмъ, предполагается предоставить право, даже не право, а обязательство, вести окладныя книги и другія книги, необходимыя на мѣстахъ. Я полагаю, что это создастъ только излишнюю переписку, а главное излишній штатъ людей на мѣстахъ, штатъ вольнонаемный, который во всякомъ случаѣ будетъ очень мало или совсѣмъ не связанъ съ мѣстными интересами и будетъ, можетъ быть,—дай Богъ, чтобы мои опасенія не оправдались,—служить совсѣмъ другимъ цѣлямъ, но не мелкой земской единицѣ. Затѣмъ, я полагаю, что разъ комиссія приняла обложеніе на нужды волости по земскимъ оцѣночнымъ даннымъ, то можно было бы воспользоввться книгами уѣздными земскими и нечего заводить свою регистратуру и канцелярію въ такомъ обширномъ смыслѣ на мѣстахъ.

Затѣмъ комиссія совершенно исключила привилегію и возможность тѣмъ лицамъ, которыя должны были бы уплачивать болѣе, чѣмъ $^1/_5$ размѣра волостного сбора, не быть обложенными болѣе, чѣмъ $^1/_5$. Такимъ образомъ, получается безграничное и безпредѣльное обложеніе всѣхъ имуществъ. Относительно этого въ правительственномъ проектѣ имѣется также значительный коррективъ. Это обложеніе можетъ быть доведено до $^1/_3$, если эта недвижимость, благодаря своему присутствію,—скажемъ фабрика—возлагаетъ тяжелыя и трудныя обязанности на волостное земство. Съ этимъ я также согласенъ и полагаю, что было бы разумно предоставить волостному земству въ исключительныхъ случаяхъ обложеніе въ размѣрѣ $^1/_3$ для отдѣльныхъ единицъ, для отдѣльныхъ объектовъ обложенія.

Затѣмъ комиссія полагаетъ, что отдѣльные владѣльцы могутъ имѣть право вносить свои сборы полугодично; что же касается земель общинныхъ, то общинники будутъ вносить сборы тогда, когда прикажетъ имъ міръ. Этого я уже никакъ не могу понять. Съ одной стороны были приняты мѣры къ тому, чтобы этотъ міръ сошелъ съ лица земли закономъ 9 ноября, а съ другой стороны новымъ закономъ накладываютъ новое ярмо на каждаго участника этого міра, т.-е. каждый долженъ платить тогда, когда ему прикажутъ платить, но не ранѣе. Я думаю, что можетъ быть этого и потребовало Министерство Финансовъ,—я не знаю. Однако я знаю, что кажется Министерство Финансовъ согласилось, чтобы пени не насчитывались на недоимки по общиннымъ землямъ. Это понятно,—имъ прямо не хочется заниматься такими мелочными расчетами. Вѣдь государственное обложеніе земель ни-

чтожно,—отъ 9 до 15 к.; такъ что эти пени Министерство Финансовъ не интересуютъ. Но я полагаю, что какъ одно, такъ и другое ограниченіе должно быть отк онено, должны быть введены однообразіе и однотипность по взиманію сборовъ, вездѣ одинаковыя.

Затѣмъ, переходимъ къ статьямъ, которыя трактуютъ о волостныхъ сборщикахъ. Вотъ эти статьи весьма интересны; онѣ создаютъ новые органы на мѣстахъ, роль каковыхъ я себѣ не вполнѣ еще уяснилъ, несмотря, на то, что довольно внимательно ознакомился съ этимъ законопроектомъ. Что хотѣли собственно создать: близкихъ ли агентовъ «въ народъ» или сборщиковъ податей? Вотъ мнѣ кажется, что гораздо лучшими сборщиками податей были бы тѣ старосты и волостные старшины, которые собираютъ этотъ сборъ нынѣ. Да и по проекту Министерства предполагается, что волостнымъ старшиной будетъ человѣкъ не моложе 35 лѣтъ, онъ долженъ имѣть недвижимость въ волости и быть мѣстнымъ жителемъ. Вотъ, если принять во вниманіе, что волостные сборщики не должны удовлетворять ни одному изъ этихъ требованій, то мнѣ кажется, легко рѣшить вопросъ, что гораздо безопаснѣе поручить и ввѣрить сборы на мѣстахъ такому лицу, какъ волостной старшина или предсѣдатель земской управы, чѣмъ этимъ волостнымъ сборщикамъ. Къ этому имѣется одна статья въ этомъ проектѣ, которая говоритъ, что въ случаѣ растраты отвѣчаетъ каждый сборъ за себя по разверсткѣ взаимнаго количества сбора, т.е. другими словами, если сборщикъ наберетъ нѣсколько тысячъ рублей и уйдетъ изъ волости, то остальные плательщики будутъ восполнять эти недочеты и растраты, не будучи повинны въ его назначеніи, такъ какъ его назначаютъ единоличное право—или предсѣдателя или управы, я твердо не помню. Затѣмъ, этимъ волостнымъ сборщикамъ могутъ быть поручены большія, крупныя суммы, а мы знаемъ прекрасно, что люди падки очень часто къ чужимъ деньгамъ, и мы будемъ стоять передъ дилеммой—или назначить крупное жалованье будущимъ сборщикамъ, дабы быть увѣренными, что они будутъ болѣе или менѣе честными людьми, или назначить ничтожное жалованье и заранѣе быть увѣренными, что растраты будутъ безконечны на мѣстахъ. Я не думаю, чтобы это опасеніе растраты улучшило мѣстную земскую жизнь. Указаніе на то, что сборы нынѣ взимаются нераціонально, вяло, что полиція не исполняетъ своего долга, можетъ быть и правильно, но я думаю, что и члены комиссіи согласны со мною, что главный недоимщикъ—крупный землевладѣлецъ, а крестьяне часто довольно аккуратно платятъ; такъ что волость тутъ не при чемъ и врядъ ли будутъ у волости въ рукахъ другіе стимулы, чтобы имѣть возможность дѣйствовать на своихъ сборщиковъ. Если полиція нынѣ не взыскиваетъ, то не потому, что она не хочетъ этого, не желаетъ, а очень часто она не можетъ. И вотъ я полагаю, что

этотъ волостной сборщикъ безкопечно увеличитъ бюджетъ мѣстной мелкой единицы; этотъ бюджетъ будетъ также увеличенъ до-нельзя всѣми членами, помощниками, секретарями и всѣмъ безконечнымъ штатомъ будущей этой организаціи. И я высказываю весьма, какъ бы сказать, обоснованное опасеніе, что весь этотъ плюсъ, который можетъ быть полученъ отъ обложенія мірскими сборами земель частновладѣльческихъ, весь этотъ плюсъ пойдетъ на одно только воспособленіе и увеличеніе уплаты жалованья новымъ штатнымъ должностямъ.

Затѣмъ я обращу ваше вниманіе на вопросъ о волостныхъ сотскихъ. Это говорится въ ст. 96—98 законопроекта. По проекту Министерства полагалось такихъ сотскихъ на каждые 100—300 жителей по одному; по проекту комиссіи—на 2.000—одинъ. Вѣдь если принять предложеніе комиссіи, то это равносильно тому, чтобы уничтожить всякихъ мелкихъ полицейскихъ агентовъ на мѣстахъ, потому что одно лицо такого низшаго полицейскаго служителя на 2.000 жителей, это одна фикція. Затѣмъ въ ст. 98 подробно изложены функціи этихъ будущихъ сотскихъ, при чемъ совершенно опущенъ п. 4 ст. 63 правительственной редакціи, который гласитъ, что эти сотскіе обязаны оказывать «содѣйствіе чинамъ полиціи, слѣдственной власти при обнаруженіи изслѣдованіи преступленій и задержаніи виновныхъ», и то, что п. 5 на нихъ возлагаются обязанности полевыхъ и лѣсныхъ сторожей. Эти обязанности сняты, а вотъ эти-то обязанности и важны для деревни, и весь благоустроенный западъ имѣетъ этихъ лѣсныхъ и сельскихъ сторожей. Кто бывалъ за границей, тотъ прекрасно помнитъ, что при прогулкахъ въ деревняхъ то и дѣло встрѣчаются такіе сотскіе нашего типа, а комиссія предусмотрительно ихъ доводитъ до такого числа, чтобы ихъ можно было найти путемъ только весьма увеличительнаго стекла; другимъ способомъ ихъ врядъ ли можно будетъ найти на мѣстахъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ то, что я хотѣлъ сказать о законопроектѣ комиссіи. Я полагаю, что, конечно, волость должна быть реформирована, но, твердо будучи убѣжденъ, что нельзя одновременно, за неимѣніемъ средствъ, создать и мелкую земскую единицу и мелкую единицу административную, склоняюсь къ тому, что нужно остаться съ мелкой административной единицей на мѣстахъ, потому что иначе, если мы ее упраздняемъ, мы лишаемъ правительственный центральный органъ возможности реагировать на мѣстахъ и доводить до самыхъ отдаленныхъ мѣстностей свои распоряженія и приказы. Конечно, комиссія говоритъ, что это все будетъ исполнять мелкая земская единица. Я беру на себя смѣлость утверждать, что это есть одно бумажное предположеніе, что никогда мелкая земская единица, если она пожелаетъ сохранить своей земскій обликъ, не будетъ исполнительнымъ ор-

ганомъ администраціи на мѣстахъ, и я опасаюсь, что если когда-нибудь эта реформа была бы проведена въ жизнь, мы рискуемъ, что вся наша земская предыдущая работа пойдетъ прахомъ, что будетъ введенъ такой элементъ въ земскую жизнь, которому будутъ не дороги прежнія традиціи земства. А земство наше, какъ бы вы его ни хулили, какъ бы вы на него ни нападали, имѣетъ колоссальную работу за собою. Оно вмѣстѣ съ нашими городскими самоуправляющимися единицами совершило великую культурную работу, и вотъ я опасаюсь, что этой культурной работѣ вмѣсто развитія будетъ положенъ конецъ: пойдетъ узкая, мелкая, мѣстная закорузлая политика, будетъ забыто великое земское дѣло, средства будутъ распылены, и вмѣсто дальнѣйшаго расцвѣта нашего земства мы будемъ виновниками его упадка. Вотъ почему я полагаю, что этотъ законопроектъ можетъ быть принятъ, или,вѣрнѣе сказать, можетъ быть голосованъ переходъ къ постатейному его чтенію лишь только тогда, если одновременно будутъ внесены кардинальныя, радикальныя, основныя поправки, которыя въ корнѣ измѣнятъ ту работу бумажнаго свойства, которую намъ представила комиссія по волостному земству. Я съ очень большою грустью все это говорю, потому что мнѣ приходится критиковать трудъ, кажется, болѣе чѣмъ двухлѣтній, но, идя навстрѣчу приглашенію докладчика, чтобы при этомъ обсужденіи царила земская атмосфера, при которой «придерживаются сдержанности изложенія и терпимости къ чужому мнѣнію», я считаю долгомъ это возраженіе все-таки сдѣлать, потому что не дѣлать его, я полагаю,было бы государственнымъ преступленіемъ, не предупреждать о всѣхъ тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя рождаются у меня лично, какъ у лица, весьма близко стоящаго какъ къ городскимъ, такъ и земскимъ дѣламъ на мѣстахъ.

И вотъ, заканчивая свое выступленіе по данному вопросу, я считаю долгомъ прочесть вамъ тѣ мои девять основныхъ положеній, которыя, я полагаю, должны лечь въ основу тѣхъ будущихъ поправокъ, которыя могутъ быть внесены по данному вопросу, и только въ такомъ видѣ этотъ законопроектъ могъ бы стать пріемлемымъ и не вреднымъ для мѣстной земской жизни. Положенія эти нижеслѣдующія: во-первыхъ, волость должна быть прежде всего низшей административной единицей на мѣстахъ и лишь послѣ этой функціи ей можно предоставить, въ предѣлахъ имѣющихся мѣстныхъ средствъ,выполнять общественныя обязанности мѣстныхъ органовъ. Во-вторыхъ, построеніе волостного управленія должно быть таковымъ, чтобы тамъ имѣлась возможность стоять во главѣ работы мѣстнымъ коренным жителямъ, а не элементамъ пришлымъ, мало связаннымъ съ мѣстностью и ея интересами. Въ-третьихъ, придавая волости почти исключительно характеръ мѣстной земской самоуправляющейся единицы, какъ это предполагаетъ комиссія, мы

сознательно разобщаемъ весь центральный административный правительственный аппаратъ отъ низшихъ органовъ на мѣстахъ и, такимъ образомъ, идемъ къ тому, чтобы нарушить непрерывность цѣпи, соединяющей центръ государства съ периферіей, т.-е., короче говоря, аннулируемъ и парализуемъ высшую государственную власть. Въ-четвертыхъ, сильная культурная отсталость сельскаго населенія и малая матеріальная обезпеченность его, переобремененіе платежныхъ силъ земства вообще, не позволяютъ одновременно, что въ дѣйствительности, быть можетъ, было бы и необходимо, содержать дорого стоящія двѣ мѣстныя организаціи: мелкую волостную земскую управу и волостное мѣстное управленіе. Въ-пятыхъ, нынѣшній темпъ общественной жизни на мѣстахъ вполнѣ можетъ быть удовлетворенъ уѣздными и губернскими земствами, нѣсколько преобразованными. Въ-шестыхъ, если бы предположенія комиссіи о волостномъ земскомъ управленіи были приняты и введены въ жизнь, то потребуются неминуемо на содержаніе этихъ организацій и ихъ штатовъ въ особенности новые расходы, которые поглотятъ приростъ мірскихъ сборовъ съ частновладѣльческихъ земель. Въ-седьмыхъ, такимъ образомъ, никакого рѣшительно облегченія въ податномъ мірскомъ обложеніи для крестьянъ не послѣдуетъ и крестьяне лишатся возможности занимать въ волостномъ управленіи тѣ мѣста, которыя издавна были въ ихъ распоряженіи. Въ-восьмыхъ, согласно ст. 69 и 98 законопроекта комиссіи, деревня лишится мелкихъ агентовъ полицейскаго надзора на мѣстахъ. Тотъ надзоръ, который предполагаетъ комиссія, въ дѣйствительности будетъ фикція. Въ-девятыхъ, принятіе даннаго законопроекта безъ существенныхъ измѣненій и поправокъ будетъ означать полный, окончательный развалъ бывшихъ земскихъ работъ на мѣстахъ и передастъ все земское дѣло въ руки случайныхъ безотвѣтственныхъ людей.

Чихачевъ добавилъ слѣдующее (IV,3,1333—1339): «Въ засѣданіи 16-го февраля, членъ Государственной Думы Синадино указалъ на нѣкоторыя сомнительныя стороны разсматриваемаго нами законопроекта съ точки зрѣнія вопросовъ преимущественно финансовыхъ и налоговыхъ. Въ настоящее время, по возможности кратко, я постараюсь высказать взглядъ на нѣкоторыя другія стороны разсматриваемаго нами законопроекта. Вы изволите, г.г., помнить, что года три тому назадъ, въ первую сессію, по иниціативѣ, если я не ошибаюсь, членовъ Думы крестьянъ, возникъ вопросъ объ уравненіи разныхъ классовъ сельскаго населенія по отбыванію повинностей. Этотъ вопросъ былъ сданъ въ спеціальную комиссію, которая тотчасъ же пришла къ заключенію, что вопросъ объ уравненіи повинностей неразрывно связанъ съ реформой волости, такъ какъ нельзя говорить, что землевладѣльцы, положимъ, освобожденные въ настоящее время отъ несенія тѣхъ или другихъ по-

винностей, должны нести эти повинности, не пользуясь никакими правами въ волости. Вотъ какова была постановка дѣла въ этой комиссіи и вотъ въ какихъ скромныхъ рамкахъ возникъ впервые вопросъ о волостной реформѣ въ Государственной Думѣ.

Помимо этого, возникаютъ еще и другіе вопросы. Помимо вопроса о бессословности волости, несомнѣнно требуется значительное улучшеніе теперешней организаціи этой волости и большая самостоятельность должностныхъ лицъ, которая въ настоящее время болѣе или менѣе отсутствуетъ. Затѣмъ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы привлечь новыя силы къ работѣ на пользу волости въ деревнѣ. Таковы тѣ мотивы, которые высказываются въ пользу волостной реформы. Относительно послѣдняго соображенія, о желательности привлеченія новыхъ силъ къ работѣ на пользу волости, я долженъ замѣтить, что во многихъ мѣстахъ никакихъ новыхъ силъ привлечь не окажется возможнымъ; нѣкоторыя волости настолько однообразны по своему составу, что очень трудно разсчитывать, чтобы сколько-нибудь значительное количество новыхъ лицъ пришлось за эту волостную работу; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ издавна развито хуторское хозяйство, въ родѣ Черниговской, Полтавской, тамъ дѣйствительно эти элементы окажутся и будутъ очень полезны въ волостной работѣ; но во многихъ мѣстахъ, въ особенности тамъ, гдѣ имѣлись когда-то большія государственныя имѣнія, такихъ новыхъ элементовъ не окажется. Вотъ тѣ скромныя требованія, которыя предъявляются съ точки зрѣнія жизненныхъ потребностей деревни.

Мнѣ кажется, что тотъ законопроектъ, который мы въ настоящее время разсматриваемъ, въ значительной степени отошелъ отъ этихъ потребностей, предъявляемыхъ самой жизнью. Прежде всего, два слова о самомъ заголовкѣ: «Положеніе о волостномъ земскомъ управленіи». Мы склонны думать, что это самое названіе уже является нѣкоторымъ предрѣшеніемъ отношенія ко всей реформѣ, самое существо предлагаемой реформы даже не соотвѣтствуетъ этому заголовку; если придержаться буквы этого закона, то элементы управленія несомнѣнно играютъ и будутъ играть преобладающую роль надъ элементами самоуправленія: такимъ образомъ, говорить о земскомъ самоуправленіи представляется въ рѣшительной степени неправильнымъ; въ связи съ этимъ мы видимъ цѣлый рядъ статей, искусственно приспособленныхъ къ условіямъ земской жизни въ смыслѣ приближенія къ земскимъ учрежденіямъ; въ ближайшей связи съ этимъ находится вопросъ о единоличной или коллегіальной власти органовъ волостного управленія. Правительственный законопроектъ, какъ вы изволите помнить, говоритъ о факультативности, о томъ, что самому населенію должна быть предоставлена возможность высказать свой взглядъ—должны ли быть органы управленія

единоличными или они должны быть коллегіальными; принудительно характеръ коллегіальный не навязывается. Первичный типъ этой единоличной власти существуетъ въ настоящее время во многихъ странахъ, въ томъ числѣ во Франціи, гдѣ знаютъ именно единоличную власть, которая оказывается вполнѣ соотвѣтствующей требованіямъ жизни; вообще увлеченіе коллегіей—дѣло въ значительной степени прошлаго; мало-по-малу мы переходимъ къ взгляду, что полная отвѣтственность лучше всего достигается при единоличной власти; коллегіальность тамъ, гдѣ она является искусственной, очень часто прикрываетъ безотвѣтственность и создаетъ ее. Такимъ образомъ мы опасаемся, что эта коллегія, искусственно вызванная, очень часто окажется или пустымъ звукомъ,—это будетъ въ лучшемъ случаѣ,—а очень часто окажется тормазомъ въ серьезной работѣ—это будетъ, разумѣется, въ худшемъ случаѣ. Вводится еще одинъ институтъ по мысли иниціаторовъ этого законопроекта—это члены управы безъ содержанія. Неизвѣстно, отчего члены управы безъ содержанія вводятся именно при волостной реформѣ: ни о чемъ подобномъ не говорится ни въ Положеніи о Государственной Думѣ, ни при разсмотрѣніи штатовъ губернскихъ учрежденій, или какихъ-либо полицейскихъ учрежденій,—почему то члены управы безъ содержанія составляютъ привилегію именно волости, хотя, казалось бы, меньше всего имѣется основаній полагать, что именно въ волости найдутся элементы, матеріально достаточно обезпеченные, которые нашли бы возможнымъ безплатно служить своему дѣлу. Намъ кажется, что вездѣ могутъ быть лица, которыя откажутся, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, отъ полученія вознагражденія за свою службу; такія лица имѣются и въ нашей средѣ, и вполнѣ возможно, что найдутся идейные работники, которые захотятъ безплатно работать на пользу волости, но устанавливать такой порядокъ въ законѣ является положительно ничѣмъ необъяснимымъ. Здѣсь, повидимому, преслѣдуется другая цѣль—это обязательное созданіе коллегіи, даже тамъ, гдѣ создать ее, повидимому, кажется затруднительнымъ.

Кто будутъ эти члены коллегіальной управы? Въ комиссіи говорится, что таковыми могутъ быть тотъ же волостной письмоводитель или, если я не ошибаюсь, сборщикъ; кто-то изъ состава комиссіи говорилъ, что учитель мѣстной школы будетъ очень подходящимъ членомъ управы безъ содержанія, и вечерній досугъ свой онъ будтъ посвящать дѣламъ волостной управы. Намъ кажется, что при такихъ условіяхъ управа эта весьма легко сведется къ фикціи. Въ дѣйствительности эта коллегія будетъ прикрывать очень часто цѣлый рядъ злоупотребленій и безпорядковъ въ той же управѣ. Она является съ этой точки зрѣнія, во-первыхъ безусловно излишней, во-вторыхъ, нежелательной. Я оставлю въ сторонѣ вопросъ, что весьма легко въ члены управы

безъ содержанія проникнуть въ волость элементамъ, нежелательнымъ съ точки зрѣнія порядка.

Затѣмъ, имѣется вопросъ о наложеніи штрафовъ за нарушеніе порядка и за несоблюденіе обязательныхъ постановленій. Намъ казалось, что ст. 59 правительственнаго законопроекта, которая говоритъ именно объ этомъ, является вполнѣ пріемлемой и что исключеніе ея изъ комиссіоннаго проекта является большой ошибкой съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ условій нашей деревни. Хулиганство настолько развилось за послѣднее время и настолько продолжаетъ развиваться, что говорить о томъ, что не должно быть близкой къ населенію власти, волостного старшины, который долженъ былъ бы имѣть дискреціонное право налагать тѣ или иныя взысканія за мелкія упущенія, мнѣ кажется, является большой ошибкой.

Затѣмъ, имѣется еще одно соображеніе: въ настоящее время земская жизнь болѣе или менѣе налажена, и очень часто эта волостная реформа, въ томъ видѣ, какъ она проектирована комиссіей, если она въ этомъ видѣ получитъ свое осуществленіе, внесетъ большое растройство въ земскую жизнь и нарушитъ создавшійся планъ земскихъ работъ уѣздныхъ и губернскихъ; въ значительной степени затруднительнымъ будетъ и вопросъ о земскомъ обложеніи. Жизнь земская можетъ легко пострадать отъ того переустройства, которое внесетъ эта волостная реформа на мѣстахъ. Быть можетъ, съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, для приближенія земствъ къ самому населенію представлялось бы весьма цѣлесообразнымъ раздѣленіе крупной земской единицы уѣзда на болѣе мелкія, на два, три уѣздныхъ земства. Но тотъ путь, по которому идетъ комиссія по самоуправленію, является слишкомъ радикальнымъ и легко угрожаетъ тѣмъ порядкамъ земской жизни, которые установились за рядъ лѣтъ.

Резюмируя сказанное, я подчеркиваю, что недостатками предлагаемой намъ реформы являются, во-первыхъ, дороговизна этой самой волостной организаціи, связанной несомнѣнно съ увеличеніемъ обложенія, затѣмъ возможность наплыва постороннихъ элементовъ въ эту волость. Трудно расчитывать, что землевладѣльцы, не только крупные, но даже средніе, могли бы сыграть сколько-нибудь значительную роль въ этой волости, не потому, что это предоставлено закономъ, а прямо потому, что ихъ на мѣстахъ нѣтъ. И вотъ мы видимъ, что это крупное и среднее землевладѣніе участвовать въ этой волостной жизни почти не будетъ. Очевидно, будутъ исключенія, которыя будутъ только подтверждать общее правило: крестьянская же масса уже не будетъ исключительнымъ руководителемъ волости, каковой она являлась до сихъ поръ, и вотъ, несомнѣнно, проникнутъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ другіе элементы, которые водворятся въ этой волости и сдѣлаются хо-

зяевами этой волости. Затѣмъ, до извѣстной степени создается безвластіе, утрата того авторитета волостного уѣзднаго начальства, которое существуетъ въ настоящее время,—авторитетъ ихъ подрывается и положительно ничѣмъ не замѣняется. Разруха въ деревнѣ, которая началась за послѣдніе годы, будетъ безусловно поддержана, благодаря этому законопроекту, благодаря тому безвластію, которое водворится; между тѣмъ, условія дѣйствительности, какъ я уже указывалъ, совершенно не соотвѣтствуютъ той идилліи, которую, повидимому, имѣли въ виду авторы этого законопроекта. Дѣло волостной реформы въ томъ видѣ, какъ она проектируется разсматриваемымъ нами законопроектомъ, дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Для этого требуется наличность цѣлаго ряда условій, которыхъ въ настоящее время не имѣется; это, во-первыхъ, классъ единоличныхъ собственниковъ, достаточно самостоятельныхъ, достаточно обезпеченныхъ, чтобы играть крупную, наиболѣе вліятельную роль въ этой волости. Въ настоящее время такой классъ только нарождается, и трудно предполагать, чтобы онъ могъ сыграть активную роль въ волостномъ управленіи. Затѣмъ, безграмотность во многихъ мѣстностяхъ опять-таки не даетъ возможности расчитывать, чтобы въ волости нашелся достаточный контингентъ умственно развитыхъ людей, которые соотвѣтствовали бы тѣмъ предположеніямъ, которыя возникаютъ въ связи съ этимъ законопроектомъ. Въ настоящее же время дѣятельность земскихъ учрежденій, какъ я указывалъ, въ значительной степени затормозится, планъ окажется нарушеннымъ при недостаткѣ объектовъ обложенія, при возможныхъ жалобахъ на переобложеніе, представляется безусловно преждевременнымъ то колоссальное увеличеніе расходовъ, которое предвидится, очень часто безъ достаточныхъ основаній, въ настоящемъ законопроектѣ. Мы думаемъ, что коренная ломка нынѣшней волости, проектируемая въ законопроектѣ, является въ значительной степени ничѣмъ неоправдываемой. Весьма легко приспособить нынѣ дѣйствующія волостныя управленія къ запросамъ жизни, тѣмъ запросамъ, на которые я указывалъ въ началѣ моей рѣчи. Національная русская фракція предложитъ цѣлый рядъ поправокъ, какъ принципіальнаго, такъ и техническаго характера, находящихся въ непосредственной связи съ тѣмъ, что было сказано членомъ Государственной Думы Синадино, съ тѣмъ, что сказано мною, и что будетъ тутъ развито членами Государственной Думы Андрійчукомъ и Ѳомкинымъ. Въ духѣ тѣхъ положеній, которыя мы тутъ развиваемъ, будетъ нами предложенъ цѣлый рядъ поправокъ принципіальнаго и техническаго характера къ разсматриваемому законопроекту.

Андрійчукъ заявилъ (IV—3, 1349—1356): «Я буду, г.г., говорить цо уполномочію крестьянъ-націоналистовъ, а не только отъ себя. Наше поло-

женіе въ обсужденіи этого вопроса очень тягостно; тягостное потому, что реформа волости настоятельно намъ необходима и необходима возможно скорѣе; между тѣмъ мы очень сомнѣваемся, чтобы проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ намъ его предлагаетъ комиссія, имѣлъ успѣхъ во всѣхъ законодательныхъ инстанціяхъ. И вотъ, въ цѣляхъ этого успѣха, мы внесемъ цѣлый рядъ поправокъ, о принятіи которыхъ будетъ ходатайствовать передъ Государственной Думой при постатейномъ обсужденіи проекта, въ данной же стадіи общихъ преній мы выскажемъ нѣсколько замѣчаній по нѣкоторымъ основнымъ положеніямъ проекта, которыя мы считаемъ непріемлемыми. По нашему мнѣнію, реформа волости вызывается только двумя потребностями: первая потребность—уравненіе сборовъ повинностей, вторая потребность—это снятіе сословности съ волости. Комиссія же, по нашему мнѣнію, очень некстати сюда присоединила учрежденіе мелкой земской единицы, реформу податной системы, политическія права женщинъ въ избирательной системѣ, потомъ неудачную переустройку административнаго строя. Вотъ эти пункты, по нашему мнѣнію, дѣлаютъ проектъ непріемлемымъ.

Земскую единицу мы не находимъ возможнымъ въ настоящее время, при данныхъ россійскихъ условіяхъ, учреждать, потому, что какъ вамъ извѣстно наша деревня поголовно неграмотна. Мы не разъ слышали, что уѣздныя земскія собранія пустуютъ, что тамъ не находится земскихъ работниковъ; уѣздъ же занимаетъ сравнительно большую территорію, и если тамъ такое явленіе, то что же мы можемъ говорить о такой маленькой территоріи, какъ волость, гдѣ два-три интеллигента, а остальное—неграмотная масса, и изъ этихъ двухъ-трехъ человѣкъ интеллигентовъ, по обычаю, половина окажется не работниками по личнымъ соображеніямъ и причинамъ. Затѣмъ, другая сторона. Мы считаемъ, что содержаніе мелкой земской единицы, т. е. введеніе особаго самостоятельнаго земскаго хозяйства, для волости будетъ совершенно непосильно. Въ настоящее время только и слышно, что кричатъ о перообремененіи налогами и что земства находятся въ финансовомъ затрудненіи. Разъ это финансовое затрудненіе существуетъ для громадной территоріи уѣзда, гдѣ же, скажите, взять малой территоріи волости достаточно денежныхъ средствъ, чтобы вести самостоятельное земское хозяйство? По нашему, это недостижимо при нынѣшнемъ положеніи Россіи.

Затѣмъ мы присоединяемся къ доводамъ, высказаннымъ здѣсь членомъ Думы Чихачевымъ, относительно непріемлемости коллегіи, коллегіальнаго состава волостной управы. Учрежденіе коллегіи правительство ставило въ зависимость отъ желанія волостного собранія; это дѣйствительно правильно, потому что коллегіальная управа можетъ потребоваться только въ нѣкоторыхъ обширныхъ пространствахъ, волостяхъ, но несомнѣнно такихъ воло-

стей, въ которыхъ коллегіи излишни, чрезмѣрно много и онѣ будутъ дорого обходиться населенію. Если мы видимъ отсутствіе людей-работниковъ по всѣмъ областямъ, то спрашивается: изъ кого же будутъ состоять волостныя управы? Если принудительно заставятъ содержать управу, то она будетъ состоять изъ людей полуграмотныхъ, и пользы отъ нея никакой не будетъ, и въ результатѣ будутъ править тѣ же волостные писаря, а крестьяне, во всякомъ случаѣ, только проиграютъ, ибо гдѣ въ волости будетъ преобладать количество землевладѣльцевъ, частнаго владѣнія, тамъ эти управы заберутъ въ свои руки помѣщики, а гдѣ будутъ только одни крестьяне, сплошь неграмотные, тамъ эти управы попадутъ въ руки третьяго элемента, который будетъ вести свою не всегда полезную дѣятельность подъ прикрытіемъ этихъ полуграмотныхъ людей въ коллегіальномъ составѣ, т. е. людей безотвѣтственныхъ.

Затѣмъ, избирательная реформа, предложенная комиссіей, насъ въ общемъ удовлетворяетъ. Мы не имѣли бы ничего противъ предложенной національной фракціей поправки о томъ, чтобы $^1/_5$ первой куріи повысить до $^1/_3$. Мы считаемъ, что усиленіе этой поправкой второй куріи было бы скорѣе полезно, чѣмъ вредно.

Но мы возражаемъ безусловно противъ проведенія въ волостной избирательной системѣ женскихъ избирательныхъ правъ. Мы считаемъ, что если уже необходимо заниматься женскимъ вопросомъ, то его нужно проводить сверху, но отнюдь не снизу. Нынѣшній крестьянскій семейный строй, въ сущности сохранившій старую патріархальность, новыми правами можетъ быть замѣтно нарушенъ и нарушенъ именно въ дурную сторону. Если у насъ женщина образованная, въ высшихъ учрежденіяхъ, въ высшей общественной и государственной работѣ не имѣетъ политическихъ правъ, то какое же основаніе имѣется дать эти права внизу, гдѣ сама женщина не сможетъ воспринять и понять этихъ правъ?

Затѣмъ, насъ смущаетъ еще больше всего въ этомъ проектѣ разрушеніе административнаго строя деревни. Какъ вы знаете, у насъ организація административнаго управленія въ провинціи заключаетъ въ себѣ извѣстный строй, начиная отъ земскаго начальника и кончая сельскимъ десятскимъ; все это другъ съ другомъ связано, подчинено и составляетъ цѣлую организацію. Теперь же комиссія упраздняетъ совершенно административное управленіе, заключающееся нынѣ въ волости, совершенно снимаетъ съ него всякую власть, которая ему присвоена, и совершенно изъемлетъ изъ подчиненія земскому начальнику. По нашему, это вещь совершенно непріемлемая. Если бы намъ сказали, что вмѣсто волостной администраціи намъ дадутъ что-либо другое, тогда, быть можетъ, мы съ этимъ согласились, но

не давать абсолютно ничего, это значитъ бросать деревню въ анархію. Мы знаемъ, что сельская власть, заключающаяся въ сельскомъ старостѣ, въ сотскомъ и десятскомъ, есть только физическая сила и ничего больше; силы творческой, самодѣятельности, она ровно никакой не имѣетъ. Если снимаютъ власть волостного управленія, то существующая сельская административная сила останется совершенно безъ примѣненія. Земскій начальникъ отстоитъ слишкомъ далеко и не въ состояніи будетъ всегда видѣть то, что дѣлается въ селахъ. Всѣ теперешнія дѣла административныя, разрѣшаемыя волостными управленіями, останутся неразрѣшенными никѣмъ. Полицейская власть не можетъ замѣнить волостного старшину. Волостной старшина имѣетъ административную власть по имущественнымъ нарушеніямъ среди крестьянъ, и потомъ въ цѣломъ рядѣ хозяйственныхъ сельскихъ отраслей имѣетъ административныя функціи, напримѣръ, по части продовольственной, по части воинской повинности и др. Полиція это совмѣстить не сможетъ никогда. На будущаго волостного старшину или предсѣдателя управы, какъ онъ названъ комиссіей, какъ будто возлагаются всѣ функціи, которыя лежатъ на старшинѣ: охраненіе общественнаго порядка и безопасности личной и имущественной, возстановленіе нарушеннаго порядка, задержаніе виновныхъ преступниковъ и т. д., но наряду съ этимъ ему не дается ровно никакой власти. Спрашивается, какъ онъ будетъ исполнять эти обязанности? Онъ захочетъ задержать виновное лицо, водворить порядокъ и будетъ при этомъ чувствовать себя въ роли частнаго лица, безвластнаго, безоружнаго. Онъ является въ деревню, нарывается на безпорядокъ, безчинства, насилія и ничего больше не сможетъ предпринять, какъ только безпомощно призывать къ спокойствію и порядку, а они и слушать его не станутъ, и чего добраго оскорбленіямъ его самого подвергнутъ: что онъ подѣлаетъ? Сельскіе старосты и десятскіе будутъ совершенно самостоятельно работать, по-своему водворять порядокъ, и выйдетъ положеніе такое, что, вмѣсто нынѣшней цѣлой организаціи, въ селахъ будутъ командовать сельскіе старосты въ одну сторону, предсѣдатель волостной управы совершенно въ другую, а становой приставъ и урядникъ—въ третью, и всѣ другъ другу не подчинены. Вотъ та картина, которую предлагаетъ намъ комиссія.

Затѣмъ, комиссія возлагаетъ на предсѣдателя волостной управы нѣкоторыя ревизіонныя функціи, напримѣръ, ревизію продовольственныхъ запасовъ въ деревняхъ магазиновъ, завѣдываетъ которыми неподчиненное предсѣдателю лицо. Я не предвижу, какъ оно можетъ подвергаться ревизіи поставленнаго надъ нимъ человѣка, когда человѣкъ этотъ никакой власти не имѣетъ? Затѣмъ такая вещь, какъ воинская повинность, призывъ новобранцевъ, мобилизація. Возлагать на будущаго предсѣдателя управы обязан-

ности по распоряженію этой повинностью, не имѣя подъ собой никакихъ подвластныхъ лицъ, представляется совершенно невыполнимымъ для него.

Слѣдующее наше замѣчаніе касается податной системы. Мы несогласны съ предложеніемъ комиссіи о томъ, чтобы выдѣлять надѣльныя земли изъ общей податной обязанности и сохранять за ними положеніе, въ которомъ они находятся нынѣ; комиссія предлагаетъ разные сроки для податей съ надѣльныхъ и съ частновладѣльческихъ земель, и предлагаетъ сохраненіе льготъ для надѣльныхъ земель въ видѣ неначисленія пени на недоимки. Мы съ этимъ несогласны и предлагаемъ всѣ земли поставить въ равныя условія, дабы не получалось тѣхъ противорѣчій, которыя мы имѣемъ теперь. Недавно въ Думѣ проводили законъ о томъ, чтобы раскрѣпостить крестьянъ въ земельныхъ отношеніяхъ къ обществу, а здѣсь предлагаютъ намъ сохранить закрѣпощеніе въ податномъ отношеніи. Итакъ, я, крестьянинъ, владѣющій частной землею, буду платить въ два срока въ году установленные закономъ сборы, а мой сосѣдъ, сидящій на надѣльной землѣ, будетъ платить тогда, когда миръ ему прикажетъ, хотя бы вмѣсто двухъ въ двадцать два срока. Это вещь совершенно неправильная, несоотвѣтствующая духу времени и эволюціи въ деревенскомъ строѣ.

Потомъ мы считаемъ непріемлемымъ утвержденіе волостныхъ смѣтъ земскимъ собраніемъ; мы считаемъ, что это учрежденіе совершенно не подходитъ. Уѣздное земское собраніе будетъ состоять изъ представителей тѣхъ же волостей; представители волости будутъ участвовать въ составленіи волостной смѣты, и они же будутъ въ уѣздномъ собраніи утверждать эту смѣту. Получится фактически не объективное обсужденіе утвержденія этой смѣты, а получатся разныя комбинаціи. Представители волости, смѣту которой обсуждаютъ, будутъ ратовать, конечно, за то, чтобы утвердить ее, чтобы повышенное обложеніе не сокращать, другіе станутъ возражать, получится между ними нѣкоторая ссора или же соглашеніе, одни другимъ будутъ угрожать; вы нашу смѣту не утвердите, мы вамъ вашу не утвердимъ и т. д., или наоборотъ. Поэтому уѣздное земское собраніе въ одномъ случаѣ будетъ склонно пропускать чрезмѣрныя обложенія, которыхъ комиссія боится, а въ другомъ случаѣ будетъ чрезмѣрно сокращать, такъ какъ помимо этихъ комбинацій неизбѣжно въ жизни нашихъ собраній явится и другая сторона: одно уѣздное собраніе будетъ защищать свою смѣту, свое земское хозяйство развивать, и въ этихъ цѣляхъ всегда будетъ урѣзывать волостныя смѣты, чтобы сохранить для своей смѣты возможно большее обложеніе; другое земство будетъ вдаваться въ другую тенденцію—передавать возможно больше отраслей земскаго хозяйства на волости; скажемъ нужна волости постройка, пусть сами себѣ дѣлаютъ,—по этому второму теченію будетъ прогрессировать

обложеніе волостныхъ смѣтъ, которое не встрѣтитъ сокращенія въ уѣздныхъ земствахъ. Вотъ на этомъ основаніи мы считаемъ непрактичнымъ органъ уѣзднаго земства ставить для умѣренія обложенія волостного земства, и, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ это скорѣе предоставить особому присутствію уѣзднаго съѣзда, учрежденію менѣе заинтересованому, менѣе участвующему въ податномъ бремени.

Затѣмъ, что касается взысканія сельскихъ податей, комиссія предлагаетъ учредить волостного сборщика. Мы всѣ, крестьяне, отъ которыхъ я говорю, единодушно возражаемъ противъ волостного сборщика и видимъ въ немъ только лишняго чиновника въ волости, ничего больше; надобности въ немъ особенной не будетъ, тѣмъ болѣе при такихъ условіяхъ, которыя предлагаетъ вводить комиссія. Комиссія вводитъ сборщика исключительно для того, чтобы обезпечить взысканіе податей съ частныхъ имуществъ; на надѣльныхъ земляхъ, она говоритъ, сборщики будутъ изъ сельскихъ старостъ, слѣдовательно они будутъ нести нынѣшнія обязанности по прежнему. При такихъ условіяхъ создавать сборщика мы рѣшительно не находимъ нужнымъ. Въ каждой волости очень мало частныхъ владѣльцевъ—три, четыре владѣльца, если же соединять въ участокъ сборщика другія волости, то получится еще болѣе непормальностей, увеличатся растраты, за которыя должна платить казна и тѣ же земскіе плательщики. Мы считаемъ, что при сохраненіи сельскихъ сборщиковъ и сельскихъ старостъ совершенно излишне учреждать волостного сборщика, достаточно будетъ возложить на нихъ взысканіе волостныхъ повинностей съ надѣльныхъ земель, а съ частныхъ лицъ эти взысканія успѣшно будутъ выполняться предсѣдателемъ управы или волостнымъ старшиной, какъ мы предлагаемъ; наконецъ, волостное управленіе можетъ поручить это особому своему должностному лицу, но отнюдь не создавая сборщика, подчиненнаго податному инспектору и стоящаго внѣ всякаго контроля волостного управленія.

Затѣмъ послѣднее наше замѣчаніе—это о томъ, что комиссія умолчала о возложеніи на волостныя собранія обязанностей распредѣлять натуральныя повинности. Натуральныя повинности въ настоящее время существуютъ въ большихъ объемахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ частое передвиженіе войскъ. Иногда есть натуральныя повинности, которыя не поддаются переложенію на денежныя, и приходится нести ихъ натурой. Между тѣмъ комиссія совершенно игнорировала и не признаетъ существованія натуральныхъ повинностей. Пунктъ статьи правительственной, который говоритъ о правѣ волостныхъ собраній перелагать натуральныя повинности въ денежныя, не помѣщенъ въ проектѣ комиссіи, и о томъ, чтобы производить раскладку натуральныхъ повинностей, комиссія совер-

шенно умолчала. Мы считаемъ необходимымъ обязанность эту возложить на волостное управленіе и поставить натуральную повинность въ такія же условія, въ какія ставится денежная.

Ф о м к и н ъ подтвердилъ соображенія Андрійчука (IV, 3, 1363—1364): «Отъ имени крестьянъ-націоналистовъ имѣю честь заявить: ту часть законопроекта, которая говоритъ о переложеніи волостныхъ сборовъ на всѣхъ проживающихъ въ волости, мы привѣтствуемъ, но горячо будемъ протестовать противъ той части, которая говоритъ объ увеличеніи, я скажу даже о безцѣльномъ увеличеніи расходовъ будущей волости, т. е. о введеніи коллегіи сборщиковъ и т. п. Внесенныя членомъ Думы Андрійчукомъ поправки мы, крестьяне-націоналисты, выработали всѣ сообща и будемъ ихъ при постатейномъ чтеніи поддерживать».

Октябристы приняли лишь нѣкоторыя незначительныя поправки націоналистовъ, и законопроектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ со всѣми своими основными недостатками, выше указанными.

б) Народное образованіе.

Одной изъ ступеней къ развитію народной самодѣятельности является передача мѣстныхъ хозяйственныхъ заботъ изъ рукъ правительства органамъ общественнаго самоуправленія. Но если, съ одной стороны, націоналисты привѣтствовали освобожденіе государства отъ прямой хозяйственной дѣятельности, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они полагали, что на государство долженъ быть возложенъ цѣлый рядъ обязанностей содѣйствовать и помогать развитію народной самодѣятельности. Эта роль государства представляется весьма сложной и отвѣтственной, такъ какъ разновременныя увлеченія въ ту или другую сторону приводили хозяйственную жизнь страны къ печальнымъ результатамъ. Такъ, П о л о в ц о в ъ указалъ (III, 2, 1234—1235): «Прежняя система политики покровительства фабричноторговой промышленности привела вѣдь къ промышленному краху. Заботясь о фабричнозаводской промышленности, создавая необыкновенную производительность труда, при самыхъ благопріятныхъ и покровительственныхъ условіяхъ, чего мы добились? Мы добились того, что наша промышленность расцвѣла, что она стала вырабатывать громадное количество продуктовъ производства, но забыли объ одномъ,—что для распространенія этихъ продуктовъ производства мы не имѣли внутренняго рынка, мы не имѣли покупателей, потому что, поднимая фабричнозаводскую промышленность, мы одновременно забили сельскохозяйственную,—забили то громадное количество покупателей, которые и являлись главными потребителями продуктовъ нашей промышленности».

Но, въ распоряженіи государства имѣются и такія мѣропріятія, которыя могутъ создавать лишь благопріятную почву для развитія народной самодѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ хозяйственной жизни. Одной изъ главныхъ мѣръ, безусловно благодѣтельной во всѣхъ отношеніяхъ, націопалисты считаютъ борьбу съ самымъ крупнымъ народнымъ бѣдствіемъ—невѣжествомъ народныхъ массъ. Царящая въ Россіи безграмотность кладетъ невѣроятныя препятствія прогрессу хозяйственной жизни, не допуская къ народу пріемы усовершенствованной техники. Профессоръ Богдановъ говоритъ по этому поводу: (I, 3, 2434—2435): «Мы будемъ стремиться къ возможному распространенію всеобщаго народнаго образованія въ Россіи, къ возможно широкому распространенію прикладныхъ знаній въ нашемъ народѣ; отсюда вы, конечно, видите, что мы не станемъ говорить о сокращеніи смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія; напротивъ, мы будемъ всячески добиваться того, чтобы, по возможности, больше государственныхъ средствъ отпускалось на дѣло народнаго образованія. Мы желаемъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія проявило возможную энергію въ требованіи значительныхъ средствъ на это дѣло; мы думаемъ, что не можетъ быть расхода болѣе производительнаго, чѣмъ затраты на народное образованіе: помимо того, что это подниметъ культуру всей страны, эти затраты, можно сказать, быстро окупятся въ тѣхъ выгодахъ, какія получатъ отъ нихъ разныя области народной жизни и наше сельское хозяйство, и промышленность, и всѣ другія».

Готовность содѣйствовать отпуску средствъ на развитіе народнаго просвѣщенія не опредѣляла, однако, взгляда націоналистовъ на современное положеніе этого вопроса въ Россіи, не указывала на одобреніе ими существующаго порядка вещей. Наоборотъ, націоналисты сознавали всю ненормальность учебнаго дѣла въ Россіи. Тотъ же профессоръ Богдановъ (I, 3, 2433—2450), указывая на неравномѣрность расходованія средствъ по отношенію къ высшему, среднему и низшему образованію, по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, изъ коихъ однѣ получали громадныя пособія, а другимъ отказывали въ самомъ необходимомъ, упрекалъ вѣдомство въ отсутствіи планомѣрности и цѣлесообразности его дѣятельности. Ораторъ отрицательно отнесся къ весьма печальному явленію въ жизни русской школы, а именно къ постояннымъ колебаніямъ въ выборѣ той или иной системы преподаванія, системы организаціи самой школы и т. п. Къ сожалѣнію, пророческими оказались слова оратора, говорившаго 9-го іюня 1908 года, т. е. когда въ университетахъ сравнительно было тихо—о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ могутъ привести колебанія въ дѣлѣ организаціи высшей школы. Указывая на постоянные переходы отъ одной системы къ

другой, ораторъ остановился на пресловутыхъ дняхъ свободы (I, 3, 2444—2445): «Затѣмъ начались новые эксперименты, приспособленіе устава 1884 г. къ новымъ, будто бы, потребностямъ, наконецъ, былъ произведенъ, на мой взглядъ, чудовищный опытъ—превращеніе нашихъ университетовъ въ политическіе клубы, насильственное превращеніе. Несомнѣнно, что среди студентовъ была всегда часть лицъ, которая интересовалась политикой, и въ то время, которое мы недавно переживали, естественно было увлеченіе политикой, но значительная часть студентовъ университета, двѣ трети или три четверти, совершенно не желала заниматься политикой; часть изъ нихъ явилась въ университетъ съ наивнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь можно дѣйствительно изучать науку, другіе интересовались только правами, которыя можетъ дать университетъ, третьи, можетъ быть, ничѣмъ не интересовались, даже не посѣщали университета, но они не занимались и политикой. И вотъ, оказывается, что, по волѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, вводится извѣстная организація студенчества въ университетахъ и отдается все студенчество въ руки сходокъ. На нихъ являются въ то время сгруппировавшіяся студенческія партіи соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ, которыя и начинаютъ распоряжаться университетами. Естественно, что тѣ, кто не желалъ заниматься политикой, не чувствовали склонности къ этому, не чувствовали способности, были втянуты въ политику, и пришлось образовать новыя партіи,—центральныя и правыя. И, въ концѣ концовъ, дошло дѣло до того, что въ университетахъ между представителями разныхъ политическихъ партій, искусственно вызванныхъ къ жизни Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, начинается борьба, доходящая до рукопашной и до угрозъ пустить въ ходъ оружіе».

Къ сожалѣнію, оказалось, что угрозы оружіемъ не остались только угрозами, а черезъ два года, въ 1910 г., Одесскій университетъ былъ свидѣтелемъ, какъ это оружіе было пущено въ ходъ и пролилась кровь. Во имя чего? Во имя свободы только учиться.

О печальномъ положеніи учебнаго дѣла въ Россіи говорилъ также Клопотовичъ (I, 3, 2708—2713): «Всѣмъ намъ извѣстно, до какого состоянія дошли теперь наши учебныя заведенія. Для прекращенія творящихся тамъ безобразій необходимо принять мѣры немедленно и мѣры дѣйствительно энергичныя. Съ тѣхъ поръ какъ при министрѣ народнаго просвѣщенія генералѣ Ванновскомъ начали ломать старый гимназическій строй, не создали ничего новаго, цѣльнаго вмѣсто него, а все время производятъ какіе-то опыты,—съ тѣхъ поръ въ гимназіяхъ перестали учиться. Медицина выдумала словечко «переутомленіе», а педагоги начали изо всѣхъ силъ стараться не переутомлять учащихся. Еще 10—15 лѣтъ тому назадъ въ гимназіяхъ

учились гораздо больше, чѣмъ учатся теперь, и не переутомлялись, но зато, правда, тогда гимназистъ V класса зналъ гораздо больше, чѣмъ теперь знаетъ гимназистъ VIII класса. Это я знаю и говорю по опыту, потому что самъ имѣю дѣтей въ гимназіи. Вы теперь нерѣдко встрѣтите ученика выпускного класса, завтрашняго студента, который не знаетъ, чему равняется квадратъ двучлена, который не читалъ русскихъ классиковъ, который не знаетъ именъ героевъ русскихъ классиковъ, которыя стали нарицательными; скажу больше, онъ не умѣетъ правильно составить и написать прошеніе въ университетъ о принятіи его; но за то онъ прочелъ десятка полтора революціонныхъ брошюръ; но за то среди 15—16-лѣтнихъ мальчиковъ мы можемъ встрѣтить представителей всѣхъ политическихъ партій, начиная съ соціалистовъ-революціонеровъ. Не въ чести только патріотическія партіи, потому что выраженіе патріотизма считается признакомъ отсталости. Въ гимназіяхъ устраивали забастовки, начальству представляли требованія, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ уничтоженіе внѣкласснаго надзора, необязательность ношенія формы, необязательность посѣщенія богослуженія, и для борьбы съ этимъ зломъ не придумали ничего лучшаго, какъ родительскіе комитеты, отъ которыхъ не было ни на волосъ пользы, да и ожидать ея нельзя. У современнаго гимназиста пусто въ головѣ, такъ же пусто и въ душѣ. Нѣтъ для него Бога на небѣ и ничего святого на душѣ. Въ Бога теперь вѣрить несовременно. Авторитетъ родителей и старшихъ для него съ успѣхомъ замѣняетъ авторитетъ автора какой-нибудь грошовой брошюрки. Вотъ съ такимъ умственнымъ и нравственнымъ багажемъ гимназистъ мѣняетъ свою куртку на студенческій мундиръ, и вчерашній гимназистъ-недоучка сразу является великимъ политикомъ и начинаетъ рѣшать судьбы Россіи. Здѣсь въ университетѣ, благодаря преступному толкованію понятія объ автономіи университета, онъ сразу пріобрѣтаетъ гораздо больше правъ, чѣмъ любой изъ насъ. Онъ можетъ въ университетѣ говорить и даже требовать то, за что любого изъ насъ привлекли бы къ отвѣтственности: онъ устраиваетъ сходки въ императорскомъ университетѣ, онъ выбрасываетъ изъ торжественной залы Царскій портретъ, онъ насильственно прекращаетъ чтеніе лекцій, выталкиваетъ профессоровъ и, наконецъ, онъ даже грабитъ. И во всемъ этомъ дѣятельными помощницами ему являются допущенныя въ послѣднее время въ университетъ вольнослушательницы. Одного только въ университетахъ не дѣлаютъ: не учатся. Къ чему теперь учиться? Теперь учиться несовременно, теперь предметная система: можно не держать экзамены, можно пройти все на митингахъ, на Невскомъ, Крещатикѣ, на Дерибасовской; а когда придутъ государственные экзамены—потребовать, чтобы профессоръ поставилъ удовлетворительную отмѣтку, и, конечно, современный либераль-

ный профессоръ удовлетворитъ требованіе и поставитъ не только «удовлетворительно», но и «весьма удовлетворительно», а если ретроградъ какой-нибудь вздумаетъ заупрямиться, то въ него можно пустить чернильницей, по методу студента Шора. Когда-то университетъ назывался храмомъ науки, а теперь студенты выносятъ резолюціи о необходимости использовать университетъ въ цѣляхъ революціи. Вотъ, господа, до чего довело наши университеты и высшія учебныя заведенія преступное попустительство тѣхъ лицъ, прямую обязанность которыхъ составляетъ водвореніе въ школахъ порядка и использованіе университетовъ не въ цѣляхъ революціи, а исключительно для науки. Такъ дальше продолжаться не можетъ, пора опасности взглянуть прямо въ глаза: вѣдь старые дѣятели постепенно сходятъ съ жизненной арены, а кто же ихъ замѣститъ, гдѣ замѣстители? Вѣдь теперешніе студенты—будущіе учителя, судьи, адвокаты, инженеры, зараженные ядомъ революціи,—какихъ дадутъ они слугъ Царю и родинѣ? Вѣдь многіе изъ нихъ по окончаніи университета должны отбывать воинскую повинность,—значитъ и въ армію внесутъ заразу разложенія? Нельзя бороться съ этимъ зломъ полумѣрами, нельзя за безобразную сходку съ насиліемъ переписать участниковъ и отпустить на всѣ четыре стороны для того, чтобы завтра они устроили нѣчто худшее, или оштрафовать по рублю, по три и, въ крайнемъ случаѣ, сказать: «Господа, переходите въ другой университетъ, поработайте тамъ». Необходимо сказать твердо и громко, и я считаю, что это должно быть сказано именно здѣсь, изъ этой залы: «Въ средней школѣ недопустима никакая игра въ политику; университетъ долженъ быть только для науки, внѣ стѣнъ университета студентъ свободенъ, какъ и всякій гражданинъ, онъ можетъ дѣлать что ему угодно, и точно также подвергается отвѣтственности законной, наравнѣ со всякимъ гражданиномъ, а въ университетѣ долженъ учиться и только учиться, а если не хочетъ учиться, пусть очиститъ мѣсто для желающихъ».

Когда постъ министра Народнаго Просвѣщенія занялъ Кассо, онъ принялъ цѣлый рядъ весьма рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ университетскими безпорядками. Лѣвые, при поддержкѣ лѣвыхъ октябристовъ, предъявили запросъ правительству.

При обсужденіи этого запроса націопалисты высказали слѣдующія соображенія:

Шульгинъ указалъ (IV, 2, 1472—1476): «Что такое сейчасъ наши университеты? Я говорю не сейчасъ, сію минуту, а скажемъ, въ обычное время, такіе, какъ они были нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Тамъ есть, по-моему, двѣ стороны: одна сторона казенная, одна сторона—это оффиціальная законная наука; она идетъ въ аудиторіяхъ; въ аудиторіяхъ чита-

ются, какъ вамъ извѣстно, право, философія, химія, физика, политическая экономія, все, что полагается по программѣ,—это казенная наука. А есть другая наука, не казенная, та читается въ коридорахъ. Тамъ предметы совершенно другіе: тамъ сокращенный, приспособленный для коридорнаго пониманія курсъ соціалъ-демократіи прежде всего; потомъ, основанія революціонной тактики—два, прикладная химія—три, обструкція пассивная, активная, голосовая, химическая, механическая и ударная. Не такъ давно читались предметы и болѣе яркіе: читалась бомбологія; читался курсъ экспропріаціи, но объ этомъ не будемъ говорить—сейчасъ эти предметы, можетъ быть, не читаются. Это предметы теоретическіе, но гг., кромѣ теоріи эти коридорные лекторы устраиваютъ и практическія занятія. Такими практическими занятіями бываютъ прежде всего уроки революціоннаго краснорѣчія на сходкахъ, потомъ химическія дѣйствія во время обструкцій и, наконецъ, экскурсіи на улицу. Вотъ это есть практическія занятія. И долженъ сказать, г.г., къ крайнему моему сожалѣнію, что эта вотъ неофиціальная, незаконная наука имѣетъ больше адептовъ, она имѣетъ большее распространеніе, она имѣетъ больше успѣха, чѣмъ наука официальная, казенная. Почему это происходитъ—я сейчасъ касаться не буду. Я скажу только самое общее соображеніе. Я думаю, что наше студенчество соціалистично по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что оно крайне бѣдно матеріально и, во-вторыхъ, потому, что оно стоитъ на очень низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, ибо для того, чтобы быть соціалистомъ, нужно быть бѣднымъ и невѣждой, потому что умный бѣдный соціалистомъ не будетъ; онъ знаетъ, что соціализмъ отъ бѣдности его не излечитъ. Это причины крайне глубокія, о нихъ говорить нечего, потому что, конечно, не во власти нашей, не во власти правительства ихъ устранить. Пройдутъ годы въ напряженныхъ усиліяхъ общества, чтобы въ этомъ отношеніи можно было что-либо сдѣлать.

Но, г.г., о борьбѣ съ идейнымъ соціализмомъ рѣчь не идетъ. Сейчасъ рѣчь идетъ только о томъ, чтобы прекратить именно эти практическія занятія по революціонному соціализму. Правительство, насколько я понимаю, поставило себѣ опредѣленную задачу: тамъ въ коридорахъ проповѣдуйте что угодно, но практическихъ занятій по революціонному соціализму не допущу. Мнѣ кажется, гг., задача совершенно простая и задача совершенно безспорная, ибо, въ концѣ концовъ, все это прекрасно: горячія рѣчи и красивыя слова—все это хорошо, но все-таки школа остается школой, университетъ—университетомъ; въ университетѣ должны читаться лекціи, и ихъ должны слушать студенты, и больше въ университетѣ ничего дѣлать не полагается. Кажется, это ясно. Правительство было долготерпѣливо; съ 1905 г.

и по сію пору оно предоставило профессорамъ расправляться со студентами самимъ, оно предоставило имъ свободу довести ихъ до сознанія всего безумія того, что они совершаютъ, и водворить порядокъ въ университетѣ. Но что же, г.г., справились профессора съ этой задачей, скажите такъ-таки откровенно? Весь этотъ періодъ, съ 1905 г. по нынѣшнее время, теоретическія лекціи по революціонному соціализму шли непрерывно въ университетѣ, и какъ естественное послѣдствіе отъ малѣйшихъ внѣшнихъ осложненій наступали практическія занятія. Вѣдь это же ясно, и въ послѣднее время, вотъ въ минувшемъ году и началѣ этого года, было абсолютно то же самое. А теперь? Теперь въ университетѣ происходятъ всевозможныя безобразія: студенты выгоняютъ своихъ товарищей. Профессора протестуютъ, ректоръ протестуетъ,—онъ протестуетъ въ аудиторіяхъ, протестуетъ въ коридорѣ, онъ протестуетъ все время, пока бѣжитъ въ свою ректорскую комнату, но потомъ онъ захлопываетъ дверь, и такъ остается со своимъ протестомъ; учащаяся же молодежь, которая хочетъ его слушать, остается одна расправляться съ той бандой, которая ее окружаетъ. Студенты бросаютъ всевозможные химическіе препараты,—профессора плачутъ; студенты начинаютъ бить своихъ профессоровъ,—профессора падаютъ въ обморокъ. Все это, г.г., ужасно, но тѣмъ не менѣе, скажите же мнѣ, не свидѣтельствуетъ ли это лучше всего о безсиліи профессоровъ прекратить эти безпорядки? Я вамъ скажу: иначе и не можетъ быть. Представьте себѣ слѣдующее. Вотъ сейчасъ говорилъ В. А. Маклаковъ, потомъ будетъ говорить Ф. И. Родичевъ. Они одерживаютъ здѣсь, въ этой залѣ, быть можетъ высокой степени цѣнную, драгоцѣнную, моральную побѣду. Такую только моральную побѣду могутъ одерживать профессора. Но если этихъ самыхъ уважаемыхъ членовъ Думы попросить выйти къ бандѣ хулигановъ и расправляться съ ними, то что будетъ? Каждый хулиганъ перекричитъ васъ, каждый хулиганъ превзойдетъ васъ хулиганскимъ краснорѣчіемъ, и вы ихъ не убѣдите. А первый попавшійся способный полицейскій великолѣпно расправиться съ ними, ибо это его спеціальность. Неужели же это ваша спеціальность и спеціальность профессоровъ расправляться съ этими господами?

Вы, г.г., когда говорите о молодежи, то всегда говорите о той идеализированной, подкрашенной, чистой, свѣтлой молодежи, которая, я хочу охотно надѣяться съ вами, есть надежда Россіи,—я не о ней говорю сейчасъ. Но развѣ съ нею приходится имѣть дѣло? Сейчасъ я вернулся изъ дома, у меня въ домѣ лежитъ студентъ съ завязанными глазами; онъ пріѣхалъ домой, онъ не могъ раскрыть глазъ до сихъ поръ и лежитъ два часа; дома ему прикладываютъ примочку потому, что въ университетѣ сыпятъ такую мерзость, которая выѣдаетъ глаза. Развѣ это студенты дѣлаютъ! Тотъ студентъ Бря-

повъ, вѣдь онъ тогда пересталъ быть студентомъ, когда его исключили. Онъ пересталъ быть студентомъ въ ту минуту, когда подходилъ, чтобы старику профессору долбануть кулакомъ въ затылокъ. Развѣ, г.г., это студенты? Цивилизація имѣетъ свою изнанку, она имѣетъ своихъ апашей. Вотъ эти-то студенты, которыхъ вы называете «молодежь», какая это молодежь? Это апаши въ тужуркахъ! Такъ вотъ, г.г., съ ними приходится вести борьбу профессорамъ. Совершенно очевидно, что они въ этомъ отношеніи безсильны и ничего сдѣлать не могутъ.

Что же васъ, собственно говоря, во всемъ этомъ такъ ужасаетъ? То, что въ мѣсто, гдѣ появилась банда хулигановъ, приведенъ полицейскій отрядъ, которому поручено свойственное ему дѣло,—хулигановъ переловить и дать людямъ заниматься. Что въ этомъ такого ужаснаго, скажите мнѣ, пожалуйста?

Вотъ это одна мѣра, которая васъ такъ ужасаетъ, но еще болѣе васъ возмущаетъ, еще болѣе васъ раздражаетъ, и это дѣйствительно самое больное ваше мѣсто и это ударяетъ васъ въ самое сердце, это то, что произошло съ московскими профессорами. Но, г.г., дѣло же ясно: правительство желаетъ во что бы то ни стало изгнать изъ университета тѣ элементы, которые не желаютъ заниматься. Борьба эта крайне тяжелая. Богъ знаетъ, что ждетъ на этому пути, и никто ни за что поручиться не можетъ. И вотъ въ эту минуту, когда всѣ силы, которыя эти же цѣли преслѣдуютъ, должны быть на чеку,—въ эту минуту начальники учебныхъ заведеній говорятъ: нѣтъ, мы отходимъ, мы не желаемъ въ этомъ участвовать. Какъ это называется, я васъ спрашиваю? Въ настоящій моментъ можно сказать одно: «кто не со мною, тотъ противъ меня, а кто противъ меня, тотъ не долженъ быть въ университетѣ».

Г.г., относительно кадетскихъ профессоровъ я долженъ сказать, что имѣю особую точку зрѣнія. Я вполнѣ понимаю и могу, если не умомъ, то иногда сердцемъ, сочувствовать той молодежи, которая, хотя это бываетъ рѣдко, искренно кладетъ свои головы подъ неумолимую колесницу, которую она везетъ. Я понимаю, она рискуетъ собою и ея оправданіе прежде всего въ томъ, что она не щадитъ самое себя. И, г.г., тѣ, кто желаетъ пользоваться уваженіемъ этой молодежи, какъ бы она революціонно ни была настроена, и уваженіемъ своихъ противниковъ, должны поступать такъ, какъ поступаютъ офицеры всѣхъ европейскихъ армій: они должны итти впереди. Кадетскіе профессора идутъ такъ, какъ идутъ офицеры китайской арміи: они идутъ сзади! Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, какъ бывшій профессоръ, прекрасно понялъ это и обрушился на китайскихъ профессоровъ. И вотъ откуда ваша бѣшеная злоба: онъ попалъ въ самое сердце.

Мы же можемъ сказать только слѣдующее: на этомъ тяжеломъ пути, на которомъ предстоитъ быть можетъ, еще много испытаній, Богъ ему въ помощь!»

Богдановъ (IV, 2, 2747—2757): «Г.г. члены Государственной Думы. Обсуждаемый въ настоящее время запросъ имѣетъ ближайшую связь съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ нашей высшей школы, которые живо интересуютъ русское общество и нуждаются въ выясненіи отношенія къ нимъ Государственной Думы. Узнать это отношеніе нужно и русскому обществу, и правительству, и дѣйствующимъ лицамъ въ тѣхъ печальныхъ событіяхъ, какія мы наблюдаемъ въ настоящее время въ нашей высшей школѣ. Русская національная фракція поручила мнѣ выяснить здѣсь отношеніе къ этимъ интересующимъ и волнующимъ русское общество вопросамъ нашей высшей школы. Приходится начать съ академической автономіи, о которой уже была рѣчь и будетъ, вѣроятно, еще не разъ. Академической автономіи касаются всѣ призывающіе къ отвѣту правительство; и тѣ, которые обвиняютъ его въ слабости, и тѣ, которые находятъ, что правительство нарушаетъ существующую автономію. Я уполномоченъ русской національной фракціей заявить, что мы считаемъ такъ называемую академическую автономію чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей высшей школы. Мы находимъ, что академическая автономія дала нашимъ университетамъ и другимъ высшимъ школамъ возможность избавиться отъ нѣкоторыхъ ненормальностей, которыя прежде имѣли мѣсто въ этихъ школахъ, когда наши университеты въ своей жизни до мельчайшихъ подробностей регламентировались указаніями изъ Петербурга, когда преподавательскій персоналъ и лица университетской администраціи назначались министромъ безо всякой оцѣнки ихъ профессорскими коллегіями. Дѣло обстояло неблагополучно. Были поводы для многочисленныхъ жалобъ, для указаній на ненормальныя явленія, происходившія въ нашихъ университетахъ; можетъ быть и безъ достаточныхъ основаній, но раздавались даже обвиненія въ томъ родѣ, что профессорскія каѳедры занимаются людьми недостойными этого, благодаря протекціи; указывалось даже на возможность другими способами, путемъ извѣстныхъ злоупотребленій, пріобрѣтать положеніе профессора,—все это было ненормально. Поэтому высшая школа, получивъ академическую автономію, оказалась въ несравненно лучшихъ условіяхъ; она дорожитъ сю совершенно основательно, и мы находимъ, что академическая автономія должна быть сохранена.

Но какое же отношеніе къ академической автономіи имѣютъ происходящія въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній сходки и различныя студенческія организаціи? По нашему мнѣнію, къ академической автономіи онѣ не имѣютъ никакого отношенія. Академическая автономія существуетъ,

напримѣръ, за границей, положимъ въ германскихъ университетахъ; но ничего подобнаго общестуденческимъ сходкамъ въ стѣнахъ университета тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, если этого не будетъ у насъ, то академическая автономія отъ этого нисколько не пострадаетъ.

Но мы находимъ также, что студенческія организаціи и сходки въ стѣнахъ высшей школы причиняютъ несомнѣнный вредъ самой школѣ; не говоря уже о тѣхъ безпорядкахъ, какіе естественно возникаютъ, когда шумливыя студенческія сходки собираются нерѣдко въ учебные часы по сосѣдству съ тѣми аудиторіями, лабораторіями и т. д., гдѣ происходятъ различныя занятія, не говоря уже о томъ, что эти сходки мѣшаютъ засѣданіямъ, напримѣръ, факультетовъ и т. д., нужно указать на то, что, несомнѣнно, эти сходки, ставъ политическими, отвлекаютъ студентовъ отъ ихъ прямого дѣла. А въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что имѣющія какое-нибудь значеніе студенческія организаціи или студенческія сходки являются исключительно политическими. Если есть еще организаціи какъ будто академическаго характера, если говорятъ о сходкахъ, собирасмыхъ для разрѣшенія академическихъ вопросовъ, то соотвѣтствующія организаціи или играютъ совершенно ничтожную роль въ жизни высшей школы, или это флагъ, подъ которымъ устраиваются, напримѣръ, сходки; затѣмъ все быстро переходитъ на чисто политическую почву. И вотъ, имѣя въ виду такой несомнѣнно доказанный чисто политическій характеръ студенческихъ организацій, мы находимъ, что не въ интересахъ учебнаго заведенія сохранять эти учрежденія въ стѣнахъ самой школы.

Далѣе, мы думаемъ, что эти политическія организаціи приносятъ здѣсь вредъ не одной школѣ, но и всему государству, потому что онѣ, являясь до извѣстной степени подпольными организаціями, скрываясь отъ контроля, дѣлаютъ, что дѣлаютъ другія внѣ стѣнъ находящіяся организаціи, враждущія съ государствомъ, въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Онѣ легче ускользаютъ отъ контроля. Но намъ могутъ сказать, что это случайныя уклоненія въ извѣстную сторону, что профессора имѣютъ достаточный авторитетъ для того, чтобы не допустить соотвѣтствующихъ непормальныхъ явленій. Я долженъ сказать, что возложеніе большихъ надеждъ на профессорскій авторитетъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого основанія; это является даже наивнымъ. Предо мною живо рисуется сцена, которую мнѣ самому пришлось пережить вскорѣ послѣ полученія академической автономіи нашими университетами. Въ 1905 г. въ Кіевскомъ университетѣ, послѣ полученія этой автономіи, собрались въ полномъ составѣ профессора въ одно изъ помѣщеній университета для того, чтобы произвести выборы ректора, декановъ и т. д. И вотъ оказалось, что это же помѣщеніе облюбовали

и студенты, рѣшившіе въ это же время устроить въ немъ сходку. Толпой ввалились они въ это помѣщеніе и буквально изгнали изъ него всю профессорскую коллегію. Не могу сказать, что тамъ не было профессоровъ съ достаточнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ студентовъ. Я долженъ сообщить, что въ то время въ числѣ кіевскихъ профессоровъ находился извѣстный, въ недавнее время вышедшій въ отставку, проф. Е. Н. Трубецкой, который пользовался большой популярностью среди студентовъ. Онъ тогда имѣлъ наивность думать, что его авторитетъ, какъ авторитетъ другихъ популярныхъ въ то время у насъ профессоровъ, повліяетъ на студенческую толпу. Онъ попробовалъ повліять на нихъ, но потерпѣлъ то же, что и вся профессорская коллегія. Студенты не стали съ ними разговаривать, попросту удалили ихъ и занялись своими дѣлами.

Едва ли можно говорить о нравственномъ авторитетѣ и о роли его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о грубой физической силѣ. Вѣдь въ откровенную минуту многіе изъ студентовъ заявляли намъ прямо, что университетскую науку они ни во что не ставятъ и желаютъ использовать университетъ съ его помѣщеніями и съ его автономіей совершенно для другихъ цѣлей, болѣе высокихъ, чѣмъ наука и какой-то университетъ. Ясное дѣло, что въ этомъ случаѣ противъ грубой силы остается только дѣйствовать такой же физической силой. Вотъ почему представляется вполнѣ естественнымъ обращеніе въ подобныхъ случаяхъ даже къ полиціи, которая для того, чтобы преодолѣть извѣстное физическое сопротивленіе, должна пользоваться физической же силой.

Но мы слышимъ выраженіе удивленія: неужели вы думаете, что при помощи полиціи вы создадите такое настроеніе, которое приличествуетъ университету и заставитъ студентовъ заниматься наукой? На это можно сказать, что нападенію можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ подвергнуться не только храмъ науки; мы можемъ представить себѣ, что толпа хулигановъ ввалится даже въ храмъ Божій. И если она станетъ тамъ препятствовать молитвѣ, то неужели вы потребуете, чтобы на людей, которые не желаютъ считаться съ назначеніемъ даннаго мѣста, старались вліять путемъ нравственнаго убѣжденія? Неужели вы къ такой толпѣ хулигановъ въ церкви вышлете священника, который подвергнется осмѣянію и никакихъ результатовъ не достигнетъ? Ясное дѣло, что ничего другого не остается, какъ только пригласить полицію, которая увела бы изъ церкви толпу буяновъ, не дающую возможности другимъ молиться. Полиція не создастъ молитвеннаго настроенія, но она по крайней мѣрѣ дастъ возможность молиться тѣмъ, кто для этого пришелъ въ церковь. Такъ точно и въ университетѣ. Полиція, конечно, не призвана создавать извѣстное настроеніе среди сту-

дентовъ: она лишь призвана удалить тѣхъ, кто мѣшаетъ студентамъ заниматься.

Намъ говорятъ: «что же, вы желаете, всѣхъ студентовъ удалить изъ университета, всѣхъ уволить?». Мы убѣждены, что если раздаются утвержденія, будто бы, начавъ примѣнять физическую силу, начавъ удалять при помощи полиціи буйствующую въ университетѣ толпу, придется удалить всѣхъ студентовъ, говорящіе такъ клевещутъ на русскую молодежь. Разумѣется, среди нихъ есть много умныхъ, порядочныхъ людей, которые считаютъ неблагороднымъ использовать для цѣлей забастовки тѣ высшія учебныя заведенія, которыя, какъ мы знаемъ, содержатся на гроши почти нищаго народа. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что, если извѣстное число буйствующихъ въ университетѣ студентовъ, которые, собственно, ничего общаго съ наукой и ея задачами не имѣютъ, и будутъ удалены, то останется достаточно молодыхъ людей, которые используютъ университеты и другія высшія школы для ихъ прямого назначенія.

Изъ того, что сказано мною, понятно для васъ наше отношеніе къ образу дѣйствія въ настоящее время правительства въ тѣхъ безпорядочныхъ явленіяхъ, какія мы наблюдаемъ въ настоящее время въ университетѣ. Мы не только не находимъ чего-нибудь непозволительнаго въ этихъ дѣйстіяхъ, но находимъ, что такъ должно быть, и что нельзя поступить иначе, чѣмъ такъ, какъ поступаетъ въ настоящее время правительство: должны быть приняты извѣстныя мѣры для возстановленія порядка въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы при помощи полицейской силы. И насъ не смущаетъ такого рода образъ дѣйствій правительства. Изъ этого вы видите и наше отношеніе къ тѣмъ запросамъ, которые возбуждены здѣсь въ соотвѣтствіи съ событіями, происходящими въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но въ то же время я уполномоченъ отъ русской національной фракціи заявить здѣсь, что мы нѣсколько смущены, что нѣтъ у насъ полной увѣренности въ томъ, что правительство будетъ идти твердо по разъ избранному правильному пути. Мы не руководимся тѣми ложными свѣдѣніями, которыя сообщались и которыя попадаютъ въ печать, не безъ участія, какъ оказывается, нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы. Я не знаю навѣрно, но похоже на то, что одинъ изъ членовъ Государственной Думы явился виновникомъ невѣрнаго сообщенія о томъ, будто бы министръ народнаго просвѣщенія послѣ того, какъ къ нему явился проф. Некрасовъ и побесѣдовалъ съ нимъ объ исключеніи студентовъ изъ Томскаго университета, заявилъ, что дѣло это будетъ пересмотрѣно. Это было опровергнуто на другой день. Подобнаго рода сообщеніями мы руководиться не можемъ. Но есть нѣкоторые несомнѣнные факты, которые заставляютъ насъ нѣсколько смущаться. Мы

знаемъ, напримѣръ, что по требованію студентовъ и профессоровъ Петербургскаго университета была удалена изъ него полиція. Если бы министръ согласился на эту мѣру послѣ того, какъ профессора обязались бы не допускать своими средствами безобразій, происходившихъ въ стѣнахъ Петербургскаго университета, вплоть до химическихъ обструкцій, то было бы еще понятно; но разъ такого обязательства не было, разъ профессора не взялись исполнять обязанности, которую исполняетъ полиція, нечего было обращать вниманія и на ихъ соотвѣтствующее требованіе. А между тѣмъ это требованіе было использовано въ совершенно нежелательномъ направленіи, потому что на другой день одинъ изъ профессоровъ Петербургскаго университета, успокаивая студентовъ, говорилъ, что имъ нужно постараться прекратить забастовку, потому что правительство идетъ уже на уступки; и ясно подчеркивалось, что это выведеніе полиціи изъ стѣнъ университета что-нибудь да значитъ.

Обращаю вниманіе затѣмъ на совершенно ненормальное явленіе устройства референдума въ учебныхъ заведеніяхъ и на то, что правительство какъ будто считаетъ это естественнымъ и даже до нѣкоторой степени выражаетъ удовольствіе получаемыми результатами. Вотъ въ Институтѣ путей сообщенія оказался референдумъ въ пользу продолженія занятій, и выражается нѣкоторое удовольствіе; а если бы результатъ получился другой, какъ бы правительство къ этому отнеслось? Разъ оно находитъ, что путь какихъ-то соглашеній со студентами неправиленъ, то, конечно, и вопроса о референдумѣ быть не можетъ.

Затѣмъ, насколько извѣстно, не было опровергнуто сообщеніе о томъ, что когда въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ студенты рѣшили устроить забастовку, профессора, вмѣсто того, чтобы помѣшать этому, начали устраивать свои засѣданія съ ранняго утра до обѣда, какъ разъ въ лекціонные часы; слѣдовательно, они не только не принимали мѣръ къ тому, чтобы лекціи возобновились, но находили извѣстный предлогъ, чтобы лекціи не читались. Насколько извѣстно, это сообщеніе не было опровергнуто, и мы не знаемъ, были ли приняты мѣры противъ такого нежелательнаго, ненормальнаго явленія; оно указываетъ на то, что или неясно сознана необходимость идти по извѣстному пути, или неясно представляютъ себѣ значеніе соотвѣтствующихъ явленій.

Я обратилъ бы еще вниманіе на появившееся въ послѣднее время сообщеніе о томъ, будто бы въ настоящее время предполагается уволить въ Петербургскомъ политехническомъ институтѣ всѣхъ студентовъ первокурсниковъ, слѣдовательно, и тѣхъ, которые не отказываются отъ участія въ занятіяхъ, если эти занятія будутъ происходить. Равнымъ образомъ сообщаютъ

и о томъ, что не предполагается засчитывать вообще всѣмъ студентамъ извѣстный семестръ,—слѣдовательно, и тѣмъ, которые не отказываются отъ участія въ занятіяхъ; очевидно, что здѣсь или непониманіе дѣйствительнаго положенія, или нежеланіе прямо идти къ намѣченной цѣли.

И вотъ эти факты, которые возбуждаютъ у насъ нѣкоторое сомнѣніе, заставляютъ, насъ выразить пожеланіе, чтобы правительство, разъ оно вступило на правильный путь, твердо шло по намѣченному пути, не уклоняясь въ сторону ни подъ вліяніемъ угрозъ, ни даже подъ вліяніемъ неблаговидныхъ способовъ, иногда примѣняемыхъ у насъ, къ сожалѣнію, и не безъ участія лицъ, которыя, казалось бы, должны стоять въ сторонѣ отъ этого,—при помощи забѣганія съ задняго крыльца къ различнымъ высокопоставленнымъ лицамъ для оказанія извѣстнаго давленія на министра. Къ сожалѣнію, и это было. Мы хотѣли бы, чтобы наше правительство говорило громко, такъ, чтобы тѣ, которые слышатъ голосъ, знали бы, что это серьезно говорится, въ родѣ того, какъ это мы видѣли недавно въ Германіи. Когда по образцу русскихъ студентовъ Ганноверскій ветеринарный институтъ вздумалъ было объявить забастовку, прусскій министръ земледѣлія велѣлъ передать студентамъ, что если они не прекратятъ забастовки, они будутъ всѣ уволены! Студенты немедленно же единогласно постановили прекратить забастовку. Тамъ знаютъ, что если министръ говоритъ, то говоритъ серьезно, тамъ умѣютъ правильно оцѣнивать его слова и умѣютъ ихъ слушать.

И вотъ, указывая извѣстный путь, по которому, по нашему мнѣнію, должно въ данномъ случаѣ идти правительство, мы не можемъ не коснуться вопроса о печальныхъ явленіяхъ, которыя наблюдались въ Московскомъ университетѣ. Насъ пугаютъ, что такой прямолинейный образъ дѣйствій правительства грозитъ разгромомъ старѣйшаго русскаго университета. Кажется, что нѣсколько преувеличили значеніе тѣхъ фактовъ, которые имѣли тамъ мѣсто. Мы слышали, что сейчасъ же послѣ того, какъ правительство приняло извѣстныя мѣры относительно Московскаго университета, преподаватели послѣдняго устроили демонстрацію при помощи массоваго выхода въ отставку. Сообщали о томъ, что 38 профессоровъ выходятъ въ отставку. Эта цифра была разсчитана на то, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе. Но, если тѣ, кто знаетъ, въ чемъ дѣло, вникнутъ въ него, то увидятъ, что въ сущности угроза не такая страшная. Въ числѣ этихъ 38 профессоровъ оказалось большинство приватъ-доцентовъ, которые не могутъ выйти въ отставку, потому что они на службѣ не состоятъ. Нѣкоторые читаютъ необязательныя лекціи, а нѣкоторые, можетъ быть, совершенно не читаютъ лекцій, а только считаются приватъ-доцентами, и отъ ухода ихъ въ такъ называемую отставку университетъ, вѣроятно, нисколько бы не по-

страдалъ. Это тѣмъ болѣе, что среди этихъ приватъ-доцентовъ, которыхъ называютъ профессорами, оказывается, имѣются такія лица, которыя, несмотря на полное сочувствіе къ нимъ автономнаго университета, никакъ не могутъ сдѣлаться профессорами, потому что въ теченіе десятковъ лѣтъ—о нѣкоторыхъ сообщаютъ 15 лѣтъ—не могутъ опубликовать даже перваго своего научнаго труда, который далъ бы степень магистра. Такимъ образомъ, собственно говоря, эта угроза не представляется особенно страшной.

Но если бы оказалось, что изъ Московскаго университета дѣйствительно вышло въ отставку большое число преподавателей и пришлось закрыть университетъ, то было ли бы это многимъ хуже того, что происходитъ въ настоящее время? Представьте себѣ, что университетъ былъ бы закрытъ на три года; но вѣдь коалиціонный комитетъ объявилъ, что университетъ долженъ быть закрытъ на полгода. Если бы, по требованію коалиціоннаго комитета, министерство согласилось на полгода закрыть университетъ, то по истеченіи этого полугодія, конечно, правильныя занятія не начались бы. Разъ коалиціонный комитетъ убѣдился бы въ томъ, что онъ можетъ командовать университетомъ и министромъ, то, повѣрьте, нашлось бы много поводовъ для того, чтобы въ слѣдующій разъ, а можетъ быть и еще слѣдующій, тоже требовать закрытія университета, если не на полгода, то на извѣстный періодъ. Правильныя занятія въ университетѣ все равно не скоро наладились бы. Слѣдовательно, и съ этой стороны особенной угрозы въ томъ, что Московскій университетъ пришлось бы закрыть, нѣтъ. А если принять во вниманіе, что многіе наши университеты имѣютъ каѳедры свободныя, незамѣщенныя, то, можетъ быть, временное закрытіе одного университета съ распредѣленіемъ профессоровъ его по другимъ университетамъ, гдѣ каѳедры пустуютъ, дало бы возможность лучше обставить другіе университеты. Въ концѣ концовъ, можетъ быть, зло отъ закрытія одного университета оказалось бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно парализованнымъ той пользой, которую получили бы другіе университеты.

Но самое главное, г.г., не въ этомъ, а въ томъ, что извѣстное отношеніе къ университету со стороны правительства опасно не для одного Московскаго университета, а вообще для Россіи. Вѣдь если бы правительство пошло на уступки, если бы оно склонило главу предъ требованіями студентовъ и нѣкоторыхъ бастующихъ профессоровъ, положимъ, Московскаго университета, то, въ сущности, оно склонило бы главу предъ тѣмъ коалиціоннымъ комитетомъ, который неизвѣстно гдѣ существуетъ и неизвѣстно что изъ себя представляетъ, но желаетъ командовать всѣми нашими университетами. Въ этомъ отношеніи могла быть такая бѣда, что, конечно, нечего и разговаривать о томъ, что важнѣе—Московскій ли университетъ, или благо

Россіи. Съ этой стороны мы думаемъ, что если бы пришлось даже принести въ жертву благу Россіи Московскій университетъ, жертва должна быть принесена.

Но, г.г., то, что мною сказано до сихъ поръ, еще не опредѣляетъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы принять для, такъ сказать, основательнаго преобразованія положенія нашихъ учебныхъ заведеній, чтобы происходящія въ нихъ печальныя явленія не могли постоянно повторяться. Печатью между прочимъ указывалось на то, что нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія не желаетъ вводить новаго университетскаго устава, а между тѣмъ прежде всего нужно было бы позаботиться именно объ этомъ новомъ уставѣ. Объ этомъ говорилъ и мой предшественникъ по каѳедрѣ. Намъ кажется, что дѣло не въ уставѣ; при различныхъ уставахъ можетъ быть и плохо, и хорошо въ университетахъ. Были у насъ уставъ 1863 г. и уставъ 1884 г.,—совершенно противоположные и при нихъ происходили однородныя событія въ университетахъ. При уставѣ 1884 г. въ извѣстныя времена профессора находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ при уставѣ 1863 г., напримѣръ, подъ конецъ нахожденія у власти министерства Толстого. Такимъ образомъ, въ сущности, тутъ болѣе важную роль играетъ отношеніе министра къ университетамъ, и уставу мы большого значенія придавать не можемъ. Но мы говоримъ, что должны быть приняты непремѣнно извѣстныя мѣры для улучшенія положенія нашихъ университетовъ. Извѣстная часть преобразованій должна быть проведена, и первымъ дѣломъ мы указываемъ на безусловную необходимость покончить, наконецъ, съ гонорарной системой, которая позоритъ наши университеты, которая создастъ почву для совершенно ненормальныхъ отношеній, неправильныхъ отношеній между профессорами и учащимися. Съ гонорарной системой должно быть покончено возможно скорѣе, и въ соотвѣтствіи съ этимъ, конечно, необходимо введеніе новыхъ университетскихъ штатовъ. Равнымъ образомъ, должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы обезпечить наши учебныя заведенія достаточнымъ числомъ профессоровъ. Правда, соотвѣтствующія мѣры уже принимаются, но надо имѣть въ виду, что, если въ университетахъ не хватаетъ 10 профессоровъ, то нельзя готовить 10 лицъ къ профессурѣ; нужно имѣть въ виду, что не всѣ готовящіеся сдѣлаются профессорами по разнымъ причинамъ; нужно готовить, можетъ быть, 20 или 30 лицъ, когда нужно 10 профессоровъ. Вотъ если мы не будемъ жалѣть средствъ на подготовку профессоровъ, то мы обезпечимъ наши университеты достаточнымъ числомъ вполнѣ достойныхъ лицъ. Что касается мысли, будто бы этихъ молодыхъ людей непремѣнно нужно послать за границу, то мы думаемъ, что это не представляетъ необходимости; приготовленіе профессо-

ровъ вполнѣ возможно въ настоящее время и въ Россіи. Если думаютъ, что вліяніе русской школы на будущихъ профессоровъ въ извѣстномъ отношеніи менѣе благопріятно, чѣмъ вліяніе иностранныхъ университетовъ, то мы можемъ указать на то, что извѣстныя семинаріи, устроенныя русскимъ правительствомъ за границей, дали для нашихъ университетовъ, между прочимъ, также профессора, который подписалъ выборгское воззваніе. Оканчивая то, что мнѣ было поручено сказать фракціей русскихъ націоналистовъ, я считаю долгомъ заявить, что взгляды, раздѣляемые нашей фракціей, мы надѣемся, найдутъ сторонниковъ и среди представителей другихъ фракцій, здѣсь въ Государственной Думѣ; мы не сомнѣваемся также, что въ русскомъ обществѣ окажется много сторонниковъ нашихъ взглядовъ, потому что они диктуются и любовью къ Россіи и, какъ мы думаемъ, здравымъ смысломъ».

Тотъ же проф. Богдановъ, въ другомъ случаѣ изложивъ исторію опытовъ, произведенныхъ вѣдомствомъ по отношенію къ различнымъ учебнымъ заведеніямъ, приходитъ къ слѣдующему выводу (I, 3, 2445): «Я хочу сказать, что въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ, собственно, не было за все время, за послѣднія 50 лѣтъ, выработано никакой опредѣленной системы, что былъ рядъ экспериментовъ, но мнѣ кажется, что, если бы даже школа обладала извѣстными недостатками, нужно было къ устраненію этихъ недостатковъ приступать очень осторожно, для того, чтобы не подрывать авторитета школы, для того, чтобы не мѣшать ея устойчивому существованію. И вотъ наша фракція выражаетъ пожеланіе, чтобы былъ положенъ, наконецъ, предѣлъ этимъ безконечнымъ экспериментамъ, чтобы, наконецъ, была выработана опредѣленная система какъ въ низшемъ, такъ, въ особенности, въ среднемъ и высшемъ образованіи въ нашей странѣ. Мы думаемъ, что накоплено уже достаточно матеріаловъ для того, чтобы сдѣлать въ этомъ отношеніи извѣстные выводы; у насъ есть достаточно лицъ, знакомыхъ съ задачами народнаго образованія, можно, слѣдовательно, выработать эту систему, а если выработанный планъ будетъ проведенъ чрезъ законодательныя учрежденія, то я думаю, что сидящіе здѣсь члены Государственной Думы 3-го іюня, какъ иногда съ укоромъ говорятъ намъ,—они во всякомъ случаѣ, достаточно компетенты для того, чтобы рѣшить вопросы нашего образованія. Слѣдовательно, мы въ состояніи сообщить, такъ сказать, извѣстный авторитетъ той системѣ, которая будетъ принята, и нужно, чтобы эта система народнаго образованія затѣмъ проводилась неукоснительно, чтобы былъ положенъ конецъ дальнѣйшимъ экспериментамъ».

Націоналисты указывали также и на необходимость отдѣльныхъ мѣропріятій, имѣющихъ своей цѣлью улучшить школьное дѣло въ Россіи.

Ог. Гепецкій, останавливаясь на недостаточности начальной школы, говоритъ (I, 2, 437): «Ни для кого не секретъ, что въ настоящую пору среди окончившихъ курсъ, часто даже съ похвальными листами, наблюдается случаи рецидива безграмотности. И вотъ для того, чтобы предупредить возможность повторенія такихъ явленій, крайне неблагопріятныхъ для дѣла развитія народнаго образованія, мы, господа, должны не ограничиваться заботами только о томъ, чтобы учреждать одноклассныя школы, а обязаны предъ нашей страной употребить всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы вмѣстѣ съ оказаніемъ помощи тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ нѣтъ одноклассныхъ школъ, учреждать тамъ школы двухклассныя, гдѣ все населеніе прошло бы черезъ курсъ начальной школы. Доселѣ не было у насъ средствъ осуществить именно такимъ образомъ эту задачу, но народное представительство, конечно, найдетъ эти средства; оно дастъ возможность всѣмъ вѣдомствамъ, которыя въ настоящее время вѣдаютъ народное образованіе, давать нашему народу въ полной мѣрѣ и полной степени то, что именно входитъ въ понятіе, выражаемое словами «народное образованіе».

Крыловъ (I, 2, 577) настаивалъ на необходимости установленія преемственной связи между низшей и средней школой. Павловичъ (I, 3, 2547—2559) указывалъ на возможность значительнаго увеличенія числа гимназій безъ особыхъ ассигнованій, принявъ только мѣры къ уничтоженію ненужныхъ расходовъ. Ораторъ доказывалъ, между прочимъ, необходимость сокращенія курса гимназіи на одинъ годъ, чѣмъ никакого ущерба учебному дѣлу нанесено быть не можетъ.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи нашелъ въ націоналистахъ горячихъ приверженцевъ.

Такъ Чихачевъ указалъ на слѣдующее (IV, 2, 542—546): «По порученію русской національной фракціи позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ выяснить отношеніе ея къ разсматриваемому нами законопроекту. Признавая нужду въ осуществленіи всеобщаго обученія весьма экстренной и особенно важной, фракція безусловно считаетъ, что фиксація расходовъ является неминуемой и въ высшей степени необходимой, и при этомъ при соблюденіи возможно коротказо срока. Особенное значеніе фракція придаетъ надлежащему обезпеченію жалованьемъ учительскаго персонала—учителей и законоучителей—и съ этой точки зрѣнія признаетъ весьма правильнымъ рѣшеніе обѣихъ комиссій, комиссіи по народному образованію и комиссіи бюджетной, объ ассигнованіи на комплектъ учениковъ суммы 420 рублей. То обстоятельство, что эта цифра нѣсколько расходится съ цифрой, установленной нѣкоторыми законами, уже принятыми Государственной Думой, особаго значенія не имѣетъ, такъ какъ практика послѣднихъ лѣтъ указала,

что именно эти частности этихъ законовъ являются большимъ неудобствомъ на практикѣ, и что назрѣваетъ вопросъ объ обезпеченіи законоучителей отъ комплекта такъ же, какъ это сдѣлано въ отношеніи учителей на сумму 60 р. Соображенія, приведенныя на стр. 12 доклада, являются безусловно правильными, и съ ними нельзя не считаться. Если это обстоятельство имѣетъ значеніе для православнаго населенія, то, вѣроятно, еще большее значеніе имѣетъ для населенія иновѣрческаго, инославнаго; имѣя въ виду, что во многихъ мѣстностяхъ будетъ затруднительно найти законоучителей для инородческаго и инославнаго населенія, надлежащее обезпеченіе таковыхъ жалованьемъ является безусловно необходимымъ. Что касается частностей настоящаго законопроекта, то фракція не можетъ не подчеркнуть своей точки зрѣнія на примѣчаніе къ ст. 8. Въ связи съ тѣми соображеніями, которыя здѣсь были неоднократно высказаны, фракція полагаетъ, что рѣшеніе комиссіи исключить примѣчаніе къ ст. 8 является безусловно неправильнымъ. Церковно-приходскія школы должны сохранить полную свою самостоятельность и должны получать ассигнованныя на нихъ пособія по смѣтѣ Святѣйшаго Синода. Эта самостоятельность церковно-приходскихъ школъ объясняется, во-первыхъ, правами, принадлежащими православной Церкви, затѣмъ они объясняются и вызываются прямо соображеніями фактическаго характера, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи церковно-приходскія школы отнюдь не хуже министерскихъ, напримѣръ, на западной окраинѣ нашей, и никакихъ соображеній практическаго характера не имѣется въ передачѣ ихъ изъ вѣдѣнія Святѣйшаго Синода въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. По соображеніямъ какъ принципіальнаго характера, такъ и практическаго, фракція стоитъ на своемъ прежнемъ мнѣніи, что безусловно самостоятельность церковно-приходскихъ школъ должна быть сохранена, ассигнованія на церковно-приходскія школы должны проходить по смѣтѣ Святѣйшаго Синода. Что касается того фактическаго матеріала, который мы встрѣчаемъ въ докладѣ, то нельзя не подчеркнуть нѣкотораго, быть можетъ, чрезмѣрнаго оптимизма въ расчетахъ докладчика. Мы склонны думать, что вопросъ объ обезпеченіи школъ учителями далеко не обстоитъ такъ благополучно, какъ это кажется. Читая докладъ, мы думаемъ, что нѣкоторыя цифры, здѣсь приведенныя, являются не вполнѣ обоснованными. Напримѣръ, здѣсь говорится о значеніи контингента лицъ, оканчивающихъ женскія гимназіи и епархіальныя училища. Я полагаю, что дѣйствительно женскія гимназіи и епархіальныя училища даютъ значительный контингентъ учительницъ, но, тѣмъ не менѣе, трудно разсчитывать, что 25% окончившихъ гимназіи и епархіальныя училища могутъ посвятить себя навсегда учительской дѣятельности. Безусловно

нужно считаться съ житейскими условіями, съ выходомъ учительницъ замужъ, и такимъ образомъ цифру 25% придется признать въ значительной степени преувеличенной. Затѣмъ убыль учащаго персонала исчисляется, по нашему мнѣнію, невѣрно, именно въ цифрѣ 5%. Министерство въ своихъ расчетахъ исходитъ изъ цифры 10%, мы думаемъ, что эти расчеты, сдѣланные въ докладѣ комиссіи, являются слишкомъ оптимистическими. Затѣмъ въ докладѣ говорится только о предложеніи труда, говорится, что трудъ учительскій будетъ предложенъ въ такомъ-то размѣрѣ, но не говорится о томъ, что безусловно нельзя же принимать на службу всѣхъ, желающихъ быть учителями. Такимъ образомъ, основная точка зрѣнія является опять-таки не совсѣмъ вѣрной. Несомнѣнно, извѣстный выборъ органамъ самоуправленія и органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія при подборѣ учителей долженъ быть данъ—нельзя же брать на службу всѣхъ желающихъ быть учителями? Нельзя не признать, что лучше, чтобы совсѣмъ школы не было, чѣмъ допустить, чтобы она была съ учителями, совершенно неподготовленными, учителями безнравственными, учителями нежелательными. Такимъ образомъ, мы склонны думать, что въ дѣйствительности на практикѣ, при ассигнованіи на школьное дѣло тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ въ виду комиссія, будетъ все-таки болѣе 5.000 вакансій, о которыхъ говорится въ докладѣ. Мы думаемъ, что потребуется открытіе болѣе десяти учительскихъ семинарій и 70 курсовъ, какъ на это указываютъ докладчики, и мы думаемъ, что черезъ десять лѣтъ придется ассигновать гораздо болѣе 5.000,000 рублей въ годъ на подготовку учительскаго персонала. Весьма желательно, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія не становилось на точку зрѣнія чрезмѣрнаго оптимизма, неоправдываемаго жизнью, готовилось во всю ширь къ подготовкѣ учителей, чтобы оно имѣло въ виду необходимость вполнѣ достаточнаго кадра учителей, открывало вполнѣ необходимое число учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и при этомъ заботилось бы не только о количествѣ, но и о качествѣ этихъ учителей. Затѣмъ, не менѣе важно, чтобы Министерство придало должное значеніе очереди достиженія всеобщаго обученія въ тѣхъ или другихъ районахъ Имперіи. Очевидно, не должно быть иллюзій; во многихъ мѣстахъ Имперіи едва ли можно разсчитывать, что даже при напряженіи всѣхъ усилій какъ мѣстныхъ органовъ, такъ и центральныхъ, можетъ быть достигнуто всеобщее обученіе даже черезъ десять лѣтъ; во многихъ мѣстахъ мы встрѣтимъ нѣкоторое, хотя частичное, несочувствіе государственной школѣ; въ другихъ мѣстахъ придется считаться съ нѣкоторыми бытовыми особенностями, напримѣръ, у мусульманскаго и еврейскаго населенія,—извѣстно, что, напримѣръ, предъявляется требованіе объ отдѣльномъ обученіи мальчи-

ковъ и дѣвочекъ у еврейскаго населенія и у мусульманъ. Такимъ образомъ бытовыя условія могутъ въ значительной степени затруднить дѣло осуществленія всеобщаго обученія въ одинъ срокъ и притомъ очень короткій. Несомнѣнно, съ точки зрѣнія политики государственной, Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ не обратить особаго вниманія на нѣкоторые районы Имперіи. Съ этой точки зрѣнія мы думаемъ, что наряду съ центромъ государства, съ основной ячейкой государства, на которую до сихъ поръ тратилось очень мало, въ смыслѣ удовлетворенія его насущныхъ культурныхъ нуждъ, нѣкоторыя окраины Имперіи нуждаются въ особомъ вниманіи въ дѣлѣ скорѣйшаго осуществленія всеобщаго обученія. Напрашиваются въ первую очередь двѣ такія окраины. Мы имѣемъ въ виду нѣкоторыя части западно-русскаго края, прежде всего Холмщину и Бѣлоруссію, въ которыхъ приходится считаться съ такимъ фактомъ и съ такой опасностью, что часть мѣстнаго русскаго населенія подвергается безусловно воздѣйствію чуждой ему культуры. При этомъ ему угрожаетъ по крайней мѣрѣ частичная утрата своего національнаго облика. Мы думаемъ, что должны быть направлены энергическія усилія на эту часть русскаго государства, на Западную Русь, въ особенности на Холмщину и Бѣлоруссію. Другая окраина Имперіи, именно Дальній Востокъ, должна вызывать также несомнѣнно должное вниманіе со стороны правительства. Переселенцы, которые направляются на Дальній Востокъ, идутъ преимущественно изъ губерній наиболѣе культурныхъ: Полтавской, Харьковской, Черниговской, гдѣ дѣло достиженія всеобщаго обученія уже близится къ концу и гдѣ населеніе въ достаточной степени привыкло къ школѣ. Вотъ это населеніе попадаетъ на Дальній Востокъ, гдѣ при условіяхъ совершенно невозможныхъ приходится считаться и придавать должное значеніе тому, что тутъ же рядомъ въ ближайшихъ окрестностяхъ находится и живетъ культурное, съ древней цивилизаціей населеніе китайское и японское. Безусловно, съ точки зрѣнія общегосударственной, даже защиты государства, мы должны настоять на томъ, чтобы и на этой дальневосточной окраинѣ русское населеніе было поставлено въ возможно лучшія условія, чтобы тамъ особенно энергично и интенсивно было открываемо достаточное количество школъ. Такимъ образомъ, высказываясь безусловно за разсматриваемый законопроектъ, мы обращаемся къ Министерству Народнаго Просвѣщенія съ указаніемъ на необходимость возможно внимательной подготовки учительскаго персонала и при этомъ въ возможно крупномъ масштабѣ, заботясь не только о количествѣ учителей, но и о качествѣ ихъ. Затѣмъ обращаемъ вниманіе на необходимость государственнаго направленія въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія, на необходимость поставить въ первую очередь осуществленіе

всеобщаго обученія въ районахъ Имперіи, гдѣ по соображеніямъ государственной политики это является особенно неотложнымъ».

Признавая настоятельнымъ введеніе всеобщаго обученія, націоналисты не удовлетворялись современной постановкой начальнаго обученія въ государствѣ, но, съ другой стороны, не шли такъ далеко, какъ желали этого октябристы.

На этой почвѣ разыгрался новый конфликтъ между центральными партіями. Предметомъ спора послужилъ законопроектъ о начальныхъ училищахъ.

Націоналисты высказали свои соображенія о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, на которыхъ настаивали октябристы.

Чихачевъ указалъ слѣдующее (IV, 1, 55—63): «Русская національная фракція поручила мнѣ выяснить отношеніе ея къ разсматриваемому законопроекту и, въ частности, выяснить ея взглядъ на низшую школу. Задачи школы вполнѣ рельефно выражены одной изъ статей разсматриваемаго законопроекта. Эта статья говоритъ (читаетъ): «Начальныя училища имѣютъ цѣлью дать учащимся религіозно-нравственное воспитаніе, развить въ нихъ любовь къ Россіи, сообщить имъ необходимыя первоначальныя знанія и способствовать ихъ умственному развитію. Достиженію этой цѣли всемѣрно содѣйствуютъ всѣ служащіе въ училищахъ и прикосновенныя къ дѣлу лица». Мы находимъ редакцію этой статьи особенно удачной и вполнѣ къ этой редакціи присоединяемся. Остановимся прежде всего на элементахъ религіозно-нравственнаго воспитанія, о которомъ здѣсь говорится. Нельзя не придать этимъ элементамъ воспитанія исключительнаго значенія въ школѣ. И вотъ, если мы зададимся цѣлью воспитательной въ школѣ, то мы не можемъ не признать, что эта задача по нынѣшнимъ временамъ въ высшей степени затруднительна. Въ деревнѣ исчезаютъ начала семейныя, начала патріархальныя, и въ значительной степени воцаряется анархія. Эта анархія проявляется во многомъ: она выражается въ тунеядствѣ, въ пьянствѣ, выражается въ непочтеніи къ родителямъ, въ неуваженіи къ чужой собственности. Картина получается весьма печальная. Разложеніе деревни началось, нужно сознаться, въ Великороссіи, и въ значительной степени захватило въ настоящее время и деревни Малороссіи и польскія и литовскія деревни. Вспомните необычайно яркія картины въ одномъ изъ талантливѣйшихъ произведеній нашего времени: «Наше преступленіе» Родіонова. Нельзя не признать, что въ этомъ произведеніи очень и очень мало утрированнаго; совершенно вѣрна и основная мысль автора, что эти явленія—наше преступленіе, это преступленіе соціальное, это преступленіе общества, это преступленіе бывшаго правительства. И вотъ, если мы не примемъ самыхъ радикальныхъ мѣръ къ

искорененію этой апархіи въ деревнѣ, къ возрожденію деревни, мы сдѣлаемся преступниками; это преступленіе будетъ преступленіемъ нашимъ—преступленіемъ законодателей. Единственный путь къ возрожденію деревни—это путь тѣснаго единенія религіи и школы, это единственный путь, который мы усматриваемъ для возрожденія деревни. Школа безъ религіи не есть школа, по нашимъ понятіямъ.

Мы имѣемъ въ виду не только православную господствующую Церковь, мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ и вліяніе костела, и лютеранской кирки, и синагоги, и мечети: необходимо тѣсное общеніе между религіей во всѣхъ проявленіяхъ ея и школой; это должно быть основнымъ педагогическимъ пріемомъ. Очевидно, это тѣсное единеніе между религіей и школой невозможно безъ правильной постановки преподаванія Закона Божія. Законъ Божій долженъ быть предметомъ основнымъ, важнѣйшимъ въ дѣлѣ воспитанія. Вотъ если мы вспомнимъ, какъ поставлено преподаваніе Закона Божія въ данное время, то, къ сожалѣнію, мы не можемъ не признать, что едва ли имѣются сколько-нибудь удовлетворительные учебники закона Божія въ низшей школѣ; самые правильные пріемы для ознакомленія учащихся съ началами религіи не примѣняются: въ недостаточной степени они знакомятся съ первоисточникомъ премудрости—словомъ Божіимъ, въ недостаточной степени они близки къ богослуженію.

Очевидно, не приходится долго останавливаться на второй задачѣ школы—любви къ Россіи. Эта задача совершенно понятна, но если мы хотимъ правильно поставить достиженіе этой задачи, то слѣдуетъ, прежде всего, озаботиться правильной постановкой такихъ предметовъ обученія, какъ русскій языкъ, какъ отечественная исторія и отечественная географія. По разсматриваемому законопроекту эти предметы—исторія и географія—вводятся какъ учебные предметы въ школахъ; постановка преподаванія русскаго языка весьма неудовлетворительна въ настоящее время и въ коренной Руси и на окраинахъ. Желательно, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія озаботилось, чтобы программа преподаванія русскаго языка была въ корнѣ измѣнена, и постановка этого предмета была такова, чтобы въ связи съ введеніемъ всеобщаго обученія, а современемъ, можетъ быть, обязательнаго обученія, въ большинствѣ мѣстностей было вполнѣ возможно предъявить требованіе, чтобы никто на пространствѣ Имперіи не имѣлъ права ссылаться на незнаніе русскаго языка, подобно тому, какъ такое правило существуетъ по отношенію къ знанію закона.

Затѣмъ говорится въ этой основной статьѣ о первоначальномъ знаніи и объ умственномъ развитіи. Очевидно, способствовать умственному развитію и пріобщенію къ первоначальнымъ знаніямъ можетъ цѣльная разработанная

программа. Большое значеніе мы придаемъ одному предмету, о которомъ составъ залы, составъ присутствующихъ можетъ быть разнаго мнѣнія: это то, что называется свѣдѣніями по обществовѣдѣнію. Это можетъ быть названіе неудачное, но несомнѣнно, что этотъ предметъ преподаванія можетъ быть весьма существеннымъ, весьма важнымъ въ дѣлѣ преподаванія. Мы имѣемъ въ виду свѣдѣнія объ обязанностяхъ по отношенію къ государству, по отношенію къ властямъ, уваженію къ чужой собственности, любовь къ животнымъ и цѣлый рядъ другихъ понятій, которыя могутъ быть привиты только путемъ особаго предмета. Но, очевидно, если вводить такой предметъ въ школу, нужно одновременно озаботиться о томъ, чтобы были составлены вполнѣ подходящіе учебники;—задача эта нелегкая, и министерству, если бы такой предметъ былъ введенъ въ курсъ обученія, пришлось бы несомнѣнно объ этомъ позаботиться.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ о программѣ школы и познаніяхъ, которыя пріобрѣтаются въ школахъ, находится вопросъ о библіотекѣ. Въ настоящее время этихъ библіотекъ очень мало и едва ли въ нихъ имѣется достаточно книгъ. Лишь та анкета, которая составляется въ настоящее время Министерствомъ, дастъ намъ понятіе, насколько эта потребность въ низшей школѣ въ настоящее время удовлетворена. Мы думаемъ, что и на библіотеки нужно обратить безусловно первостепенное вниманіе. Книги необходимы, во-первыхъ, для борьбы съ рецидивизмомъ безграмотности, а затѣмъ хорошая книга необходима для борьбы съ тѣми другими книгами, которыя массами нахлынули въ нашу деревню.

Профессіональныя знанія, очевидно, не могутъ быть цѣлью низшей школы самаго простого типа,—одноклассныхъ училищъ; но, съ другой стороны, въ высшей степени желательно, чтобы профессіональныя знанія сообщались какъ въ школахъ болѣе высокаго типа, такъ и въ низшихъ школахъ, именно въ двуклассныхъ училищахъ. Далѣе слѣдуетъ признать, что практика показала, что двухклассныя училища, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, не достигаютъ своей цѣли безъ какихъ-либо дополнительныхъ знаній, въ видѣ профессіональныхъ или сельско-хозяйственныхъ и т. п. Въ высшей степени желательно, чтобы при двухклассныхъ училищахъ профессіональныя знанія безусловно преподавались.

Необходимо сказать нѣсколько словъ и о физическомъ развитіи учащихся. О физическомъ развитіи учащихся говорится довольно давно, но сдѣлано по этому вопросу очень мало. Въ непосредственной связи съ вопросомъ о правильной постановкѣ физическихъ упражненій находится вопросъ и о военной гимнастикѣ. Вопросъ о военной гимнастикѣ сдѣлался въ самое послѣднее время вопросомъ модным и вызвалъ огромный интересъ въ раз-

ныхъ слояхъ нашего общества. Мы придаемъ исключительное значеніе введенію военной гимнастики въ школахъ. Мы думаемъ, что она можетъ имѣть огромное воспитательное значеніе съ той точки зрѣнія, которую я уже пояснилъ, точки зрѣнія введенія извѣстной дисциплины, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время болѣе или менѣе отсутствуетъ. Мы думаемъ, что она можетъ имѣть огромное практическое, чисто утилитарное значеніе съ точки зрѣнія задачъ государственныхъ. Тѣ изъ насъ, которымъ въ нынѣшнемъ году пришлось быть въ Болгаріи, были поражены развитіемъ юначества среди самыхъ маленькихъ дѣтей, среди школьниковъ низшихъ училищъ, и намъ военные пояснили, что лишь благодаря развитію юначества есть возможность въ Болгаріи придерживаться полуторагодичнаго срока службы; у насъ этого полуторагодичнаго срока нѣтъ, у насъ имѣется трехлѣтній срокъ, но едва ли, съ точки зрѣнія правильной постановки военнаго дѣла, можно признать этотъ трехлѣтній срокъ вполнѣ достаточнымъ, и въ виду этого, съ точки зрѣнія чисто утилитарной, весьма важно развитіе военныхъ упражненій въ школѣ. Два слова о потѣшныхъ полкахъ. Къ потѣшнымъ полкамъ отношеніе проявилось двоякое: у однихъ появленіе ихъ вызвало радость, у другихъ вызвало, быть можетъ, даже негодованіе. Мнѣ кажется, что въ томъ видѣ, въ какомъ появились въ настоящее время потѣшные полки, они огромной роли играть не могутъ и причина этому вполнѣ понятна. Мы не боимся потѣшныхъ полковъ, наоборотъ—мы привѣтствуемъ ихъ появленіе и нисколько не раздѣляемъ мнѣнія того гласнаго одного изъ провинціальныхъ земскихъ собраній, который надняхъ высказалъ ту мысль, что потѣшные полки противорѣчатъ принципамъ Гаагской конференціи. Этотъ вопросъ насъ ничуть не безпокоитъ и не интересуетъ, но для того, чтобы изъ этихъ потѣшныхъ полковъ дѣйствительно возникло нѣчто здоровое, имѣющее большое жизненное значеніе, слѣдуетъ придержаться извѣстныхъ опредѣленныхъ взглядовъ. Необходима, прежде всего, планомѣрность, затѣмъ необходима общедоступность. Въ настоящее время походныя организаціи, являясь, можетъ быть, экспериментомъ какого-нибудь инспектора народныхъ училищъ или какого-нибудь ротнаго командира, очевидно, не могутъ быть общедоступными для широкихъ слоевъ. Затѣмъ необходимо соблюденіе педагогическихъ пріемовъ и необходима тѣсная органическая связь всей постановки военной гимнастики со школой. Конечно, будетъ неправильно, если въ будніе дни будетъ проявляться одно отношеніе къ военнымъ упражненіямъ, а въ воскресные дни, когда школьники будутъ маршировать, будетъ проявляться совершенно другое отношеніе. Очевидно, это дѣло должно находиться въ органической связи со всѣмъ школьнымъ строемъ, и мы настаиваемъ на томъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія

стало во главѣ этого дѣла и приняло инициативу этого дѣла всецѣло на себя. Примѣръ сокольничества и юначества въ славянскихъ земляхъ дастъ гарантію въ широкомъ развитіи этихъ физическихъ упражненій у насъ въ Россіи.

Приходится сказать еще нѣсколько словъ объ органахъ завѣдыванія и органахъ надзора, которымъ посвящены нѣсколько главъ въ настоящемъ законопроектѣ. Очевидно, въ порядкѣ разсмотрѣнія по отдѣльнымъ статьямъ будутъ внесены тѣ или другія поправки, въ которыхъ мы выяснимъ наше отношеніе. Въ настоящее время говорить о частностяхъ преждевременно, но нельзя не признать, что основная мысль законопроекта о томъ, что должны быть рѣзко раздѣлены органы завѣдыванія школами и органы надзора, совершенно правильна. Насколько въ органахъ завѣдыванія преимущественное значеніе должно быть придано органамъ самоуправленія, настолько въ органахъ надзора преимущественное, даже исключительное значеніе должны имѣть органы Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но, признавая правильность этого основного взгляда, мы усматриваемъ нѣкоторые очень крупные дефекты въ примѣненіи его въ настоящемъ законопроектѣ. Такимъ образомъ мы усматриваемъ крупное противорѣчіе. Если мы придаемъ исключительное значеніе органамъ самоуправленія въ дѣлѣ завѣдыванія школой, то нельзя не поставить обязательнымъ условіемъ, чтобы въ училищныхъ совѣтахъ, которые занимаются именно этимъ завѣдываніемъ школой, ставился для членовъ обязательный имущественный цензъ. Это условіе въ законопроектѣ не соблюдено. Къ участію по завѣдыванію школой могутъ быть привлечены лишь мѣстные люди, тѣсно связанные съ землей, представители плательщиковъ, люди, матеріально заинтересованные въ правильной постановкѣ школьнаго дѣла, и лишь эти элементы могутъ участвовать съ рѣшающимъ голосомъ въ дѣлѣ завѣдыванія народной школой. Если въ этомъ отношеніи мы усматриваемъ нѣкоторое противорѣчіе съ основнымъ взглядомъ, то въ другомъ смыслѣ замѣтна чрезмѣрная прямолинейность. Дѣло надзора надъ школой поручено правительственной инспекціи, которая является въ смыслѣ надзора дѣйствительно всемогущей.

Высшее руководительство надъ учебнымъ персоналомъ поручается проектомъ руководителямъ по учебной части. Мы признаемъ этотъ институтъ руководителей по учебной части въ извѣстныхъ рамкахъ элементомъ, быть можетъ, весьма желательнымъ, насколько они являются старшими учителями. Дѣйствительно, очень многіе неопытные педагоги въ настоящее время являются совершенно безъ руководителей. Руководители должны быть, но, съ другой стороны, если придерживаться той прямолинейности, которая проведена въ этомъ проектѣ, то весьма легко можно ожидать конфликта

между правительственной инспекціей и руководителями по учебной части. Очевидно, должна быть предложена та или другая конкретная поправка, которая дастъ возможность имъ работать солидарно и предупредить возможность тѣхъ конфликтовъ, о которыхъ я говорилъ.

Мало писать хорошіе законы, нужно дать возможность тѣмъ органамъ, которые создаются въ силу этого закона, правильно функціонировать. И вотъ я опасаюсь, что, создавъ могущественную инспекцію, какъ органъ надзора государства, мы въ дѣйствительности не дадимъ возможности этимъ органамъ правильно функціонировать. Число инспекторовъ должно быть безусловно значительно увеличено, и инспектора должны быть приближены къ школѣ. Мы въ комиссіи обсуждали примѣрное число инспекторовъ и думали, что во всякомъ случаѣ одинъ инспекторъ долженъ быть на 25 школъ. Настоящая практика показываетъ, что инспекція совершенно безсильна, имѣя по 100—200 школъ на одного инспектора. Очевидно, институтъ инспекторовъ долженъ быть приближенъ къ школѣ, чтобы онъ могъ правильно и дѣятельно функціонировать.

Мы привѣтствуемъ всецело тѣ статьи законопроекта, которыя говорятъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей и законоучителей, и думаемъ, что то, что сдѣлано настоящимъ законопроектомъ, является лишь первымъ шагомъ. По этому пути нужно итти дальше и смѣло и послѣдовательно, потому что лишь вполнѣ матеріально обезпеченный учитель или, по крайней мѣрѣ, возможно матеріально обезпеченный учитель можетъ правильно заниматься своимъ дѣломъ. Совершенно то же самое приходится сказать и о законоучителѣ; и въ другомъ законѣ, который находится въ непосредственной связи съ этимъ законопроектомъ, о финансовой сторонѣ реформы, мы особенно настаивали на улучшеніи матеріальнаго обезпеченія законоучителя.

Говорится въ этомъ законопроектѣ объ объединеніи школъ различныхъ вѣдомствъ. Этотъ вопросъ едва ли въ порядкѣ общихъ преній приходится особенно много затрагивать; онъ находится внѣ какой-нибудь органически тѣсной связи со всѣмъ законопроектомъ; рѣшенъ онъ случайнымъ большинствомъ одного голоса въ комиссіи, и, наконецъ, эта тема въ значительной степени уже исчерпана обширной рѣчью В. Н. Львова. Этого вопроса объ объединеніи школъ различныхъ вѣдомствъ я касаться не буду. Если оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ объ объединеніи школъ, если оставимъ въ сотронѣ нѣкоторые дефекты, которые сравнительно довольно легко исправить тѣми или другими поправками, мы полагаемъ, что настоящій законопроектъ является въ общемъ хорошимъ, и что онъ можетъ въ значительной степени урегулировать наше школьное дѣло. Мы хотимъ вѣрить, что

повое положеніе о начальныхъ училищахъ, которое въ настоящее время мы разсматриваемъ, дастъ сильный толчокъ развитію школьнаго дѣла и правильной его постановкѣ. Мы хотимъ вѣрить, что это положеніе будетъ способствовать воспитанію цѣлаго ряда поколѣній въ религіозно-нравственномъ направленіи и въ духѣ партіотизма. Вотъ наше отношеніе къ этому законопроекту».

Еп. Евлогій остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ (IV, 1, 115—131): «Передъ нами законопроектъ огромной, можно сказать, необычайной важности. Хотя докладчикъ и не назвалъ этотъ законопроектъ проэктомъ всеобщаго обученія, но несомнѣнно этому великому дѣлу здѣсь полагается прочное основаніе; здѣсь намѣчается общій планъ и указывается тотъ путь, по которому должно вестись это дѣло всеобщаго обученія. Законопроектъ, если и не вводитъ насъ въ храмъ всеобщей грамотности, то ставитъ во всякомъ случаѣ на порогѣ этого храма. Всеобщее обученіе, грамотная Россія,—какія это громкія и сладкія слова, какіе онѣ открываютъ широкіе горизонты! Повидимому сбываются завѣтныя желанія лучшихъ сыновъ Россіи, повидимому для Россіи открывается новая эра. Съ такими мыслями и чувствами приступили и мы, служителя Церкви, къ чтенію и изученію этого законопроекта. Но по мѣрѣ его изученія, по мѣрѣ углубленія въ него, меркла и гасла наша радость и заволакивались темными тучами эти свѣтлые горизонты, и общее радостное свѣтлое настроеніе смѣнилось чувствомъ тревоги и горькаго разочарованія. Съ нами случилось нѣчто обратное тому, что было съ древнимъ пророкомъ, которому былъ данъ отъ Бога свитокъ книжный, который въ устахъ былъ горекъ, а во чревѣ оказался какъ медъ сладокъ, какъ говоритъ Писаніе. Здѣсь случилось совершенно обратное. На первый взглядъ, такъ сказать, на первый вкусъ, этотъ свитокъ, этотъ законопроектъ дѣйствительно кажется сладкимъ, но по мѣрѣ усвоенія его открывается вся сокрытая въ немъ горечь.

Есть въ немъ одинъ главный, капитальный дефектъ, который въ нашихъ глазахъ его обезцѣниваетъ, который, по нашему глубокому убѣжденію, сулитъ намъ отъ него не свѣтъ и радость, а, можетъ быть, даже новыя тяжкія испытанія для нашей родины. Дефектъ этотъ,—это отнятіе отъ Церкви церковно-приходскихъ школъ. Это узурпація самаго права учительства у православной Церкви, права безспорнаго, неотъемлемаго и непреложнаго, это устраненіе Церкви отъ дѣла учительства. Составители этого законопроекта конечно, отрицаютъ такія свои намѣренія, но мнѣ кажется, что всѣ ихъ аргументы шиты бѣлыми нитками и что черезъ весь законопроектъ именно проходитъ мысль о нежелательности вмѣшательства Церкви въ дѣло народнаго просвѣщенія.

Докладъ увѣряетъ насъ на стр. 141, что церковныя школы не только не обрекаются на уничтоженіе, но даже сохраняется ихъ самобытность. Однако въ чемъ же усматривается эта самобытность? Самобытную своеобразную физіономію школѣ, какъ вообще всякому учрежденію, даютъ лѣ лица, которыя стоятъ во главѣ этого учрежденія, которыя направляютъ его дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ. До сихъ поръ во главѣ церковной школы стояла сама Церковь, которая въ лицѣ своего высшаго правительственнаго института—Святѣйшаго Синода—организовала всю стройную систему управленія этой школой, которая независимо и полновластно устроила жизнь соотвѣтственно своимъ нормамъ. Теперь эта власть изъ рукъ Церкви переходитъ въ руки училищнаго совѣта, гдѣ представитель Церкви является только со своимъ единымъ одинокимъ голосомъ, гдѣ этотъ голосъ, конечно, заглушается подавляющимъ большинствомъ другихъ голосовъ. Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о какой-либо самостоятельности церковной школы, которая, называясь церковной, уже будетъ отражать въ себѣ не церковные идеалы, а стремленія и теченія, которыя господствуютъ въ томъ или другомъ училищномъ совѣтѣ. Къ чему это поведетъ, я скажу нѣсколько ниже; теперь же замѣчу, что нельзя говорить о самостоятельности церковной школы, если управленіе ея вырывается изъ рукъ Церкви и вручается другому учрежденію, связь котораго съ Церковью во всякомъ случаѣ является случайною и условною.

Вторымъ весьма важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ жизнь школы, какъ и вообще всякаго учрежденія, являются матеріальныя средства—деньги. Мы видимъ уже теперь, какъ въ этомъ отношеніи изморомъ берется наша церковная школа, какъ она, бѣдная, начинаетъ хирѣть въ своей нищетѣ и убожествѣ въ то время, какъ на ея сосѣдку, школу министерскую, земскую, обильно продолжаетъ изливаться золотой дождь. Вотъ теперь церковной школѣ предлагается такой искусительный совѣтъ, ей говорятъ: отрекись отъ самой себя, отрекись отъ тѣхъ началъ, на которыхъ построена твоя жизнь, склонись покорно передъ тѣми теченіями, которыя властно идутъ если не отъ всей Государственной Думы, то, по крайней мѣрѣ, изъ комиссіи по народному образованію, соединись съ ними до потери своего облика, и тогда къ тебѣ потекутъ всѣ тѣ блага, которыхъ ты лишена; тогда и ты не будешь стоять предъ своей нарядной сосѣдкой и сестрой, какъ оборванная нищая, въ своемъ нищенскомъ рубищѣ, съ покосившимися зданіями, проваливающимися крышами, голодными и холодными учителями. Такой предлагается совѣтъ, такое дѣлается предложеніе. Да, но вспомнимъ, какъ отвѣтилъ Христосъ на подобное же искусительное предложеніе, когда искуситель приступилъ къ Нему и сказалъ: «Все дамъ тебѣ, только склонись передо

мною». Христосъ отвѣтилъ: «Господу Богу твоему поклопяйся и Ему одному служи». Также и церковно-приходская школа ни за какія блага, ни за какія деньги не продастъ за эту чечевичную похлебку своихъ закопныхъ правъ первородства.

Намъ говорятъ, что въ задачу комиссіи не входило упраздненіе церковной школы; намъ говорятъ, что эта школа и впредь имѣетъ право на свое существованіе и дальнѣйшее развитіе. Чѣмъ, однако, гарантировано это право? Мы уже видѣли, что управленіе отъ Церкви отбирается въ другія руки; мы видѣли, что и деньги она будетъ получать изъ чужихъ рукъ. Но, говорятъ, за духовнымъ вѣдомствомъ остаются права содержателей, и вотъ на стр. 142 подробно перечисляются эти права. Мы разберемся, какъ велики объемъ и содержаніе тѣхъ правъ, которыя здѣсь перечисляются. Прежде всего здѣсь ссылаются на ст. 6, которая указываетъ на участіе содержателей, а слѣдотельно и духовнаго вѣдомства въ отношеніи церковно-приходскихъ школъ, въ завѣдываніи школами. Однако, въ чемъ же будетъ выражаться это завѣдываніе? Если мы откроемъ эту ст. 6, то увидимъ, что завѣдываніе начальными училищами принадлежитъ тремъ органамъ: уѣздному, городскому училищнымъ совѣтамъ, потомъ содержателямъ и училищнымъ попечительствамъ. Но если мы дальше будемъ вчитываться въ этотъ законопроектъ, мы увидимъ, что эти три органа въ дѣлѣ завѣдыванія школою далеко неравноправны по существу и взаимоотношенія между этими органами построены по формѣ: хозяинъ и работникъ; т.-е. остальные два послѣдніе органа будутъ изыскивать средства для содержанія церковныхъ школъ, а единственный ихъ хозяинъ, училищный совѣтъ, будетъ давать средствамъ то или другое назначеніе. Такимъ образомъ, участіе въ завѣдываніи церковными школами вовсе не обезпечено для духовенства, гарантія неприкосновенности типа церковной школы вовсе не имѣетъ для него существеннаго значенія. Затѣмъ ссылка на ст. 35 сдѣлана, очевидно, по недоразумѣнію, потому что вовсе ничего не даетъ духовенству въ дѣлѣ устроенія церковной школы. Затѣмъ ссылаются дальше на ст. 29, которая даетъ право завѣдывающему приглашать законоучителя. Славу Богу, конечно, и за это право, но прежде въ нашихъ приходскихъ школахъ законоучителемъ являлся приходскій священникъ, который считалъ это дѣло своимъ правомъ и своею обязанностью. Теперь онъ будетъ приглашаться содержателемъ школы, съ согласія епархіальнаго начальства, но съ утвержденія опять того же училищнаго совѣта, такъ что возможно положеніе, что священникъ будетъ допущенъ какъ законоучитель въ церковную школу, но училищный совѣтъ по тѣмъ или другимъ мотивамъ можетъ его не утвердить. Затѣмъ ссылка на ст. 33, которая обезпечиваетъ за содержателемъ право приглашать другихъ преподавателей.

Это опять имѣетъ большое значеніе для духовенства по отношенію церковно-приходской школы. Но я задаю себѣ вопросъ: изъ кого же оно будетъ выбирать себѣ этихъ учителей, этихъ преподавателей. До сихъ поръ у духовенства были свои церковно-учительскія школы, въ которыхъ воспитывались цѣлые кадры будущихъ преподавателей, воспитывались въ извѣстномъ строго церковномъ направленіи, въ строгомъ соотвѣтствіи съ будущимъ призваніемъ быть руководителями церковной школы. Но, вѣроятно, эти церковно-учительскія школы также будутъ конфискованы у Церкви. Гдѣ же она найдетъ себѣ преподавателей, которымъ она могла бы поручить свое дорогое дѣтище, свои церковныя школы? Затѣмъ ссылаются на ст. 48, которая говоритъ о правѣ содержателей приглашать руководителей по учебной части. Но институтъ руководителей въ законопроектѣ очерченъ довольно неопредѣленно. Комиссія проектируетъ его, какъ видно изъ объяснительной ея записки, въ видѣ временной мѣры и предлагаетъ это учрежденіе скорѣе не въ видѣ безусловного требованія, а въ видѣ пожеланія (во всякомъ случаѣ факультативно); вообще этотъ институтъ въ законопроектѣ нѣсколько виситъ въ воздухѣ. Я думаю, гдѣ взять такихъ опытныхъ руководителей въ деревнѣ, которымъ можно было бы поручить это отвѣтственное дѣло, а въ особенности, гдѣ возьметъ этихъ руководителей наше бѣдное духовенство, кто будетъ платить этимъ руководителямъ? По законопроекту платить должны содержатели. Ну, земства могутъ давать жалованье, потому что они имѣютъ право облагать населеніе земскими сборами, а духовенство—гдѣ оно возьметъ средства? Развѣ снова нужно облагать Церковь непосильнымъ налогомъ, или оно само своимъ тощимъ карманомъ должно будетъ платить на содержаніе этого института руководителей. Такимъ образомъ, и эта статья существеннаго значенія для духовенства не имѣетъ. Болѣе важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ ссылка на ст. 15, которая предоставляетъ содержателямъ подробное составленіе программы. Но и тутъ свобода дѣйствій содержателя связана, потому что эти программы опять пойдутъ на утвержденіе того же училищнаго совѣта. Дальше ст. 91, которая указываетъ на участіе духовнаго вѣдомства въ школьномъ попечительствѣ; тутъ, повидимому, тоже даются нѣкоторыя права въ руки духовенства: но, во-первыхъ, само попечительство не хозяинъ въ школѣ, по крайней мѣрѣ, что касается учебно-воспитательной части; въ административно-хозяйственной—да, а въ учебно-воспитательной оно не хозяинъ, а еще меньше хозяинъ самъ священникъ въ этомъ самомъ попечительствѣ.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ права, на которыя ссылается комиссія по народному образованію, представляются, по моему мнѣнію, крайне ограниченными или совершенно фиктивными, иллюзорными. И дѣлать отсюда

выводъ, какъ дѣлаетъ комиссія на стр. 143, что такимъ образомъ все, что болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ особенностямъ церковно-приходской школы, можетъ сохраниться и впредь (даже и въ такой осторожной формѣ, что «можетъ сохраниться»), этотъ выводъ, мнѣ кажется, не опирается ни на какихъ твердыхъ основаніяхъ и нисколько не колеблетъ того положенія, что этотъ проектъ изъемлетъ церковныя школы изъ вѣдѣнія Церкви и передаетъ ихъ въ другія руки, въ вѣдѣніе училищнаго совѣта, который является по этому проекту полновластнымъ хозяиномъ-распорядителемъ этой школы.

Но почему это дѣлается, во имя чего совершается эта, да позволено мнѣ будетъ сказать грубое слово, экспропріація? Развѣ Церковь плохо вела дѣла народнаго просвѣщенія? Или, можетъ быть, Церковь не хотѣла и не умѣла имъ заниматься, или, можетъ быть, церковная школа была крайне плоха, неудовлетворительна? Повидимому, комиссія не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Она прямо говоритъ, что она не становится на почву разрѣшенія вопроса о преимуществахъ школы общественной надъ школой духовной, и она не отрицаетъ, какъ говоритъ комиссія, заслугъ церковной школы въ дѣлѣ начальнаго образованія. Но уже въ этой самой фразѣ вы увидите умаленіе, я бы сказалъ даже униженіе, церковной школы передъ школой министерской или земской: послѣднюю называютъ школой общественной, а эту школу называютъ школой духовной. Эта мысль развивается болѣе подробно и дальше, гдѣ говорится о маломъ сочувствіи къ церковной школѣ общественныхъ силъ, о бюрократическомъ характерѣ этой школы, о томъ, что тамъ все дѣло сосредоточивается въ далеко стоящемъ отъ школы епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, гдѣ всѣ дѣла будто бы вѣдаетъ одинъ только предсѣдатель; говорится о полномъ параличѣ дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій, такъ что даже у общественныхъ элементовъ, входящихъ въ эти отдѣленія, будто бы въ отчаяніи падаютъ руки и они отказываются отъ участія въ нихъ въ виду полной своей безполезности. Поэтому говорятъ, что школу эту надо назвать не церковной и не приходской, а школой духовнаго вѣдомства или школой синодальной. Какія тяжкія обвиненія или какія, скажу, несправедливыя!

Мы привыкли слышать такія обвиненія или съ лѣвыхъ скамей, или въ лѣвой печати, въ либеральныхъ листкахъ нашей прессы: и когда эти шаблонныя и несправедливыя обвиненія, которыя многократно были опровергаемы и въ литературѣ, и въ печати, и самою дѣйствительностью, когда они исходили только изъ этихъ источниковъ, мы не очень этимъ безпокоились; но когда это заявляется въ такомъ серьезномъ докладѣ, какъ докладъ комиссіи по народному образованію Государственной Думы, то невольно воскликнешь: какъ велика непріязнь къ церковной школѣ! Прежде чѣмъ опровер-

гать эти несправедливыя обвиненія, я хотѣлъ бы обратиться съ однимъ вопросомъ къ комиссіи по народному образованію, я хотѣлъ бы спросить авторовъ этого доклада: а что—школа министерская или земская, что—она совсѣмъ свободна отъ упрековъ въ своемъ бюрократическомъ характерѣ? Эта школа можетъ ли въ полномъ и строгомъ смыслѣ слова быть названа школой общественной? Много ли встрѣчается въ широкихъ слояхъ нашего русскаго общества такихъ ревностныхъ беззавѣтныхъ дѣятелей въ отношеніи этой школы? Не лежитъ ли все бремя управленія этой школой въ настоящее время почти исключительно на плечахъ тѣхъ же чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія? А роль нашихъ земствъ? Не сводится ли по большей части только къ отпуску нужныхъ средствъ для этой школы, къ отпуску не всегда очень щедрому, который приходится иногда выпрашивать, вымаливать тѣмъ же директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ? Вы, г.г., отлично знаете, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества еще не пробужденъ глубокій и живой интересъ къ нашему начальному образованію и зачѣмъ же вину и отвѣтственность за эту нашу общерусскую косность взваливать исключительно на неповинную церковную школу, зачѣмъ только ей надо ставить на видъ то, что является общимъ явленіемъ русской жизни въ отношеніи всякой школы безразлично?

Управленіе церковной школой, по моему глубокому убѣжденію, организовано Святѣйшимъ Синодомъ нисколько не хуже, чѣмъ управленіе земской или министерской школой. Во главѣ стоитъ въ каждой епархіи епархіальный училищный совѣтъ, въ составъ котораго входитъ вовсе не только одно духовенство, а входятъ и представители самыхъ разнообразныхъ, и правительственныхъ и общественныхъ, силъ, и всякій входящій въ составъ этого совѣта имѣетъ полную возможность проявить самую широкую иниціативу въ дѣлѣ начальнаго образованія въ церковныхъ школахъ. Глубокой, мнѣ кажется, неправдою, глубокой фальшью звучатъ слова доклада, будто бы мѣстные люди, входящіе въ составъ отдѣленій, убѣждались, что искреннее ихъ желаніе помочь дѣлу остается безплоднымъ, и поэтому они отказываются принимать участіе въ трудахъ отдѣленій. Мнѣ кажется, у кого есть желаніе поработать, кто близокъ церковному школьному дѣлу, тотъ работаетъ не покладая рукъ, и церковная школа можетъ насчитать многочисленныхъ своихъ искреннихъ друзей, своихъ ревностныхъ горячихъ работниковъ изъ среды мѣстныхъ общественныхъ силъ, во главѣ съ такимъ высокимъ и святымъ именемъ, какъ имя С. А. Рачинскаго. А что касается безучастныхъ и лѣнивыхъ работниковъ, то я думаю, что ихъ также много и въ земской и министерской школѣ, какъ

и въ средѣ членовъ уѣздныхъ отдѣленій, на которыхъ ссылается комиссія по народному образованію.

Затѣмъ я долженъ сказать, что добрую славу нашей церковной школѣ собственно создали не училищные совѣты и не ихъ отдѣленія; то, что она за короткое время своего возрожденія, за эти 25 лѣтъ, достигла такихъ блестящихъ успѣховъ, что покрыла густой сѣтью весь широкій просторъ нашей родины, что она стала въ уровень съ министерской и земской школой—этимъ она прежде всего обязана нашему приходскому сельскому и городскому духовенству, этимъ скромнымъ, смиреннымъ, беззавѣтнымъ труженикамъ, которые оказываются великими въ своемъ смиреніи и которые на своихъ плечахъ вынесли все это тяжелое бремя церковной школы. Именно они, эти сельскіе и городскіе священники,—не отрицаю, конечно, извѣстной заслуги и за разными учрежденіями, которыя стоятъ во главѣ церковной школы,—но я долженъ сказать, что они являлись главными двигателями этого дѣла, главными строителями этого огромнаго и величественнаго зданія церковной школы, которая вмѣщаетъ въ себѣ до 40.000 отдѣльныхъ школъ и до 2.000.000 учащихся. Они, эти наши скромные, смиренные приходскіе пастыри, обласканные и ободренные высокимъ довѣріемъ блаженной памяти императора Александра III, опираясь на сочувствіе только своихъ прихожанъ, отдали приходской школѣ всѣ свои лучшія силы, отдали свой часто непосильный трудъ, отдавали свои скудныя жертвы и только такой цѣной они достигли такихъ, я скажу, блестящихъ результатовъ, какихъ достигла школа за послѣднія 25 лѣтъ своего существованія. И близко стоящій къ церковно-школьной жизни, тотъ же упоминавшійся мною С. А. Рачинскій въ своихъ писаніяхъ удивлялся той ревности, той самоотверженности и воодушевленію, съ какимъ наши сельскіе пастыри занимаются этимъ для нихъ святымъ и великимъ дѣломъ. А вотъ теперь вы хотите отнять у нихъ это ихъ родное, ихъ дорогое дѣтище, которое ими было выплакано, выстрадано, которое ихъ горячими молитвами у Бога было вымолено. И при этомъ говорите, что эта школа какая-то не церковная и не приходская, а какая-то чиновничья и бюрократическая. Тѣхъ, которые говорятъ, что эта школа не церковная, я попросилъ когда-нибудь хоть разъ заглянуть подъ скромную кровлю церковной школы, когда тамъ, напримѣръ, совершается молитва, когда готовятся дѣти къ святому таинству исповѣди, святого причащенія, когда готовятся къ воскресному богослуженію, когда они, тѣснымъ кольцомъ сомкнувшись вокругъ учителя, поютъ церковныя пѣснопѣнія. Это дивная, трогательная картина. Мнѣ Господь далъ счастье не разъ наблюдать и умиляться проявленію и подъему религіознаго настроенія, которое царитъ въ нашей церковной школѣ; я видѣлъ духовную

красоту нашей церковной школы. Мнѣ теперь нѣтъ времени и, можетъ быть, я не сумѣю изобразить всю эту духовную красоту, но желающихъ я отправлю къ тому же самому С. А. Рачинскому, который умѣлъ въ живыхъ, художественныхъ и яркихъ краскахъ изобразить эту красоту нашей церковной школы. Я думаю, что этотъ святой человѣкъ не могъ ни лгать, ни фальшивить, ни кривить душой, и ему то во всякомъ случаѣ можно повѣрить, а онъ вездѣ говоритъ, что эта школа всѣмъ своимъ строемъ, всей своей жизнью неразрывно слилась съ Церковью, что она явилась какъ бы преддверіемъ Божьяго храма.

И ни за что другое, какъ именно за это церковное направленіе народъ полюбилъ эту свою родную церковно-приходскую школу; онъ увидалъ именно ту школу, которая отвѣчала сокровеннымъ, завѣтнымъ запросамъ его духа, которая отвѣчала всѣмъ завѣтамъ его многовѣковой исторіи; полюбилъ и наполнилъ до тѣсноты своей дѣтворой и не жалѣлъ жертвовать на нее отъ своихъ скудныхъ сбереженій. За 25 лѣтъ своего существованія она собрала 100.000.000 рублей. Я думаю, что эта цифра весьма краснорѣчива, и она ясно говоритъ, что церковная школа опиралась на глубокія симпатіи нашего русскаго народа. Я хотѣлъ бы знать, сколько такихъ средствъ, такихъ доброхотныхъ пожертвованій собрала школа министерская или земская, которую почему-то здѣсь называютъ общественною въ противоположность школамъ церковно-приходскимъ. Я не говорю, г.г., что задача полнаго сближенія церковной школы съ народомъ была достигнута вполнѣ, что церковно-школьные дѣятели въ этомъ направленіи дошли до своего конца; со всѣми искренними ревнителями Церкви я горячо желаю приходской реформы, и я думаю, что мы стоимъ наканунѣ этой реформы, и я полагаю, что съ возрожденіемъ нашихъ приходовъ въ церковную школу вольются новыя, живыя приходскія силы, и тогда она пуститъ еще болѣе глубокіе корни въ нѣдра народной жизни.

Главный аргументъ въ пользу объединенія церковной школы со школами другого порядка—свѣтскими, или, лучше сказать, подчиненіе церковной школы этимъ послѣднимъ состоитъ въ указаніи на тотъ антагонизмъ, который будто бы существуетъ между этими школами и который будто бы нанесъ уже огромный ударъ дѣлу народнаго просвѣщенія. Много здѣсь говорилось объ этомъ антагонизмѣ; указывалась причина этого антагонизма, разъяснялось, что этотъ антагонизмъ вовсе не имѣетъ принципіальнаго характера, а имѣетъ характеръ случайный, который коренится не въ существѣ дѣла, а скорѣе въ личныхъ индивидуальныхъ особенностяхъ школьныхъ дѣятелей какъ того, такъ и другого лагеря. Я не буду здѣсь объ этомъ распространяться, но сдѣлаю только одно замѣчаніе. Мнѣ ка-

жется, что этотъ антагонизмъ или совершенно прекратился бы, или во всякомъ случаѣ сталъ бы значительно слабѣть, если бы наша церковная школа не подвергалась той страшной травлѣ, которая часто слышится по ея адресу и въ печати, и въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ подумайте, г.г., сколько вражды, сколько обидной хулы, я скажу, слышитъ наша церковная школа, и мудрено ли, что дѣятели, которые стоятъ во главѣ этой школы, которымъ эта школа дорога, иногда теряли чувство мѣры, и что у этихъ людей вырывался крикъ наболѣвшаго сердца; а этотъ крикъ ставятъ теперь въ упрекъ не только имъ—можетъ быть въ самомъ дѣлѣ они виноваты,—но и самой ни въ чемъ неповинной церковной школѣ. А затѣмъ, г.г., я скажу: вы боитесь этого антагонизма? Но неужели будетъ лучше для общаго дѣла народнаго просвѣщенія, если этотъ антагонизмъ замѣнится гробовымъ молчаніемъ, если вы совершенно оттолкнете духовенство отъ народной школы и оно въ безсиліи совершенно опуститъ свои руки, если такимъ образомъ вы потеряете для школы цѣлую армію испытанныхъ все же дѣятелей на трудной и тернистой нивѣ народнаго просвѣщенія. Чѣмъ и какъ вы заполните эту пустоту въ рядахъ школьныхъ дѣятелей народнаго просвѣщенія, которая образуется у васъ съ уходомъ съ этой арены нашихъ скромныхъ, но все же полезныхъ школьныхъ дѣятелей?

Я не буду, г.г., долго останавливаться на возраженіяхъ противъ самостоятельности церковныхъ школъ, такъ сказать, финансово-экономическаго характера, по которымъ подчиненіе церковной школы Министерству Народнаго Просвѣщенія дастъ будто бы большія сбереженія Государственной казнѣ. На этотъ вопросъ очень хорошо, по моему мнѣнію, отвѣтила комиссія по дѣламъ православной Церкви; кромѣ того комиссія по народному образованію не представила по этому вопросу никакихъ точныхъ цифръ, никакихъ точныхъ расчетовъ. Поэтому эти возраженія, мнѣ представляется, характера гадательнаго и сомнительнаго.

И вотъ, на основаніи какихъ-то аргументовъ, частью сомнительныхъ, частью совершенно фиктивныхъ, комиссія рѣшаетъ наложить руку на церковно-приходскія школы, на это историческое и неотъемлемое достояніе Церкви, которое принадлежитъ ей по законамъ божескимъ и человѣческимъ.

Но, можетъ быть, отнимая у Церкви церковно-приходскія школы, комиссія компенсируетъ эту потерю предоставленіемъ Церкви широкихъ правъ въ области народнаго просвѣщенія, въ единой, новой свѣтской школѣ; можетъ быть, тамъ Церковь можетъ проводить свободно свои церковныя начала? Такъ, повидимому, думаетъ комиссія. Она утверждаетъ, что свѣтская и церковная школы не отличаются другъ отъ друга въ своихъ цѣляхъ какъ образовательныхъ, такъ и воспитательныхъ, что и свѣтская школа

стремится къ религіозно-нравственному воспитанію,—такъ это и значится въ первой статьѣ положенія о начальныхъ училищахъ,—и что представитель православнаго духовенства вводится во всѣ учрежденія, непосредственно относящіяся къ школѣ, и тчо, слѣдовательно, священнику, при его добромъ желаніи, открывается широкое поприще воздѣйствія на школу вообще. Такъ заявляетъ комиссія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Если эти громкія выраженія комиссіи перевести на языкъ простой реальной дѣйствительности, то отношеніе священнослужителя къ церковной школѣ выразится въ двухъ проявленіяхъ: во-первыхъ, онъ является законоучителемъ начальной школы, во-вторыхъ, представителемъ отъ Церкви въ училищномъ совѣтѣ.

Какъ же поставлена первая обязанность священника по отношенію къ начальной школѣ,—его законоучительство? До сихъ поръ, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, все дѣло законоучительства въ школѣ сосредоточивалось въ рукахъ церковнаго управленія, въ лицѣ епархіальнаго архіерея, какъ высшаго духовнаго начальника каждой губерніи, отъ котораго зависѣло и назначеніе учителей и который, по положенію о школахъ 1874 г., имѣлъ право наблюденія и за преподаваніемъ Закона Божія и за состояніемъ религіозно-нравственнаго воспитанія вообще. Теперь это право, собственно, изъемлется отъ Церкви. Законоучители приглашаются, допускаются къ исполненію своихъ обязанностей содержателями школъ и утверждаются училищнымъ совѣтомъ, правда, съ согласія епархіальнаго начальства. Однако, въ законопроектѣ ничего не сказано, что же будетъ, если не послѣдуетъ этого соглашенія съ епархіальнымъ начальствомъ? Затѣмъ законопроектъ вводитъ институтъ свѣтскихъ преподавателей Закона Божія. То, что прежде допускалось, какъ рѣдкое, печальное исключеніе, теперь вводится, какъ правило. По моему глубокому убѣжденію, никакой свѣтскій преподаватель не можетъ замѣнить въ школѣ священника-законоучителя, и отношеніе ученика къ законоучителю существеннымъ образомъ отличается отъ отношенія его къ другимъ преподавателямъ. Ученикъ въ школѣ относится къ законоучителю не только какъ къ своему наставнику, но и какъ къ своему духовному отцу, какъ къ пастырю церковному, какъ къ высшему руководителю его совѣсти во всѣхъ глубокихъ внутреннихъ сокровенныхъ ея тайникахъ. Здѣсь, очевидно, роль законоучителя, если допустить свѣтскаго преподавателя, сводится къ простому урокодаванію, а направляющая, руководящая дѣятельность священника въ школѣ, очевидно, исключается. Да какъ можно говорить объ этой роли, если законоучитель не имѣетъ права измѣнить программы, если отъ него не зависитъ количество учебныхъ часовъ, уроковъ по Закону Божьему? Все это дѣло училищнаго совѣта, который въ лучшемъ

случаѣ поставитъ законъ Божій наряду съ другими предметами въ начальной школѣ, а въ худшемъ случаѣ низведетъ въ разрядъ второстепенныхъ предметовъ, поставивъ наряду съ гимнастикой и черченіемъ. По крайней мѣрѣ въ законопроектѣ нѣтъ гарантіи, которая дѣлала бы такое положеніе невозможнымъ, а тотъ упадокъ религіозно-нравственной жизни, который мы замѣчаемъ въ современномъ обществѣ, то враждебное отношеніе къ Церкви, которое слышится въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ, дѣлаетъ наши опасенія близкими къ печальной дѣйствительности. Не будетъ удивительно, если какой-либо свободомыслящій совѣтъ, въ какомъ-нибудь либеральномъ земствѣ Тверской или Вятской губ., вдругъ пригласитъ и допуститъ къ исполненію обязанностей законоучителя лицо, которое будетъ проповѣдывать тамъ свободное христіанство, свободное отъ всякой вѣроисповѣдной доктрины, будетъ проповѣдывать толстовство и сектантство, а на наше историческое православіе будетъ смотрѣть какъ на суевѣріе, какъ на пережитокъ старины.

Правда, въ томъ училищномъ совѣтѣ, который является главнымъ хозяиномъ и руководителемъ всѣхъ школъ вообще, есть представитель отъ православнаго духовенства, и ему даже дается право протеста. Но прежде всего, почему-то этотъ представитель духовенства не назначается епархіальной властью, а избирается епархіальнымъ съѣздомъ духовенства. Зачѣмъ-то понадобилось разорвать ту естественную каноническую связь, которая существуетъ между священникомъ и его епископомъ, высшимъ іерархическимъ начальствомъ, особенно въ такомъ важномъ, великомъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго просвѣщенія. Вѣдь дѣло учительства есть именно одно изъ тѣхъ дѣлъ, въ которомъ полноту своихъ полномочій священникъ получаетъ только отъ своего епископа; такъ что я вижу въ этомъ нарушеніе канонническаго принципа. Затѣмъ, я говорилъ, что одинокій голосъ священника въ училищномъ совѣтѣ будетъ имѣть мало значенія и его протестъ въ большинствѣ случаевъ будетъ не что иное, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Итакъ, въ дѣлѣ школьнаго законоучительства, если Церковь также не совершенно отстраняется, то во всякомъ случаѣ ей отводится не подобающее почетное мѣсто, а она ставится, такъ сказать, въ задній уголъ,—ей отводится роль второстепенная, очень скромная и служебная.

И, конечно, мы, представители православнаго духовенства, никакъ не можемъ согласиться съ такимъ положеніемъ дѣла, никакъ не можемъ примириться съ такимъ умаленіемъ правъ святой православной Церкви. Дѣло учительства есть неотъемлемый долгъ и право священнослужителя, то право Церкви, которое ей заповѣдано Тѣмъ, Который сказалъ: идите и научите всѣ народы (Захарьевъ съ мѣста: «чему?»).—Закону Божію, конечно,

а не тому, чему вы учите. Школьное учительство является однимъ изъ проявленій этого общаго долга, или общаго церковно-учительскаго дѣла, того долга, который лежитъ на всѣхъ пастыряхъ. Даже больше,—школьная паства больше, чѣмъ взрослые люди, нуждается въ особенно отеческомъ попеченіи и въ руководительствѣ пастырей Церкви. Въ этомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, Церковь должна дѣйствовать свободно, полновластно, во всей полнотѣ данныхъ ей полномочій, а не идти подъ науку училищнымъ совѣтамъ. И какъ бы ни отклоняли вы насъ отъ народной школы, мы должны отвѣтить вамъ то же, что отвѣтили нѣкогда святые апостолы: «судите сами, справедливо ли вамъ подчиняться болѣе, нежели Богу».

Конечно, мы понимаемъ, что вы можете не обратить вниманія на наши протесты. Можетъ быть то, что мы не уступаемъ добровольно, вы можете отнять у насъ силой; но къ чему поведетъ такое, скажу, насиліе? Оттолкнете вы духовенство отъ школы и этимъ нанесете ему горькую и незаслуженную обиду. Оно теперь изъ своихъ далекихъ захолустій съ трепетомъ сердечнымъ слѣдитъ съ зоркимъ напряженіемъ, слѣдитъ за тѣмъ, разорятъ ли или не разорятъ его устроенное имъ гнѣздышко, церковную школу, которую оно устраивало съ такой любовью, съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами; выгопятъ или не выгопятъ ихъ—самихъ устроителей—этого гнѣздышка, которое, я говорю, досталось имъ цѣной тяжкихъ лишеній и трудовъ? Конечно, они уйдутъ и отдадутъ вамъ, что было создано ихъ слезами и кровавымъ потомъ, уйдутъ униженные и оскорбленные, съ чувствомъ глубокой горечи, съ сознаніемъ того, что эта горечь пришла именно изъ Государственной Думы, отъ которой они ждали себѣ только добра. Они уйдутъ съ мучительнымъ и неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, какъ это могло случиться, что у нихъ теперь отнимаютъ то дѣло, на которое призвалъ ихъ блаженной памяти Государь Императоръ Александръ III.

Да, г.г., школы церковныя, какъ ясныя звѣзды на небѣ, какъ церковныя яркія свѣчки восковыя предъ святыми иконами, какъ лампады предъ святыми алтарями, горятъ и сіяютъ по всему лицу земли русской, разливая кругомъ кроткій свѣтъ Христовой вѣры, правды и добра, и я прошу и молю васъ: не гасите этихъ свѣтильниковъ—не скажетъ вамъ спасибо нашъ русскій народъ. Вы сами же говорите, что религіозно-нравственное воспитаніе должно быть положено во главу угла народной школы, вы сами говорите, что это же первая и главная цѣль, первая и главная задача въ начальной народной школѣ... Какъ же вы достигнете этой цѣли, если устраните Церковь отъ этого великаго дѣла, откуда вы почерпнете источникъ этого религіозно-нравственнаго просвѣщенія, какъ именно не изъ Церкви? Она девять вѣковъ стояла надъ колыбелью нашего русскаго народа, она пѣла ему свя-

щенныя пѣсни и воспитала въ немъ тѣ прекрасныя качества, за которыя наша родина называется святою Русью, а нашъ народъ—народомъ богоносцемъ. Оторвите, оттолкните священниковъ отъ школы, сведите на нѣтъ все церковное вліяніе въ школѣ, изгоните оттуда церковный духъ, и народъ тогда пойдетъ въ дебри сектантства или даже сдѣлается совершенно невѣрующимъ, и во-истину тогда грознымъ станетъ лицо земли родной. И вотъ почему я очень боюсь, что съ осуществленіемъ того законопроекта, который теперь предъ нашими глазами, вопреки добрымъ намѣреніямъ его авторовъ, взойдетъ не красное солнышко, которое будетъ своими лучами разгонять тьму невѣжества народной жизни, а вспыхнетъ новое зарево революціоннаго пожара, и тѣ иллюминаціи, которыя мы пережили въ 1905 г. и о которыхъ говорилъ членъ Государственной Думы Львовъ 2-й. Что это не пустые страхи, г.г., позвольте мнѣ привести цитату, не менѣе авторитетную, чѣмъ тѣ, которыя приводилъ здѣсь членъ Думы Милюковъ. Позвольте привести цитату изъ Гизо, автора извѣстнаго либеральнаго французскаго закона о первоначальномъ обученіи. Вотъ что онъ говоритъ: «Вліяніе религіи въ народныхъ школахъ должно быть преобладающее; если священникъ не довѣряетъ учителю и отдаляется отъ него, если учитель почитаетъ себя независимымъ соперникомъ, а не вѣрнымъ помощникомъ священника, тогда нравственное значеніе школы утрачивается, и она легко можетъ обратиться въ опасность для государства», и далѣе: «Поставляя священника и учителя народной школы въ такое странное взаимное равенство, измѣряя тѣмъ же уровнемъ авторитетъ и характеръ обоихъ, унижали одного и неизбѣжно надмевали другого». Кто же удивится, что такой законъ произвелъ во Франціи, по выраженію Тьера, 40.000 anticurès, 40.000 священниковъ атеизма и соціализма. Правда, есть такіе оригиналы, которые думаютъ, что нѣтъ худа безъ добра, которые видятъ, что и иллюминаціи революціонныя сослужили нѣкоторую службу. Недавно мнѣ пришлось говорить съ однимъ бывшимъ губернаторомъ, который выразился такъ: «Мою губернію, говоритъ, дожгли до октябризма; если бы еще ее пожгли, то она сдѣлалась бы правой». Но, г.г., не всегда проходятъ такъ безнаказанно эти эксперименты, эти опыты надъ народной жизнью; иногда вы сами знаете, они кончаются очень печально. И вотъ почему мнѣ хочется въ заключеніе своей рѣчи громко крикнуть членамъ Государственной Думы: ради самого Господа, во имя спокойствія и блага нашей родины, въ великомъ и святомъ дѣлѣ народнаго воспитанія не дѣлайте такихъ опасныхъ экспериментовъ».

Алексѣевъ обратилъ вниманіе на другую сторону законопроекта (IV,1,436—452): «Фракція русскихъ націоналистовъ имѣла уже честь вы-

сказать свое общее отношеніе къ данному законопроекту и въ частности свое отношеніе по вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Моя задача—выяснить нашъ взглядъ на инородческую школу въ дѣлѣ всеобщаго начальнаго обученія. Этому вопросу мы придаемъ большое государственное значеніе и не разсматриваемъ его исключительно съ педагогической точки зрѣнія, какъ пробовали дѣлать это нѣкоторые ораторы слѣва; мы убѣждены, что отъ того или иного рѣшенія даннаго вопроса будетъ зависѣть быть ли Россіи единымъ и великимъ недѣлимымъ государствомъ или пойти по пути автономіи, уніи и федераціи. Мы, русскіе націоналисты, ни въ коемъ случаѣ несогласны съ тѣми упреками, которые дѣлались намъ ораторами, представителями національныхъ группъ—польскаго коло и другихъ колъ. Мы ни въ коемъ случаѣ не согласны съ тѣмъ, что будто бы мы выступаемъ въ роли какихъ-то обрусителей, будто бы мы являемся носителями руссификаціонныхъ идей. Мы глубоко несогласны въ частности съ депутатомъ Яблоновскимъ, который говорилъ, что наша задача, наша цѣль лишить ихъ національности, посягнуть на святая святыхъ, на ихъ языкъ и ихъ вѣру.

Напротивъ того, мы высказываемся безусловно за то, что мы являемся носителями государственной идеи въ самомъ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Мы говоримъ, что Россія можетъ быть великой, единой и недѣлимой только тогда, когда она будетъ спаяна однимъ цементомъ, цементомъ единаго русскаго государственнаго языка. Поэтому мы, относясь съ полной терпимостью ко всякому проявленію здороваго націонализма—109 національностей, какъ опредѣлилъ ихъ число П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи, входящихъ въ составъ русской Имперіи, относясь съ большимъ уваженіемъ къ ихъ самобытности, вѣрѣ и языку, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо и убѣжденно заявляемъ, что въ Россійской Имперіи долженъ быть единый государственный русскій языкъ. Поэтому въ примѣненіи въ частности къ данному случаю, разсматриваемому нами, къ школѣ, мы смотримъ на школу, какъ на государственное учрежденіе, вызванное быть проводникомъ государственной идеи. Мы, націоналисты, признаемъ историческую необходимость единенія и сліянія окраинъ съ центромъ, а поэтому къ данному вопросу мы можемъ отнестись лишь съ государственной точки зрѣнія, свято вѣруя, что предъ этой государственной исторической необходимостью всѣ другія разсужденія должны отойти лишь на второй планъ.

Но мы ни въ коемъ случаѣ не сторонники какого-нибудь посягательства на чью-либо самобытность; поэтому въ дѣлѣ рѣшенія этого вопроса мы придерживаемся тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, которые такъ односторонне, съ кадетской точки зрѣнія, воспѣлъ А. И. Шингаревъ въ газетѣ «Рѣчь»; мы сто-

имъ на свѣтлыхъ идеалахъ Пирогова (Шпигаревъ съ мѣста: не обманете), который говорилъ, что если онъ былъ русскимъ человѣкомъ, глубоко вѣрующимъ, глубоко религіознымъ русскимъ прогрессистомъ, патріотомъ, то только потому, что онъ началъ изучать русскій языкъ съ шестилѣтняго возраста, и его учитель училъ его на первыхъ порахъ на его родномъ языкѣ. И сколько бы Андрей Ивановичъ ни кричалъ съ мѣста, Пироговъ не являлся пѣвцомъ исключительно какой-нибудь отдѣльной національности, какъ въ частности еврейства. Нѣтъ, Андрей Ивановичъ, онъ былъ русскимъ человѣкомъ до мозга костей, и я на этомъ настаиваю, и, конечно, вы должны со мной согласиться, что въ своихъ «Вопросахъ жизни», въ своемъ «Дневникѣ», послѣднія слова котораго Пироговъ писалъ тогда, когда испускалъ свой послѣдній вздохъ, Пироговъ завѣщалъ намъ и другой свѣтлый идеалъ, въ который мы, русскіе націоналисты, свято вѣруемъ и храпимъ. Онъ сказалъ, что онъ русскій патріотъ только потому, что его учитель училъ его первымъ зачаткамъ грамоты по народнымъ гравюрамъ и по лубочнымъ произведеніямъ народной живописи, по подписямъ, которыя были высоко патріотическими и относились къ высоко знаменательной эпохѣ, къ эпохѣ борьбы Россіи въ 1812 г., къ 1815—1817 г.г. Вотъ эти идеалы, эти святые завѣты—чистый источникъ, тотъ родникъ, изъ котораго мы, націоналисты, черпаемъ свой либерализмъ, свой патріотизмъ и свои государственныя идеи, и иного рѣшенія въ области школы быть не можетъ.

Теперь, г.г., я долженъ спросить васъ: если мы стоимъ и на государственныхъ строго справедливыхъ началахъ, если мы стоимъ и на педагогическихъ безусловно прогрессивныхъ и почвенныхъ началахъ, завѣтахъ лучшихъ педагоговъ нашихъ, во главѣ съ Пироговымъ, почему же насъ упрекаютъ слѣва, что будто бы мы проводимъ какую-то націоналистическую политику? Вѣдь говорилъ же депутатъ Яблоновскій: ссылайтесь на какіе угодно авторитеты, вы только будете повторять чужое преступленіе. Но не убѣждаютъ ли васъ подобные упреки и подобное явно несправедливое отношеніе, что здѣсь дѣло не въ педагогикѣ, не въ какой-либо политикѣ, а въ посягательствѣ уже на нашу святая святыхъ, на тѣ завѣты, которые завѣщала намъ тысячелѣтняя наша исторія? Здѣсь, г.г., я прошу васъ обратить ваше самое серьезное вниманіе на тотъ принципъ, который заложенъ при рѣшеніи даннаго вопроса. Вѣдь мы сказали опредѣленно: пусть мальчикъ начинаетъ свое обученіе на своемъ материнскомъ родномъ языкѣ, пусть въ теченіе двухъ лѣтъ изъ четырехъ онъ учится на этомъ языкѣ, но пусть постепенно онъ подготовляется чувствовать себя, нисколько не отказываясь отъ своей національности, гражданиномъ великой Россіи, т. е. постепенно переходитъ на русскій языкъ, какъ языкъ государственный,

и съ третьяго года должно все преподаваніе вестись на русскомъ государственномъ языкѣ. Вотъ наша точка зрѣнія. Почему же депутаты слѣва, какъ, напримѣръ, депутатъ Яблоновскій, начинаютъ кричать, что будто бы такой нашъ взглядъ есть посягательство на національность, будто бы такой взглядъ есть утвержденіе того, что отнынѣ всѣ 109 національностей должны отречься отъ своего языка? Вѣдь мы же говоримъ, что русскій языкъ становится языкомъ преподаванія, но къ родному языку каждой отдѣльной національности мы должны отнестись въ школѣ съ уваженіемъ и почтеніемъ, и ни въ коемъ случаѣ не былъ правъ Яблоновскій, когда говорилъ, что мы, будто бы, навязываемъ инородцамъ какую-то православную нравственность. Никому никакой нравственности мы не навязываемъ въ этомъ смыслѣ; мы говоримъ, что самая постановка обученія, просвѣщенія, на всемъ протяженіи Россійской Имперіи можетъ быть только патріотична, нравственна и религіозна—вотъ нашъ взглядъ.

Вы скажете, г.г., почему мы, національисты, придаемъ такое рѣшающее значеніе вопросу о языкѣ преподаванія? Можетъ быть, только мы придаемъ такое значеніе этому вопросу? Поэтому я просилъ бы васъ остановиться надъ этимъ вопросомъ и углубиться въ него. Вы обратите вниманіе, какъ смотрятъ сами, такъ называемые, инородцы на значеніе русскаго государственнаго языка въ преподаваніи, въ цѣляхъ обученія массъ: да мы, говорятъ они, мы ненавидимъ казенный языкъ,—точное выраженіе депутата Яблоновскаго,—мы любимъ языкъ вашихъ поэтовъ и писателей. Вдумайтесь въ эти слова и вы придете къ безспорному заключенію, что за русскимъ языкомъ поляками признается лишь культурное значеніе: онъ можетъ быть языкомъ любителей красотъ русскаго языка, но не можетъ быть языкомъ государственнымъ. И всякій разъ, когда заходитъ вопросъ о языкѣ въ дѣлѣ школы, суда, администраціи, тогда инородческое населеніе становится на эту точку зрѣнія. Вы думаете, что это исключительно взглядъ депутата Яблоновскаго? Нѣтъ, къ прискорбію, таковъ взглядъ и большинства политиканствующей интеллигенціи инородчества. Я сошлюсь вамъ на уже извѣстнаго вамъ польскаго писателя Л. Страшевича. И онъ говоритъ, что самое упоминаніе, самое названіе русскаго языка ему ненавистно и вызываетъ у него отвращеніе. Но, конечно, чтобы Европа, предъ которой такъ преклоняется наше инородчество, не усмотрѣла въ такомъ отношеніи ультрашовинизма,—вѣдь русскій языкъ есть одинъ изъ міровыхъ языковъ, это не отрицаетъ даже и П. Н. Милюковъ,—они говорятъ: нѣтъ, нѣтъ, мы признаемъ русскій языкъ науки, языкъ литературы, но не языкъ вашей государственности. И это явленіе, г.г., относится къ разряду такого отношенія къ государственному языку, къ разряду той любви, которую такъ мѣтко и такъ вѣрно охарактеризо-

валъ почтенный профессоръ Капустинъ, который сказалъ: «продажной любви, любви своекорыстной, намъ не надо».

И я, г.г., вамъ скажу, что этотъ взглядъ, взглядъ расчлененія и разрушенія Россіи путемъ отрицанія единаго русскаго государственнаго языка и замѣна его многоязычіемъ отдѣльныхъ народностей, входящихъ въ ея составъ, всячески проводится систематически въ жизнь. Вы скажете: да, это такъ, но депутатъ Яблоновскій, публицистъ Страшевичъ—это вѣдь извѣстный разрядъ людей. Я вамъ приведу прямо анекдотъ, потому что въ XX столѣтіи едва ли, дѣйствительно, могъ бы имѣть мѣсто подобный фактъ. Передъ вами, г.г., времена не 1905 и 1906 г.г., передъ вами 1907 годъ и передъ вами идетъ разборъ дѣла объ убійствѣ въ Коммерческомъ банкѣ нѣкоего Ульяновскаго. Вызывается въ качествѣ свидѣтеля фотографъ Идзиковскій, который входитъ и заявляетъ: «Я знаю семь языковъ, но о русскомъ не слыхалъ». Интонація голоса свидѣтеля и его манера держаться вызвали замѣчаніе предсѣдательствующаго. «Я не юристъ»,—отвѣчаетъ свидѣтель,—«и не знаю, какъ надо держаться на судѣ». Не забавный ли анекдотъ, г.г. члены Государственной Думы? Но если вы къ фотографу Идзиковскому придете сниматься проѣздомъ черезъ Варшаву или проживая въ Варшавѣ, то онъ разсыпется въ любезностяхъ передъ вами на русскомъ языкѣ. И мнѣ опять скажутъ: но вѣдь и это отдѣльное явленіе, почему вы не охарактеризуете передъ нами общаго явленія, общаго теченія?

Позвольте мнѣ не касаться совершенно господствующаго теченія политической мысли, такъ называемыхъ, лѣвыхъ группъ польскаго населенія. Я остановлю ваше вниманіе на тѣхъ наиболѣе умѣренныхъ по ихъ же собственнымъ словамъ элементахъ, которые въ основу своей программы ставятъ принципъ, такъ называемой, угоды, примиренія съ Россіей. Въ моемъ распоряженіи масса меморіаловъ, поданныхъ вотъ этими группами русскому правительству. Я остановлюсь на самомъ характерномъ въ данномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что иниціаторами его являются такіе почтенные польскіе дѣятели, какъ всѣмъ извѣстный міровой писатель Генрихъ Сенкевичъ и гр. Тышкевичъ, котораго большинство изъ членовъ Государственной Думы, конечно, знаетъ. Въ ихъ меморіалѣ говорится: «Мы еще разъ настоятельно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію, признать польскій языкъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, предоставить мѣстному элементу управленіе Царствомъ Польскимъ. Мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами Царства Польскаго и отказъ намъ въ правахъ

и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силъ анархіи,— мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности». Г.г., вдумайтесь въ эти слова наиболѣе умѣренныхъ элементовъ. Но мнѣ скажутъ: «позвольте, не они возсѣдаютъ на этихъ скамьяхъ, въ Государственной Думѣ, возсѣдаютъ элементы, которые съ гордостью называютъ себя и народовцами, и демократами, поэтому я долженъ былъ бы развить предъ Государственной Думой точку зрѣнія народовой демократіи на данный вопросъ. Но, г.г., къ чему мнѣ развивать ее, когда уже это сдѣлали депутаты Яблоновскій и Гарусевичъ? Это значило бы, собственно говоря, вторгаться въ ихъ компетенцію.

Перенеситесь на минуту съ запада на востокъ, и если вы остановите свое вниманіе на мусульманской школѣ, на требованіи мусульманскимъ коло преподаванія на материнскомъ языкѣ, то предъ вами раскроется другая, не менѣе важная въ государственномъ отношеніи, картина. Вы, г.г., не были въ такъ называемой инородческой комиссіи; позвольте мнѣ вамъ изложить все происходящее въ ней по данному вопросу. Намъ говорили представители мусульманъ: въ начальной школѣ мы должны приступать въ первый годъ обученія къ изученію арабскаго языка, такъ какъ на арабскомъ языкѣ мы будемъ читать Коранъ; второй и третій годъ намъ нужны для изученія монгольскаго и тюркскаго языковъ, а четвертый годъ мы можемъ удѣлить изученію русскаго языка. Такъ Государственная Дума пусть задумается и пусть, дѣйствительно, отнесется серьезно къ подобному требованію мусульманъ. И что же, г.г., русскій языкъ при такомъ способѣ постановки дѣла пострадаетъ или нѣтъ? Можетъ ли получиться какой-нибудь результатъ отъ подобнаго изученія или нѣтъ?

Перенесемся на моментъ на Балтійскую окраину. Вы помните, въ Государственной Думѣ обсуждалась желательность законодательнаго предположенія, предъявленнаго нашему вниманію со стороны прибалтійскаго дворянства, которое и заявило, что изученіе части предметовъ въ теченіе восьми лѣтъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на мѣстномъ материнскомъ языкѣ, а не на русскомъ государственномъ языкѣ, поставило ихъ дѣтей въ такое печальное положеніе, что, приступая къ сдачѣ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости, они на русскомъ государственномъ языкѣ не являются въ состояніи выражать своихъ мыслей. Что же вы думаете: дѣтки начальной школы, начиная изученіе русскаго языка съ четвертаго года обученія при четырехлѣтней продолжительности курса, сумѣютъ изъясняться на немъ, сразу проникнутся красотами русскаго языка, національнымъ укладомъ, духомъ русскаго народа, и вы подъ тѣмъ законодательствомъ думаете

заложить путемъ національнзаціи школы здоровые зародыши объединенія? Нѣтъ-съ, не объединенія, а того широкаго обособленія національностей, котораго ждутъ и открыто заявляютъ представители польскаго коло.

Подойдите къ рѣшенію этого вопроса и съ педагогической точки зрѣнія. Да не варвары ли мы будемъ, мы, члены русской Государственной Думы, если станемъ на эту точку зрѣнія, чисто педагогическую? Что это за арабскій языкъ? Является ли онъ языкомъ материнскимъ для нашихъ татаръ, монголовъ, языкомъ ихъ семьи, школы, или по крайней мѣрѣ, родственнымъ ихъ материнскому языку, близкимъ по своимъ корнямъ? Да нѣтъ, г.г., это языкъ Корана, языкъ для нихъ непонятный, языкъ, я скажу, болѣе непонятный, чѣмъ русскій языкъ, съ которымъ такъ или иначе они приходятъ и должны приходить въ соприкосновеніе. Итакъ, г.г., вамъ подсовываютъ педагогическія требованія, требованія справедливыя, начинать преподаваніе на материнскомъ языкѣ, а затѣмъ подъ ихъ флагомъ незамѣтно пропихиваютъ всякіе панисламизмы, панмонголизмы, всю польскую идею и т. п. идеи. Для чего же имъ нуженъ арабскій языкъ, который ни съ лингвистической, ни съ этнографической, ни съ бытовой стороны не имѣетъ ничего общаго съ тюркскимъ языкомъ? И вотъ здѣсь одна характерная подробность: я обратился съ чрезвычайно невиннымъ вопросомъ къ депутату Еникееву въ комиссіи инородческой: а скажите, депутатъ Еникеевъ, что это за тюркскій языкъ? Можетъ быть, турецкій? Ну, конечно, турецкій языкъ. Такъ они на Поволжьѣ желаютъ изучать турецкій языкъ, съ него начинать, изучать арабскій языкъ, религіозный, создавать литературныя нарѣчія для проведенія панисламизма, панмонголизма. Нѣтъ, Государственная Дума не можетъ пойти по этому пути. Я не вѣрю, національсты не вѣрятъ, чтобы Государственная Дума могла пойти по этому пути. Вѣдь рядомъ живущія монгольскія народности говорятъ на разныхъ материнскихъ языкахъ, совершенно непонятныхъ другъ другу. Вы знаете, напримѣръ, что казанскіе татары говорятъ на такомъ языкѣ, который совершенно непонятенъ кавказскимъ татарамъ; черкесы, проживающіе по балкамъ Чернаго моря въ ближайшемъ сосѣдствѣ, и то не понимаютъ, г.г., другъ друга. Такъ вы, русская Государственная Дума, носительница государственныхъ идей, хранительница завѣтовъ, завѣщанныхъ намъ предками, по какому пути желаете итти,—по пути ложнаго, мнимаго патріотизма, мнимаго прогрессизма, или же пойдете по пути справедливому, по пути истинно-прогрессивному—уваженія 109 національностей, входящихъ въ составъ русской Имперіи, но съ обязательнымъ соблюденіемъ дѣйствительной гарантіи русскаго государственнаго языка?

Г.г. депутаты Яблоповскій, Гарусевичъ, Енпкеевъ, Максудовъ, Хасъ-Мамедовъ проливали слезы и обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ и нестроеніяхъ нашу начальную школу. Я не говорю, что она идеальна, да и нѣтъ идеальныхъ школъ нигдѣ. Школа идетъ въ уровень съ развитіемъ человѣчества, слѣдовательно, недовольство ею всегда будетъ. Но, г.г., справедливо ли намъ вѣчно выслушивать о томъ, что у насъ чрезвычайно все скверно? Позвольте мнѣ сослаться на 23-й томъ докладовъ по вопросу о народномъ образованіи, внесенный въ англійскій парламентъ. Впрочемъ это спеціальность профессора... приватъ-доцента Милюкова. Тамъ мы находимъ (читаетъ): «Русская система народнаго образованія, можетъ быть, имѣетъ серьезные дефекты, но она, несомнѣнно, представляетъ собою одну изъ самыхъ полныхъ попытокъ организовать народное образованіе и управлять имъ на національныхъ основахъ». И эта самая школа очень мало проигрываетъ въ сравненіи со школой англійской и германской. Во всякомъ случаѣ, она неизмѣримо выше французской, а васъ они ведутъ по пути французскихъ и португальскихъ идеаловъ, призываютъ васъ слѣдовать по этому пути. И мнѣ хочется, г.г., сказать: «врачу, исцѣлися самъ».

Судите сами: выходитъ Яблоповскій, выходитъ Гарусевичъ и попосятъ нашу школу, нашу русскую государственность; иначе, какъ поношеніемъ, я не могу назвать подобныя слова Яблоповскаго (читаетъ): «Принадлежность къ русскому государству вдавливаетъ насъ механически въ рамки этой школы, но ничего общаго мы съ нею не имѣемъ. Казенный языкъ превращается въ заржавѣлое орудіе пытокъ и мщенія, отъ котораго съ ужасомъ и отвращеніемъ отворачивается человѣческій духъ. Злѣйшая провокація нашей національности, уродливое, кошмарное привидѣніе садится у ихъ колыбели и жадно сосетъ молодыя, неокрѣпшія силы». Г.г., а тамъ, гдѣ господами положенія являются сами поляки? Я беру русскую Галицію—Червонную Русь—каково тамъ состояніе просвѣщенія? Я основываюсь всегда на строго провѣренныхъ данныхъ, и позволю себѣ выяснить предъ вами вопросъ о состояніи школьнаго дѣла въ Галиціи въ 1907—1908 учебныхъ годахъ (Голосъ слѣва: кѣмъ провѣренныя?). Вамъ хочется знать кѣмъ? Я вамъ скажу. Это отчетъ краево училищнаго совѣта, т. е. польскаго правительства. Заслушайте его, для васъ онъ чрезвычайно поучителенъ. Вы тамъ найдете, что въ отчетномъ году въ Галиціи было 827 общинъ, лишенныхъ школъ. Но, г.г., тамъ были, по заявленію этого официальнаго отчета, и школы, которыя существовали лишь на бумагѣ за неимѣніемъ учителей, т. е., другими словами, тамъ были школы, но не было ни учениковъ, ни учителей. Такъ гласитъ официозный отчетъ, а вотъ и голосъ русскаго населенія бѣдной Галиціи; онъ говоритъ, что въ восточной Галиціи, гдѣ

находится 1.000 школъ, въ которыхъ обученіе дѣтей грамотѣ слѣдуетъ признать только кажущимся, дѣти ходятъ въ школу, учителя или учительницы являются, можно сказать, регулярно, но въ результатѣ получается одно: по истеченіи шестилѣтняго курса ребенокъ не умѣетъ читать ни по-русски, ни по-польски.

Г.г., если говорить о посягательствѣ на душу народную, на вѣру отцовъ, на святыни, говорить о призракахъ, стоящихъ у изголовія, то не вамъ, депутатъ Яблоновскій, и не вамъ, депутатъ Гарусевичъ. Этихъ требованій, этихъ притязаній, этихъ обвиненій вы не можете предъявить Россіи; тогда бы кричала объ этомъ вся Европа, но такого крика мы не слышали. У насъ не было своей Вржесни, но у насъ не было и Жулина, гдѣ по несчастной случайности русскому шестилѣтнему мальчику Михаилу Коханчику, за то, что онъ отказался произнести «Отче нашъ» на польскомъ языкѣ (Дымша съ мѣста: ложь; справа рукоплесканія и голоса: браво), наносятъ въ високъ ударъ кастетомъ, а вѣдь тамъ учителя, вѣроятно, очень богаты. По официознымъ свѣдѣніямъ ударъ былъ нанесенъ не кастетомъ, а тяжелыми перстнями. Этотъ богатый учитель наноситъ мальчику такой ударъ въ високъ, что онъ погибаетъ отъ воспаленія мозга, а сестрицѣ его наносятъ опять такой несчастный ударъ, что она лишается своего глаза. (Рукоплескація справа; Дымша съ мѣста: ложь). Г.г., и невинныя дѣти страдаютъ только за то, что ихъ несчастные родители были совращены въ латинство, а затѣмъ, когда сознательная струя вернула ихъ въ лоно святой Церкви, Церкви отцовъ, тогда они явились святыми мучениками, принесенными въ жертву на алтарѣ шовинизма и фанатизма.

Русскій народъ славится своей терпимостью, русскій народъ самъ проливаетъ слезы надъ униженными и оскорбленными, самъ готовъ во всемъ себя обвинять, но онъ всегда протестуетъ, когда возводятъ на него небылицы. И вотъ, г.г., мнѣ припоминается другая картина, мнѣ припоминается тотъ моментъ, когда польская молодежь увлекается партійными представителями въ Закопаньѣ; предъ молодежью вотъ эти политики или, вѣрнѣе, политиканы (указывая на польское коло) произносятъ такія рѣчи, которыя мы здѣсь имѣемъ несчастье слушать съ этой высокой каѳедры, и эти политиканы выносятъ бойкотъ всему русскому, русской школѣ на западной окраинѣ. И это юношамъ простительно, они незрѣлые люди, но мнѣ больно, когда говорятъ такъ политики, которые считаютъ себя и высокозрѣлыми и высококультурными; а я говорю, что драпируются въ плащъ лжи, обмана и клеветы, и вы не думайте, г.г., что я говорю это голословно. Я никогда не говорю голословно; я сошлюсь на авторитетъ польскаго публициста Страшевича въ № 199 «Слова» за 1909 годъ. Онъ говоритъ, что надъ поля-

ками тяготѣетъ роковое проклятіе: «Мы не можемъ выбраться изъ трясины политическихъ мечтаній на твердую, ровную дорогу національнаго и соціальнаго труда; мы не въ состояніи выйти изъ мрака иллюзій на блескъ солнечнаго свѣта. А потому, г.г., мы постоянно сами себя топимъ, сами себя калѣчимъ». Страшевичъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое и въ длинной вереницѣ польскихъ политическихъ пораженій находитъ, что всегда и вездѣ очень выдающуюся, если не рѣшающую, роль играла ложь. (Читаетъ): «Мы обманывали сами себя постоянно, методически, добровольно, усердно; мы впушили народной массѣ, что мы исключительный народъ, преисполненный такихъ достоинствъ и силъ, что мы не имѣемъ нужды считаться ни съ какими физическими силами, ни съ законами самой природы; мы убѣдили самихъ себя, что и Франція, и Англія, и Венгрія, и вся Европа готовы принести въ жертву независимости Польши собственное благосостояніе, собственную безопасность; мы сдѣлали изъ обманыванія самихъ себя не только политическій методъ, но даже возвели этотъ наихудшій изъ обмановъ въ достоинство», поэтому они (обращаясь къ польскому коло) и кричали сегодня: «ложь», когда мы говорили о бѣдной судьбѣ несчастныхъ страдальцевъ Галиціи,—въ достоинство національнаго долга и доблести. Съѣздъ молодежи въ Закопаньѣ призналъ, что существуетъ одинъ только поводъ для поддержанія бойкота русскихъ школъ: прекращеніе его ослабило бы происходящую теперь упорную борьбу польскаго простонародья за освобожденіе народа». Г.г., здѣсь новая ложь, здѣсь новая клевета, но уже не на русскій народъ, а на свой родной народъ, польскій. Они говорятъ, что простонародье борется за какое-то освобожденіе. Польскій народъ ни въ 30-хъ, ни въ 60-хъ, ни въ 70-хъ годахъ, ни въ 1905 г. не шелъ за вотъ этими освободителями, именующими себя народовыми демократами. (Голосъ слѣва: онъ и за вами не пойдетъ). И это не я говорю, это говоритъ Страшевичъ (читаетъ): «Самые сознательные люди отъ перваго до послѣдняго знаютъ, что это не такъ; польское простонародье не ведетъ упорной борьбы за освобожденіе народа, которая находилась бы въ какой-либо связи съ бойкотомъ школы, и это вполнѣ очевидно. Польскаго простонародья насчитывается въ Царствѣ Польскомъ 8.000.000 или 9.000.000; къ революціонной же борьбѣ, о которой гласятъ резолюціи съѣзда въ Закопаньѣ, ораторы могли бы теперь подговорить, можетъ быть, нѣсколько сотъ, пускай даже, при большихъ усиліяхъ, нѣсколько тысячъ людей. Да и кромѣ того очевидная истина, что загадка нашей недоли заключается именно въ томъ, что наше простонародье еще неспособно ни къ какой борьбѣ»,—прибѣгли къ возвышенной фразѣ, чтобы затемнить дѣло и угодить неумѣющимъ критически относиться къ слушателямъ. Страшевичъ скор-

бидъ, что «приходитъ новое поколѣніе и совершаетъ тотъ же самый грѣхъ, смертный и отвратительный, которымъ мы, наши дѣды и отцы губили край». И въ концѣ Страшевичъ со скорбью восклицаетъ: «Гдѣ же выходъ? въ чемъ же спасеніе?»—«Въ единеніи съ братскимъ русскимъ народомъ, и въ гармоническомъ сочетаніи—отвѣтимъ мы Страшевичу,—русской государственности съ польской и всякой другой народностью, всякой національностью изъ 169 національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства».

Я, г.г., не могу не остановиться на тѣхъ стремленіяхъ, свидѣтелями которыхъ мы были, стремленіяхъ, г.г., вотъ съ этой стороны (указывая налѣво), которая съ гордостью кричала: «польскій народъ не пойдетъ за вами», а значитъ съ ними пойдетъ. Куда?—мы спросимъ этихъ русскихъ гражданъ; и намъ отвѣтятъ Булатъ и его сотоварищи. Г. Булатъ вѣщалъ Государственной Думѣ грозно и гордо: «Народу не удалось еще отшвырнуть ихъ руки—т. е. наши руки—отъ святого дѣла народнаго образованія», а депутатъ Покровскій говорилъ, что требованіе всеобщаго обученія выдвинула, конечно, русская революція, а не третья Государственная Дума, и, обращаясь къ духовенству, онъ говорилъ: «Тотъ, кто не хочетъ самъ уйти и не понимаетъ этого, съ нимъ случится то, что случилось съ лиссабонскими патерами, которые не успѣли даже собрать своихъ пожитковъ». Вотъ ихъ идеалъ, и вотъ ихъ взглядъ на народнаго учителя: онъ призванъ революціонировать русскую школу.

Правда, они смѣшны въ своемъ самомнѣніи, но, по крайней мѣрѣ, у нихъ хорошо одно, что они искренни, но неискренни ихъ друзья слѣва, которые возмущались, когда депутатъ В. Н. Львовъ ссылался на опытъ и на завѣты міровой исторіи, а со скамеекъ изъ центральныхъ кадетскихъ рядовъ депутатъ Милюковъ кричалъ: «а Португалія?» Но я стенограммы не видалъ; въ стенограммѣ можетъ быть значится этотъ возгласъ Милюкова, можетъ быть пѣтъ, но я собственными ушами это слышалъ, слышали и мои товарищи, а на трибунѣ Милюковъ иное говорилъ—вѣдь кадеты политики осторожные, опытные и политики европейской и иной складки. Онъ здѣсь говорилъ: г.г., я, какъ человѣкъ всего міра, какъ гражданинъ міра, а не Россійской Имперіи, заявляю, что тутъ не можетъ быть разговора о русскомъ гражданинѣ, а можно только говорить о россійскомъ и россійскихъ гражданахъ. Знакомая для насъ идеологія: она α и ω мечтаній злѣйшихъ враговъ Россіи. Вы помните: когда здѣсь мы имѣли несчастіе слушать впервые депутата Милюкова, когда онъ выступалъ со своей программной рѣчью въ отвѣтъ на декларацію Предсѣдателя Совѣта Министровъ,—онъ внушалъ намъ эти роковыя идеи, внушалъ о томъ, что пора быть намъ россійскими гражданами. Кадеты повторяютъ злѣйшую профанацію, которую создали

враги Россіи; они пускаютъ въ оборотъ такіе государственные афоризмы и парадоксы, о вредѣ которыхъ я не разъ предупреждалъ васъ; они создаютъ русиновъ и рутеновъ, которые, конечно, съ польской точки зрѣнія—поляки, польская вѣтвь, а не русская вѣтвь; они создаютъ воинствующее украинство; они требуютъ украинскаго языка, какъ требовалъ депутатъ Лучицкій въ комиссіи по народному просвѣщенію, и ихъ точка отправленія не Россія, а внѣ Россіи, и по вопросу о руссицизмѣ, о россійскости и украинствѣ они черпаютъ свои силы, одни—моральныя и разрушительныя въ Австріи, другія—матеріальныя изъ источниковъ другихъ—финансовыхъ.

Я, г.г., постоянно слышу, слышалъ и сегодня также и отъ нашего представителя П. Н. Крупенскаго о томъ, что только нѣмецкій народный учитель спасъ Германію, сдѣлалъ изъ Германіи не только просвѣщенную, но и высокопромышленную страну. А задумывались ли вы надъ тѣмъ идеаломъ, который несетъ нѣмецкій учитель въ школу? Несетъ ли онъ идеалъ Булатовъ, или ихъ—можетъ быть я ошибаюсь—«ословъ слѣва»... Кажется (обращаясь къ фракціи народной свободы) такъ? (Голосъ справа: такъ) или же наши національные идеалы, которые нашли мѣсто и запечатлѣны въ данномъ законопроектѣ. Г.г., я считаю сейчасъ приводимую мной цитату высоко-государственной и высоко-педагогической. Нѣмецкій учитель, въ данномъ случаѣ Виллибальдъ Бемъ, обращается къ своему нѣмецкому ученику и говоритъ: «An dich, du deutscher Knabe»—«Тебѣ, нѣмецкій мальчикъ», и въ каждой школѣ вы найдете изящно изданную таблицу, которая гласитъ: «Ты—нѣмецкій мальчикъ, справедливой гордостью можетъ поэтому наполняться твоя грудь, ибо великъ и могущественъ народъ, къ которому ты принадлежишь. Милліонны людей говорятъ твоимъ дорогимъ, милымъ материнскимъ языкомъ, ты встрѣтишься съ нимъ повсюду, по всему міру. Величайшіе мужи вышли изъ твоего народа. Народъ твой называется народомъ поэтовъ и мыслителей, языкъ твой есть красивѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ языковъ міра. Могущество нѣмецкаго народа основало государство; нѣмецкое трудолюбіе укрѣпило его, нѣмецкое мужество охранило его отъ врага, нѣмецкій духъ сдѣлалъ его великимъ. Люби свой народъ, люби его всѣмъ сердцемъ своимъ, будь ему вѣренъ до смерти, дѣлай все, что способствуетъ сохраненію твоего народа и приноситъ тебѣ и ему пользу и славу; люби свой языкъ, береги его, какъ драгоцѣнное сокровище, и охраняй его красоту отъ пустыхъ и чужеземныхъ украшеній. Будь достоинъ своего народа. Ты будешь достоинъ его, доколѣ ты будешь вѣренъ нѣмецкой добродѣтели. Будь поэтому правдивымъ, искреннимъ, прямымъ, естественнымъ, благороднымъ и добрымъ—ты нѣмецкій мальчикъ».

А что мы подсовываемъ своему русскому мальчику, объ этомъ сказалъ мой почтенный коллега по фракціи П. Н. Крупенскій. Г.г., теперь вы поймете основную точку зрѣнія націоналистовъ и ихъ друзей справа. Мнѣ остается обратиться къ моимъ друзьямъ слѣва, партіи союза 17-го октября, съ которой мы, націоналисты, всегда и во всемъ стараемся итти рука объ руку. Мы говоримъ октябристамъ: откажитесь отъ своего заблужденія, откажитесь отъ поддержки націонализаціи школы. Многіе изъ васъ, какъ, напримѣръ, почтенный депутатъ Леоновъ, много потрудились надъ русскимъ просвѣщеніемъ въ центрѣ Россіи, но вы, конечно, въ глаза не видали и слыхомъ не слыхали о націонализаціи школы. Васъ влечетъ по этому ложному, гибельному пути націонализаціи школъ тотъ благородный русскій прогрессизмъ, который во всемъ и во всѣхъ видитъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Васъ обманули при помощи того обмана, той лжи, о которой такъ откровенно и съ такимъ высокимъ гражданскимъ мужествомъ заявилъ здѣсь Страшевичъ. Я говорю октябристамъ: послушайте своего убѣленнаго сѣдинами софракціонера, почтеннаго пр. М. Я. Капустина; онъ вѣдь либералъ чистой воды, и онъ говорилъ вамъ: г.г., здѣсь вопросъ не о либерализмѣ, а о будущихъ судьбахъ Россіи. И я съ гордостью заявляю, націонализмъ почтеннаго Михаила Яковлевича ковался тамъ, гдѣ ковался націонализмъ и нашихъ русскихъ націоналистовъ; мы стояли лицомъ къ лицу на передовыхъ постахъ съ воинствующимъ націонализмомъ и поэтому скорѣе и быстрѣе васъ, можетъ быть, въ данномъ отношеніи усвоили себѣ государственную точку зрѣнія, которую вы доселѣ по существовавшимъ условіямъ русской политической и гражданской жизни не были въ состояніи усвоить; вы идете, г.г., въ данномъ вопросѣ въ поводу у всѣхъ національностей; вы думаете, что вы имъ даете какое-то удовлетвореніе, думаете, что покупаете цѣною расчлененія, разрушенія Россіи—объ этомъ спора быть не можетъ—ихъ любовь. Но мы, члены комиссіи по инородческому вопросу, засвидѣтельствуемъ, что когда инородцы въ комиссіи при помощи нѣкотораго большинства октябристскихъ голосовъ получили свою національную низшую школу, они сейчасъ же заявили протестъ противъ предсѣдательствующаго депутата Леонова за то, что онъ имъ не дастъ обсуждать вопроса націонализаціи высшей начальной школы.

Г.г. октябристы, я вамъ приведу свидѣтельство вашего октябриста, который въ моемъ присутствіи передъ вами заявлялъ себя октябристомъ не со вчерашняго дня,—проф. Филевича, который, съ одобреннаго благословенія центральнаго комитета союза 17-го октября, обратился по данному вопросу въ 1907 году къ русскому населенію Царства Польскаго; онъ говорилъ такъ: «При обсужденіи вопроса о государственномъ языкѣ необхо-

димо провести опредѣленную грань между учрежденіями, имѣющими спеціально мѣстный характеръ и значеніе, и учрежденіями общегосударственнаго характера; во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ роль русскаго языка, какъ языка государственнаго, не можетъ быть умалена никоимъ образомъ; къ числу такихъ учрежденій принадлежитъ, прежде всего, школа». И онъ говоритъ дальше: «Кухарскій на такъ называемомъ школьномъ вѣчѣ заявилъ, что польская школа будетъ въ этомъ краѣ только тогда, когда въ Варшавѣ будетъ свой отдѣльный сеймъ». Проф. Филевичъ прибавляетъ: «И это совершенно вѣрно. Иначе говоря, школьный вопросъ никоимъ образомъ не можетъ быть отдѣленъ отъ автономіи. *Дайте польскую школу, а автономія придетъ сама собой.* Школьная сфера отличается деликатностью и рѣзкія формы совершенно неумѣстны. Но тѣмъ болѣе твердо и опредѣленно долженъ быть установленъ основной принципъ». Вотъ что вамъ говорятъ проф. Капустинъ и проф. Филевичъ, которые близко знаютъ польскую жизнь. А проф. Филевичъ говоритъ, что исповѣдывать этотъ національный взглядъ онъ имѣетъ право потому, что онъ выстрадалъ его, будучи уроженцемъ несчастной Холмщины. И вотъ, г.г., сходя съ каѳедры, я обращаюсь къ Государственной Думѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всѣмъ 109 народностямъ, входящимъ въ составъ Россійской Имперіи, и говорю: да рѣетъ надъ великой русской землей двуглавый русскій государственный орелъ, пусть онъ однимъ крыломъ прикрываетъ льдины Сѣвернаго ледовитаго океана, а другимъ—берега Чернаго моря. Желѣзнымъ клювомъ, стальными когтями, могучей, мужественной грудью онъ защититъ и охранитъ всѣ народы, всѣ національности и призоветъ ихъ къ мирному содружеству, къ содружеству и осуществленію правъ человѣка и гражданина, но при стройномъ, согласномъ созвучіи, сочетаніи этихъ правъ съ правами и обязанностями русскаго гражданина. Октябристы, не выдавайте Россіи!!!»

Основныя возраженія націоналистовъ по законопроекту не были приняты во вниманіе. Самостоятельность церковной школы была упразднена, а преподаваніе въ инородческой школѣ было установлено на инородческихъ языкахъ.

Націоналисты не желали принять на свою отвѣтственность такихъ существенныхъ нарушеній правъ Церкви, а также и государства. Въ виду этого ими были сдѣланы слѣдующія заявленія:

Еп. Евлогій заявилъ (IV, 1, 2204): «Принимая во вниманіе, что самостоятельное управленіе церковно-приходскими школами есть безспорное и непререкаемое право православной русской Церкви и неразрывно связанное со всѣмъ ея историческимъ существованіемъ и правовымъ положеніемъ въ русскомъ государствѣ, что отнятіе у Церкви этого права является пося-

гательствомъ на исторически сложившіяся взаимоотношенія между Церковью и государствомъ въ Россіи, противнымъ духу Основныхъ Законовъ, и вредно отразится на религіозно-нравственномъ воспитаніи народа, мы уклоняемся отъ дальнѣйшаго голосованія статей отд. XIV».

По второму вопросу, объ инородческой школѣ, выступилъ предсѣдатель фракціи Б а л а ш е в ъ и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе (IV, 2, 1199—1200): «Русская національная фракція голосовала противъ прим. 2 къ ст. 16, находя, что двухлѣтнее преподаваніе на природномъ языкѣ вполнѣ отвѣчаетъ педагогическимъ требованіямъ. Осуждая пріемы насильственной русификаціи, фракція вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательно относится къ противоположнымъ требованіямъ и не находитъ возможнымъ развивать инородческія культуры за счетъ русской государственности. Полагая, что изгнаніе изъ инородческой школы государственнаго языка въ качествѣ языка преподаванія безусловно противорѣчитъ государственнымъ интересамъ, фракція признаетъ, что созданная на такихъ основаніяхъ инородческая школа не только не полезна, но безусловно вредна. Въ виду этихъ соображеній фракція, не желая принимать на себя никакой отвѣтственности за проведеніе въ жизнь непригоднаго закона, воздерживается отъ дальнѣйшаго его обсужденія».

Низкій уровень техническихъ пріемовъ, примѣняемыхъ русскими ремесленниками, побуждалъ націоналистовъ содѣйствовать расширенію сѣти ремесленныхъ учебныхъ заведеній, учрежденію которыхъ препятствовалъ, якобы, недостатокъ средствъ. П о л о в ц о в ъ намѣтилъ источникъ для удовлетворенія этихъ потребностей (III, 2, 1237): «Мы должны указать еще на одно сокращеніе, которое, съ нашей точки зрѣнія, представляется нежелательнымъ,—это сокращеніе по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. Если всѣ потребности народнаго просвѣщенія въ настоящее время удовлетворены по отношенію къ общему просвѣщенію, то мы должны указать, что по отношенію къ спеціальному орбазованію у насъ образуется громадный недостатокъ. Дѣло въ томъ, что цѣлый рядъ земствъ обратился къ правительству съ ходатайствами объ оказаніи помощи для открытія ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ чувствуется такая громадная потребность въ нашей странѣ. Земства хлопотали, чтобы была оказана лишь помощь, лишь ссуда, но за недостаткомъ средствъ во многихъ случаяхъ земствамъ было отказано. Мы полагаемъ, что вотъ эти сокращенія, послѣдовавшія по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, отчасти должны были бы пойти и на удовлетвореніе этой потребности».

в) Общія мѣропріятія.

Считая народное образованіе, какъ общее, такъ въ особенности промышленное могучимъ способомъ проникновенія въ народныя массы улучшенныхъ пріемовъ техники, націоналисты полагали, что одно примѣненіе усовершенствованныхъ способовъ производства уже создастъ весьма благопріятныя условія для развитія отечественной промышленности. Между тѣмъ въ настоящее время, даже на внутреннемъ рынкѣ, продукты народнаго труда совершенно не въ состояніи конкурировать съ иностранными товарами, несмотря на то, что мѣстные сырые матеріалы отличаются выдающейся доброкачественностью.

Однако, примѣненіе улучшенныхъ способовъ въ производствѣ, прежде всего требуетъ затраты капитала. Между тѣмъ, обладая колоссальными естественными богатствами, Россія не накопила запаса денежныхъ средствъ, а потому кредитъ въ странѣ цѣнится весьма высоко. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если крупная промышленность уже получила возможность пользоваться кредитомъ, хотя и дорогимъ, то массовая мелкая промышленность находится въ этомъ отношеніи въ чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ. Частный кредитъ на мѣстахъ обставленъ такими тяжелыми условіями, что пользованіе имъ создастъ чуть не рабовладѣльческія отношенія. Не даромъ народъ изобрѣлъ и техническое наименованіе этихъ отношеній, назвавъ его «кулачествомъ». И дѣйствительно ни для кого не тайна, что вся уѣздная промышленность находится въ тѣсно сжатомъ кулакѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстныхъ богатѣевъ. Они карають и милуютъ мелкую промышленность внѣ всякой зависимости отъ соображеній о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Такое положеніе дѣлъ нетерпимо въ благоустроенномъ государствѣ, и на государствѣ лежитъ обязанность принять всѣ мѣры къ его устраненію.

Націоналисты указываютъ на одинъ изъ исходовъ, а именно на путь насажденія учрежденій мелкаго кредита. По этимъ соображеніямъ, при обсужденіи смѣты Министерства торговли и промышленности, Крыловымъ (I, 3, 27—28) и внесено было дополненіе къ формулѣ перехода, заявляющее о необходимости «содѣйствія со стороны государства созданію мелкаго кредита не только для сельскаго населенія, но и спеціально для мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ города». Это пожеланіе и было принято Государственной Думой (I, 3, 36—37).

5-го марта 1910 г. въ Государственную Думу внесенъ былъ законопроектъ объ ассигнованіи имъ средствъ сберегательныхъ кассъ государственнаго банка по 20 мил. руб. ежегодно на воспособленіе учрежденіямъ мелкаго кре-

дита. При дружныхъ усиліяхъ націоналистовъ и октябристовъ этотъ законопроектъ безъ замедленія проведенъ былъ въ Государственной Думѣ и 21-го іюня того же года сдѣлался закономъ.

Насколько плодотворно оказалось дѣйствіе закона, можно заключить изъ того, что въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ число учрежденій мелкаго кредита удвоилось и обороты ихъ достигли полумилліарда рублей въ годъ.

Однако, ни усовершенствованіе техническихъ пріемовъ, ни обогащеніе капиталами не откроютъ путей къ развитію народной самодѣятельности, если сбытъ продуктовъ промышленности будетъ затрудненъ отсутствіемъ рынка. Конечно, главнымъ мѣстомъ сбыта служитъ прежде всего внутренній рынокъ, переполненный иностранными издѣліями. Въ этомъ направленіи должны быть приняты всѣ мѣры къ устраненію всякихъ препятствій къ сбыту товаровъ внутри страны. Между тѣмъ значительная часть внутренняго рынка искусственно была изъята изъ области распространенія русскихъ товаровъ. Въ такомъ положеніи находился обширный Приамурскій край, благодаря существованію портофранко на Дальнемъ Востокѣ. Безпошлинный ввозъ иностранныхъ товаровъ имѣлъ смыслъ тогда, когда, при отсутствіи путей сообщенія, этотъ отдаленный край лишенъ былъ возможности получать русскіе товары въ виду дороговизны перевозки. Но, благодаря затратѣ колоссальныхъ государственныхъ средствъ на развитіе желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, эти неблагопріятныя условія перевозки грузовъ устранены, а потому и существованіе портофранко не имѣетъ смысла. Между тѣмъ портофранко вліяло пагубнымъ образомъ на сбытъ русскихъ товаровъ въ Приамурскомъ краѣ. При обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ портофранко, Синадино (II, 1 1797) указалъ, что при временной отмѣнѣ портофранко за періодъ 1901—1903 г.г., русскихъ товаровъ въ среднемъ ввозилось на сумму около 30½ мил. руб. въ годъ. Когда же портофранко во время японской войны было возстановлено, даже послѣ войны, въ 1907 г., — русскихъ товаровъ поступило лишь на сумму 13½ мил. руб., а въ первую половину 1908 г. на 2.800,000 руб. Иностранныхъ же товаровъ въ 1903 году было ввезено на 16 мил. руб., а въ 1907 г. на 81 мил. руб. «Вотъ, г.г., цифры, —объяснилъ ораторъ,—которыя убѣдительнѣе всякаго краснорѣчія говорятъ сами за себя. Конечно, ввозъ этихъ товаровъ на первое время падетъ. Русскихъ товаровъ не будетъ ввезено на 81.000,000 руб. Этой химерѣ я не предаюсь, но, во всякомъ случаѣ, первый фундаментъ долженъ быть положенъ. Должно быть прекращено то ненормальное положеніе, что вся Имперія пользуется протекціонной системой и гдѣ-то въ одномъ клочкѣ ея, въ одномъ мѣстѣ, остаются открытыя

двери. Это есть nonsens. Портофранко въ государствѣ, которое еще не обанкротилось, которое еще не обѣднѣло, которое еще не сведено на положеніе низшестепенной державы—это есть абсурдъ, это есть недопустимое положеніе. Вообще портофранко вводится по двумъ причинамъ: или когда желаютъ заселить пустынный, бѣдный край, совершенно разоренный и отдѣленный отъ своихъ метрополій, или когда желаютъ заселить богатый край, но временно отдѣленный отъ метрополіи, для того, чтобы дать ему возможность опериться, чтобы дать возможность развиться мѣстной промышленности. Но если государство признаетъ, что край богатъ, что онъ не отдѣленъ отъ метрополіи, то этого допустить нельзя».

Порто-франко было уничтожено.

Значительный подъемъ отдѣльныхъ отраслей русской промышленности, обнаружившійся за послѣдніе годы, громадное расширеніе нѣкоторыхъ производствъ вынуждаютъ принять мѣры къ увеличенію сбыта товаровъ и за предѣлы страны. Между тѣмъ русская торговля, страдаетъ отсутствіемъ правильной организаціи. Постоянное покровительство государства, его неизмѣнная помощь обрабатывающей промышленности въ критическія минуты жизни, настолько избаловали русскихъ промышленниковъ, что сознаніе своей бездѣятельности и понятіе о самопомощи имъ совершенно чуждо. Въ виду этого русская внѣшняя торговля находится всецѣло въ рукахъ иностранцевъ и расширеніе сбыта того или иного товара опредѣляется чисто случайными причинами. Никакой правильной агентуры за-границей по сбыту товаровъ русская промышленность не имѣетъ. Между тѣмъ потребность въ нѣкоторыхъ продуктахъ русскаго производства наблюдается на заграничномъ рынкѣ и лишь недостатокъ надлежащихъ свѣдѣній препятствуетъ расширенію внѣшняго сбыта.

Націоналисты обратили вниманіе на готовую уже государственную организацію, которая могла бы оказать значительную помощь русской промышленности въ этомъ направленіи, а именно на консульскую часть. До послѣдняго времени консулы были, главнымъ образомъ, агентами дипломатической части, и торговые интересы государства ставились на второй планъ. При такихъ условіяхъ, конечно, русская внѣшняя торговля не находила въ консулахъ надежной агентуры. Націоналисты считали подобное положеніе консульской части несоотвѣтствующимъ ея назначенію и полагали необходимымъ преобразованіе консульской службы въ цѣляхъ созданія изъ консуловъ, главнымъ образомъ, торговыхъ агентовъ. Въ виду этихъ соображеній Крупенскимъ (II, 3, 693) и была внесена, при обсужденіи смѣты Министерства торговли и промышленности, формула перехода о желательности совмѣщенія въ консульскихъ учрежденіяхъ функцій

торгово-промышленныхъ агентовъ и подчиненіе ихъ министерству торговли и промышленности.

Эта формула была принята Государственной Думой (II, 3, 731) и впослѣдствіи послужила поводомъ къ пересмотру всей организаціи консульской службы.

Прежде всего министръ торговли и промышленности заявилъ, что министерства торговли и промышленности и иностранныхъ дѣлъ уже пришли между собою къ соглашенію, на основаніи коего консулы въ области обслуживанія нуждъ торговли отнынѣ находятся въ непосредственномъ общеніи съ министерствомъ торговли и промышленности, которое и будетъ руководить ими въ этомъ отношеніи и давать имъ необходимыя указанія, касающіяся представленія свѣдѣній и донесеній, равно какъ содѣйствія нашимъ торговцамъ, а съ другой стороны разрабатывать и сообщать получаемыя свѣдѣнія заинтересованнымъ кругамъ и лицамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ то же министерство торговли внесло законопроектъ объ организаціи особыхъ учрежденій за-границей, въ видѣ спеціальныхъ торговыхъ агентовъ.

Если дѣйствительныя пользы и нужды промышленности находили поддержку націоналистовъ, то съ другой стороны незаконныя притязанія отдѣльныхъ промышленниковъ, покушающіяся на интересы общественные или на интересы другихъ видовъ промышленности,—эти притязанія встрѣчали рѣшительный отпоръ. Такъ, напр., когда былъ внесенъ законопроектъ о продленіи дѣйствія прежняго закона о сдачѣ съ торговъ завѣдомо нефтеносныхъ земель, Павловичъ (II, 1, 2943—2951) указалъ на чрезвычайный вредъ стараго порядка сдачи этихъ земель. Все нефтяное дѣло, благодаря закону, монополизировалось въ рукахъ крупныхъ иностранныхъ предпринимателей, диктующихъ свои условія всей русской промышленности. Дешевая нефть создала русскую фабрично-заводскую промышленность, а дешевый керосинъ вытѣснилъ всѣ старые способы освѣщенія. Возможно ли при такихъ условіяхъ предоставлять все нефтяное дѣло въ безконтрольное распоряженіе монополистовъ, колеблющихъ цѣны нефтяныхъ продуктовъ по своему усмотрѣнію? Конечно нѣтъ. Въ виду этого ораторъ настаивалъ на отклоненіи правительственнаго законопроекта и на принятіи формулы перехода, предложенной финансовой комиссіей. Эта формула выражала пожеланіе о внесеніи законопроекта, обезпечивающаго нормальную добычу нефти и доступность цѣнъ на нефтяные продукты.

Законопроектъ былъ отклоненъ и формула принята (II, 1, 2966).

На обсужденіе Государственной Думы былъ представленъ также законопроектъ, имѣвшій своею цѣлью создать синдикатъ въ мукомольномъ

дѣлѣ,—правила о съѣздахъ мукомоловъ. Коваленко (II, 2, 3132—3134) указалъ на весь вредъ новой организаціи мукомоловъ, стремящейся къ монополизированію торговли въ рукахъ нѣсколькихъ предпріятій. При этомъ организація мукомоловъ предполагалась принудительной, а постановленія съѣздовъ обязательными. Ораторъ говоритъ (3133): «Въ этомъ законопроектѣ вводится нѣчто небывалое, намъ предлагаютъ не только легализировать этотъ трестъ, объединяющій всѣхъ мукомоловъ, но говорятъ: къ вашимъ услугамъ, г.г., мукомолы, и всѣ правительственные органы, обязанные подчинить всѣхъ строптивыхъ союзу. Если мукомолъ будетъ выбирать промысловое свидѣтельство, то выдающее его учрежденіе обязано взыскать при этомъ сборъ за участіе въ союзѣ. Если бы онъ сказалъ, что онъ не желаетъ уплачивать этого сбора, то законопопроектъ говоритъ, что въ такомъ случаѣ взысканіе поручается полиціи, которая взыщетъ. Спрашивается, какой же это союзъ, если правительство насильно обязываетъ участвовать въ этомъ союзѣ настолько, что говоритъ: я приступлю къ продажѣ твоего имущества, если ты не уплатишь членскаго взноса? Очевидно, что стать на такой путь, закрѣплять такой союзъ намъ, во всякомъ случаѣ не подобаетъ, потому что очень недавно, сравнительно, мы внесли запросъ правительству противъ образованія треста желѣзодѣлательной промышленности; и вотъ тамъ мы спрашивали, на какомъ основаніи правительство допускаетъ, а здѣсь говоримъ, что сами примемъ такой законопроектъ, который въ интересахъ небольшой группы промышленниковъ подвергаетъ обложенію все населеніе Имперіи для того, чтобы удержать эту промышленность въ небольшой группѣ промышленниковъ. Поэтому я прошу Государственную Думу отвергнуть постатейное обсужденіе, другими словами, отклонить законопроектъ, не приступая даже къ постатейному чтенію его».

Государственная Дума законопроектъ отклонила.

Отрицательное отношеніе націоналистовъ къ трестамъ и синдикатамъ въ промышленности имѣло своей цѣлью охрану общественныхъ интересовъ отъ покушеній монополистовъ. Точно также націоналисты противились и всякимъ мѣропріятіямъ, посягающимъ, въ видахъ покровительства одного вида промышленности, на интересы остальныхъ отраслей промышленности. Этотъ взглядъ націоналистовъ выразился при обсужденіи вопроса о возможности повышенія пошлинъ на сельскохозяйственныя машины. При обсужденіи смѣты своего вѣдомства министръ торговли и промышленности, между прочимъ, указалъ (III, 3, 307) на возможность для земледѣлія понести нѣкоторыя жертвы въ интересахъ развитія отечественнаго производства сельско-хозяйственныхъ машинъ. Спиридово въ отвѣтъ на это заявленіе сказалъ (III, 3, 477—478): «Мы, націоналисты, полагаемъ, что земледѣліе,

вѣрнѣе сказать, русскіе земледѣльцы не могутъ принести даже хотя бы и минимальныя жертвы на вышесказанный предметъ. Прежде всего, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать того, что у насъ въ Россіи отъ 75% до 80% всего народонаселенія занимается хлѣбопашествомъ. И вотъ мы такого мнѣнія, что, какія бы жертвы отъ насъ правительство ни потребовало государству, мы ихъ всегда готовы принести и никогда, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ и надѣемся въ будущемъ, отъ этихъ жертвъ не откажемся. Но жертвовать хотя бы малѣйшую жертву на предметъ воспособленія промышленникамъ и промышленности, къ несчастью пока еще находящейся въ рукахъ немногихъ лицъ, мы не намѣрены и не желаемъ. Мы полагаемъ, что русское крестьянство, которое теперь, благодаря мѣропріятіямъ правительства, переходитъ на болѣе интенсивную культуру земель, имѣетъ право воспособленія своимъ нуждамъ изъ общей кассы государства; и если министръ торговли и промышленности полагаетъ, что извѣстный промышленный центръ и фабрики желаютъ и имѣютъ право на воспособленіе отъ казны, то пусть это воспособленіе будетъ дано изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, но отнюдь не за счетъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Я подчеркиваю, г.г., что здѣсь идетъ главнымъ образомъ вопросъ объ интересѣ крестьянства. Пока земледѣліе главнымъ образомъ было въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, съ этимъ повышеніемъ ставокъ на машины и земледѣльческія орудія можно было еще мириться, потому что мы, крупные землевладѣльцы, обрабатывающіе наши земли, готовы были бы платить на 25—30% дороже за сложныя земледѣльческія орудія, какъ это предполагается теперь, но чтобы эти 30% могло бы платить теперь крестьянство, которое находится наканунѣ ломки всего своего образа мыслей въ отношеніи своего сельскаго хозяйства, мы это отрицаемъ и считаемъ совершенно недопустимымъ».

Посягательство на интересы сельскохозяйственной промышленности націоналисты считали безусловно невозможнымъ, такъ какъ сельское хозяйство является главнымъ устоемъ благосостоянія страны. Это основное положеніе было уже усвоено и прежнимъ большинствомъ Государственной Думы, а потому интересамъ сельскаго хозяйства и отдавалась значительная доля вниманія. Подобное направленіе встрѣчалось враждебно со стороны оппозиціи и ораторы послѣдней иронизировали по поводу особой внимательности Государственной Думы къ вопросамъ, возбужденнымъ главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія. Лѣвые ораторы съ насмѣшкой называли это вѣдомство любимымъ ребенкомъ Гос. Думы. Націоналисты принимали эту иронію за чистую монету и объясняли все значеніе сельскаго хозяйства въ жизни Россіи. Такъ напримѣръ, Половцовъ, въ отвѣтъ на подобныя заявленія объяснилъ (III, 2, 1234—1236): «Мы слышимъ возраженія съ лѣвой стороны и на нихъ отвѣтимъ: почему мы должны считать

такимъ любимымъ ребенкомъ главное управленіе землеустройства и земледѣлія? Да по очень простой причинѣ. Вѣдь 75% нашего населенія прямо или косвенно отдается сельско-хозяйственной промышленности. Если мы обратимся къ другимъ европейскимъ государствамъ, то увидимъ, что Франція отдаетъ сельско-хозяйственной промышленности только 54% своего населенія, Германія 33½%, а Англія 17%. Какъ же намъ не считать любимымъ учрежденіемъ то, которое заботится о 75% нашего населенія? Общая производительность сельско-хозяйственной промышленности можетъ быть оцѣниваема отъ 4.000.000.000—5.000.000.000 руб., и продукты ея представляютъ главный предметъ нашего вывоза».

Въ дальнѣйшемъ ораторъ указалъ, что несмотря на такое значеніе сельскаго хозяйства, государство крайне беззаботно относится къ обслуживанію его интересовъ (1235—1236): «До сихъ поръ мы слишкомъ мало тратили на нашу сельско-хозяйственную промышленность. Возьмемъ цифры. У меня нѣтъ свѣдѣній о количествѣ обрабатываемой земли въ 1909 г.—они еще не поспѣли, но за 1908 г. уже есть. Мы въ Россіи при расчетѣ на 87.000.000 десятинъ тратили немногимъ свыше 5.000.000 руб. на сельское хозяйство, считая при этомъ именно траты на подъемъ сельско-хозяйственной производительности и на сельско-хозяйственное образованіе. При расчетѣ на количество десятинъ, мы видимъ, что мы затрачиваемъ на эту цѣль, составляющую главную статью нашего государственнаго бюджета, по расчету на десятину лишь 6 коп., въ то время какъ Сѣверная Америка затрачиваетъ на десятину 42 коп., Швеція—52 коп., Пруссія—1 р. 33 к., и Венгрія—2 руб. Благодаря затратамъ на сельско-хозяйственную промышленность иностранныя государства и достигли такой высокой степени продуктивности. Такъ, напримѣръ, я укажу вамъ на 1907 г.: въ Россіи было засѣяно рожью, пшеницей, полбой, ячменемъ и овсомъ 76.000.000 дес., и мы собрали съ этого пространства 3.382.000.000 пуд. хлѣба. Въ тотъ же годъ въ Германіи съ 13.000.000 дес. такого же хлѣба было собрано 1.607.000.000 пуд. Если мы возьмемъ соотношенія посѣвной площади и результаты урожая и представимъ себѣ на одну минуту, что Россія достигла бы такой же успѣшной производительности, то оказалось бы, что Россія вмѣсто 3.000.000.000 пуд. хлѣба получила бы, по соразмѣрности съ урожаемъ Германіи, 9.694.000.000 пуд., т. е. мы имѣли бы превышеніе надъ полученнымъ на 6.312.000.000. пуд. хлѣба. Вотъ что даютъ знанія, культура и своевременныя затраты на сельско-хозяйственную промышленность».

По предложенію націоналистовъ въ Государственной Думѣ была образована особая сельско-хозяйственная комиссія, предсѣдателемъ которой былъ избранъ извѣстный агрономъ пр. Богдановъ. Эта комиссія посвятила много

труда разработкѣ вопросовъ, соприкасающихся съ интересами сельскохозяйственной промышленности. Однако развитію дѣятельности государства въ этой области ставилось зрачительное препятствіе въ неорганизованности и недостаточности средствъ вѣдомства, имѣющаго попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія, обслуживая всевозможныя задачи по управленію громадными государственными имуществами, отдавая значительное время на колоссальную реформу по крестьянскому землеустройству, конечно, не могло сосредоточить все свое вниманіе на удовлетвореніи интересовъ сельскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ роковое увлеченіе обрабатывающей промышленностью, господствовавшее за предыдущій періодъ, отвлекало и средства государства отъ удовлетворенія сельско-хозяйственныхъ потребностей. Какъ указано выше, Россія, съ точки зрѣнія затратъ на обслуживаніе интересовъ сельскаго хозяйства, стоитъ на неизмѣримо низкой степени въ сравненіи съ другими цивилизованными государствами. Такое забвеніе потребностей основной промышленности государства не можетъ продолжаться впредь безъ существеннаго ущерба для благосостоянія страны.

Въ виду этихъ соображеній націоналистами и возбужденъ былъ вопросъ о коренномъ преобразованіи всей политики государства въ данномъ направленіи, съ учрежденіемъ особаго Министерства сельскаго хозяйства. Вопросъ этотъ былъ поставленъ на обсужденіе Государственной Думы въ видѣ предложенной проф. Богдановымъ формулы перехода по смѣтѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, слѣдующаго содержанія (I, 2, 1069): «Признавая, что Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія при современной своей организаціи не можетъ удовлетворительно выполнять лежащую на немъ обязанность въ отношеніи обслуживанія интересовъ русскаго сельскаго хозяйства, какъ основы благосостоянія русскаго народа, Государственная Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе было осуществлено преобразованіе Главнаго Управленія въ самостоятельное Министерство сельскаго хозяйства, обезпеченное достаточными средствами для рѣшенія возлагаемой на него задачи подъема русскаго сельскаго хозяйства».

Эта формула перехода была принята Государственной Думой (I, 2, 1809).

Полагая возможнымъ достигнуть рѣшительныхъ результатовъ въ усовершенствованіи сельскаго хозяйства лишь при коренномъ преобразованіи компетентнаго вѣдомства, націоналисты находили необходимымъ и помимо этого преобразованія принять соотвѣтственныя мѣры къ улучшенію современныхъ условій веденія дѣла.

Сельское хозяйство, эта арена непрестанной борьбы человѣка съ природой, идетъ по пути подчиненія стихійныхъ силъ власти разума. Чѣмъ болѣе

вооруженъ человѣкъ знаніемъ, тѣмъ скорѣе подчиняется ему природа. Русскій земледѣлецъ въ этой борьбѣ часто терпитъ пораженіе благодаря тому, что снабженъ плохимъ оружіемъ. Если въ Россіи мало школъ, вообще, если школьное образованіе стоитъ на низкой степени, то общее мнѣніе относительно сельско-хозяйственныхъ школъ страдаетъ полной безнадежностью. Цѣлый рядъ исключительно неблагопріятныхъ условій наложили на сельско-хозяйственныя школы такой отпечатокъ, что среди населенія наблюдается полное отсутствіе спроса на питомцевъ этихъ школъ и громадное большинство этихъ питомцевъ находятъ возможность примѣненія своихъ знаній вездѣ, кромѣ сельскаго хозяйства. Необходимо принять неотложныя мѣры къ полному преобразованію этого дѣла, и вѣдомство должно было бы напречь всѣ усилія въ данномъ направленіи, а между тѣмъ, что справедливо порицалъ проф. Богдановъ (III, 3, 705), и до сихъ поръ въ департаментѣ земледѣлія не образованъ даже особый учебный отдѣлъ, который долженъ былъ бы взять это дѣло въ свои руки.

Конечно, при отсутствіи даже общаго руководства сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, а потому и безъ общаго плана и безъ общихъ заданій, это дѣло надолго обречено полному прозябанію.

Между тѣмъ, оставлять населеніе безпомощнымъ въ отношеніи возможности пріобрѣтенія практическихъ знаній нельзя, а потому и необходимо изыскать иные пути ознакомленія сельскихъ хозяевъ съ улучшенными способами веденія этого дѣла. Націоналисты указали на весьма важный пріемъ въ этомъ направленіи, игравшій огромную роль въ другихъ государствахъ въ смыслѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, а именно возможно широкое учрежденіе показательныхъ хозяйствъ. Между тѣмъ правительство, указываетъ проф. Богдановъ (III, 3, 707—708): «не придаетъ даже особенно большого значенія показательнымъ хозяйствамъ, выдвигая на первый планъ показательныя поля и показательные участки. Мы находимъ, что вѣдомство должно было бы поступить въ совершенно противоположномъ направленіи, именно, сосредоточиться на этой мѣрѣ, которая въ прогрессѣ русскаго сельскаго хозяйства, мелкаго, именно, крестьянскаго, должна сыграть очень важную роль. Въ виду того, что членомъ Государственной Думы Березовскимъ 1-мъ были приведены нѣкоторыя соображенія по этому вопросу, я позволю себѣ нѣсколько словъ посвятить и ему. Дѣло въ томъ, что указывать на случаи неудачнаго примѣненія извѣстной мѣры, конечно, не значитъ доказывать непригодность мѣры, потому что, если пойти по тому пути, по которому шелъ членъ Государственной Думы Березовскій 1-й, то можно безъ труда доказать непригодность всѣхъ техническихъ мѣропріятій по сельскому хозяйству, которыя при-

знаны завѣдомо имѣющими огромное практическое значеніе. Мы можемъ изъ исторіи сельскаго хозяйства указать множество случаевъ, когда приходилось притти къ заключенію, что, напр., искусственные туки для насъ не годятся, потому что были неудачные опыты съ ними, и т. д. Слѣдуетъ указывать не только на неудачные, но и на удачные опыты въ томъ же направленіи. Затѣмъ, главнымъ образомъ, мнѣ кажется, нужно было бы обратить вниманіе на то, что въ дѣйствительности прогрессъ русскаго сельскаго хозяйства преимущественно направлялся до сихъ поръ путемъ, такъ сказать, демонстрацій, путемъ показательнымъ, путемъ наглядпаго обученія. Этотъ принципъ и проводится въ дѣлѣ насажденія показательныхъ хозяйствъ. Конечно, слѣдуетъ оказывать населенію извѣстныя улучшенія, знакомить его наглядным образомъ съ различными частичными мѣропріятіями въ устройствѣ хозяйства, съ улучшенной обработкой почвы и т. д., но оставлять безъ вниманія организацію хозяйствъ—это значитъ лишать населеніе возможности воспользоваться агрономической помощью при рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ, которые непремѣнно въ практическомъ хозяйствѣ будутъ. Если вѣдомство заявляло, что оно неособенно обращаетъ вниманіе на показательныя хозяйства въ цѣломъ и предоставляетъ самимъ хозяевамъ рѣшать эти вопросы, то что это означаетъ? Членъ Государственной Думы Березовскій 1-й говорилъ, что достаточно представить населенію извѣстныя данныя—и пусть оно само устраивается съ этими данными. Я думаю, что если въ агрономической помощи населенію будетъ отказано, то, конечно, оно будетъ устраиваться само, какъ оно дѣлаетъ это до сихъ поръ на хуторахъ, напр., но, ясное дѣло, если притти на помощь крестьянамъ, которые съ хуторами мало знакомы, если придетъ имъ на помощь агрономъ, который устроитъ это дѣло организаціи отдѣльныхъ хуторовъ, то онъ поможетъ выйти изъ многихъ затрудненій этимъ крестьянамъ-хуторянамъ. Если вы откажете въ агрономической помощи, то соотвѣтствующія хозяйства все равно будутъ устроены, но это устройство едва ли будетъ образцовымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ хозяйствъ, тѣмъ не менѣе, тоже сыграютъ роль показательныхъ и будутъ также своего рода образцами, но едва ли лучшими, возможными. Мы говоримъ, что это дѣло нельзя предоставлять одному населенію, которое не имѣетъ достаточно силъ устроиться съ нимъ, и приглашаемъ правительственныхъ агрономовъ помочь населенію. Къ сожалѣнію, оказывается, что вѣдомство не такъ смотритъ на дѣло, какъ смотрятъ земство и многія агрономическія организаціи, которыя, помимо правительства, къ счастью, устраиваютъ именно такія показательныя хуторскія хозяйства».

Націоналисты неоднократно указывали на роль земства въ хозяйственной жизни страны. Одной изъ главныхъ заслугъ земскихъ учрежденій

является дѣятельность ихъ по улучшенію условій веденія сельскаго хозяйства. Близкіе къ этому дѣлу люди положили не мало труда на его преобразованіе. И вполнѣ понятна ихъ отзывчивость въ дѣлѣ распространенія показательныхъ хозяйствъ. Вѣдь земледѣльческое населеніе представляется по всему укладу своей жизни наиболѣе консервативнымъ элементомъ въ государствѣ, а потому наиболѣе стойкимъ въ привычныхъ пріемахъ своего хозяйства. Заставить земледѣльца перейти къ иной системѣ земледѣлія, отстать отъ завѣтовъ отцовъ и дѣдовъ—дѣло чрезвычайно трудное и сложное. Всѣ новыя теоретическія построенія принципіально имъ отвергаются, какъ нѣчто необычное. Только путемъ наглядпаго опыта, путемъ непосредственнаго наблюденія надъ выгодами новыхъ пріемовъ земледѣлецъ съ трудомъ приходитъ къ выводу о необходимости принять новую систему хозяйства. Вотъ почему самое широкое распространеніе показательныхъ хозяйствъ только и можетъ, при современныхъ условіяхъ, быть надежнымъ средствомъ поступательнаго движенія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ отсутствія надлежащихъ знаній, кромѣ трудности полученія кредита, о чемъ сказано выше, русское сельское хозяйство должно бороться еще съ цѣлымъ рядомъ особыхъ условій современной жизни.

Можетъ ли, напр., земледѣлецъ спокойно отдавать всѣ свои силы на улучшеніе своего хозяйства, когда передъ нимъ стоитъ грозный призракъ мгновенной гибели всѣхъ трудовъ его жизни. А сельское населеніе Россіи находится именно въ такомъ положеніи. «Вся наша деревянная Россія,—говоритъ Тычининъ (II, 3, 161—162), выгораетъ въ двадцатилѣтній періодъ времени, при чемъ населеніе несетъ отъ пожаровъ колоссальные убытки, исчисляемые сотнями милліоновъ рублей». Такимъ образомъ, въ теченіе каждаго года одинъ изъ двадцати сельскихъ хозяевъ непремѣнно сгоритъ. Этотъ призракъ гибели неумолимъ. А между тѣмъ, весь вопросъ заключается въ использованіи для построекъ только иныхъ матеріаловъ, находящихся подъ рукою у населенія, незнакомаго, однако, съ ихъ употребленіемъ и непривыкшаго къ нимъ. Борьба съ этимъ незнаніемъ и непривычкой должна вестись государствомъ непрестанно. Въ этихъ видахъ, отъ имени націоналистовъ, Тычининъ предложилъ Государственной Думѣ, въ видѣ формулы перехода, высказаться за необходимость «принятія со стороны правительства надлежащихъ мѣръ къ распространенію среди сельскаго и городского населенія техническихъ знаній и умѣній по производству строительства изъ огнеупорныхъ матеріаловъ, въ связи съ поощреніемъ крестьянъ и мѣщанъ къ возведенію огнестойкихъ построекъ».

Эта формула была принята Государственной Думой (II, 3, 225).

Однимъ изъ крупныхъ тормазовъ развитію сельско-хозяйственной культуры является низкая оплата труда въ этомъ промыслѣ. Дѣйствительно, несмотря на высокія качества продуктовъ русскаго земледѣлія, ихъ цѣна на международномъ рынкѣ значительно ниже продуктовъ другихъ странъ. Причину этого совершенно непормальнаго явленія надо искать въ той колоссальной фальфисикаціи, которой подвергаются русскіе продукты при вывозѣ ихъ заграницу. Къ сожалѣнію, современная организація вѣдомства земледѣлія не позволяетъ и думать о возможности борьбы съ этимъ ужаснымъ зломъ, вообще, и всѣ надежды должны быть возложены на преобразованіе отвѣтственныхъ учрежденій. Но борьба съ фальсификаціей внутри страны вполнѣ возможна и доступна. Однимъ изъ самыхъ страдающихъ въ этомъ отношеніи промысловъ является русское винодѣліе. Имѣя свое вино прекрасныхъ качествъ, Россія не можетъ помѣстить его по соотвѣтствующей цѣнѣ на мѣстномъ рынкѣ въ виду невѣроятной его фальсификаціи. Всѣмъ извѣстно, напр., то удивительное явленіе, что Москва вывозитъ вина больше, чѣмъ получаетъ, несмотря на громадное потребленіе его въ самомъ городѣ. Этотъ наглядный примѣръ дастъ понятіе о размѣрахъ фальсификаціи. Націоналисты находили неотложнымъ принятіе мѣръ борьбы съ этимъ зломъ, и от. Гепецкій (II, 2, 1009) предложилъ Государственной Думѣ, въ видѣ формулы перехода, «признать необходимымъ скорѣйшую разработку и внесеніе на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій законопроекта о мѣропріятіяхъ по борьбѣ съ фальсификаціей виноградныхъ винъ».

Формула эта была принята Государственной Думой (II, 2, 1010)

Серьезнымъ тормазомъ къ развитію русской промышленности вообще, а сельскаго хозяйства въ особенности представляется недостатокъ устроенныхъ путей сообщенія. Говоря о необходимости широкихъ затратъ, на производительныя потребности страны, Половцовъ (III, 2, 1240) заявилъ, между прочимъ: «Я долженъ указать на то бѣдствіе, которое сопутствуетъ съ незапамятныхъ временъ экономической жизни Россіи,—на наше бездорожье. Наиболѣе заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица, г.г., а именно представители биржевой торговли и представители сельскаго хозяйства, собравшіеся на четвертый всероссійскій съѣздъ, сдѣлали, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: «Съѣздъ призналъ совершенно необходимымъ прежде всего указать на важное значеніе для успѣшной реализаціи урожая расширенія и развитія не только подъѣздныхъ, мощеныхъ и сортировочныхъ путей, но и гужевыхъ и грунтовыхъ дорогъ». Вотъ это громадное бѣдствіе, которое, какъ я говорю, съ незапамятныхъ временъ сопровождаетъ экономическую жизнь Россіи, должно быть предметомъ нашего

всесторонняго обсужденія, и въ этомъ направленіи мы не должны жалѣть нашихъ средствъ».

Тяжелыя климатическія условія, а именно короткое лѣто и долгая зима, создаютъ условія, при которыхъ русскій земледѣлецъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ использовать весь свой трудъ и поневолѣ продолжительное время долженъ оставаться въ бездѣйствіи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развита промышленность, крестьянинъ пополняетъ свой бюджетъ посторонними заработками, часто покидая постоянное мѣсто своего жительства. Тамъ же, гдѣ въ его услугахъ не нуждаются, въ теченіе всей зимы крестьянинъ не находитъ примѣненія для своего труда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи сами крестьяне нашли выходъ изъ положенія, создавъ особые виды кустарныхъ промысловъ. Крупенскій (I, 2, 602—603) указываетъ, что въ настоящее время такихъ кустарей въ Россіи числится около 10-ти милліоновъ, а продукты ихъ труда оцѣниваются отъ 1½ до 2-хъ милліардовъ рублей. Спросъ на нѣкоторыя кустарныя издѣлія такъ великъ не только внутри страны, но и заграницей, что все увеличивающійся сбытъ отдѣльныхъ продуктовъ труда не заполняетъ рынка. Между тѣмъ другіе виды кустарныхъ промысловъ находятся на чрезвычайно низкой степени развитія. Кустари не имѣютъ ни подходящихъ инструментовъ, ни пригодныхъ матеріаловъ, ни кредита, ни образцовъ и т. п., и промыслы ихъ падаютъ, а не улучшаются. Государство недостаточно внимательно относится къ этому чрезвычайно серьезному подсобному труду земледѣльца и ассигнованія казны на эту надобность, въ размѣрѣ 160.000 руб. на всю Россію, представляются совершенно ничтожными въ сравненіи съ важностью дѣла. Нужно обратить, по мнѣнію Крупенскаго, серьезное вниманіе на эту отрасль народной промышленности и всемѣрно содѣйствовать ея развитію.

Наконецъ, самымъ главнымъ бѣдствіемъ для страны являются періодическія колебанія урожаевъ, вносящія полное разстройство въ хозяйственную жизнь государства. Въ урожайные годы страна процвѣтаетъ, всѣ потребности государства и частныхъ лицъ удовлетворяются, земледѣльцы пріобрѣтаютъ громадную покупательную способность, а обрабатывающая промышленность получаетъ необыкновенную широту сбыта. Приходитъ неурожай и вся картина мѣняется въ обратную сторону:—всѣ потребности суживаются до крайнихъ предѣловъ, начинается нервная судорожная борьба, растрачиваются безъ всякаго плана громадныя средства лишь для того, чтобы накормить умирающихъ съ голоду земледѣльцевъ, внѣ всякихъ соображеній о возможности использовать производительно тѣ же средства въ интересахъ самихъ же голодающихъ или всего государства. При обсужденіи

бюджета въ 1910 г., т.-е. послѣ богатаго урожая 1909 г., Половцовъ сказалъ (III, 2, 1230—1231): «Великолѣпное состояніе нашихъ финансовъ, наличность также свободныхъ средствъ государственнаго казначейства даетъ намъ возможность и возлагаетъ на насъ даже обязанность къ принятію особыхъ мѣръ для охраненія этого благополучія и на будущее время. Позвольте вамъ напомнить примѣръ Германіи. Въ 1870 году Германія блистательно окончила войну съ Франціей и находилась на высотѣ своей славы и военнаго могущества, и что же? Успокоилась она на этомъ? Сложила руки? Стала ожидать, чтобы всѣ хвалили и удивлялись ея успѣхамъ? Нѣтъ, громадную часть своей контрибуціи она употребила на поддержаніе своего военнаго могущества; и вотъ, я полагаю, что и мы въ настоящее время, имѣя колоссальную контрибуцію съ урожая, должны часть ея израсходовать на выработку планомѣрныхъ мѣропріятій для борьбы съ могущими послѣдовать неурожаями. Я указалъ, что лихорадочная, поспѣшная дѣятельность и правительства и законодательныхъ учрежденій въ тотъ моментъ, когда неожиданно обнаружились ужасныя послѣдствія неурожая, имѣла своимъ послѣдствіемъ чрезвычайно невыгодныя и въ нѣкоторыхъ случаяхъ непоправимыя ошибки. Мы совершали въ тѣ времена даже прямо преступленія. Однимъ изъ преступленій представляется слѣдующее: поспѣшная заготовка запасовъ для выдачи ссудъ на обсѣмененіе повлекла за собою то, что мы покупали хлѣбъ для обсѣмененія внѣ зависимости отъ мѣста его происхожденія. И вотъ ученые изслѣдователи указываютъ, что цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ въ Самарской губерніи, несмотря на отсутствіе неблагопріятныхъ условій, послѣдовалъ только въ виду того, что мы потеряли акклиматизированныя сѣмена, т.-е. тѣ сѣмена, которыя, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій цѣлаго ряда лѣтъ, приспособились къ данной мѣстности, къ условіямъ почвы, къ неблагопріятнымъ климатическихъ явленіямъ и т. д. Это я считаю прямо преступленіемъ противъ нашего сельскаго хозяйства. Съ другой стороны, въ этой лихорадочной поспѣшности мы бросали деньги направо и налѣво только для того, чтобы утолить голодъ населенія, пострадавшаго отъ неурожая. Мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не выработали планомѣрныхъ мѣропріятій, чтобы тѣ колоссальные десятки и даже сотни милліоновъ, которые были истрачены за прошедшее время, были употреблены съ пользой для населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, эти сотни милліоновъ денегъ, брошенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, не создали ни дорогъ, ни элеваторовъ. Овраги попрежнему не запружены; попрежнему не закрѣплены пески, которые надвигаются на плодородныя мѣстности и т. д. Однимъ словомъ, наши мѣропріятія въ моментъ неурожая напоминаютъ мнѣ ту спѣшную и неудачную мобилизацію воен-

ныхъ силъ, которую мы паблюдали во время японской войны. Мнѣ думается, что подобная спѣшность, необдуманность, отсутствіе планомѣрности повлекутъ за собой тѣ же невыгодныя послѣдствія, которыя мы наблюдали въ прежнее время. Обладая въ настоящее время громадными запасами, имѣя блестящее финансовое положеніе, мы обязаны, повторяю я, запяться этимъ вопросомъ и въ здравомъ умѣ и твердой памяти, при блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, должны обдумать теперь планомѣрныя мѣропріятія, которыя должны быть примѣнены въ случаѣ неурожая».

Въ виду этихъ соображеній, отъ имени націоналистовъ, Половцовымъ и была внесена формула перехода, предлагающая Государственной Думѣ признать необходимость безотлагательнаго и всесторонняго обсужденія планомѣрныхъ мѣропріятій въ цѣляхъ борьбы съ могущими послѣдовать отъ неурожаевъ неблагопріятными условіями государственной жизни.

Эта формула не была допущена до голосованія Государственной Думы, такъ какъ была снята въ виду протеста предсѣдателя бюджетной комиссіи октябриста Алексѣенки, поддержаннаго своей фракціей.

Колебанія неурожаевъ неумолимы и, кто былъ правъ, будущее, къ сожалѣнію, весьма быстро показало.

Итакъ, ставя своей задачей развитіе народной самодѣятельности въ цѣляхъ подъема производительныхъ силъ государства, націоналисты полагаютъ, что государство, какъ таковое, не призвано къ широкой творческой дѣятельности въ направленіи народнаго труда; само населеніе, при посредствѣ органовъ мѣстнаго управленія, должно урегулировать свою хозяйственную жизнь. Задачи же государства, чрезвычайно важныя, заключаются въ томъ, чтобы своевременно, своими широкими средствами, приходить на помощь населенію тамъ, гдѣ борьба съ тяжелыми условіями непосильна ни отдѣльнымъ личностямъ, ни самоуправляющимся организаціямъ. Широкое распространеніе знаній, удобный и дешевый кредитъ, инструкторская дѣятельность,—вотъ средства, которыми государство можетъ и должно оказать помощь населенію въ его хозяйственной жизни.

V.

Возстановленіе военнаго могущества Россійской Имперіи.

Пятымъ требованіемъ своей программы націопалисты ставятъ: «возстановленіе военнаго могущества Россійской Имперіи».

Печальное положеніе военныхъ силъ Россіи послѣ японской войны вызывало чрезвычайное безпокойство, въ особенности при ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ въ комиссіи по государственной оборонѣ. Колоссальное израсходованіе военныхъ снарядовъ и пороха, произведенное благодаря скорострѣльности современныхъ орудій и ружей, требовало напряженія средствъ казны для немедленнаго возстановленія запаса, хотя бы самаго необходимаго. Порча во время войны орудій, ружей, перевозочныхъ средствъ, одежды и пр. амуниціи лишала нашу армію всякой возможности выступить для охраны страны. Наконецъ, зачаточное состояніе новаго, весьма крупнаго средства войны, воздухоплавательныхъ снарядовъ, поставило бы русскія войска въ безпомощное положеніе при столкновеніи съ снаряженными въ этомъ отношеніи европейскими арміями. Цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, касающихся неотложныхъ преобразованій въ завѣдываніи сухопутныхъ силъ, новой дислокаціи войскъ и т. п. требовалъ усиленной работы для удовлетворенія настоятельныхъ надобностей сухопутной арміи.

Всѣ эти задачи не допускали на малѣйшаго замедленія въ своемъ рѣшеніи.

Государственная Дума, вслѣдъ за открытіемъ своей дѣятельности, избрала особую комиссію по государственной сборонѣ.

Націоналисты съ нетерпѣніемъ требовали скорѣйшаго представленія законопроектовъ, касавшихся государственной обороны. «Государственная Дума,—говоритъ графъ Бобринскій (I, 1, 956), давно ждетъ, когда, наконецъ, поступятъ на ея разсмотрѣніе вопросы, вообще касающіеся русской арміи. Она ждетъ этого для того, чтобы показать, съ какой любовью, съ какой готовностью жертвовать государственныя наши средства мы ждемъ возбужденія вопросовъ о благѣ арміи».

И дѣйствительно, когда законопроекты по оборонѣ поступили въ комиссію, напряженная ея дѣятельность обращала на себя всеобщее вниманіе. Большинство вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе комиссіи, требовали самаго внимательнаго къ себѣ отношенія, но тѣмъ не менѣе они не залеживались въ комиссіи.

При этомъ необходимо обратить особое вниманіе на одно обстоятельство, имѣвшее рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи. При выборахъ въ комиссію по государственной оборонѣ не были допущены представители партій конституціонно-демократической и лѣвѣе. Въ свое время, при обсужденіи этого вопроса, въ лѣвой печати послѣдовалъ взрывъ негодованія и цѣлый потокъ самыхъ грязныхъ инсинуацій по адресу большинства Государственной Думы. Большинство, однако, устояло и не допустило въ комиссію партіи, всей дѣятельностью своей доказавшія полное отсутствіе патріотизма и настоятельное желаніе всѣми силами препятствовать возсозданію военной мощи Россіи. Враждебныя мѣропріятія были предприняты ими въ отношеніи снабженія государства средствами, о чемъ свидѣтельствовали поѣздки въ Парижъ Маклакова, графа Нессельроде, князя Долгорукова и др., съ цѣлью подорвать кредитъ Россіи въ самый необходимый моментъ ея жизни; тѣ же стремленія обнаружились въ противогосударственной пропагандѣ среди войскъ, въ выборгскомъ воззваніи о недоставкѣ рекрутовъ и въ т. п. явно антипатріотическихъ дѣяніяхъ.

Половцовъ, въ своей рѣчи по поводу закрытія дверей въ комиссіи государственной обороны, напомнилъ (I, 3, 1499—1501): «Такъ недавно, въ одинъ мигъ погибло все наше морское могущество, и мы съ ужасомъ смотрѣли, какія послѣдствія вызывало это печальное событіе нашего государства; но, господа, не видали ли вы вокругъ себя другихъ лицъ, въ которыхъ скрывалась какая-то затаенная радость; не слыхали ли вы раздававшагося съ нѣкоторыхъ сторонъ змѣинаго шопота: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше...». Съ другой стороны, когда наступилъ критическій моментъ нашей войны, когда собрались русскія войска въ громадномъ количествѣ, и старый солдатъ Линевичъ ожидалъ только момента для того, чтобы покончить съ зарвавшимся врагомъ, не слышали ли вы тогда, какъ со всѣхъ сторонъ въ этотъ моментъ поднима-

лись подголоски о томъ, что надо прекратить войну. И патріотическіе голоса затерялись среди этихъ подголосковъ. Да что мы будемъ говорить о патріотизмѣ, когда въ этой залѣ раздавались слова: «патріотъ все равно, что идіотъ». И громкими рукоплесканіями встрѣтили эту гнусную фразу господа русскіе народные представители».

Итакъ, к.-д. и лѣвые не были допущены въ комиссію по государственной оборонѣ по особымъ весьма серьезнымъ соображеніямъ. Но это событіе имѣло самое благотворное вліяніе на дѣятельность комиссіи вообще. Солидарное въ стремленіяхъ къ возстановленію военной мощи Россіи, большинство могло всецѣло отдаться чисто дѣловой работѣ, безъ перерыва истерическими выкриками лѣвыхъ и пустыми часовыми рѣчами кадетскихъ адвокатовъ и профессоровъ. Не было этихъ нелѣпыхъ обструкціонныхъ выходокъ со стороны «оппозиціи», такъ тормозящихъ всю дѣятельность Государственной Думы. Если бы, хотя бы на половину, уменьшилось участіе «оппозиціи» въ другихъ работахъ третьей Государственной Думы, несомнѣнно, ея дѣятельность была бы продуктивнѣе во много разъ, и цѣлый рядъ государственныхъ реформъ не ожидалъ бы своего появленія на свѣтъ въ далекомъ будущемъ въ слѣдующихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Такимъ образомъ, вся отвѣтственность за дѣятельность комиссіи лежала на громадномъ ея большинствѣ изъ октябристовъ и націоналистовъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ сначала октябристъ Гучковъ, а затѣмъ націоналистъ князь Шаховской. Націоналисты самымъ энергичнымъ образомъ работали въ комиссіи и цѣлый рядъ докладовъ, представленныхъ ими по вопросамъ государственной обороны, свидѣтельствуютъ о ихъ стремленіи дѣлать свое дѣло въ самомъ продуктивномъ направленіи, а именно въ комиссіонныхъ занятіяхъ.

Особенно потрудились въ этой комиссіи 1) Безакъ, представившій 28 докладовъ, изъ коихъ такіе, какъ доклады по пенсіямъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, потребовали колоссальной работы, и 2) Потоцкій, доложившій 25 законопроектовъ.

Къ сожалѣнію, секретный характеръ многихъ законопроектовъ, представленныхъ на обсужденіе комиссіи по государственной оборонѣ, не позволяетъ подробно останавливаться на ея дѣятельности. Но, всетаки, возможно сказать съ увѣренностью, что сухопутная русская армія въ настоящее время стоитъ на небывалой высотѣ по техническому своему снаряженію, и голосъ Россіи на международной аренѣ звучитъ уже не такъ робко, какъ это было въ моментъ анексіи Босніи и Герцеговины, когда мы должны были покорно отступить, не имѣя силъ поддержать оружіемъ свое достоинство.

Однако, націоналисты, несмотря на всю боевую готовность арміи, мечтаютъ не объ успѣхахъ политики авантюристовъ, не о новыхъ завоеваніяхъ и пріобрѣтеніяхъ, а лишь о возможности съ достоинствомъ поддержать независимость своихъ сужденій въ существенныхъ для государства вопросахъ и о полной свободѣ государственной дѣятельности внутри страны.

Итакъ, націоналисты съ гордостью могутъ смотрѣть на свою продуктивную работу по возстановленію военной мощи сухопутной арміи. Совершенно въ иномъ положеніи находится вопросъ о возсозданіи морской силы государства. Въ этомъ отношеніи Государственной Думѣ пришлось встрѣтиться съ такими печальными явленіями, которыя надолго затормозили ея дѣятельность, несмотря на самое искреннее желаніе итти по тому же пути, который сдѣлалъ нашу разстроенную армію вновь сильной, могучей и снаряженной всѣмъ необходимымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Увы, не отъ одной Государственной Думы зависѣло разрѣшеніе этого больного вопроса. По поводу запроса о постройкѣ крейсера «Рюрикъ», когда морскимъ вѣдомствомъ, безъ всякихъ колебаній, была выдана весьма серьезная государственная тайна иностранному кораблестроительному заводу, предсѣдатель фракціи націоналистовъ Балашевъ въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ дѣятельность морского вѣдомства въ слѣдующихъ словахъ (I, 3, 1189—1190): «Съ тяжелымъ чувствомъ, господа народные представители, вхожу я на трибуну, съ тяжелымъ чувствомъ приходится снова касаться мѣста столь наболѣвшаго, что самое легкое, самое любовное къ нему прикосновеніе отзывается жгучей болью, болью по невозвратному прошлому, по разбитымъ надеждамъ, по попранной народной гордости; и только настоятельная необходимость избѣжать въ будущемъ подобныхъ невзгодъ заставляетъ вынести на судъ народный загадочное, темное дѣло. Если бы повторныя неудачи и послѣдній сокрущающій ударъ 1904—1905 гг., вызвали въ руководящихъ кругахъ морского вѣдомства крутую ломку, явное и категорическое намѣреніе порвать съ мрачнымъ прошлымъ, начать работать сызнова, съ новой вѣрой, съ новымъ порывомъ къ совершенствованію, то никогда бы они не услышали отъ фракціи, которую я имѣю честь представлять, слова упрека, малѣйшаго напоминанія о томъ, что было, но чего въ будущемъ уже быть не можетъ; но для этого нужна увѣренность, что это именно такъ, что стоящіе на стражѣ святого дѣла обороны отечества люди зорко слѣдятъ за ввѣренной имъ святыней и не допустятъ недостойной руки коснуться ея;—и къ ужасу нашему такой увѣренности нѣтъ. Что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Кипучую дѣятельность, безпощадное устраненіе негодныхъ элементовъ и всяческое поощреніе лицъ способныхъ,—или ту же рутину, ту же инертность, что и прежде? И въ чемъ, наконецъ, сказался сокрушающій

урокъ, волею Божіей обрушившійся на наши головы? Неужели все это было пережито напрасно? Неужели это все можетъ повториться? И гдѣ гарантіи нашего пробужденія? Настойчиво ходятъ слухи о продолжающихся нестроеніяхъ, о невозможномъ состояніи морской обороны нашего отечества. Слухи эти р стуть, ширятся, распространяются по всей землѣ, и никто со стороны морского вѣдомства на нихъ категорическаго отвѣта намъ не даетъ. Такъ пусть же оно дастъ намъ отвѣтъ этотъ. Пусть скажетъ, правда ли это? Возможно ли, что все прошлое пронеслось мимо него, ничѣмъ его не коснувшись, не пошатнувъ его каменной неподвижности, его самодовольнаго и самодовлѣющаго покоя. Пусть дадутъ этотъ отвѣтъ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пусть укажутъ на вѣрное средство борьбы со зломъ, или же пусть сознаютъ свое собственное безсиліе и уступятъ дорогу болѣе сильнымъ. Есть у Царя и отечества на морскомъ поприщѣ вѣрные слуги, есть герои извѣстные и неизвѣстные, подвиги которыхъ изъ рода въ родъ и отъ отца къ сыну будутъ передаваться благодарнымъ отечествомъ. Знаемъ мы о случаѣ, когда механикъ голою рукой заткнулъ паровую трубку; знаемъ мы о тѣхъ, кто на разбитомъ суднѣ, захваченномъ уже непріятелемъ, предпочли ужасающую смерть неизбѣжному и далеко не позорному плѣну; знаемъ о цѣлой командѣ, погибшей вмѣстѣ со своимъ кораблемъ,—знаемъ и никогда не забудемъ ни мы, ни потомки наши. Эти имена и эти дѣла громко возвѣщаютъ, что жива въ русскомъ флотѣ русская доблесть и что нѣтъ доблести выше ея въ мірѣ, и мы требуемъ, чтобы на славной памяти погибшихъ и на громкихъ именахъ живущихъ героевъ не осталось и тѣни независтнаго отъ нихъ позора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Россія требуетъ именъ виновныхъ и ждетъ отъ вѣдомства правдиваго отвѣта».

Другой націоналистъ Потоцкій остановился также на вопросѣ о личномъ составѣ русскаго флота (I, 3, 1321—1323): «Я не хочу касаться никакихъ особенно дурныхъ сторонъ личнаго состава, не хочу посылать ему упрековъ, личному составу, который мы знали въ прошломъ, который пошелъ въ Цусиму и тамъ погребенъ. Мы ему всегда воздавали и теперь несомнѣнно воздаемъ должное. Но я только хочу сказать: неужели русскіе люди ждутъ отъ своего флота, отъ его личнаго состава одного только,—именно въ лучшемъ случаѣ его—честной смерти? Мнѣ кажется, что если бы мы ждали только этого, тогда не нужны были бы никакія реформы, никакія улучшенія, и мы могли бы успокоиться, потому что въ Цусимѣ былъ рядъ случаевъ, показавшихъ, какъ геройски люди, офицеры и нижніе чины вмѣстѣ умирали: но мнѣ кажется, что не это главная цѣль, и не для этого мы хлопочемъ о возсозданіи флота. Намъ надо нѣчто болѣе реальное, мы хотимъ, чтобы смерть эта была только въ крайнихъ случаяхъ, чтобы дѣйствительно

флотъ этотъ былъ на высотѣ. Для этого необходимы существенныя реформы именно въ личномъ составѣ, потому что, какъ правильно цитировалъ докладчикъ, воюетъ человѣкъ—личный составъ, а не суда. Ошибки въ подготовкѣ личнаго состава, на мой взглядъ, заключаются въ томъ, что въ выпускаемыхъ офицерахъ изъ кадетскихъ корпусовъ, въ кадетахъ и мичманахъ видятъ въ каждомъ будущихъ адмираловъ. Вотъ если бы вы видѣли въ одной пятой выходящаго состава изъ кадетскихъ корпусовъ адмираловъ, тогда, можетъ быть, дѣло было бы поправимо, и въ этомъ было бы счастье будущаго флота. Но если видѣть въ каждомъ выдающуюся личность,—вы знаете, господа, какъ жизнь не богата выдающимися личностями,—къ какимъ это ведетъ печальнымъ ошибкамъ. Для того, чтобы дѣйствительно закрѣпить это мнѣніе, чтобы каждый мичманъ успѣлъ сдѣлать такую блестящую карьеру въ нынѣшнемъ морскомъ вѣдомствѣ, высшіе чины его собираются даже произвести реформу, устранить, какъ они говорятъ, пробку, чтобы офицеры не засиживались, и завести два разряда офицеровъ, такъ называемыхъ морскихъ палубныхъ офицеровъ. Не буду здѣсь распространяться о томъ, насколько этотъ второй рангъ офицеровъ невыгоденъ для дѣла, хотя и сознаю вполнѣ это, какъ бывшій солдатъ. Г. докладчикъ въ своемъ докладѣ еще видѣлъ спасеніе будущаго флота въ заводимомъ морскомъ Генеральномъ Штабѣ, при чемъ онъ съ большой вѣрой глядѣлъ на этотъ заводимый корпусъ. Я покамѣстъ могу засвидѣтельствовать, что я видѣлъ представителей морского Генеральнаго Штаба въ комиссіи государственной обороны, видѣлъ корректныхъ молодыхъ людей, которые очень талантливо защищали необходимость линейнаго флота. Большей дѣятельности ихъ, вѣроятно, еще никто не знаетъ, это ихъ дѣятельность настоящая. Дѣятельность же ихъ въ будущемъ, вѣроятно, пойдетъ по стопамъ нашего сухопутнаго Генеральнаго Штаба, а всѣ, кому когда-нибудь по своей службѣ приходилось соприкасаться въ военной работѣ съ этимъ корпусомъ офицеровъ, очевидно знаютъ, какъ много въ этомъ корпусѣ еще есть прорѣхъ и какъ нежелательно было бы, чтобы всякій вновь заводимый корпусъ слѣдовалъ по этимъ стопамъ. Мнѣ кажется, что при возсозданіи и при задуманномъ улучшеніи личнаго состава всѣми упущено главное—это образованіе офицеровъ и воспитаніе нижнихъ чиновъ, которое главнымъ образомъ зиждется на воинскомъ духѣ и на цементѣ этого воинскаго духа—на дисциплинѣ. Какова дисциплина у насъ во флотѣ—вамъ, господа, всѣмъ извѣстно. Я могъ бы не повторять этого, но все-таки интересенъ также отзывъ одного моряка, очень компетентнаго лица въ этомъ вопросѣ, который позволяетъ себѣ сказать слѣдующее: «Наши нижніе чины вовсе не въ нашихъ рукахъ, настроеніе ихъ вполнѣ зависитъ отъ политическихъ теченій народныхъ массъ. Они тѣсно связаны съ толпой и рѣзко от-

дѣлены отъ своихъ начальниковъ. Въ случаѣ крупныхъ безпорядкахъ флотъ не представляетъ опоры, а добавочную опасность. Высшее начальство совершенно вѣрно оцѣнило наше состояніе и отбираетъ патроны даже передъ роспускомъ Государственной Думы». Вотъ, господа, если въ такомъ духѣ будетъ воинскій духъ и воинская дисциплина, то сколько бы вы ни возносили личный составъ морской, сколько бы вы ни выдвигали Генеральный Штабъ, штабы въ дѣлѣ мастерства, въ дѣлѣ первой непремѣнно работы чрезвычайно мало помогутъ. У насъ любятъ ссылаться на успѣхи нашихъ сосѣдей—на Пруссію, въ частности на Японію, но въ Японіи именно эти двѣ области военнаго дѣла стоятъ на недосягаемой высотѣ и въ Японіи не могутъ случиться между высшими представителями морского вѣдомства такіе курьезы, чтобы они не признавали въ мирное время тайнъ или, какъ сегодня мнѣ пришлось слышать въ кулуарѣ отъ одного изъ выдающихся морскихъ дѣятелей, который говорилъ, почему произошелъ ущербъ въ военно-морскомъ образованіи. Каждый министръ,—говорилъ онъ,—получалъ улыбку за каждый вновь закладываемый корабль и ничего за успѣхъ въ остальныхъ отдѣлахъ обученія. Изъ этого представитель морского вѣдомства дѣлалъ естественный выводъ; естественно, что всякій морской министръ главнымъ образомъ старался о закладкѣ въ ущербъ всему другому. Господа, до тѣхъ поръ, пока высшими представителями морского вѣдомства будутъ люди, которые будутъ слѣдить за улыбками, которыя имъ будутъ посылать при закладкѣ, и на закладки тратить огромныя деньги, необходимыя на воспитаніе личнаго состава, дѣло не улучшится, и самъ Андреевскій флагъ не поднимется».

И дѣйствительно, самъ Андреевскій флагъ не поднялся. По прежнему морскія суда строятся вдвое или втрое дольше, чѣмъ заграницей, попрежнему первоначальныя заданія при постройкѣ судовъ видоизмѣняются, и судно не въ состояніи исполнять своего назначенія; попрежнему, наконецъ, броненосецъ «Слава» выходитъ изъ строя, такъ какъ ни судовое начальство, ни механики въ теченіе двухъ лѣтъ не знали, что котлы судна систематически портятся командой.

Главнымъ же недостаткомъ вѣдомства были полная его безпечность, отсутствіе сознанія своихъ недостатковъ и необыкновенно высокомѣрное отношеніе ко всякимъ указаніямъ на его для всѣхъ очевидныя ошибки. Полное нежеланіе вѣдомства отказаться отъ своихъ прежнихъ преступныхъ традицій вывело изъ спокойнаго равновѣсія Государственную Думу, и 23-го марта 1909 года Дума единогласно приняла формулу перехода къ разсмотрѣнію смѣты вѣдомства, выразивъ пожеланіе о томъ, чтобы морской министръ испросилъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи сенаторской ревизіи хозяй-

ственнаго управленія Морского министерства. Хотя морской министръ пожеланія этого не исполнилъ, но Государю Императору благоугодно было назначить особую комиссію для этого изъ лицъ постороннихъ вѣдомству. Какъ это мѣропріятіе, такъ, съ другой стороны, реорганизація управленія, а равно исполненіе вѣдомствомъ указаній на необходимость полнаго преобразованія морскихъ заводовъ, а также, наконецъ, разработка программы судостроенія заставили націоналистовъ отказаться отъ первопачальнаго упорнаго нежеланія давать средства на постройку линейныхъ кораблей. Безъ всѣхъ вышеуказанныхъ условій ассигнованія на постройку были бы совершенно непроизводительной тратой народныхъ средствъ, такъ какъ необычайная продолжительность постройки кораблей ставила ихъ при выходѣ въ море въ разрядъ уже устарѣлыхъ судовъ, а пріемы видоизмѣненія первоначальныхъ заданій дѣлали суда совершенно неспособными исполнять свое назначеніе. Однимъ словомъ, у Россіи былъ бы не флотъ, а пародія на флотъ, что гораздо опаснѣе отсутствія флота, какъ это и показалъ опытъ войны съ Японіей. Весь планъ войны былъ построенъ на совмѣстныхъ дѣйствіяхъ арміи и флота. Но никакіе колоссальные расходы не помогли изъ ничего сдѣлать что-нибудь. Былъ не флотъ, а пародія на него, и весь планъ рушился, не имѣя подъ собой фактическаго основанія.

Новыя вѣянія, наблюдаемыя въ послѣднее время въ вѣдомствѣ, даютъ націоналистамъ поводъ надѣяться, что русскій флотъ, хотя и современемъ, но возродится съ былыми славными традиціями, и времена Чесмы и Синопа останутся не единственными свѣтлыми страницами въ морской исторіи Россіи.

VI.

Судъ.

Въ шестомъ пунктѣ своей программы націоналисты выражаютъ требованіе создать: «судъ близкій къ народу, правый, скорый и равный для всѣхъ».

Эти стремленія націоналистовъ получили удовлетвореніе въ утвержденномъ Государственной Думой законопроектѣ о реформѣ мѣстнаго суда. Законопроектъ этотъ проходилъ при весьма тяжелыхъ условіяхъ. Съ одной стороны, правые не желали этой реформы въ виду предстоящей замѣны земскихъ начальниковъ выборными мировыми судьями; съ другой же стороны, лѣвые стремились внести въ законопроектъ измѣненія, совершенно искажающія первоначальныя его основы. Законопроектъ проведенъ былъ лишь благодаря напряженнымъ совмѣстнымъ усиліямъ націоналистовъ и октябристовъ.

Первый вопросъ, который предстояло рѣшить Государственной Думѣ, заключался въ томъ, слѣдуетъ ли назначать судей отъ короны или примѣнить систему выборовъ. Вопросъ этотъ былъ непартійнымъ, такъ какъ заявленія о предпочтительности назначенія судей правительствомъ поступали изъ самыхъ различныхъ группъ Государственной Думы. Противники выборной системы указывали на нежелательныя стороны выборовъ, при которыхъ достоинство кандидатовъ опредѣляется не личными ихъ качествами, а преобладаніемъ ихъ партій. Въ силу этого выборные судьи всегда находятся въ зависимости отъ вліятельныхъ избирателей и по отношенію къ нимъ, силою вещей не могутъ быть безпристрастными. По этому поводу Половцовъ (III, 1, 1596—1604) указалъ на жалобы представителей юго-западнаго края, гдѣ дѣйствуетъ институтъ мировыхъ судей по назначенію. Оказывается, что назначенные мировые судьи творятъ не судъ, а безсудье; они не только не являются провод-

никами правовыхъ нормъ въ обществѣ, но разрушаютъ и послѣдніе остатки правосознанія. Изъ того завѣта, который далъ судамъ Императоръ Александръ II: «правда и милость до царствуетъ въ судахъ», они взяли только послѣднюю фразу—«да царствуетъ милость»; но безграничное господство милости граничитъ съ неправдой. Эти мировые судьи, стремясь къ дешевой популярности, стараются снискать себѣ симпатіи тѣхъ слоевъ общества, которые являются не созидательнымъ, но разрушительнымъ элементомъ. Что же касается выборныхъ мировыхъ судей, то за ними громадное преимущество—знаніе мѣстныхъ условій жизни. Господство политической борьбы въ земскихъ собраніяхъ создаетъ благопріятныя условія для наблюденія за дѣятельностью выборныхъ судей. Политическая борьба означаетъ борьбу партій. И, если одна партія захватила въ свои руки власть, то другая партія, оставшаяся за флагомъ, установитъ самый бдительный надзоръ за дѣйствіями своихъ противниковъ. Затѣмъ, надъ судьями стоитъ также на стражѣ власть сената. Этотъ двойной надзоръ, общества и сената, въ достаточной степени гарантируетъ закономѣрность дѣятельности мировыхъ судей по избранію.

Высказываясь за избраніе мировыхъ судей, націоналисты поддерживали докладъ комиссіи о назначеніи предсѣдателей съѣзда отъ короны. «Предсѣдатель съѣзда по назначенію», какъ говорилъ Тычининъ (III, 1, 3202), будетъ болѣе независимъ, болѣе требователенъ, и будетъ болѣе строгимъ контролеромъ по отношенію къ мировымъ судьямъ».

Вторымъ чрезвычайно спорнымъ положеніемъ реформы оказался вопросъ объ имущественномъ цензѣ для мировыхъ судей. Оппозиція настаивала на отмѣнѣ имущественнаго ценза, стремясь къ проведенію въ судьи безземельнаго чиновника и такъ называемаго третьяго земскаго элемента. Націоналисты находили, что вопросъ объ имущественномъ цензѣ для мировыхъ судей представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій для успѣшности предполагаемой реформы. Только тѣсная связь съ данной мѣстностью, основанная на владѣніи имуществомъ, ближайшее знакомство со всѣми особенностями мѣстной жизни и могутъ создать судью, который въ состояніи будетъ разобраться въ правовыхъ отношеніяхъ населенія. Земская реформа, основанная на имущественномъ цензѣ, служитъ въ этомъ отношеніи наилучшимъ показателемъ. Въ виду этого соображенія націоналисты, какъ заявилъ Мотовиловъ (III, 3, 2094), рѣшили безусловно поддержать требованіе имущественнаго ценза. Вмѣстѣ съ тѣмъ націоналисты согласились и на уменьшеніе первоначальнаго размѣра ценза.

Совершенно внѣпартійнымъ оказался споръ о необходимости уничтоженія волостныхъ судовъ при введеніи мирового института. Разногласія по этому вопросу происходили во всѣхъ группахъ Государственной Думы, не ми-

новали они и партіи націоналистовъ. Сторонники сохраненія волостныхъ судовъ указывали на особую близость этихъ судовъ къ населенію, на полное знакомство ихъ съ мѣстными условіями жизни, на дешевизну правосудія и т. п. Среди націоналистовъ не оказалось, однако, сторонниковъ волостного суда въ настоящемъ видѣ. Ораторы высказывались за необходимость ограниченія его предметовъ вѣдомства и за реформу—въ смыслѣ созданія особой должности судьи съ образовательнымъ цензомъ и установленія двухъ членовъ суда изъ представителей населенія по избранію послѣдняго.

Большинство націоналистовъ стояло, однако, за уничтоженіе волостного суда. Къ этому мнѣнію присоединилась и часть крестьянъ-націоналистовъ, отъ имени которыхъ выступилъ Ермолаевъ, заявившій слѣдующее (III, 1,1478—1480): «къ разсматриваемому законопроекту, предложенному комиссіей по судебнымъ реформамъ, приложено особое мнѣніе шести крестьянскихъ депутатовъ, участвовавшихъ въ названной комиссіи: это особое мнѣніе, которое навѣрное всѣ уже вы читали, горячо поддерживалъ съ этой трибуны депутатъ Челышевъ. Онъ увѣрялъ, что не только крестьяне, сидящіе въ Государственной Думѣ безъ различія партій, но и все крестьянское населеніе Россійской Имперіи поддерживаетъ это мнѣніе. Въ чемъ же суть этого заявленія? Мы, молъ, всѣ крестьяне недовольны законопроектомъ, не хотимъ мировыхъ судей, стоимъ за волостной судъ, правда—улучшенный на манеръ гминнаго. Предполагаемый законопроектъ комиссіи по судебнымъ реформамъ вреденъ и обиденъ для крестьянъ. А почему? Да потому, что по этому законопроекту заказаны пути крестьянскіе и что по этому законопроекту не пойдутъ крестьяне въ новые мировые судьи и что этотъ законопроектъ какъ бы устраиваетъ 5.000 баръ-бюрократовъ, и что этотъ законопроектъ непонятенъ, недоступенъ для крестьянъ. Это мнѣніе о проектируемомъ мировомъ институтѣ, повторяю, выдается якобы отъ всего россійскаго крестьянства. Бессарабскій депутатъ крестьянинъ Гулькинъ уже протестовалъ какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени крестьянъ—своихъ избирателей. Не могу молчать и я, какъ крестьянинъ Витебской губерніи. Не получилъ я юридическаго образованія, а по опыту и наблюденію знаю и хорошо понимаю, что единство суда, въ лицѣ мирового судьи, великое благо для народа, а въ особенности, скажу, для крестьянъ. Знаешь, къ кому обратиться за правосудіемъ и, скажу, за законнымъ правосудіемъ. Что же касается волостныхъ судовъ, то я не буду говорить, какъ многіе здѣсь говорили, отъ имени всѣхъ крестьянъ, я скажу отъ имени своихъ крестьянъ и утверждаю, что волостные суды у насъ не въ почетѣ, не вѣрятъ имъ крестьяне, а бывшіе у насъ мировые судьи и подпись сохранили по себѣ хорошую память. По законопроекту мировой судья, назначенный на одну-двѣ волости долженъ разбирать дѣла, при-

нимать словесныя и письменныя прошенія какъ на мѣстахъ, такъ и при выѣздахъ; онъ чуть ли не за цѣлый годъ обязанъ вывѣшивать объявленіе о своемъ выѣздѣ по участку. Слѣдовательно невѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ депутатовъ и утвержденіе о дальности и недоступности новаго мирового судьи. Судиться будемъ попрежнему въ своихъ же волостяхъ, какъ это было и при волостныхъ судахъ. Говорятъ, что мировой судья не понимаетъ жизни крестьянской, не знаетъ ихъ обычаевъ. Во-первыхъ, г.г., у насъ нѣтъ никакихъ обычаевъ, да судьбище по обычаю, я скажу, это одинъ произволъ. Кто побойчѣй, кто побогаче, тотъ и выдумываетъ для своего дѣла выгодный обычай. Что же касается мирового судьи, то, какъ говоритъ законопроектъ, онъ будетъ выборный мѣстными жителями: неужели такой мировой судья не будетъ знать жизни мѣстныхъ крестьянъ, вѣдь онъ жить будетъ среди этихъ крестьянъ и черезъ малый промежутокъ времени будетъ разъѣзжать и бесѣдовать съ крестьянами; вѣдь онъ будетъ человѣкъ съ образованіемъ, съ развитіемъ; понять такому человѣку и узнать мѣстную жизнь при его доброй къ тому волѣ будетъ легче легкаго. Что же касается обычая наслѣдственнаго и обычая, примѣняемаго при раздѣлахъ, то по законопроекту они остаются. Хорошій судья долженъ быть спеціалистомъ въ знаніи законовъ, души и жизни человѣческой. Вотъ единственно правильный взглядъ на то, каковъ долженъ быть судья. Вы это хорошо понимаете, и въ своемъ особомъ мнѣніи вы предлагаете реформировать судъ волостной такъ, чтобы предсѣдатель суда былъ по назначенію и непремѣнно съ образовательнымъ цензомъ; но другіе два судьи при немъ остаются попрежнему люди темные. Для чего зрячему отъ слѣпого учиться? Я думаю, что не для чего, и, само собой разумѣется, слѣпого поведетъ именно зрячій—это будетъ вполнѣ естественно и пормально; въ случаѣ же если слѣпые возомнятъ о себѣ и силою потащатъ за собою зрячихъ, то я скажу, что все дѣло будетъ провалено. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ ваши помощники будутъ безполезны, а въ худшемъ, скажу, вредны. И стоитъ ли на такое дѣло тратить народныя кровныя деньги?»

По тому же вопросу высказывался и Половцовъ (III, 1, 1597—1598): «Предлагается слѣдующій коррективъ: ввести подобіе гминныхъ судовъ, т. е. чтобы былъ одинъ судья болѣе опытный, по возможности лицо, получившее юридическое образованіе, и при немъ два представителя отъ мѣстнаго населенія. Мнѣ думается, что къ такому суду наиболѣе примѣнимо то выраженіе, которое здѣсь было высказано депутатомъ Ермолаевымъ: «къ зрячему придается двое слѣпыхъ и бѣда, если эти слѣпые поведутъ этого зрячаго. Но, вѣроятно, зрячій поведетъ за собою слѣпыхъ, и они будутъ ему не въ помощь, а только обузой». Я полагаю, что здѣсь должна быть разсмотрѣ-

на еще другая сторона. Въ самомъ дѣлѣ, если зрячій поведетъ слѣпыхъ, то они будутъ для него не только обузой, но въ то же время эти слѣпые помогутъ ему снять съ себя и отвѣтственность за неправильное рѣшеніе дѣлъ. Мы установимъ, такимъ образомъ, безотвѣтственнаго единоличнаго судью, потому что вся практика какъ иностранныхъ законодательствъ, такъ и современнаго русскаго—по отношенію къ гминному суду, къ особымъ волостнымъ судамъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по отношенію къ суду шеффеновъ,—показываетъ, что дѣйствительно всѣ эти избранныя отъ населенія лица являются слѣпыми, являются бездѣятельными. Но въ судѣ коллегіальномъ отвѣтственность лежитъ не на томъ лицѣ, которое фактически рѣшаетъ дѣла, а на коллегіи. И вотъ, г.г., въ данномъ случаѣ я позволю себѣ припомнить, что вѣдь Государственная Дума и Государственный Совѣтъ все время указываютъ на необходимость преобразованія существующаго строя управленія въ томъ смыслѣ, чтобы вездѣ были отвѣтственныя лица. Я припомню вамъ г.г. борьбу Государственной Думы въ этомъ отношеніи по вопросу объ организаціи желѣзнодорожныхъ управленій. Намъ было здѣсь разъяснено весьма ясно и наглядно, что все зло въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ заключается въ томъ, что тамъ нѣтъ отвѣтственныхъ лицъ, что начальниковъ дороги окружаютъ коллегіи, что въ высшихъ инстанціяхъ опять таки создаются коллегіи, и эти коллегіи снимаютъ отвѣтственность съ того лица, которое фактически должно было быть признано отвѣтственнымъ за это дѣло. Мы боролись въ этомъ отношеніи, мы указывали на необходимость уничтоженія этой коллегіальности, на необходимость выставить передъ закономъ и передъ обществомъ одно опредѣленное лицо. Такъ, я полагаю, и по отношенію къ законопроекту о преобразованіи волостныхъ судей на подобіе гминныхъ или на подобіе суда шеффеновъ, это преобразованіе будетъ страдать тѣмъ же самымъ недостаткомъ. Судья, какъ человѣкъ болѣе опытный, образованный, несомнѣнно, будетъ творить свою волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрываясь этими двумя лавниками или шеффенами, или засѣдателями—все равно какъ ихъ именовать—будетъ слагать съ себя всякую отвѣтственность. По этимъ соображеніямъ я полагаю, что преобразованный волостной судъ нисколько не будетъ лучше, если только не хуже, волостного суда, существующаго въ настоящее время».

Наконецъ, коренную рознь въ самомъ большинствѣ, защищавшемъ законопроектъ, т. е. между націоналистами и октябристами, внесъ вопросъ о допущеніи евреевъ къ занятію должностей мировыхъ судей. Цѣлый рядъ членовъ Думы—правыхъ, націоналистовъ и даже одинъ октябристъ Гриммъ—вносили въ разное время поправки о запрещеніи евреямъ быть судьями. Однако, лѣвые октябристы, пользуясь помощью оппозиціи, не допускали

этого вопроса даже до обсужденія Государственной Думы, пользуясь наказомъ, дающимъ возможность большинству снимать вопросы съ обсужденія по его усмотрѣнію. Въ послѣдній разъ внесена была поправка Маркова 2-го по тому же вопросу, и націоналисты, по мотивомъ голосованія, поручили Половцову сообщить Государственной Думѣ мнѣніе фракціи по этому вопросу (III, 3, 2162): «Русская національная фракція и фракція правыхъ октябристовъ, считая вопросъ о разрѣшеніи евреямъ быть судьями вопросомъ первостепенной важности, а потому, полагая, что отказъ новаго большинства Государственной Думы въ обсужденіи этого дѣла является нарушеніемъ свободы слова,—протестуютъ противъ такого рѣшенія и будутъ голосовать за обсужденіе поправки Маркова 2-го».

Реформа мѣстнаго суда по проекту Государственной Думы, за указаннымъ исключеніемъ, вполнѣ соотвѣтствовала убѣжденіямъ подавляющаго большинства націоналистовъ.

Кромѣ учрежденія мирового института черезъ Государственную Думу проведенъ былъ цѣлый рядъ законопроектовъ, направленныхъ къ улучшенію постановки дѣла правосудія въ государствѣ. Сюда относятся увеличеніе числа судебныхъ учрежденій, реформа предварительнаго слѣдствія, изданіе положенія о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ и др. Всѣ эти мѣропріятія встрѣчали дружную поддержку со стороны націоналистовъ. Точно также націоналисты привѣтствовали и введеніе въ русское уголовное право двухъ совершенно новыхъ институтовъ—условнаго досрочнаго освобожденія и условнаго осужденія. Оба законопроекта встрѣтили противодѣйствіе съ стороны правыхъ, боявшихся чрезмѣрной снисходительности суда; а съ другой стороны лѣвые пытались внести въ эти законопроекты именно элементъ безнаказанности для сознательныхъ преступниковъ. Лишь дружнымъ сотрудничествомъ націоналистовъ и октябристовъ опредѣлилась судьба законопроектовъ, которые и удержались на своей настоящей позиціи—дѣленія преступниковъ на овецъ и козлищъ—въ цѣляхъ возможности исправленія случайныхъ преступниковъ.

Весьма важное значеніе для русскаго правосудія имѣетъ законопроектъ объ увеличеніи содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства. Въ самомъ дѣлѣ 50 лѣтъ судебное вѣдомство держали на окладахъ, которые, при современной дороговизнѣ жизни, можно было отнести къ разряду прямо нищенскихъ. Неудивительно, что рядъ талантовъ, блестѣвшихъ въ судебномъ вѣдомствѣ при введеніи реформы, исчезъ и замѣнился средними обывателями. Несомнѣнно, что пониженный уровень личнаго состава имѣлъ весьма важное вліяніе и на веденіе судебнаго дѣла. Недаромъ съ разныхъ сторонъ въ Государственной Думѣ слышались нареканія на дѣятельность отдѣльныхъ чиновъ вѣдомства.

Націопалисты также указывали на подобные нежелательные отдѣльные случаи, но, при этомъ, не осуждая вѣдомство, какъ таковое, объясняли возможность уклоненія отъ обязанностей лишь проникновеніемъ нежелательныхъ элементовъ въ судебное вѣдомство. По этому поводу Половцовъ (III, 1, 1599—1600) объяснилъ: «Вѣдь дѣло въ томъ, что судебное вѣдомство находилось весьма долгое время въ чрезвычайно печальныхъ условіяхъ. Вмѣсто того, чтобы привлекать къ правосудію лучшія силы, вмѣсто того, чтобы имѣть широкій кругъ кандитадовъ для вступленія на судейскія должности, судебное вѣдомство было поставлено въ этомъ отношеніи въ очень тяжелое положеніе: крайній недостатокъ содержанія, нищенское существованіе чиновъ судебнаго вѣдомства значительно ограничили кругъ выбора лицъ, достойныхъ для замѣщенія судейскихъ должностей. И если въ самомъ началѣ введенія судебной реформы мы не встрѣтились съ весьма печальными явленіями, наблюдаемыми въ настоящее время, если старые судьи дѣйствительно провели въ жизнь великіе идеалы правды, то за послѣднее время, къ сожалѣнію, мы замѣчаемъ нѣкоторое уклоненіе отъ этого. Мы видимъ, что въ судебное вѣдомство проникли также и такіе элементы, которымъ тамъ не мѣсто. Но, г.г., я и полагаю, что это опредѣляется тѣмъ положеніемъ, въ которое было поставлено судебное вѣдомство: оно имѣло чрезвычайно ограниченный кругъ, изъ котораго могло выбирать кандидатовъ. Въ настоящее время чины судебнаго вѣдомства матеріально обезпечены и для человѣка, который по своей склонности, по потребностямъ своего духа желалъ бы принять участіе въ великомъ дѣлѣ отправленія правосудія, въ настоящее время нѣтъ той преграды, которая была раньше: это—невозможность существованія на то нищенское содержаніе, которое было прежде».

Всѣ указанныя мѣропріятія, по мнѣнію націопалистовъ, дадутъ въ ближайшемъ будущемъ возможность осуществиться ихъ упованіямъ на созданіе суда близкаго къ народу, праваго, скораго и равнаго для всѣхъ.

VII.

Неприкосновенность частной собственности.

Седьмымъ и послѣднимъ требованіемъ своей программы націоналисты ставятъ: «неприкосновенность частной собственности».

Вопросъ о необходимости защиты частной собственности, опредѣленно разрѣшенный уголовными кодексами всѣхъ цивилизованныхъ государствъ за тысячи лѣтъ ихъ существованія, настоятельно потребовалъ своего новаго рѣшенія въ Россіи въ разгаръ «освободительнаго движенія»» 1905—1906 года, когда революціонная волна поднялась до небывалой въ странѣ высоты, всѣ лѣвыя партіи, начиная отъ соціалистовъ-революціонеровъ и кончая мирнообновленцами, крикнули: «грабь!».

Поддонки общественнаго строя всей душой откликнулись на столь прогрессивный призывъ и начались «экспропріаціи и иллюминаціи». Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ сдѣлались просто атаманами шаекъ разбойниковъ и поджигателей, а «прогрессивный центръ», какъ именовали себя кадеты и другіе умѣренные революціонеры, явились подстрекателями, проводя въ ряды третьяго земскаго элемента соціалистовъ, и укрывателями, организовавъ «союзъ политическихъ защитниковъ».

Совмѣстныя усилія «лучшей части» русской интеллигенціи довели Россію чуть ли не до полнаго разоренія. Сельскохозяйственная дѣятельность въ частныхъ владѣніяхъ затихла, обрабатывающая промышленность замерла, кредитъ сократился чуть не на половину, а иностранные товары заполонили внутренній рынокъ. Остановка въ прогрессѣ русской промышленности сказывается въ этомъ направленіи и до настоящаго момента. Общіе убытки для народнаго хозяйства въ Россіи, причиненные смутой, исчисляются экономистами въ суммѣ до трехъ милліардовъ рублей.

Уголовно-наказуемое во всѣхъ государствахъ ограбленіе «русскіе прогрессисты» возвели тѣмъ не менѣе въ политическій догматъ, указавъ на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ. Вѣнцомъ этого зданія послужилъ проектъ земельнаго закона, внесенный 3-го мая 1907 г. лѣвыми во вторую Государственную Думу.

§ 1 этого законопроекта гласитъ: «всякая собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ и навсегда отмѣняется». За этимъ § слѣдовали два примѣчанія. Примѣчаніе 1 возвѣщало: «Финляндія, какъ обладающая полтической автономіею, изъемлется изъ дѣйствія этого основного закона». Примѣчаніе 2 указывало: «То же будетъ относиться и къ другимъ частямъ Россійской Имперіи при полученіи ими аналогическаго съ Финляндіей государственнаго устройства» (Польша). Эти двѣ уступки сдѣланы были изъ тактическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что финляндцы и поляки, всемѣрно содѣйствующіе революціонному движенію въ Россіи, какъ культурные люди, конечно, не желали осуществленія всѣхъ революціонныхъ принциповъ у себя на родинѣ, въ особенности же принципа принудительнаго отчужденія, казавшагося имъ насмѣшкой надъ цивилизаціей. Въ силу этихъ соображеній, уклонившись отъ даровъ соціализма, инородцы предоставили нашимъ революціонерамъ облагодѣтельствовать ими лишь центръ государства.

Однако, къ своему сожалѣнію, лѣвые не могли дождаться даже обсужденія своего законопроекта, такъ какъ организованный ими, подъ прикрытіемъ депутатской неприкосновенности, военный заговоръ преждевременно раскрылся и главари его были распущены, если не по домамъ, то во всякомъ случаѣ изъ Таврическаго дворца.

Въ третьей Государственной Думѣ вопросъ о значеніи и объ охранѣ частной собственности былъ поставленъ во всей своей полнотѣ при обсужденіи закона 9 ноября. Этотъ законъ, раскрѣпостившій русскаго крестьянина отъ невыносимаго гнета общины, встрѣтилъ сопротивленіе какъ съ лѣвой, такъ и съ правой стороны. Лѣвые, видя въ общинѣ источникъ нищеты крестьянства, стремились сохранить ее, какъ необходимый ферментъ революціоннаго броженія. Соціалисты-революціонеры заявили объ этомъ даже въ своей программѣ, какъ указалъ Половцовъ (II, 1, 944—945): при этомъ, въ случаѣ неудачи соціализаціи земель въ качествѣ революціонной мѣры, они поставили себѣ задачей стремиться къ расширенію правъ общины. Правые, съ своей стороны, опасались разрушенія общины, считая ее одной изъ основъ русскаго государства.

Націоналистамъ и октябристамъ пришлось выдержать непрерывный рядъ натисковъ съ той и съ другой стороны; лишь благодаря крѣпкой ихъ

сплоченности и напряженному вниманію законъ 9 ноября получилъ, наконецъ, свое утвержденіе. Между тѣмъ вожакъ «оппозиціи» въ этомъ дѣлѣ Шингаревъ уже заранѣе праздновалъ свою побѣду, заявивъ, что отъ принудительнаго отчужденія не отвертѣться (II, 1, 274). Эта нелѣпая фраза оказалась не пророческой, но натискъ лѣвыхъ заставилъ націоналистовъ выступить на защиту неприкосновенности частной собственности.

По поводу непримѣнимости принципа принудительнаго отчужденія, какъ мѣры антигосударственной, Червинскій указалъ на рядъ соображеній (II, 1, 1353—1356): «Я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на ту сторону новоявленнаго института принудительнаго отужденія, въ которомъ многіе члены Государственной Думы видятъ панацею аграрнаго вопроса,—на ту сторону, о которой здѣсь никто не говорилъ. Я полагаю, что эта сторона для всякаго законодательнаго собранія обязательна: это правовая и юридическая сторона даннаго вопроса. Такъ какъ и докладчикъ, и тѣ рѣчи, которыя произносились здѣсь, говорили много о принудительномъ отчужденіи, то я и позволю себѣ высказаться по этому вопросу. Эта идея принудительнаго отчужденія имѣетъ свою исторію. Впервые она была провозглашена здѣсь, съ этой трибуны, свресмъ, при чемъ единственнымъ аргументомъ тогда ставили такъ называемыя иллюминаціи. Въ то же время они очень хлопотали о равноправіи, о томъ, чтобы имъ было разрѣшено пріобрѣтать земли, и не столько въ Думѣ, сколько внѣ Думы. Ясное дѣло, куда клонился весь вопросъ, и ясно, что меньше всего думали тогда о крестьянахъ. Во второй стадіи эта идея уже измѣнила свой обликъ, и предлагалась намъ въ другомъ видѣ—чтобы это принудительное отчужденіе произвести за справедливое, какъ говорятъ, вознагражденіе, при чемъ они предлагали финансировать всю эту операцію и все это предпріятіе частными банками и частными капиталами съ тѣмъ, чтобы превратить крестьянъ въ вѣчныхъ плательщиковъ путемъ закона, а засимъ, когда наступитъ крахъ, неизбѣжный и для всѣхъ понятный, то тогда обратить ихъ въ простыхъ, обыкновенныхъ батраковъ, работающихъ на пользу этихъ частныхъ банковъ—вотъ такова вторая стадія этого дѣла. Конечно, отъ такой экономической кабалы былъ одинъ шагъ до крѣпостного состоянія, основаннаго не на личномъ правѣ, какъ было нѣкогда, а на правѣ экономической зависимости—на господствѣ капитала. Ясно было, какимъ образомъ хотѣли облагодѣтельствовать крестьянъ. Третій фазисъ этого вопроса заключается въ томъ, что теперь около этого вопроса вертятся, по, я полагаю, какъ тутъ выразился одинъ ораторъ, что Государственная Дума никакъ не должна около такого вопроса вертѣться, а должна высказаться разъ навсегда. Есть, г.г., въ области соціальныхъ реформъ такъ же, какъ и въ области законовъ физическихъ, такой предѣлъ и такая грань, которой пере-

ступить пельзя безнаказанно и безъ опасенія нарушить основные устои человѣческаго общежитія. Къ этимъ устоямъ принадлежитъ право собственности; право собственности свойственно природѣ человѣка, оно возникаетъ вмѣстѣ съ рожденіемъ человѣка, извѣстно и знакомо каждому ребенку и вытекаетъ изъ естественной необходимости удовлетворенія человѣческой потребности. Вѣдь право это извѣстно въ глубокой древности: всѣ народы еще въ доисторическое время знали это право и признавали законы, которые выражались очень кратко—«не укради» и «не тронь чужого». Поклонники идеи принудительнаго отчужденія должны были знать, что декларація, знаменитая французская декларація 1789 г., относитъ право собственности къ области правъ естественныхъ и не только объявляетъ собственность неприкосновенной и священной, но и ставитъ государству въ первую обязанность защищать это право собственности. Такимъ образомъ, тѣ, которые полагаютъ, что путемъ революціоннымъ, на манеръ французской революціи, какъ здѣсь пытались инсценировать нашу революцію, должны будутъ придти къ тому, что они очень ошибаются, потому что они не знаютъ основъ декларацiи, которая выработана была въ 1789 году учредительнымъ собраніемъ. Потомъ поборники этой идеи еще основываютъ свое требованіе принудительнаго отчужденія на нашихъ гражданскихъ законахъ, которые, какъ извѣстно, не только у насъ, но и вездѣ допускаютъ принудительное отчужденіе для государственной и общественной надобности. Но вѣдь это отчужденіе основано дѣйствительно на государственной и общественной необходимости, оно дѣлается ради этого, при чемъ эта необходимость всегда принимается въ широкомъ смыслѣ слова, независимо отъ лицъ и независимо отъ состоянія, и никогда не вытекаетъ изъ частнаго требованія или личнаго желанія какой-нибудь группы лицъ; она опирается всегда на право публичное, но не право частное. Что у крестьянъ есть кое-гдѣ нужда въ землѣ и что кое-гдѣ тѣсно—между прочимъ, въ той губерніи, отъ которой я имѣю честь быть представителемъ—тамъ есть не малоземелье, а тѣсноземелье—такъ вѣдь это естественно, это всегда было, есть и будетъ. Это зависитъ отъ прироста населенія и для этого есть также естественные выходы, которые принимались всѣми странами и во всѣ времена; но отожествлять эти нужды нѣкоторыхъ группъ крестьянъ съ государственной необходимостью отчужденія чужого имущества, это такъ же неосновательно, какъ было бы, напримѣръ, неосновательно признавать принудительное отчужденіе чужого имущества, ну, скажемъ, въ пользу дворянъ, которые не умѣютъ удерживать своей земли, или въ пользу обанкротившихся купцовъ, или въ пользу рабочихъ, которые не желаютъ работать. Вѣдь это очень скользкій путь, г.г., мы по этой наклонной плоскости неизбѣжно придемъ къ провалу, потому что если

мы признаемъ необходимымъ и возможнымъ относиться такъ легко къ основнымъ правамъ человѣческаго общежитія, то мы неизбѣжно придемъ и къ праву о лишеніи жизни человѣка. Несомнѣнно, это такъ; такова психологія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя поставлены на наклонную плоскость. Засимъ, г.г., тѣ, кто предлагаетъ такую реформу или такую панацею улучшенія аграрнаго вопроса, не учитываютъ финансовой стороны этого дѣла. Тутъ не время теперь подсчитывать, чего бы это стоило, но, несомнѣнно, каждый можетъ сдѣлать это самъ, такъ какъ это выразилось бы въ десяткахъ милліардовъ рублей. Денегъ, разумѣется, такихъ нѣтъ, не было и быть не можетъ; значитъ, пришлось бы выпустить бумаги, которыя въ концѣ концовъ стоили бы столько, сколько стоитъ производство бумагъ. Очевидно, всякую номинальную цѣнность они потеряли бы. Такимъ образомъ, я считаю, что эта идея лишена и юридической аргументаціи и всякаго экономическаго значенія. О томъ, что изъ этого выйдетъ крахъ и голодная смерть, говорилось совершенно правильно, и я повторять этого не буду: но если нѣтъ такихъ мотивовъ, то чѣмъ же держится, на чемъ основана эта идея? Намъ докладчикъ въ своей блестящей рѣчи, говорилъ, что это есть своего рода болѣзнь, манія пространства. Можетъ быть, но эта манія есть въ свою очередь мотивъ производный, а коренная основа должна находиться гдѣ-то глубже, и я утверждаю, что вся идея принудительнаго отчужденія основана на зависти, жадности и классовой ненависти—никакихъ другихъ мотивовъ нѣтъ, т. е. на семи смертныхъ грѣхахъ—на началѣ безнравственномъ, и я полагаю, что законопроекты, основанные на началахъ безнравственныхъ, не могутъ быть предметомъ сужденія законодательнаго собранія».

Отвѣтить на возраженія противниковъ закона 9 ноября націоналисты поручили гр. Бобринскому 2-му, изъ рѣчи котораго видно, какими странными аргументами боролись представители оппозиціи. Гр. Бобринскій 2-й заявилъ (II,1, 489—516): «Постараюсь представить вамъ нашу критику тѣхъ рѣчей, произнесенныхъ слѣва, которыя обратили на себя вниманіе Государственной Думы. Обратили на себя вниманіе Государственной Думы рѣчи: члена Государственной Думы Соколова, несомнѣнно Гегечкори, Шингарева и послѣдняя произнесенная рѣчь члена Государственной Думы Родичева. Съ критики послѣдней я позволю себѣ начать. Я долженъ признаться, что на вторую часть рѣчи члена Государственной Думы Родичева, произнесенную послѣ перерыва, мнѣ возражать крайне трудно, такъ какъ я сознаюсь, что я плохо уловилъ мысль, изложенную въ ней, а разъ не понимаешь своего противника, то очень трудно ему возражать. Напримѣръ, членъ Государственной Думы Родичевъ намъ говорилъ съ великимъ пафосомъ, что Россія поставлена въ такія ужасныя условія, что ему для веденія своего

собственнаго хозяйства приходится содержать своихъ собственныхъ лошадей. Признаться сказать, и за границей, гдѣ много шоссейныхъ дорогъ, приходится всетаки прибѣгать къ такому ужасному методу. Членъ Государственной Думы Родичевъ, приводитъ какъ доводъ, что вотъ эмансипированныя передовыя женщины Тверской губерніи угрожаютъ развестись со своими мужьями, если тѣ выселятся въ такія мѣста, куда доступъ труденъ. Г.г., давайте разсмотримъ, серьезенъ ли и возможенъ ли этотъ аргументъ... Бабамъ, видите ли, будетъ неудобно очень оттуда, положимъ ѣздить въ праздникъ къ обѣднѣ; я понимаю. А возможно ли, я спрошу, возить копны и навозъ на эти земли? Въ праздникъ бабамъ трудно ѣхать, а какъ тамъ ведется хозяйство? Можно ли съ этихъ дальнихъ полей возить копны и на ихъ навозъ? Очевидно, возятся: земли эти засѣваются. Мы и говоримъ, поселяйтесь, тамъ вы можете вести раціональное хозяйство, вы будете зажиточны, вы создадите дороги. Первое время, можетъ быть, рѣже будете ѣздить, а дороги создадите. Но идти тѣмъ путемъ, который предлагаетъ Родичевъ, сперва построить дороги, а потомъ разселяться,—это чистѣйшій абсурдъ и это есть финансовый крахъ государства. Ни одно государство, въ томъ состояніи бѣдности, въ которомъ мы находимся, не можетъ покрыться сѣтью шоссейныхъ дорогъ; это все идетъ параллельно, понемножку страна богатѣетъ, обстраивается. Если обстроить теперь всю великую Россію шоссейными дорогами,—Россія и разорена. Я долженъ еще признаться, что возражать на такой аргументъ члена Государственной Думы Родичева, что лѣса, луга и т. п. угодья остаются въ пользованіи, въ распоряженіи общества даже послѣ изданія закона 9 ноября на прежнемъ основаніи, я не могу. Я могу только сказать, что изъ этого довода я убѣдился, что членъ Государственной Думы Родичевъ читалъ лишь передовыя статьи «Русскихъ Вѣдомостей», а самаго законопроекта, который мы имѣли честь изъ земельной комиссіи внести въ Государственную Думу, не читалъ. Тамъ высказано совсѣмъ противоположное: кто выдѣляется, тотъ имѣетъ право получить и въ натурѣ свою долю этихъ общихъ угодій. Теперь перехожу къ первой части рѣчи члена Думы Родичева. Она построена на томъ, что не было никакой нужды въ этомъ законѣ, такъ какъ на основаніи ст. 12 Общ. Пол. по окончаніи выкуповъ нынѣ примѣнимъ къ крестьянамъ т. X, слѣдовательно, ихъ положеніе приравнивается къ положенію всѣхъ землевладѣльцевъ. Онъ говоритъ: пусть крестьяне обратятся теперь въ судамъ и пусть получатъ отъ суда свой выдѣлъ... Онъ говоритъ, что законодательства не нужно теперь—по судамъ идите, и ссылается на ст. 12, но при этомъ онъ не прочиталъ примѣчанія къ этой статьѣ, которое совершенно закрываетъ всякій путь крестьянину обращаться въ окружный судъ. Если бы даже крестьянину и была возможность обратиться въ окружный судъ и

получить выдѣлъ чрезъ рѣшеніе окружнаго суда, то, при нашихъ разстояніяхъ, при томъ, какъ суды у насъ поставлены, это было бы чрезвычайно разорительно для крестьянства, но было бы весьма выгодно исключительно для сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Позвольте прочесть примѣчаніе къ ст. 12 (читаетъ): «Разборъ могущихъ возникать въ сихъ случаяхъ споровъ предоставляется уѣздному съѣзду или уѣздному мировому съѣзду». Вы имѣйте въ виду, что уѣздный мировой съѣздъ не есть мировой съѣздъ, какъ учрежденіе судебное, какъ есть съѣздъ комиссаровъ въ западномъ краѣ: тутъ говорится объ административномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда. Слѣдовательно, всѣ эти надежды, которыя возлагалъ членъ Государственной Думы Родичевъ на то, что выдѣлъ изъ общины и сведеніе къ одному мѣсту могутъ быть осуществлены нашимъ судомъ при существующемъ законодательствѣ, совершенно падаютъ... Теперь обращаюсь къ рѣчи члена Государственной Думы Соколова. Онъ становится на точку зрѣнія консерватора, какъ онъ намъ говоритъ, и видитъ въ общинѣ основную историческую ячейку русской государственности. То же самое съ большимъ удареніемъ подчеркивалъ и членъ Государственной Думы Бабянскій. Г.г., я совершенно не понимаю, какъ можно, съ точки зрѣнія консервативной, стать на эту точку зрѣнія? Я понимаю, что общину можно защищать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія крайняго реакціонера и съ точки зрѣнія крайняго революціонера, но съ точки зрѣнія консерватора или либерала общину защищать невозможно. Для революціонера, мы отлично знаемъ, что община очень полезна. Она служитъ, какъ выражались они, технически необходимымъ элементомъ для обостренія классовой вражды... Это есть то пушечное мясо, которое можно бросать въ революцію. Если революція не удастся, то наказываютъ только крестьянъ, а агитаторы исчезаютъ и т. д. Для реакціонеровъ, которыхъ, я надѣюсь, тутъ нѣтъ, община можетъ быть еще полезна съ ихъ точки зрѣнія, потому что имъ кажется, что это милое стадо, которое можно пасти, а когда оно голодаетъ, то можно ассигновать деньги и кормить ихъ. Это была точка зрѣнія пасторально-реакціонная, которую, собственно, обсуждать не стоитъ. Но съ точки зрѣнія консервативной и либеральной никакъ нельзя стоять за общину. Г.г., мы такъ же, какъ и членъ Государственной Думы Соколовъ, считаемъ, что основа русскаго государства, ея сила, ея расцвѣтъ—это есть русское крестьянство, но это крестьянство мы желаемъ видѣть свободнымъ и самодѣятельнымъ, а не связаннымъ узами, оковами и гнетомъ общины. Г.г., позвольте также взглядъ, котораго уже коснулся князь Волконскій и др., что община есть нѣчто, присущее исключительно славянству или Россіи. Общины были у всѣхъ народовъ при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной стадіи экономическаго развитія и при извѣстныхъ

чисто внѣшнихъ условіяхъ. До сихъ поръ наука полагала, что видимые слѣды, остатки общины въ Европѣ остались только у насъ въ Россіи, и Сербіи, нашихъ братьевъ, въ Босніи и Старой Сербіи. Эта такъ называемая задруга намъ извѣстна. Но труды фонъ-Маурера для Германіи и труды Нассе для Англіи доказали, что тамъ еще до сихъ поръ видны слѣды марокъ германскихъ и англійскихъ township, которые доказываютъ съ несомнѣнной убѣдительностью, что община присуща всѣмъ народамъ въ извѣстной стадіи развитія, и что это не есть какая нибудь особенность нашего племени, которую мы должны были бы беречь и около которой должны были бы стоять. До сихъ поръ, какъ вы знаете, община существуетъ еще въ Индіи и не даромъ вы такъ часто читаете объ ужасныхъ голодовкахъ въ этой странѣ; вы также знаете, что община существуетъ еще и по ошибочной политикѣ голландскаго правительства поддерживается еще на островѣ Явѣ. Страна эта постепенно разоряется. Мы видимъ, г.г., задругу, форму общины Босніи и Старой Сербіи, но тамъ это имѣетъ особое значеніе и сохранилось только оттого, что тамъ дѣйствительно приходится все время бороться съ внѣшнимъ врагомъ, о которомъ вамъ говорилъ членъ Думы Родичевъ. Тамъ онъ существуетъ не въ его воображеніи, а существуетъ на дѣлѣ. Въ Старой Сербіи приходится сербскому народу бороться противъ разбойныхъ нападеній албанцевъ, въ Босніи имъ приходится бороться противъ не менѣе разбойныхъ нападеній и стремленій австрійскихъ чиновниковъ вытѣснить ихъ и замѣнить ихъ нѣмецкими колонистами,—и тамъ община въ видѣ задруги сохранилась. Но въ Россіи, гдѣ мы уже завоевали національную самостоятельность и гдѣ намъ не приходится защищать каждую пядь земли, а если и приходится, то можно защищать путемъ легальнымъ,—намъ къ такому разорительному для страны способу, какъ община, прибѣгать не слѣдуетъ. Какъ я уже говорилъ, община существовала у всѣхъ народовъ, но у насъ община, которую мы имѣемъ въ смыслѣ уравнительной податной общины—не есть остатокъ старины. У насъ община уже пережила, уже перестала существовать задолго до того момента, какъ она искусственно была возобновлена изъ фискальныхъ цѣлей. Процессъ этотъ начался еще при Московскихъ Царяхъ и, какъ вы знаете, главное основаніе этому дѣлу, которое окончательно закрѣпило общину,—это былъ указъ о подушной подати 1721 года при Петрѣ Великомъ. Раньше до этого, каждый платилъ подати соотвѣтственно тому количеству земли, которое онъ обрабатывалъ. Петръ Великій провелъ принципъ душевой, и, конечно, введеніемъ принципа круговой поруки и отвѣтственности помѣщика за платежъ этой подати, онъ привелъ естественно къ той новой формѣ общины, за которую теперь Россіи приходится такъ дорого расплачиваться. На этомъ останавливался и князь Волконскій, но и всѣ

вы отлично это знаете, поэтому я больше на этомъ останавливаться почти не буду, но долженъ привести еще два примѣра, очень краткихъ. Возьмите ту Россію, гдѣ крѣпостного права совсѣмъ не было, и тамъ посмотрите, какъ крестьяне сами устроили свой хозяйственный бытъ. Возьмите Двинскую Русь по р. Сѣверной Двинѣ: тамъ земледѣльческій прогрессъ давно пошелъ впередъ; тамъ мы знаемъ, что уже въ 1816 году примѣнялся навозъ,—и что же мы тамъ видимъ, общину или нѣтъ? Нѣтъ, мы тамъ видимъ очень сильно развитый принципъ частной и личной собственности. Депутатъ Родичевъ говоритъ, что крестьяне могутъ потерять тѣ акты владѣнія, которые имъ теперь выдали, какъ будто и мы ихъ не можемъ потерять, а все-таки у насъ общину среди дворянъ не вводятъ. Но онъ забылъ, что въ Двинской Руси, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ столѣтія въ столѣтіе сохранились эти документы, на основаніи которыхъ мы можемъ теперь возстановить тотъ хозяйственный бытъ, который тамъ былъ ранѣе, чѣмъ правительство наложило свою тяжелую руку и не провело столь излюбленнаго кадетами принципа принудительнаго отчужденія, не смѣшало все вмѣстѣ и не обратило насильственно всѣхъ въ общинниковъ. Мы находимъ тамъ: закладныя, дарственныя, вкладныя, прикладныя и падѣльныя записи. Причтены они были къ общинному владѣнію лишь въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.; тогда особенно отличались такъ называемые директора экономіи; тутъ мы дѣйствительно видимъ, что проекты принудительнаго отчужденія къ нимъ нельзя примѣнить. Намъ Шингаревъ здѣсь говорилъ и кончилъ свою рѣчь не особенно изящнымъ per oratium: не отвертитесь вы отъ принудительнаго отчужденія. Мнѣ кажется, что мы отвертѣлись отъ этого; мнѣ кажется, что проекты принудительнаго отчужденія опоздали ровно на 100 на 120 лѣтъ. Если вы прочтете то, что дѣлалось 100—120 лѣтъ тому назадъ, то вы увидите, что тогда принудительное отчужденіе дѣйствительно примѣнялось крестьянами. О принудительномъ отчужденіи мы можемъ вспомнить по выходкамъ, удивительнымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ директоровъ экономіи Архангельской губерніи, напримѣръ, Киселева, или харьковскихъ генералъ-губернаторовъ начала впѣшняго столѣтія. Вотъ что они сдѣлали. Возьмите п. 1 Межевой инструкціи 1766 г. Тамъ говорится, что нужно сдѣлать вотъ что: «между крестьянъ земли и всѣ угодія смѣшавъ, раздѣлить порядочно на тяглы по душамъ, а съ того уже быть какъ раскладками подушнаго платежа, такъ всѣми службами, родословія же и наслѣдства ихъ отрѣшить». Вотъ оно когда принудительное отчужденіе было. То же самое дѣлалось на всей широкой полосѣ между Днѣпромъ и на сѣверо-востокѣ къ Волгѣ, гдѣ раньше селились дѣти служилыхъ людей, вольные крестьяне, гдѣ было и кое-гдѣ осталось и теперь четвертное право послѣ ужасныхъ насилій, которыя тамъ

генералъ-губернаторы производили по приказаніямъ петербургскихъ канцелярій, чтобы уничтожить у крестьянъ частную и водворить общинную собственность. Чтобы кончить съ рѣчью члена Государственной Думы Соколова, я могу только сказать ему, что онъ напрасно недоумѣваетъ относительно заявленія преосвященнаго Митрофана, что тотъ видѣлъ цвѣтущіе хутора. Членъ Государственной Думы Соколовъ спрашиваетъ, какъ могли въ 1½ года создаться и расцвѣсть хутора, которые такъ порадовали епископа Митрофана? Г.г., если въ теченіе нынѣшнихъ преній мы убѣдились, что одинъ членъ Государственной Думы не прочелъ закона, который мы обсуждаемъ, то изъ этого замѣчанія члена Государственной Думы Соколова можно убѣдиться, что ничего кромѣ этого закона онъ не читалъ, и что онъ думалъ, что правительство выдумало хутора изъ своей головы или взяло примѣръ съ Запада; и ничего онъ не читалъ и не знаетъ о томъ сильнѣйшемъ и удивительномъ движеніи западно-русскихъ крестьянъ къ созданію хуторовъ, движеніи, которое началось здѣсь уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, и пошло оно по не волѣ правительства, безъ помощи правительства, и даже, надо сказать, вопреки всѣмъ ухищреніямъ и стараніямъ правительственныхъ чиновниковъ. Вы знаете это движеніе къ хуторамъ въ Ковенской, Витебской, Могилевской, Смоленской, даже въ Симбирской губерніяхъ, а на юго-западѣ—на Волыни. И я бы посовѣтовалъ члену Государственной Думы Шингареву, вмѣсто путешествія по саксонскимъ хуторамъ, и то только по книгѣ, лучше бы проѣхаться по западнымъ губерніямъ; тамъ онъ увидѣлъ бы, на что способенъ русскій крестьянинъ, если только вы поставите его въ условія болѣе менѣе сносныя, болѣе или менѣе правовыя... На насъ лежитъ обязанность, мы должны доказать, что это было дѣло чрезвычайной важности и спѣшности—изданіе этого закона. Вспомните Россію въ то время: положеніе крестьянъ казалось безвыходнымъ, урожаи съ каждымъ годомъ падали, населеніе увеличивалось, крестьянство жило въ невозможныхъ экономическихъ условіяхъ. И крестьянство заметалось, оно потеряло голову, и его охватило волненіе, отчаяніе и растерянность, народъ пошелъ за врагами отечества, было одно время опасеніе, и у честныхъ людей это опасеніе дѣйствительно вкралось, что то, что создалъ уже русскій народъ тысячелѣтними усиліями, теперь разрушается, распадается и Россія гибнетъ. Необходимо было найти выходъ и найти его спѣшно и немедленно, и при этомъ найти вѣрный выходъ. Надо было дать крестьянству надежду, надо было указать на единственный путь, который можетъ вывести его изъ того ужаснаго экономическаго положенія, въ которомъ оно находилось. И если бы правительство этого не сдѣлало, если бы оно не издало закона 9 ноября, если бы оно не доказало крестьянству, что спасеніе въ личной собственности, въ томъ, что трудъ

его будетъ обезпеченъ и не будетъ отнятъ другимъ, что опо можетъ поднять урожай своей земли, что оно можетъ довести Россію до такого цвѣтущаго состоянія, на которое Россія имѣетъ право и по естественнымъ богатствамъ и по способности, и по культурѣ, скажу я въ отвѣтъ члену Государственной Думы Бабянскому, по естественной культурѣ русскаго народа и по его дарованіямъ, то правительство поступило бы преступно, преступно передъ Государемъ, передъ Россіей и передъ исторіей. Но, слава Богу, правительство исполнило свой долгъ: не побоявшись взять на себя отвѣтственность за проведеніе закона, оно нашло вѣрный путь, а потому мы заявляемъ, что не было закона болѣе важнаго, бѣлое спѣшнаго, чѣмъ указъ 9-го ноября... Г.г., въ заключеніе позвольте мнѣ еще разъ самымъ категорическимъ образомъ возразить противъ точки зрѣнія члена Государственной Думы Родичева. Онъ говоритъ: все то, что закономъ вы хотите провести, все это есть; дайте крестьянамъ идти въ судъ. Г.г., при этомъ мнѣ невольно вспомнился опытъ нашихъ братьевъ въ Галицкой Руси. Въ 1848 г. тамъ русское населеніе было освобождено отъ крѣпостной зависимости. Тамъ тоже были общіе законы, общія постановленія. Положеніе крестьянъ было очень тяжелое. Для нихъ не законодательствовали, имъ пришлось обращаться въ суды, и получилось 300.000 процессовъ, и крестьяне заплатили адвокатамъ 35.000.000 кронъ, и ничего не добились. Вотъ что вамъ теперь предлагаетъ Родичевъ. Возвращаюсь къ Швейеру. Если правъ Швейеръ, на котораго ссылался членъ Государственной Думы Шингаревъ, то ясно, что русскій народъ, какъ только вы поставите его въ правовыя сносныя условія, окажется гораздо энергичнѣе и даровитѣе нѣмецкаго Михеля, который будто бы коснѣетъ на своихъ хуторахъ. Это не есть общее мѣсто; это можно и доказать. Поѣзжайте по хуторамъ Западной Россіи. Мы видѣли громадный успѣхъ крестьянства, мы видѣли его громадное даже, скажу прямо, преимущество, большія его способности, большую его подвижность, большую его трудоспособность по сравненію съ нѣмцами. Тѣ, которые имѣли счастье нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтить нашихъ братьевъ-славянъ, могли видѣть, что наши русскіе крестьяне не менѣе способны къ интенсивному и разумному труду, къ быстрому расцвѣту, чѣмъ крестьяне-славяне другихъ государствъ и другихъ народовъ. Возьмите Волынь, гдѣ малороссы, возьмите Витебскую губернію., гдѣ бѣлоруссы, и посмотрите, что у нихъ получилось за эти 10—15 лѣтъ, какъ тамъ начались хутора. Я знаю отъ нашихъ крестьянъ-очевидцевъ, которые туда ѣздили, какая существуетъ колоссальная разница въ достаткѣ, въ обработкѣ полей, въ жизни, въ нравственномъ обликѣ тѣхъ крестьянъ, которые сидятъ на хотурахъ, по сравненію съ тѣми, которые находятся въ общинѣ. *Это та же разница, которая отличаетъ свободнаго человѣка отъ раба.* Говорятъ о потравахъ;

О да, это излюбленный припѣвъ на всякій разговоръ о хуторахъ. Я помню, когда собралась вторая Дума, когда впервые мы познакомились съ крестьянами Западной Россіи; и завели разговоръ по аграрному вопросу, то они отстаивали хутора: они говорили въ хуторахъ наше спасеніе; мы это видѣли, мы это испытали. Когда крестьяне центральныхъ губерній говорили имъ: что же? Вокругъ каждаго хуторскаго участка крѣпость городить? Какъ же избавимся отъ потравъ. На это былъ простой отвѣтъ крестьянъ западно-русскихъ губерній: введено хуторское хозяйство, тамъ волостному суду нѣтъ никакого дѣла; тамъ почти никакихъ исковъ и уголовныхъ дѣлъ о потравѣ о покражѣ не имѣется. Каждый имѣетъ свою собственность, а потому уважаетъ собственность другихъ, и все то сутяжничество, которое имѣется у насъ, есть результатъ рабскаго состоянія, въ которомъ находятся наши крестьяне въ общинѣ. Кончая свою рѣчь передъ перерывомъ, членъ Государственной Думы Шингаревъ нарисовалъ намъ ужасную картину того времени, когда вводился и защищался этотъ законъ. Онъ говорилъ, что это было время второй реакціи, что это было время военно-полевыхъ судовъ, что это было время разгона первой Думы. Когда онъ это говорилъ, я вспомнилъ это время, и я ему отвѣчаю. Это было время, когда, наконецъ, указомъ 5-го октября 1906 г. было даровано крестьянству равноправіе; когда были отмѣнены выкупные платежи; когда Государь Императоръ, Монархъ Нашъ, нашелъ необходимымъ распустить первыя двѣ революціонныя Думы, которыя кричали убійцамъ: «мало», и красный смѣхъ,—мы были сами этому свидѣтелями,—встрѣтилъ наше заявленіе о невинныхъ жертвахъ террора. Это было тогда, когда предъ лицомъ второй Государственной Думы Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ возгласилъ: «не запугаете» и когда вокругъ этого честнаго и смѣлаго лозунга собралась вся Россія съ сердцемъ и съ умомъ на защиту Отечества и Престола, на защиту также давно желаннаго представительнаго строя, оскверненнаго, поруганнаго и распятаго революціонерами, книжниками и фарисеями революціи».

Противники закона 9-го ноября, въ числѣ другихъ доводовъ, указывали на несоотвѣтствіе принциповъ закона матеріальнымъ потребностямъ крестьянъ и ихъ юридическимъ воззрѣніямъ. Между тѣмъ крестьяне-націоналисты не только единогласно голосовали за переходъ къ постатейному чтенію закона, но и выставили съ своей стороны рядъ ораторовъ. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Ермолаевъ заявилъ, между прочимъ (II, 1, 850—853), слѣдующее: «Много здѣсь говорилось о томъ, что законъ вполнѣ пригоденъ для насъ, крестьянъ, какъ вырывающій изъ рукъ общины отдѣльныхъ личностей, желающихъ вести вполнѣ самостоятельное и раздѣльное хозяйство на улучшенныхъ и независимыхъ ни отъ кого условіяхъ. Много говорилось

здѣсь и со стороны противниковъ закона 9-го ноября, сторонниковъ общиннаго владѣнія, которые высказывали въ своихъ рѣчахъ, что община есть форма древняго землевладѣпія, что законъ 9-го ноярбя, какъ законъ, предоставляющій права отдѣльнымъ лицамъ завести, усторить свое независимое хозяйство, есть законъ чуть ли не насилія надъ общиной. Спросилъ бы я теперь противниковъ закона 9-го ноября, сторонниковъ общины, почему они идутъ противъ свободы отдѣльныхъ личностей? Вѣдь развѣ при общинномъ землевладѣніи крестьяне не находятся въ полной зависимости отъ общины, безъ согласія которой нельзя ввести какого нибудь улучшенія, какой нибудь полезной реформы? Изъ этого выходитъ, что въ общинѣ существуетъ извѣстное насиліе надъ отдѣльными личностями, и эти личности обязаны во всемъ подчиняться началу общинному противъ своихъ даже личныхъ убѣжденій, и только въ силу невозможности выйти изъ этого несчастнаго положенія пребывали въ ней. Благодаря этому они были лишены возможности завести у себя отдѣльное самостоятельное хозяйство. Община съ ея несчастной черезполосицей есть одинъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ улучшенія сельскаго хозяйства; община насилуетъ всякіе порывы отдѣльныхъ крестьянъ на почвѣ улучшенія хозяйства; до закона 9-го ноября община имѣла характеръ вполнѣ принудительный, она въ полномъ смыслѣ этого слова принуждала каждаго отдѣльнаго крестьянина оставаться въ общинѣ, хотя бы эти отдѣльные крестьяне и считали общинное владѣніе вполнѣ невыгоднымъ и даже, скажу прямо, вреднымъ въ хозяйственномъ отношеніи, но только въ силу необходимости они должны были подчиняться общиннымъ правиламъ и пребывать все время въ ней. Кто мало знакомъ съ общиной, тотъ, пожалуй, скажетъ, что община давила только экономически и имущественно и не простирала своихъ претензій на личность, и что личность эта могла во всякое время бросить свой надѣлъ и уйти туда, куда глаза глядятъ. У насъ были случаи, когда люди бросали свои надѣлы, но бросали надѣлы не изъ-за того, что они не желали пользоваться этой землей, они бросали ее только потому, что, имѣя какихъ нибудь 2—3 десятины, имѣли это въ 90, 100 и болѣе кускахъ; они не въ состояніи были пользоваться этой землей, и они бросали ее на произволъ судьбы, но бросали, не желая отдавать ее, конечно, въ аренду, потому что ее никто не бралъ въ аренду; вѣдь немыслимо пахать землю, пользоваться ею и получать доходъ съ нея, если она имѣется въ какихъ то 150, 200 кускахъ, размѣромъ въ ширину не болѣе одного аршина или полтора. Вѣдь на такой полосѣ немыслимо даже проѣхать съ бороной. Развѣ можно вести какое нибудь хозяйство на этой полосѣ? И поэтому люди бросали эти полосы, уходили, а между тѣмъ у нихъ община требовала посредствомъ полицейскихъ мѣръ оброкъ; они долж-

ны были вносить его; по крайней мѣрѣ, я знаю, у насъ до сихъ поръ практикуются оброки, все время требуютъ, хотя крестьяне не пользуются ни одной копѣйкой дохода. Наконецъ, не слышно было изъ рѣчей ораторовъ, противниковъ закона 9-го ноября, о томъ, что раздѣлившееся гдѣ нибудь на хуторное владѣніе или, вообще, раздробившееся какое нибудь общество опять перешло къ своему первобытному состоянію. Этого нигдѣ не было или по крайней мѣрѣ, не слышно было изъ рѣчей ораторовъ. Изъ этого выходитъ, что это лучшее доказательство, что старый прежній порядокъ общины намъ непригоденъ, и мы не должны къ нему никогда приходить. Многіе ораторы съ этой стороны (указываетъ налѣво) говорили, что законъ 9-го ноября дастъ возможность скупки земли и создастъ кулаковъ-крестьянъ, вторыхъ помѣщиковъ. По моему мнѣнію, стремленіе къ зажиточности со стороны крестьянъ мы должны только привѣтствовать; бояться же, что благодаря этому закону появятся крестьянскіе помѣщики, намъ нѣтъ основанія, такъ какъ уже теперь правительствомъ внесено дополненіе къ этому закону въ томъ смыслѣ, что въ однѣхъ рукахъ не можетъ быть сосредоточено болѣе шестикратнаго надѣла или не болѣе 25 дес. земли. Закономъ 9-го ноября предоставляется право укрѣплять землю въ личную собственность, т. е. каждый домохозяинъ имѣетъ полное право укрѣплять въ личную собственность столько земли, сколько получилъ по послѣднему передѣлу. Во-вторыхъ, по укрѣпленію земли въ личную собственность предоставляется право каждому домохозяину выдѣла къ одному мѣсту, по возможности. Мы должны поблагодарить правительство за то, что оно поспѣшило изданіемъ этого закона, потому что имъ воспользовалась масса лицъ переселяющихся, которыя могли, при пользованіи этимъ закономъ, укрѣпить свои надѣлы и располагать ими такъ, какъ заблагоразсудится. Между тѣмъ до изданія этого закона ни одинъ изъ крестьянъ не имѣлъ этого права и, тѣмъ болѣе, переселенцы, которые находились въ самомъ затруднительномъ и тяжкомъ положеніи. Вѣдь, посудите, г.г., переселенецъ, который поѣхалъ въ далекую Сибирь и избралъ себѣ участокъ земли, желая разстаться со своимъ роднымъ кускомъ земли, долженъ былъ, до изданія закона отдавать этотъ кусокъ даромъ, теперь же, когда изданъ этотъ законъ, когда каждый домохозяинъ имѣетъ полное право распорядиться своимъ участкомъ, своимъ маленькимъ кусочкомъ земли, когда ему предоставили право продать этотъ участокъ, онъ уже продастъ, а не оставляетъ его даромъ. Я знаю въ нашей мѣстности, я говорю отъ имени Витебской губ., крестьяне идутъ на помощь этимъ крестьянамъ-переселенцамъ и покупаютъ у своего односельчанина эти участки земли. Изъ этого выходитъ, что переселенцамъ этотъ законъ предоставилъ большія льготы и, такъ сказать, вовремя явился имъ на по-

мощь, потому что полученная отъ продажи участка сумма служила громаднымъ подспорьемъ въ дѣлѣ переселенія, а во-вторыхъ, эти участки переходили къ своимъ же односельчанамъ, которые этою покупкою расширили и улучшили свое земленользованіе. По второму положенію, т. е. о томъ, что крестьянину предоставляется, по укрѣпленію земли, выдѣлъ къ одному мѣсту, мы должны только привѣтствовать. Кто знаетъ черезполосицу, тотъ скажетъ, что это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ сельскаго хозяйства, дѣлающее немыслимыми никакія мѣропріятія въ смыслѣ улучшенія сельскаго хозяйства; это одна изъ язвъ, разъѣдающихъ сельское хозяйство. Каждый изъ домохозяевъ черезполоснаго участка находится въ подчиненныхъ условіяхъ отъ своихъ сосѣдей какъ въ отношеніи сѣвооборота, такъ и въ отношеніи срока полевыхъ работъ. Словомъ, при черезполосицѣ усиленіе каждаго отдѣльнаго хозяина неизбѣжно задерживается гнетомъ большинства остальныхъ домохозяевъ-общинниковъ. Законъ даетъ намъ право избавиться отъ этого несчастнаго гнета, отъ этого несчастнаго второго крѣпостничества, и я думаю, что вся благоразумная часть крестьянства воспользуется этимъ закономъ и съ радостью будетъ привѣтствовать этотъ законъ, какъ законъ, разсѣкающій крѣпкія оковы крѣпостничества этой несчастной общины».

Крестьянинъ Ѳомкинъ объяснилъ (II, 1, 1253): «Я принадлежу къ сторонникамъ обсуждаемаго законопроекта и никакъ не могу согласиться съ противниками его, потому что законопроектъ 9-го ноября дастъ намъ права, которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли при общинномъ владѣніи, насъ угнетавшемъ, и вотъ мы, наконецъ, дошли до того, что хотимъ сбросить это иго, а сторонники свободъ намъ этой свободы дать не хотятъ; я имъ скажу, что они сторонники не свободы, а сторонники гнета и опеки».

Крестьянинъ Апаньевъ (II, 1, 1252—1254), съ своей стороны, объяснилъ: «Я, крестьянинъ, принадлежу къ тому крестьянскому сельскому обществу, которое владѣетъ надѣльной землей въ общинномъ владѣніи, и законъ 9-го ноября для насъ, крестьянъ, вполнѣ подходящъ и справедливъ, такъ какъ этотъ законъ даетъ намъ благодѣтельное право укрѣплять за каждымъ крестьяниномъ въ личную собственность именно ту землю, которою крестьянинъ владѣлъ, за которую крестьянинъ платилъ подати или, вѣрнѣе сказать, которую скупалъ, такъ какъ послѣ 1861 г.—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы, крестьяне, стали называться собственниками именно потому, что за насъ правительство внесло деньги помѣщикамъ, за наши надѣлы, а насъ обложило выкупными платежами, и въ то время намъ, крестьянамъ, было извѣстно, что мы должны платить въ казну выкупные платежи 49 лѣтъ, послѣ чего земля будетъ наша. И мы вполнѣ

понимали и сознавали, что по окончаніи выкупныхъ платежей, крестьянинъ долженъ имѣть въ собственность ту землю, которою онъ владѣлъ и за которую платилъ подати. Это вполнѣ справедливо и вѣрно, такъ и должно быть. Еще раньше закона 9-го ноября намъ дозволялось выкупать, выходить изъ общины, такъ сказать, по закону, согласно ст. 165 Пол. Выкуп. дозволялось вносить выкупные платежи и выходить въ личную собственность. Но въ настоящее время, когда выкупные платежи кончились, было бы несправедливо остановить этотъ выходъ, такъ какъ уже теперь мы вполнѣ имѣемъ право быть собственниками».

О необходимости раскрѣпощенія крестьянъ въ интересахъ прогресса земледѣлія говорилъ Буцкій (II,1,1313—1314): «Можетъ ли общинное пользованіе землей также совершенствоваться въ области агрикультуры, какъ можетъ совершенствоваться единоличное пользованіе землей? Полагаю, что нѣтъ. Сознаніе прогресса, сознаніе улучшенія несравненно съ большимъ трудомъ могутъ проникнуть въ массу, нежели въ среду отдѣльныхъ лицъ. Это азбучная истина. Я представляю себѣ весь ужасъ кабальной зависимости отъ общины тѣхъ крестьянъ, которые сознали всю пользу улучшеній, когда изъ-за недостающихъ нѣсколькихъ голосовъ на сходѣ культурныя начала не проникаютъ въ массу, и гнетъ невѣжественной толпы подавляетъ проснувшійся здравый смыслъ меньшинства,—какая можетъ послѣ этого охватить апатія и лѣнь тѣми, которые еще вчера были поборниками улучшеній. Вотъ, г.г., гдѣ коренится начало великой всероссійской лѣни въ русскихъ людяхъ, начало пьянства, разрушенія и поголовной нищеты. Здѣсь часто раздаются пугливые голоса о гибели общины, но никто не мѣшаетъ желающимъ заключить между собой съ общаго согласія договоръ и пользоваться общинной землей на артельныхъ началахъ, а не порабощать одну треть народа. Можно говорить о тѣхъ пропойцахъ, которые могутъ явиться обезземеленными, потерявъ опеку въ лицѣ общины; можно говорить о грядущихъ поколѣніяхъ этихъ пропойцъ, но ни въ коемъ случаѣ нельзя ихъ силой привязывать къ общинѣ и надеждой получить ничтожныя, распыленныя крохи земли и тѣмъ самымъ парализовать ихъ самодѣятельность и сознаніе необходимости достиженія иныхъ, болѣе существенныхъ цѣлей. Закономъ 9-го ноября утверждаются гражданскія права тѣхъ, которые такъ давно ждали, такъ давно жаждали этихъ священныхъ правъ. Неужели же мы обманемъ ожиданія народа? Я даже не могу себѣ представить, кто можетъ итти противъ дарованія правъ народу? Не среди тѣхъ ли явятся протестанты свободы, на знамени которыхъ мы видимъ крикливую надпись: земля и воля. Или, быть можетъ, изображенную тамъ волю надо понимать волей грабежа и разбоя, а землю—землей, отторгнутой путемъ насилія толпы и залитой

потоками братской крови? Но такая воля будетъ волей преступной, а земля—землей проклятія и преступленія».

По тому же вопросу отецъ Волковъ высказалъ слѣдующее (II, I, 1320—1321): «Общинное землевладѣніе съ его передѣлами, съ его невозможностью каждому члену воспользоваться, по своему усмотрѣнію, въ прямыхъ своихъ интересахъ, принадлежащей ему долей,—при этомъ, если не постоянно, то часто внѣ всякихъ техническихъ культурныхъ новшествъ и усовершенствованій—все это безспорно является однимъ изъ препятствій къ поднятію производительности земли, такъ какъ давитъ личную инициативу земледѣльца и пріучаетъ его надѣяться не на однѣ только свои силы, а на силы и руки кого-то другого. Для ясности, г.г., такой примѣръ: всѣмъ вамъ извѣстно, что въ послѣдніе неурожайные годы продовольственная помощь въ наибольшей степени оказана была губерніямъ съ общиннымъ землепользованіемъ, и при томъ такимъ, какъ, напримѣръ, приволжскія—Самарская и Саратовская, которыя отличаются и сравнительно плодородной почвой, и гдѣ надѣлъ не такъ ужъ низокъ, а между тѣмъ такія губерніи, какъ, напримѣръ, Кіевская, гдѣ и почва не особенно преимуществуетъ передъ упомянутыми, и гдѣ надѣлъ страшно низокъ, ибо еще въ 1861 году этотъ надѣлъ равнялся 2—$2^1/_2$ дес., эти губерніи при своемъ подворномъ владѣніи, въ совершенно недородные годы обходились почти безъ всякой продовольственной помощи. И въ этомъ явленіи, помимо стихійныхъ бѣдствій, я готовъ видѣть причину и въ томъ правѣ землевладѣнія, какимъ отличаются эти указанныя мѣстности. Итакъ, относясь отрицательно къ общинному землепользованію, я являюсь сторонникомъ частной собственности, частнаго владѣнія землей. Здѣсь полная увѣренность въ томъ, что извѣстная доля земли принадлежитъ мнѣ навсегда и безспорно, что одинъ я только могу и долженъ воздѣлывать ее такъ, чтобы она принесла мнѣ наибольшіе доходы; какимъ путемъ,—путемъ ли скотоводства, хлѣбопашества или садоводства—все равно, но, чтобы эта доля земли принесла мнѣ наивысшій доходъ. Все это заставляетъ землевладѣльца приложить наибольшое количество труда, научаетъ примѣнять и пользоваться разными техническими усовершенствованіями, и въ результатѣ—наибольшая, наивысшая производительность земли и улучшеніе экономическаго благосостоянія деревни».

Большія возраженія со стороны правыхъ и лѣвыхъ вызвала ст. 2 законопроекта о переходѣ участниковъ надѣльной земли въ личную собственность домохозяина. Противники этого правила высказали, что подобный законъ окончательно разрушаетъ семейный бытъ земледѣльца и поведетъ къ растратѣ домохозяиномъ его имущества,—все пропьютъ, какъ выражались ораторы. Въ доказательство существованія семейной собственности въ русскомъ зако-

нодательствѣ ораторы ссылались на случайныя рѣшенія Сената, якобы установившія таковыя начала.

Націоналисты графъ Бобринскій (II, 1, 2258—2275), Коваленко (II, 1, 2312—2315), Бѣляевъ (II, 1, 2018—2022), Червинскій (II, 1, 2380—2383) доказали, что практика Сената въ этомъ отношеніи, не имѣя никакой опоры въ законѣ, носитъ совершенно случайный характеръ, причемъ одни рѣшенія безусловно противорѣчатъ другимъ, а потому и не могутъ служить неоспоримымъ аргументомъ. «Между тѣмъ, опытъ жизни, какъ говорилъ Бѣляевъ (II, 1, 2020—2022), доказалъ, что можно провозглашать принципъ семейной собственности, но провести его въ качествѣ института писаннаго права—невозможно; нельзя въ законѣ объявить, что крестьянинъ-отецъ не можетъ отдать своего надѣльнаго участка или продать, или заложить безъ согласія своихъ сыновей, дочерей, хотя бы достигшихъ совершеннолѣтія. Въ этомъ случаѣ достиженіе дѣтьми совершеннолѣтія будетъ сопряжено для отца съ умаленіемъ части принадлежащаго ему имущества за то, что онъ выпоилъ и выкормилъ своихъ дѣтей и вдобавокъ уплачивалъ всю жизнь выкупную сумму. Ни одно писанное законодательство ничего подобнаго не знаетъ. Семейная собственность есть либо фраза, либо институтъ патріархальнаго быта, неписаннаго права, т. е. обычая. Другое дѣло, если подворный участокъ перешелъ къ родственникамъ не по прямой нисходящей линіи: тогда это имущество составляетъ общую собственность лицъ, получившихъ наслѣдство, а не единоличную собственность домохозяина. Не болѣе осуществимо и другое предположеніе, а именно предоставить взрослымъ сыновьямъ право требовать выдѣла при жизни отца, если онъ желаетъ укрѣпить за собою надѣлъ въ личную собственность. Здѣсь подобный законъ явился бы правомъ сына требовать себѣ прижизненнаго выдѣла наслѣдства послѣ отца. Но, вѣдь желаніе укрѣпить надѣлъ въ личную собственность не есть еще продажа, а лишь полученіе возможности въ будущемъ совершить эту продажу. Поэтому, допустивъ прижизненный выдѣлъ наслѣдства при заявленномъ желаніи отца выйти изъ общины, нельзя будетъ отказать въ допущеніи также выдѣла въ томъ случаѣ, когда отецъ пожелаетъ продать свой надѣлъ или участокъ. Далѣе, нарушеніе отцами интересовъ своихъ сыновей путемъ продажи родовыхъ имѣній возможно, вѣдь, не только въ крестьянской средѣ. Поэтому, вступивъ на путь охраненія интересовъ сыновей отъ родителей въ крестьянской средѣ, нельзя будетъ отказать въ такой охранѣ и сыновьямъ другихъ сословій, логическимъ послѣдствіемъ чего пришлось бы установить въ общихъ гражданскихъ законахъ, что сыновья могутъ требовать себѣ прижизненнаго выдѣленія изъ родового имущества, если отецъ пожелаетъ продать таковое. Нелѣпость установленія

такого гражданскаго права не требуетъ доказательствъ. Конечно, какъ въ крестьянской семьѣ, такъ и во всякой другой могутъ быть плохіе отцы, лишенные естественнаго чувства любви къ своимъ дѣтямъ. Но есть также и плохіе сыновья,—и, вѣроятно, послѣднихъ больше, чѣмъ первыхъ. Но законъ пишется въ расчетѣ на здоровыхъ людей, а не на патологическіе типы: напримѣръ, въ послѣднее время весьма многіе молодые люди усвоили себѣ привычку по разнымъ обстоятельствамъ бросать бомбы; конечно, это очень нехорошо, но для того, чтобы этому помѣшать, нельзя же надѣть желѣзные наручники всѣмъ гражданамъ Россійской Имперіи до 40-лѣтняго возраста включительно. Не вступайте, г.г. члены Государственной Думы, на путь классоваго законодательства. И для крестьянъ, и для дворянъ должны быть одни законы землепользованія, ибо тѣ и другіе съ проведеніемъ свободъ равноправные граждане одной великой Россіи».

Чисто бытовыя соображенія по поводу необходимости установленія личной собственности привелъ крестьянинъ Ѳомкинъ (II, 1, 2016—2017): «Я считаю закрѣпленіе надѣльныхъ земель въ личную собственность болѣе правильнымъ и никакъ не могу согласиться съ тѣми, кто стоитъ за укрѣпленіе надѣловъ въ собственность семейную. Здѣсь приводились защитниками семейной собственности такіе аргументы: говорили о томъ, что отецъ можетъ лишать дѣтей наслѣдства. Я совершенно съ этимъ согласенъ, но глубоко убѣжденъ, что хорошихъ дѣтей отецъ наслѣдства никогда не лишитъ, а если лишитъ, то они того заслуживаютъ, и такъ оно и должно быть. Въ послѣднее время, служа старшиной, мнѣ неоднократно приходилось разбирать жалобы родителей на дѣтей, и въ большинствѣ случаевъ эти жалобы были основательны, а дѣти виновны. Конечно, есть законъ, который караетъ очень строго за оскорбленіе родителей, но, въ виду очень строгой кары и родительской любви къ дѣтямъ, къ нему очень и очень рѣдко прибѣгаютъ. И вотъ, когда у родителей будетъ право лишать непокорныхъ дѣтей наслѣдства, то я глубоко убѣжденъ, что дѣти очень мало будутъ оскорблять родителей и будутъ имъ повиноваться. Послѣ измѣненія паспортной системы, роль родителей очень ухудшилась и это привело къ очень нежелательнымъ послѣдствіямъ. Намъ хорошо извѣстно, что при старой паспортной системѣ дѣти безъ разрѣшенія родителей не имѣли права взять паспортъ и, чтобы заслужить это право, они старались помогать родителямъ. Въ настоящее же время каждый достигшій 18-ти-лѣтняго возраста имѣетъ право получить паспортъ безъ всякаго разрѣшенія, и благодаря этому дѣти знать не хотятъ родителей и, живя на сторонѣ, на заработкахъ, ничего имъ не даютъ, и несмотря на это будутъ имѣть право требовать изъ семейной собственности свою часть, какъ это было при общинѣ. Если же будетъ укрѣпленіе въ собственность

личную, то я глубоко убѣжденъ, что каждый членъ семьи будетъ работать на благо общей семьи, прекратятся всѣ семейные раздоры и раздѣлы, которые сейчасъ происходятъ, а также будетъ меньше семейныхъ раздѣловъ, которые пока еще къ добру не приводили, а разрушали сильныя, зажиточныя семьи изъ-за пустяка, какъ, напримѣръ, бабы не поладятъ—нужно дѣлиться. Конечно, есть и такіе, которые, укрѣпивъ свою землю, въ силу слабости характера, пьянства или расточительности продадутъ эту землю, а деньги пропьютъ. Я совершенно съ этимъ согласенъ, но думаю, что такихъ очень мало, и едва ли справедливо изъ-за нихъ лишать хорошихъ, разумныхъ домохозяевъ права распоряжаться своимъ имуществомъ наравнѣ съ тѣми, которые это право давно имѣютъ. И вотъ здѣсь я въ отвѣтъ члену Государственной Думы Образцову скажу, что нельзя огульно обвинять всѣхъ крестьянъ въ пьянствѣ, потому что пьяницъ очень немного. Я противъ этого протестую и позволю себѣ замѣтить, что крестьяне пріобрѣли очень много земли, несмотря на то, что ихъ обвиняютъ въ пьянствѣ. Конечно, очень желательно оградить семьи отъ расточителей и пьяницъ, поэтому я послѣ обсуждаемой статьи предлагаю слѣдующее примѣчаніе: «Тѣ изъ домохозяевъ, о которыхъ будетъ заявлено членами ихъ семьи, что они ведутъ расточительный образъ жизни въ явный ущербъ семьи, подлежатъ учрежденію надъ ними опеки общества на общихъ основаніяхъ».

По тому же вопросу графъ Бобринскій сказалъ (II, 1, 2264): «Боже насъ упаси итти по тому пути, по которому насъ вели реакціонеры 80-хъ и 90-хъ годовъ, а теперь на этотъ путь насъ зовутъ г.г. Образцовъ, Шингаревъ, Марковъ 2-й и Тимошкинъ. Это есть путь отрицанія за крестьянами, по ихъ будто бы неподготовленности, общихъ гражданскихъ правъ. Тѣ права, г.г., которыя имѣемъ мы, должны имѣть и они, и съ этой скалы истиннаго либерализма, который признаетъ крестьянское равноправіе, насъ не собьютъ ни удары справа, ни удары слѣва. Этотъ союзъ лѣвыхъ съ правыми есть результатъ ложнаго демократизма, это стремленіе не служить народу, а прислуживаться къ народу; мы, г.г., хотимъ не прислуживаться, а служить народу».

Въ отвѣтъ на опасенія о возможности растраты крестьянами своихъ хозяйствъ Червинскій (II, 1, 2380—2381) заявилъ: «Съ этой каѳедры намъ очень много говорили о пьяныхъ крестьянахъ, которые, повидимому, только и ждутъ закона о личной собственности, чтобы пропить и промотать свою землю, говорили о такихъ патологическихъ явленіяхъ, которыя лежатъ въ совсѣмъ другой плоскости и никоимъ образомъ, конечно, не находятся въ области права гражданскаго, о которомъ идетъ въ настоящее время рѣчь. Поэтому позвольте мнѣ сказать въ настоящее время нѣсколько словъ

отъ имени трезвыхъ крестьянъ, притомъ крестьянъ-личныхъ собственниковъ. Въ Подольской губерніи, представителемъ которой я имѣю честь состоять, какъ и во всемъ Юго-западномъ краѣ, населенномъ 8.000.000 крестьянъ, идея, положенная въ основу закона 9-го ноября и предложеннаго нынѣ вашему вниманію законопроекта земельной комиссіи, давно уже, еще задолго до 19-го февраля 1861 года, не только вошла въ народное правосознаніе, но и осуществлялась на практикѣ. Такъ что законъ 9-го ноября для этого края имѣетъ лишь формальное значеніе и фиксируетъ только то, что тамъ уже давно существовало. Тамъ всегда существовало и существуетъ подворное участковое владѣніе на правахъ личной собственности, такъ же, какъ и въ Сѣверо-западномъ краѣ, къ каждому акту укрѣпленія приложенъ подворный списокъ домохозяевъ, при чемъ въ этихъ спискахъ отмѣчено имя, отчество и фамилія каждаго домохозяина, указано количество земли усадебной и полевой. Въ теченіе 45 лѣтъ, съ того времени, какъ прекратились временно-обязанныя отношенія, крестьянамъ этого края выданы десятки тысячъ отдѣльныхъ данныхъ на ихъ участки, т. е. то, что теперь имѣетъ въ виду законопроектъ, и однако же, хотя тамъ тоже пьютъ, можетъ быть, не меньше, чѣмъ въ другихъ краяхъ, но ума не пропиваютъ, землю не пропиваютъ и своихъ членовъ семьи не обездоливаютъ. Напротивъ, они пріобрѣли сверхъ надѣла свыше 200.000 десятинъ земли, стоимостью около 40.000.000 рублей. Крестьянамъ этого края совершенно неизвѣстно пьянство всѣмъ міромъ, имъ такъ же, какъ и вообще малороссійскому племени, неизвѣстенъ тотъ патологическій видъ пьянства, который называется запоемъ. Эта прострація духа—запой, непремѣнно возникаетъ только на почвѣ общиннаго угнетенія. Земледѣльческая культура въ этомъ краѣ хотя и далека отъ совершенства, но, однако же, стоитъ такъ высоко, какъ и не снилось крестьянамъ-общинникамъ черноземной полосы. Эта губернія, самая малоземельная изъ всѣхъ въ Россіи, не только никогда не состояла на казенномъ содержаніи, но крестьяне своими капиталами ссужали такія многоземельныя губерніи, какъ Самарская и Саратовская, притомъ капиталами милліонными, и теперь они въ долгу еще. Этими чертами своего характера крестьяне Юго-западнаго края, кромѣ иныхъ всякихъ причинъ, разумѣется, обязаны также и фактору экономическому, заключающемуся въ отсутствіи гнета общины и въ развитіи началъ индивидуализма. Трудолюбіе, бережливость и чувство личнаго достоинства возникаютъ на почвѣ личной самостоятельности возможной лишь при условіи личной собственности».

По тому же вопросу графъ Бобринскій 2-й сказалъ (II, 1, 2274—2275): «Самое сильное мѣсто въ рѣчи депутата Образцова, мѣсто, которому вы не найдете подобнаго въ анналахъ ни одного парламента съ сотво-

ренія міра, это слѣдующее: говоря о крестьянахъ, онъ сказалъ: «теперь они пропиваютъ землю, теперь они пропиваютъ своихъ собственныхъ дѣтей, теперь они пропиваютъ судьбу свою и судьбу своего отечества». Я не крестьянинъ, но я считаю, что это клевета, что это упрекъ, брошенный всему русскому народу, и, какъ стопятидесятимилліонная часть русскаго народа, я эту перчатку поднимаю и говорю: неправда. Г.г., это неправда: у насъ есть доказательства. Развѣ крестьянство западной и юго-западной Россіи не могло продавать свои земли? Оно могло, я вамъ читалъ рѣшеніе Сената. Что, оно пропило свои земли? Что, оно пропило свое отечество? А до отмѣны въ 1894 г. ст. 165, наши крестьяне центральной Россіи могли отчуждать свою землю: пропили они свое отечество или нѣтъ? Это, г.г., факты, а не возгласы, которые я дѣлаю. Нѣтъ, теперь, когда указъ Государя Императора далъ возможность крестьянамъ дѣйствительно заняться земледѣліемъ, устроить свое землепользованіе и землевладѣніе на раціональныхъ началахъ внѣ гнета общины, крестьянство жадно взялось не за водку, а за улучшеніе своего хозяйства. Всѣ землеустроительныя комиссіи завалены требованіями о размежеваніи, объ устройствѣ хуторовъ; пошли разговоры объ улучшеніи сельскаго хозяйства. Теперь настала пора, когда земство уже не будетъ бросать деньги зря на улучшеніе хозяйства въ общинномъ владѣніи, а сможетъ съ пользою примѣнить и трудъ агронома и земскія деньги къ этому дѣлу созиданія; онѣ пойдутъ не въ кабакъ, а на истинное, настоящее земледѣліе, и теперь не время бросать этотъ упрекъ русскому крестьянину. Я слышалъ часто, что упрекаютъ нашу Думу, что мы, Дума, такъ долго обсуждаемъ законъ 9-го ноября; но, г.г., этотъ упрекъ несправедливъ. Развѣ Россія, развѣ общество, развѣ крестьянство не воспитывается на всесторонемъ и глубокомъ изученіи того вопроса, которое раздается съ этой каѳедры. Вѣдь законопроектъ этотъ есть законопроектъ величайшей важности, это есть окончательное осуществленіе великаго акта 19-го февраля, и я счастливъ заявить вамъ, что наша фракція, отъ имени которой я говорю, постановила единогласно голосовать за ст. 2 и, какъ одинъ человѣкъ, будетъ за нее голосовать. А русскому крестьянину я скажу: смотри на Государственную Думу и изучай, что въ ней дѣлается; грядетъ часъ, онъ наступаетъ, когда передъ тобой отверзятся врата храма свободы».

Жизнь показала, что слова графа Бобринскаго не были лишь ораторскимъ пріемомъ. Въ эти врата свободы, открытыя указомъ 9-го ноября, крестьянская среда пошла непрерывнымъ потокомъ. За первые три года дѣйствія закона свыше 2 милліоновъ домохозяевъ, т. е. болѣе 20 проц., заявили о своемъ желаніи воспользоваться новымъ закономъ. Нельзя забывать,

что земледѣльцы, по самому складу своей жизни, являются наиболѣе консервативнымъ элементомъ. И если среди нихъ возникло уже такое настойчивое стремленіе итти по новымъ путямъ, очевидно, что эти новые пути продиктованы неотложными потребностями самой жизни. А согласованіе велѣній закона съ требованіями жизни является основной и неуклонной обязанностью законодателя. Многое простить исторія 3-й Государственной Думѣ за утвержденіе указа 9-го ноября, этого великаго перелома въ правовомъ и хозяйственномъ укладѣ жизни всего государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе 3

I. Единство и нераздѣльность Россійской Имперіи 7
- а) Финляндія 12
- б) Польша 20
- в) Холмская Русь 33
- г) Западный край 96
- д) Кавказъ 136
- е) Русскіе и инородцы 141
- ж) Окраинная финансовая политика 145

II. Государственное устройство 153
- а) Верховная власть и народное представительство . . . —
- б) Государственная Дума и правительство 157
- в) Наблюденіе за закономѣрностью дѣйствій правительства 166

III. Церковь 176
- а) Церковь и государство . . . . . —
- б) Свобода вѣры 187

IV. Развитіе народной самодѣятельности 197
- а) Земскія и городскія самоуправленія . . . . . —
- б) Народное образованіе 219
- в) Общія мѣропріятія 273

V. Возстановленіе военнаго могущества Россіи 288

VI. Судъ 296

VII. Неприкосновенность частной собственности 302

БИБЛИОТЕКА
2845